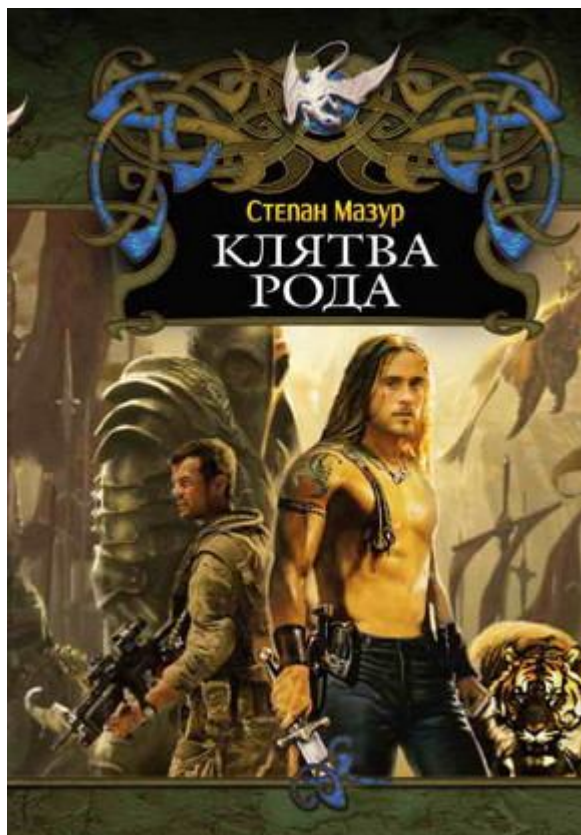

Степан Александрович Мазур

Клятва рода

Цикл Скорпиона – 3

Самиздат http://zhurnal.lib.ru/comment/m/mazur_s_a

Аннотация

«Клятва Рода» — очередной роман о постиндиго Скорпионе. Вместе с названным братом Семой Скорпион продолжает постигать устройство Вселенной, происхождение сил добра и зла. В этом познании помогают великие предки — боги и полубоги, но все же главная сила ребят — в них самих. Бросаясь на борьбу с силами зла везде, где это требуется, они не раз оказываются на волосок от смерти, и только сверхспособности помогают им выжить и победить... Но враг играет на самом уязвимом: любовь, чувство долга и чувство братства могут обезоруживать, как не обезоружит никакой меч.

Степан Александрович Мазур

Цикл Скорпиона-3. Клятва Рода

Часть 1 Сомнение

Грядущее. Тайга

Небольшой водопад урчал, излечивая уставшую душу. Чистый, холодный поток огибал поросшие мхом камни и ниспадал в углубленную столетиями яму. Запах озона носился в воздухе, как во время грозы. Деревья по краям водостока доносили слова ветра и помогали

услышать себя. Двое существ возлежали на мягком ковре проросшего, тысячелетнего дуба, который упал так давно, что давно должен был обратиться в пыль леса. Было мягко и спокойно. Хищники леса знали о присутствии двоих чужаков, но не дерзали приблизиться, даже гнус не тревожил покоя посетителей дебрей. От них почти зримо исходило ощущение внутренней силы.

Первое существо — огромный, двух центнеров веса тигр, приподнял голову от поваленного дерева. Карие, с проблесками жёлтого глаза заинтересованно посмотрели вдаль леса. Левое ухо подёрнулось, словно поймало сигналы за пределами доступного диапазона. Но прошло несколько секунд, и тигр отвернулся. Вновь рыже-полосатая голова легла на передние лапы, потеряв интерес к окружающему миру. Глаза прикрылись, даже хвост застыл неподвижно. Грудная клетка приподнялась, опустилась и дыхание Амурского тигра замедлилось.

Второе существо лежало на спине и смотрело голубыми глазами сквозь кроны деревьев в небо, ибо было человеком и могло ценить природу и физически ощущать те потоки чистой энергии, что давала тайга, взамен требуя лишь одного — сильно не вмешиваться, оставляя круговорот энергий, как есть.

— Коготь, я не чувствую его, — обронил светловолосый мужчина, со сплетёнными в пучок волосами за плечами.

Взгляд продолжал пронзать голубизну неба и редкие белые крепости. Мысли о летающей тарелке на полянке в сотнях метров от водопада отступали. Сёма пытался успокоиться и принять за минуты то, что Скорпион принимал месяцами, годами. Услышать тайгу.

Тигр полностью проигнорировал человека, наслаждаясь природой, забывая все битвы и жизнь на других «этажах» реальности, коих в последние годы ничуть не убавилось.

— Эх ты, полосатый эгоист. — Блондин приподнялся от завалинки и взъерошил тигру шевелюру на голове.

Коготь недовольно оскалился, отмахиваясь от старшего брата хвостом. Второй тотем Сёмы изображал лень и полное игнорирование человека, который являлся фактически не только хозяином тела тигра, но и духа. Хозяином всего, кроме души.

Когда дело касалось сражений, Коготь всегда приходил на зов, но когда Сёма выпускал тотем «погулять», тигр проявлял непокорный нрав.

Семён Корпионов был одет в кожаную куртку поверх серой майки, светлые джинсы и армейские ботинки. Из всех вещей при нём был лишь охотничий нож на поясе. Взял по старой привычке. Припоминались поездки с братом в лес. Может, пригодится, если полоса отчуждения вздумает вновь попробовать на зубок.

— Почему мне надо прибегать к последнему средству, чтобы наш отшельник вышел из заточения? Сколько можно? Пять лет по лесам шарится. В волхвы, что ли подался? Двадцать два года, самый сок жизни, а он берёзки окучивает, — забурчал Сёма. — Меня давно простил. Что было, то было. Так к чему всё это? Того что случилось, не изменить, да и нельзя было по-другому в той ситуации.

Тигр вновь пропустил слова блондина мимо ушей, безмятежно греясь на солнышке.

— Побрею я тебя когда-нибудь, мой полосатый друг, — усмехнулся блондин и сконцентрировался.

Солнечное сплетение разогрелось, волны тепла пошли по телу, кончики пальцев запульсировали. Минуя астральный диалог и сакральный шёпот, Сёма перешел на диалог души. Если от первого и второго можно отказаться, закрывшись, то от нитей Творца нельзя уйти и после смерти.

— Это что ли твоё последнее средство? — пришёл смысловой пакет.

— Ты вынудил меня. Подумай о матери, отце, друзьях, и всех тех, кто тебе доверился. Прерви заточение. И дай хоть на сестрёнку поглядеть. Она же у тебя. Я знаю.

— Ты порвал купол.

— Ну, так покажись и дай мне по морде. Хоть какой-то повод показаться мне на глаза.

На другом берегу водопада появился стройный длинноволосый мужчина с чёрными локонами, плотно связанными за плечами в подобие косы, и переплетёнными синими и красными оберегами. Был он в белой рубаше, штанах и подпоясанный кожаным ремнём. Ноги были босы. Изумрудные глаза светились бледно-зелёным пламенем, скрыв зрачки. Они переливалось с внутренним светом, и человек казался неземным гостем из сна. Он сделал шаг в сторону воды и... пошёл по водной глади. Спокойный после падения с небольшого обрыва поток не мочил и ступней, гладь словно была не мягче январского льда.

Сёма привстал. Несколько осторожных шагов к кромке берега заставили напомнить все события почти пятилетней давности. И меч Родослава в Пустотах был готов лечь в руку при первом требовании. Если брат не изгнал из себя ЭТО, рука не должна дрогнуть. Иначе...

«Как там говорил Меченый, пригодится, и секира, и меч? М-да, Меченый много чего говорил в последнее время».

Но огонь в глазах брата не были огнём жажды убийства. Умиротворённый спокойствием, Скорпион стоял напротив и смотрел, словно сквозь. Или видел насквозь.

«Да сколько ж он ступеней за это время прошёл? Я не смогу и ранить. Но я должен... Должен... Должен вернуть его», — думал Сёма, разглядывая человека с пылающим зелёным огнём взором.

Тот, кого при рождении назвали Сергеем Корпионовым, преодолел водную преграду и перешёл берег. Огонь в очах потух, и зрачки вернулись на прежнее место, став по-человечески привычными. Широкая, добродушная улыбка заняла лицо.

— Добро здравствовать, брат, — первым обронил Сёма.

— Здравь будь, кровник.

«Интересно, кровный брат или кровный враг?»

Обнялись, пробуя ширину плеч и крепость мышц под одеждой.

Тигр приподнялся с бревна и приблизился к лесному человеку. В жёлтых зрачках блеснула заинтересованность.

Рука Скорпиона прошла по холке. Сёма хмыкнул, когда Коготь едва не прикрыл глаза от удовольствия. Прикосновение тигру было жарким и приятным. В ладони человека чувствовалась мощь. Тигр отдалённо припоминал образ лесного отшельника. И слал ощущения Хозяину, что человек, им повстречавшийся не враг. Почему же хозяин так настороже?

«Всё-таки, брат».

— Исцелился, — облегчённо вздохнул Сёма, ощущая мысли тотема. — Скорп, пора за работу. Человек на Марсе — не та высшая планка, которую мы собирались достичь. Ты нам нужен не только как советчик. Люди хотят тебя видеть. Во-первых, потому, что мы и этой планки не достигли...

— Советчик?

— Ну, эти приказы из тайги. Мистерии твои, откровения. Мы всё получали.

— Сём...

— Что?

— Я не давал приказов.

— Да с мягким знаком. Кто давал?

«Конечно, ты не давал, но давай сделаем вид, что все мы балбесы, и Меченый чуть успокоится», — подумал Сёма.

Сергей припомнил слова брата по матери, сказанные Меченым в обмен на небольшую услугу пять лет назад.

«Так вот что он имел в виду. Доносить Антисистеме „мои“ мысли, пока я отсутствую», — подумал Скорпион.

— Я говорю тебе, ДОВОЛЬНО!!! — Крик Скорпиона прокатился по лесу. Но не для Семёна, зверья и деревьев был он предназначен.

Услышал этот крик за много тысяч километров совсем другой человек.

— Вот и славненько. — Послал Сёма смысловой пакет. — Теперь, когда твой братец

думает, что мы с точности выполняли его указания, он сделает следующий шаг.

— А вы не выполняли?

— Помнишь, когда-то ты сказал, что ты — не весь Совет. Ты только половина голосов. Так вот, больше шести маршалов были несогласно по множеству вопросов с «твоими» приказами. К тому же Рысь ненавязчиво после каждого спора подталкивал Совет в ту или иную сторону. Но иногда, надо признаться, Меченый давал вполне сносные решения. Мы даже не сразу видели последствия...

— Много разгребать?

— Хватает.

— Что ты про Марс говорил?

— Юса не долетела.

— Не пустили?

— Ну... не то, чтобы не пустили...

— Не тяни смысловый пакет. Это клинит отстающий мозг.

— В общем, я только что с орбиты. Довольно странный случай произошёл. Лечу я, значит, на тарелочке своей вблизи спутников ГЛОНАСС, никого не трогаю, Дмитрию машу рукой. Они на космодроме всё видят, всё снимают.

— На тарелке?

— Да, на тарелке. Возле купола валяется, поле, генерируемое её для преодоления физических законов, прошло сквозь ваш купол, как сквозь воду. Так бы никак. Против своих ты защиту поставил первоклассную.

— Сёма...

— Да, ладно. Понимаю. Не перебивай. Значит, забрал я с космодрома у отца тарелку.

— Свободного? Как она туда попала?

— Да. Ну, я её ещё раньше её у юсовцев умыкнул, когда с братишкой твоим поспорили, успею или нет.

— Куда?

— Тебя спасти.

— Успел?

— Хватит винить меня в её смерти! Я сделал то, что должен был. И больше не ломаю голову, подстава это Меченого с молчаливого согласия всей твоей родни и прочих игроков сюжетов истории или мой путь. Если бы могли вернуться к тому моменту, поступил бы точно так же. Потому что не во мне дело. Это был её выбор. Золото вложил в её руки оружие, но удар она нанесла сама.

Сёма приготовился к битве. Ладони разжались. Лишь успеть отскочить от первого удара и заставить информацию меча и секиры воплотиться в физическом мире вновь, достать из себя. Ну а потом бой будет почти на равных, пусть даже брат с голыми руками. Кровь у него в жилах с превосходством, как-никак.

Удара не последовало. Сёма, заставляя себя вновь быть собой, контролируя страх, выдохнул и продолжил слать пакеты.

— Вижу, забрал я тарелку, взмыл в небо. Переборщил. На орбиту выкинуло. Не привык к управлению. А хорошая мысль перенастроить восприятие корабля с их вида на наш, человеческий, пришло после.

— Ты подчинил себе их управление?

— Эй, у нас мышцы тоже могут крутить колёса.

— Подчинил собственному контролю, значит. Силён, братец. Продолжай.

— Взмыл в космос. Вижу, летит наш землянский кораблик. Ну, юсовский. Чахленький такой, словно из лего собранный. Сначала вроде ничего, а потом в бок накренился и на детальки распался. Ну, действительно, словно из конструктора китайского. Сейчас, наверное, часть деталей на околоземной орбите, часть в космос улетела, а последнюю часть Антисистема с НАСА наперегонки со дна морей собирают.

— Так что же случилось?

— То ли Дмитрий системе истребителей спутников неправильно команду какую с горя дал и металлические шарики диаметром полтора сантиметра в количестве нескольких тысяч на скорости прошли обшивку корабля, то ли я такой балбес, что забыл, что система управления моей тарелки настроена по большей части на мыслепередачу. Ну и подумал в сердцах такое, от чего у юсовского корабля все движки оплавились. Дмитрий, наверное, тоже подумал и не на ту кнопку там, на Космодроме нажал.

— Сёма, уничтожать корабли, преследующие одну с нами цель — вырваться за пределы родной планеты в физическом плане — не хорошо. Даже корабли конкурентов. Думаю юса тебе понятнее, чем инопланетные формы жизни.

— Да ты не парься. Свои конечно понятнее. Но дело вот в чём, мы бы за это всё возможно поплатились, но всех прикрыло следующее событие. Приборы тарелки зафиксировали за секунду до моего и вмешательства нашего отца яркую вспышку на Луне. По большей части на обратной стороне. Но то, что я успел заметить со стороны, на видимой части, хватило, чтобы предположить, что по кораблику кто-то шмальнул. Так что мы только добили. Кто-то успел раньше.

— Надзиратели. А что с нашей космической программой?

— Нашей? Что-то в этих словах есть. Если всё пойдёт по плану, летит через два года. Если только тайконавты не наступят на пятки больше, чем обычно.

— Тайконавты?

— Раньше я не понимал, зачем Китаю подарили ядерное оружие, теперь не понимаю, почему выпустили в космос. Короче, Скорп. Дела у нас. Хватит сидеть в своём болоте. Тепло конечно, привычно, но запах... Каждый из генералов стал слишком самостоятельной фигурой. Ты знаешь, чем это грозит, без идеологической поддержки. А старый костяк Совета прохудился. Даня переработался, Кот со своим детским садом паранормов отдалился, Василия замкнуло на работе синдромом трудоголика, Дмитрий не вылезает с космодрома. Мне продолжать или ты ужепустишь слезу?

— Обо всём по порядку и не здесь.

— Ага, совесть замучила!

— Рыси сам о куполе расскажешь.

— Обидится?

— Нет, просто твою энергию заберёт на восстановление.

— Зачем восстанавливать? Нам же ещё обратно лететь, снова порвём.

— Сёма, эта территория сакральное место. Место выхода силы. Через какое-то время, когда Рысь наберёт столько энергии, что сможет преодолеть свой потолок, ограниченный силами Отшельника и Волхва, он сможет стать младшим демиургом. Младшим богом, если так понятнее. А они привязаны к местам своего «кормления». Потерять это место, значит лишиться контроля. Силы без контроля... Этого лучше не видеть.

— Гм, я снова поторопил какие-то события?

— Эх, Сёма, Сёма.

— Но здесь раньше жил твой дед.

— Дед должен был стать демиургом, но не успел. Не сил не хватило, а не успел. Энергию надо копить долго, её требуется много. И потому источники этих энергий охраняются больше жизни. И купол, ты не видишь, но я чувствую, уже зарастает. Рысь работает. Но на мгновения каждый из Пятнадцати, или сколько там их в живых осталось, после наших походов, они по идее должны перевыбираться для баланса, заглянул сюда. И оценил возможности врага. Точнее количество энергии, что тот накопил.

— Они так и делают, копят силы со своих территорий и потом используют её против друг друга?

— Атака, защита или в запас. Год от года, столетие за столетием. Но никакого баланса. Когда Сильный захватывает несколько источников сил, он становится сильнее. То есть у него больше энергии для своих «ходов».

— Он может прессануть слабого, пытаясь забрать его источник, атаковать

догоняющего и ещё немного отложить в каморку? А потом ещё и младшим богом стать?

— Вот поэтому, такие, как Родослав, Миромир и Меченый следят, чтобы кто-то не уходил далеко вперёд.

— Но за тысячи лет, видимо, это надоедает. Схемы, наверное, повторяются.

— Нам по двадцать два. И мы понятие не имеем, как и о чём могут мыслить ТАКИЕ опытные люди.

— Так нас тогда всех использовали как пешек.

— Возможно.

— А ещё родня.

— Родня по мыслям ближе.

— Но не всегда крепче.

— Но ты же прилетел.

— О, от меня не так-то легко избавиться. Вопрос можно?

— Валяй.

— Рысь. Ему чуть больше тридцати только и уже кандидат на демиурга?

— Младшего.

— Большое различие со старшим?

— Как у Старшего с Творцом.

— Мой мозг не способен это сравнить. Ты бы на примере муравьёв и слонов.

— Не упрощай.

— Значит, он стал Отшельником для собирания энергии и теперь копит её тихонько под куполом для рывка.

— Почти так.

— Так дед берёт это место для него?

— Возможно.

— Тем не менее, бонус этого места оказался таким, что на место одного из Пятнадцати не нашлось никого сильнее.

— Именно.

— И сильно я получу за сорванный купол?

— Соразмерно содеянному.

— А ты, значит, за баланс?

— Кто, если не я?

Смысловые пакеты закончились. В реальном мире прошло секунд двадцать, две трети из которых заняло ожидание нападения между невербальными диалогами.

— Ладно, давай руку, пойдём, — Обронил Скорпион вполне вербально.

— Зачем руку? Я давно вроде не маленький. Или ты так рад меня видеть, что решил проявить братские чувства в такой крайней форме?

Скорпион, смеясь, взял за руку. По брату соскучился не меньше, чем по матери.

— Не тупи, Сёма. Просто так быстрее. — И положив вторую руку на голову Когтя, все трое исчезли.

Тигрица Марта задумчиво посмотрела из кустов на опустевшее место и тихо вздохнула.

Запах другого тигра остался витать в воздухе и манил, как медведя мёд.

Настоящее. Атлантический океан

Серая птица лишилась управления и разрежала небо одинокой, дымной линией. Металлический монстр класса «Боинг» последней модели больше не подчинялся ни первому пилоту, ни второму. Экипаж не мог объяснить отсутствие связи с землей. Силовой кокон окутал корпус машины, и все двигатели вышли из строя. Всё что оставалось делать самолёту без управления и мощностей — падать. Чем он и занимался, всё ближе и ближе приближаясь к поверхности спокойного океана. Светлого и солнечного, какой и должна казаться дорога в рай после падения...

Кислородные подушки и спасательные жилеты не спасли пассажиров от гибели. Самолёт, с высоты более чем десяти километров, с такой силой ударил о водную гладь океана, что корпус развалился на несколько частей. Хвост и задняя часть самолёта успели вспыхнуть недожжённым в баках керосином, прежде чем пошли ко дну. Но этот прощальный всполох ритуального огня вряд ли кому повредил — люди погибли при столкновении. Силовое поле добавило мощи, приложив конструкторское изделие о поверхность с утроенной силой.

Непотопляемый мусор всплыл с салона и закачался на волнах. Всякая мелочь: части кресел и обломленное с двух сторон крыло с внутренними пустотами медленно расползались по океану, подгоняемые течением. Среди мусора всплывали тела тех, кто успел надеть жилеты. Кровь быстро растворялась в солёной воде и акулы за десятки километров уже знали, где будут пировать.

Над одним из тонущих частей корпуса материализовалась тело, нелепо шлёпнулась о воду, и ухватилось за тонущий кусок металла. Крик смешался с бульканьем в воде:

— Будь ты проклят, Мёртво! Ты за это ответишь!

Этот странный пассажир, кривясь от боли в отшибленной при падении спине, набрал в грудь больше воздуха и нырнул в морскую гладь. На поверхности показался же спустя три с половиной минуты. И не один.

Парень с татуировками скорпиона и орла на предплечьях вытащил брата из воды и затащил на обломок крыла. То не собиралось тонуть, выглядывая из воды, забитое полостями воздуха внутри.

Давить на грудь на крыле, что плохо держалось на воде и грозило перевернуть пассажиров, а то и вовсе пойти ко дну, едва начнётся хоть малейший шторм, было неудобно. Вихрастый дрожащими руками подтянул к себе тело брата, обхватил грудь и сдавил. Затем ещё раз, крепче.

Из лёгких блондина брызнула вода. Затем тело странно затрясло, словно от электрического разряда. От рук к груди пошло тепло. Диафрагма сжалась, надавливая на лёгкие, разряды запустили остановившееся сердце. Отдельным потоком энергия устремилась к мозгу, чтобы лишённые кислорода клетки не спешили умирать. Без контроля со стороны хозяина они безвозвратно умрут и тогда спасение напрасно. Тело жить будет, откаченное, а вот бывшее сознание угаснет.

Губы черноволосого побелели, словно от обезвоживания или слабости, а спасённый открыл глаза. Зрачки расширились — не мог дышать. В лёгких по-прежнему оставалось немало воды, а чтобы закашляться требовался воздух, который никак не хотел проходить внутрь. Паника возобладала над спасённым.

— Замри! — Послал Скорпион.

Невербальная, воплощённая в слово, повелительная команда тараном прошла по сознанию. Блондин остановился, умиряя страх. Скорпион схватил за шею, подтянул к себе и прокачал в лёгкие немалую порцию воздуха. Искусственное дыхание позволило вытолкнуть из лёгких остатки воды.

Спасённого стошнило остатками завтрака и морской водой. Желудок отчистился, забрав последние силы. Обессиленный Леопард распластался по крылу и отключился. Рядом отключился истощённый спасатель.

Океан, словно в раздумьях, кидал кусок крыла по волнам, намереваясь то ли потопить, то ли выбросить на берег. Старики Посейдон и Тритон ещё не решили, что делать с жертвами искусственной катастрофы.

Свершённое
6500 год от Сотворения Мира. (992 от Рождества Христова)
Окраина Переяславля

Сёма очнулся посреди поля. Тела не ощущалось, и морской плот был где-то далеко.

Блондина после клинической смерти выкинуло в дебри родовых снов или астральных наведений. Сёма, в отличие от Скорпиона, в этом не слишком разобрался. Судя по рассказам брата, это была проекция прошлого. А по ощущениям так и вовсе, словно сторонний наблюдатель.

«Неужели каждый момент прошлого сохраним? И вселенная помнит всё, что когда-либо происходило? Но для кого эта память? Или прошлое и будущее так же неразрывно связано, как всё в зримом и незримом мире? Если всё связано и предопределено, Творец когда-нибудь устанет от бесконечных повторений бесконечных комбинаций прогнозируемого мироздания. Или когда Великий в депрессии, за дело берётся Хаос?»

У стен незнакомой крепости, на большой поляне, друг напротив друга замерли противоборствующие рати. Одна, что больше, сплошь состояла из конных. Всадники были облачены в лёгкие, кожаные доспехи. Через плечи были перекинуты короткие луки и ятаганы, да редкие булавы были подвязаны у сёдел, рядом с округлыми щитами. По школьному курсу и рисункам в учебниках, Леопард признал степняков. То ли хазары, то ли половцы, а может и вовсе печенеги. Свита лучших телохранителей сгрудилась вокруг чернявого предводителя. Он посмеивался и переговаривался со своими. Видимо, предстояли переговоры, но войско на случай их неудачи, вооружалось и готовилось к битве. Луки легли поперёк сёдел и тулы за плечами были полны коротких стрел.

Вторая рать была более знакома глазу: длинные волосы торчат из-под яловидных шлемов, широкие плечи несут кольчугу, в руках топоры, мечи, булавы, реже луки. Русовласые, светловолосые, хмурые русичи. Частью конными, частью пешими. В небо взмывает стяг с бородатым мужиком в ореоле света и нимба. В центре войска хмурый, бородатый князь в сияющих неполных доспехах. Шлем и сбруя сияют золотом, глаза странно пустые — витает мыслями где-то далеко.

Сёма заинтересованно захотел приблизиться к русичам, но от обоих войск отделились представители-дипломаты. По трое. Один впереди и двое чуть поодаль. Сёма не особо удивился, когда оба приблизились к тому месту, где он стоял, и застыли в пяти шагах друг от друга. Первым заговорил моложавый степняк с серьгой с красным камнем в ухе.

Сёма понял каждое слово.

— Печенежский князь мудр. Не обнажая мечей, решит он исход битвы. Велит он Владимиру: «Выпусти ты мужа своего, а я своего, пусть борются». Как наш победит вашего, данью откупитесь.

Седой воевода, правая рука Владимира, загудел густым басом:

— Не престало собаке велеть Красно Солнышко. Как наш богатырь поборет вашего, по конурам попрячесь.

Моложавый засмеялся:

— Кто богов своих предаёт, силы теряет. Так и вы, русичи, слабы теперь.

— Не слабей степных псов, что и крова своего не имеют. Мы же дома имеем и будем защищать их, не жалея животов.

— Нет при вас больше Святослава, погубит вас Владимир. Сегодня богов меняете, завтра ножи друг другу в спины вонзите. Погубит вас далёкий бог незнаемый. Как можно мёртвому кланяться?

— Больно длинный у тебя язык — жизнь укоротит. Чего попусту молоть? Пусть всё решит поединок. Выбирай оружие, а там и посмотрим, наш распятый возьмёт или ваши живые.

— Мой князь выбирает битву без оружия. Пусть могучие воины борются один на один. Сам на сам, по-вашему.

— Быть посему, — отрезал воевода, и дипломаты развернули коней.

Сёма, как бесплотный дух полетел следом за воеводой.

«Владимир? Византийский агент уже надумил принять христианство и в мнимом величии князь рассорился с побратимами? Эх, а ведь ещё с десятков лет рука об руку на Константинополь ходили. Оттолкнул от себя степняцкую конницу, что как остриё копья

служило прошлым князям. Бр-р... и когда я уже начал рассуждать, как Скорпион?».

Воевода, добравшись до Владимира, с ходу бросил:

— Бороться желают. Выбирай кого из дружины, кто в борьбе умел.

Едва слова воеводы прокатились по строю, как со стороны печенегов вышел в поле могучий богатырь, поперёк себя шире. Голая грудь, волосатая, как медвежья, перевита жилами. Вышел в поле, покачиваясь. Умелый глаз зрел поступь могучего борца. Видно по тому, как переступает, словно медведь перекачивается. Одет в одни лишь портки, ноги босые. Выглядит великаном. Степняк выделялся не только среди собратьев, но и на фоне рослых русичей возвышался почти на голову, если поставить всех в ряд.

Сёма расслышал по рядам шёпоток дружины:

— Богумир...

— Знатный борец...

— Со Святославом на Царьград ходил...

— Воротился без царапины...

— Заговорён, не иначе...

— И печенегов едва ли не единственный воротился...

— Эх, в дружине Святослава знатные борцы сгинули...

— Волхвы бы указали на борца, да нет больше божьих посланников...

К князю пробился сухонький старичок, залепетал, кланяясь:

— Княже, вели слово молвить!

— Ты почто, холоп, на колени не падаешь?! Али не христианин?! — Взревел бородатый лысый мужик подле князя в чёрной рясе и жирный, как не престало человеку, что должен держать себя в узде. Конь под ним едва спину не прогибал.

Старичок упал в ноги коню, достал из-за пазухи деревянный крест, лопоча:

— Как можно, святой отец, христианин. Как есть, христианин. И ноги распятую целую и на коленях перед старшими... Бог поставил людей в разные условия: одним кланяться, другим поклоны принимать. Одним слушаться, другим поучать, слово божье нести нам, неучам малограмотным.

Сёма услышал звуки сплёвывание среди рати, недовольный шёпот. Родные боги издревле другому учили — почитанию мудрых, равенству и уважению к тем, кто проявил доблесть, кто делами своими заслужил похвалу и честь. А грамоте волхвы учили всех желающих, коли желание было, и к тому стремление. Но, то ли не слышат старые боги, то ли Дый глаза на повязку набросил. Не видят, что с внуками их делается и позволяют учителям-волхвам на кострах гореть, да под лезвиями кровью истекать, когда в диспутах с чёрнорясенными у тех слова заканчиваются.

Не все ещё приняли нового бога и не свыклись с унижением. На их лицах читалось, что князь теперь всех вокруг в грязь вбивает, а новую свиту свою превозносит. А на лице князя читалось — который недовольно посмотрел на сплёвывающих — что в бой радители старой веры пойдут в первых рядах. Так скоро и сгинут, забираемые в Ирий детьми Рода. Если вначале в дружине христиане были в диковинку, то со временем состав обновлялся.

— Говори, раб... божий, — без эмоций ответил Владимир.

— Сын мой меньшей, борец добрый. С детства положить на землю его никто не мог. Вели ему бороться. Твоего слова не ослушается. А коли не веришь, испытай его.

И старичок, подскочив с колен, подбежал к строю и выхватил за руку ничем не выдающегося мужа. Был парень в светлой рубахе и кольчуге поверх её. Отдёрнул он руку старика и отбросил с презрением:

— Не отец ты мне, прихвостень иудейский. Умер отец мой, а тебя леший привёл. Нашёл бы того лешего — как есть убил бы.

По строю прокатился здоровый, раскатистый смех. Плечи подтянулись, спины расправились. Словно светлее стало.

Священник новой веры поднял к небу здоровый золотой крест, инкрустированный драгоценными камнями, заорал, брызжа слюной:

— Ты борец? Да этот старик больший борец, чем ты!

Дружина снова поникла.

— Испытай его, великий княже, — процедил сквозь зубы старик с земли.

— Ведите быка. — Ровным голосом приказал Владимир, поглядывая на нетерпеливых степняков. Те начинали разогреваться недовольными выкриками. Ждать не любили.

Гридни стеганули коней к стенам Переяславля и через некоторое время смерды вели в четыре руки здорового чёрного быка. Глаза того были красны и размах рогов поражал.

— Победишь быка, выйдешь против степняка, — обронил воевода борцу.

— Не велика честь животину заломать. Почто тварь родовой мучить? Не велит бог, кабы не обряд, — раскатисто обронил борец и скинул кольчугу, оставшись в рубахе, да закатав рукава.

— Так и скажи, что борец только на словах, — хмыкнул священник. — Может бог твой и слова твои подтвердит?

Борец лучезарно улыбнулся и подошёл к быку. Дружина расступилась, давая круг для боя. Смерды опустили верёвки и разбежались.

Бык вырвал копытом дёрн земли и ноздри выпустили тяжёлый воздух. Борец хлопнул в ладоши, растёр ладони и пошёл на быка. Дал бык резвый старт на жертву и Сёма едва не вскрикнул, когда рога почти что поддели мужика. Борец извернулся, обхватил одной рукой за рог быка, а другой рукой схватил за мохнатый бок. Рогатый застыл, затем взревел — в руке борца оказался кусок бока: кожа с мясом и обломки ребёр. Внутренности посыпались наружу. Жалобный вскрик копытного прокатился по округе, бык припал на колени и завалился в траву, истекая кровью. Борец обошёл быка, взял за рога и, шепча, вывернул шею, избавляя животное от мучения долгой смерти.

Борец повернулся к князю и бросил кусок мяса под ноги коню. Коника повело в сторону и гридням пришлось подскочить к Владимиру, чтобы удержать.

— Знатный борец, — обронил Владимир. — Иди и принеси нам победу.

— Не буду драться, — сухо обронил борец.

— Отчего же? — донеслось от воеводы.

— На кой мне за чужого бога жилы рвать? Нападут, буду биться, а пока стоят, чего мне в битву лезть?

— Так не за бога дерись, за князя своего, за землю родную. Переяславль отдадим, ещё придут. — Перебил отец борца. — Не те они уже, что при Святославе. Осерчали.

— Не буду драться, пока князь не поклянётся, что не заставит меня ни сейчас, ни когда клятву новому богу давать. Пусть позволит мне держаться старых устоев, — обронил борец.

— Да как ты смеешь, смерд?! Головы лишиться захотел! — Вскипел священник. — На колени и моли о пощаде!

— Не престало русичу на коленях стоять. А за Рода и головы не жалко. Ты же за своего бога волхвов рубишь, на кострах палишь, так и я за своего голову оторвал бы тебе, кабы ты не подле князя был, кабы не клятва. Только клятву я давал старому князю, Владимиру, а не Василию, как ныне зовётся крещёный. Смотри, монах, могу и передумать.

Воевода взялся за меч, дёрнул коня.

Борец рванул рубаху и, обнажив грудь, приблизился к воеводе:

— А руби ты меня, воеводушка. А не буду биться!

— Упрямый чёрт! — обронил воевода, сдавливая эфес меча. — Ума нет, и не будет. Нет больше старых богов, за что умирать собрался?

— Как же нет, когда по-прежнему светит солнце Ярилы, дует ветер Стрибога, гремит гроза Перуна? Я есть, значит и боги есть. Не паду на колени и биться не выйду, пока князь слово не даст, что не будет заставляя окаянный крест надевать и православие на правоверие менять¹.

¹ Родоверие в старину называлось православием, (правильно славящим богов). Радетели новой веры называли себя правоверными (правыми в вере). Позже проповедями людей запутали, и христиане стали

Владимир вновь посмотрел на борца на другом конце поля. Печенежская рать с минуты на минуту грозила броситься в битву. Борец верное время выбрал, чтобы требовать. Либо дружину в крови утопить, либо пойти на уступки. Оставить смерду жизнь — значит дать выбор дружине: переходить в новую веру, али держаться старой, а отрубить дерзкому голову — значит броситься в безнадёжный бой.

— Коли нет мозгов, держись своих богов, — обронил Владимир, а глаза досказали недосказанное: «Да проси защиты, чтобы не прирезал тебя лихой человек не сегодня, так завтра».

Борец вновь расплылся в лучезарной улыбке, и смело пошёл сквозь расступившийся строй на поляну, где печенежский богатырь уже поносил русичей, за то, что растеряли храбрых людей, за то, что новому богу храбрые и вольные не нужны, только рабы и смиренные.

Оба сошлись посреди поля.

Печенег был выше на полторы головы и шире в плечах, а русич держался правды и верил своим богам. Обхватили друг друга, и сдавил печенег так, что едва не хрустнули рёбра русича, дыхание остановилось и лицо покраснело от напряжения. Давил, давил печенег, да не падал замертво русич, а как чуть ослабил хватку, так сдавил русич. И хрустнули рёбра печенега и потекли по губам багровые ручейки.

Пал печенег замертво и дрогнуло войско на той стороне поляны. Подались кони вражины от стен Переяславля и не возвращались больше печенеги к градам русским.

Так Сёма узнал, как Владимир Святой, «не потеряв ни одного человека, отогнал врага от земель русских».

«Так вот почему двоеверие ещё несколько сот лет гуляло по Руси. Неужели действительно те, кому писанная нужными людьми история присвоила эпитеты „Великий“, „Святой“, „Мудрый“ на самом деле не таков?», — подумал Сёма.

Атлантический океан Некоторое время спустя

— ...Знаешь, у каждого нет денег на разные цели. У кого-то на хлеб или проезд в автобусе, у кого-то на автомобиль, катер, самолёт. Вот у тебя на что нет? — Сгоревший на солнце черноволосый юноша с длинными, растрёпанными локонами повернул голову к названному брату.

— Да что я? Ты у Билла спроси. Или этого... как его... мексиканца. Не помню Ф.И.О. к сожалению. Он уже богаче Гейтса. На нефти поднялся. А я чего? Я так, живу потихоньку, помаленьку. На патроны хватает, да и ладно, — ответил голубоглазый блондин, кривясь от зуда в шелушащихся губах. Морская соль разъела, и палящее солнце не способствовало заживлению.

— Да и у этих много на что нет. Сам посуди. На покупку Юпитера нет, на билет до Дальнего космоса нет. Даже на бессмертие и то не хватает.

— Бедолаги, — протянул блондин, ощущая, как кристаллики соли забили все поры в коже и тело вопит о пресном душе. Соль полезна для организма в ограниченных количествах. Когда же происходит перенасыщение, организм начинает чиститься. Если же возможности чиститься нет — происходит сбой.

Разговаривать о становлении новых вер после сна не хотелось. Чем больше проходит времени, тем менее кровавы тираны и тем длиннее у ангелов крылья, а про святых великомучеников и чудотворцев и говорить нечего — чисты, как слеза младенца.

Болтовня двух бывших пассажиров рейса Москва-Нью-Йорк должна была происходить

в аэропорту делового центра Штатов вместе с двумя сотнями прочих пассажиров, но вместо этого седьмой час бороздили волны на обломанном куске крыла самолёта среди бескрайней морской глади.

— Ну как тебе ощущение клинической смерти? Куда тебя приписали за три с половиной минуты? — Вспомнил Сергей. — Ад? Рай? Что показал тебе мозг, напичканный постулатами?

Сёма взгрустнул, плечи поникли. Весь как-то уменьшился в размерах. Печально обронил:

— Там, по крайней мере, тепло. Не такая жара, как здесь. Просто тепло. И на свет не скупятся. Ангел-хранитель только снова взъярился. Станный какой-то. Крыльев нет, рогов тоже.

— Крыльев нет потому, что ты знал, что крыльев у них никогда и не было, и твой контуженный разум не дорисовывал ничего лишнего. С рогами сложнее. Понимаешь, изначально демон — дух земли, защищающий планету от энергетических вторжений. Это ещё до того момента, как под влияния падших гелов попали. Я поражаюсь человеческой фантазии. Не поскупились на краски в описании всех мук ада тем, кто будет иметь своё мнение.

Сёма забыл про смерть — не умер, да и ладно. Чего о ней грустить?

— Скорп, а почему Владимир христианство выбрал?

— Выбрал потому, что они взяли всё лучше на тот момент: краски, фреска и архитектурное величие забивает рецептор зрения, ладан обонятельный, сводчатое строение принижает дух всякого входящего в здание. Свечи — огонь. По-моему не было народов, которые не любили бы и не почитали огонь. Разве что африканские... Золотом расписано всё — символ богатства, а значит величия. Бояре с радостью повелись на сверкающие штучки.

— ... Колокола с востока, маковки с символа Рода, красу в Византии, а книгу, идеологию и структуру подчинения, у иудеев, — продолжил Сёма. — И поощряют употребление алкоголя при каждом причастии. Если здоровому мужику «крови христовой» нужно много, чтобы опьянеть, то младенцу ложечки — как тому мужику стакан спирта. В какого здравомыслящего субъекта превратиться ребёнок, которого еженедельно причащают на службах? К тому же, если тебе каждый день внушать, что ты изначально греховен, в возрасте разовьётся комплекс неполноценности и всё — хватай голыми руками.

Скорпион улыбнулся:

— Но знаешь, почему страна простояла тысячу лет?

— Стойкие люди? Подстройка обрядов, часть языческих обычаев и праздников осталась неизменной? — Посыпал предложениями блондин.

— Это тоже, но мало кто знает, что у нас своих три Христа были. Раньше, до четвертого века под этим словом понимали «спасителя». И никому и в голову не приходило связывать его с малоизвестным Иисусом Христом с Галилеи. До времени его пиара было ещё далеко.

— Трое? О чём ты?

— Первое воплощение — Крышень. Второе — Коляда, третье — Бус Белояр. В разное время, до и после начала новой эры, нового летоисчисления. И когда миссионеры шагали по землям всего известного мира, народу было просто принять весть о спасителе. Ведомые религиозными мировоззрениями с ведических начал, многие племена сохранили память о спасителе. Его и не думали помещать на крест, на распятие. Крест вообще святой знак солнца тысячи, десятки тысяч лет. На солнце с прищуром посмотри.

— У-у-у, понаплетёшь тут сейчас.

— Да если бы врал. Ты знаешь, что церковь беспощинно торгует табаком и спиртным? А протестанты контролируют наркотрафик. Эй, эй, не делай такие круглые глаза. Ты же знал, что когда Великобритания имела колоний на половину планеты, весь опиум проходил через её руки. Думаешь, с тех пор что-то изменилось? Нет, королевская семья по-прежнему неплохо поднимает с порошка, тактично улыбаясь в объективы камер и

фотоаппаратов.

«Кровавая эпоха становления единоверия закончилась... И чёрт с ней, честно говоря», — думал Сёма и пытался вникнуть в слова брата. Его откровения иногда не укладывались в голову. Но как-никак все веры теряли смысл и переходили на новый уровень, едва первые корабли колонизируют ближайшие планеты. Космическая эра должна быть более человеческой.

— Скорп, какой смысл в ступенях и астрале, если не можем применить сейчас ни первого, ни второго?

— Плавая в акватории вод Испании шансов выжить больше, чем разогнав разум до ступеней Творца, дожидаться второго удара Мёртво. Он будет последним ударом.

— Что ему делать в Испании, если он в Лондоне? Ну ладно самолёт подбил, наплевав на договор, но сейчас-то он что может? Испания от Англии не на другом конце света, но и не в двух шагах.

— Сём, у тебя что по географии было, красnodипломный ты обладатель двух высших образований?

— Напомни мне тебя ударить.

— Только если поймашь чудо-щуку, достанешь волшебную палочку или... рыбки, Сёма, рыбки... Солёненькой.

Сознание нарисовало то, о чём мечтал в последнюю в жизни очередь, и блондина снова вывернуло наизнанку.

— Хватит тут акул травить. — Для порядка буркнул Скорпион. — И так ни одна рыбка не запрыгивает к нам на крыло. Потравили всех нефтяными пятнами. Даже дельфинов не осталось. Это раньше в древнегреческих эпосах ко всем терпящим бедствие преставали. Либо дельфины, либо акулы. А сейчас что? Тоска одна.

— Придержи коней, так что там с Испанией? Пока ты меня поднимал со дна океана, поменялась карта мира?

Скорпион лежал на крыле, подставляя лицо сползающему за горизонт солнцу. Ощущал, как кожа из малинового, медленно остывает в сторону коричневого. Невесёлые мысли клубились в голове.

«Едва скроется солнце, как начнёт знобить. Укутаться не во что, так что придётся туго. Вдобавок, вода постоянно смачивает спины, ноги, не давая высохнуть и согреться, да избавиться от соли. Скоро кожа начнёт бунтовать. Ко всему прочему организм начнёт чистку и истратит последнюю драгоценную жидкость. А если постоянно пить понемногу морскую воду, протянуть можно дольше, но чистка начнётся раньше. Замкнутый круг. И если и третий многопалубный лайнер пройдёт в каком-то километре и снова не заметит обрывок крыла с двумя терпящими бедствие, то Мёртво может победить. Хотя, возможно он и отводит глаза. Никто не знает пределов силы Эмиссаров. Будут ли эти поисковые патрули или он уже замял дело, заставив поверить, что все погибли. И даже если нас найдут, передадут в руки ему. Даже если сбежим, он будет знать, что живы, и не успокоится, пока не завершит дело».

— Нет, просто если самолёт упал чуть севернее Испании, или, на худой конец, Португалии, то течением нас отнесёт к Англии, — вспомнил о разговоре с братом Скорпион.

— Гольфстрим?

— Не делай такую рожу, словно ты не любишь тёплые течения. Мне было бы сложнее нырять за тобой, будь температура воды ниже. Хотя с другой стороны мозга бы больше сохранилось!

— А как мы вообще выжили, когда самолёт с десяти километров рухнул о водную гладь, что по плотности с такой высоты для куска железа стала сама подобна железу?

— Пустоты.

— Что пустоты?

— Я засунул нас в Пустоты, как показал Родослав.

— Почему из-за каких-то Пустот Мёртво получил право на падение самолёта? Не такие

уж и прикольные эти Пустоты, раз я едва не захлебнулся... Точнее, совсем даже захлебнулся.

— Вместе с мечом нам обоим было во мне немного тесновато...

— Нам в тебе? — Запутался Сёма.

— Не заморачивайся. Я сказал, то, что сказал. Именно почти что во мне, если брать физический уровень. В промежутках между моими атомами. В энергетическо-информационном уровне, если хочешь. Я поместил три тела в одно. Но так как не хотел, чтобы после выхода из пустот мы бы оба слились в одно целое, припечатав и меч на лоб, пришлось выкинуть тебя в воду чуть раньше. Сразу после падения, когда самолёт развалился на запчасти и начал тонуть. Я бы вместе с тобой и мечом не выбрался. Я едва материализовался над тонущим самолётом...

— Довольно! Я уже забыл, как мою бабушку зовут, хочешь, чтобы ещё и дедушку? Я не до такой степени отличник, чтобы на моих глазах рушились законы физики и положение дел в мире. Как ты носил в себе меч между пустотами? Ты разобрал его как конструктор? И почему он не влиял на вращение твоих атомов, почему не разорвал сцепление этих атомов?

— Хочешь физики, тогда забудь о полёте.

— О чём ты вообще, чернявый?

Сергей приподнялся на локте, повернув голову к обгоревшему брату. Лицо того вскоре должно было начать шелушиться. Энергии обоих хватало только на то, чтобы удержать в себе воду и заставить организм смазывать кожу жиром. Так как жира в обоих было немного, организм сжигал мышцы.

— Родослав летал на моих глазах, словно гравитация отключилась. Летал не с крыльями, как какой-нибудь дятел, а просто... Просто стоял в воздухе. Раз и как взобрался на ступеньку, два — и ещё выше. Да и что я тебе говорю? В общем, такие как он отрицают физических законы. Они просто перестают на них действовать. Полагаешь, Родослав мыслит такими же материальными категориями, в какие ты меня хочешь опустить для разъяснения?

— Я хочу разобраться в сути вещей. Одно дело сделать себе хакари, вонзив в себя меч. И совсем другое хранить в себе меч, как часть себя. И это не красивые слова или метафора. Ты же действительно держишь в себе меч... Чёрт, это немного сложновато после падения... Ещё и королевская семья с этими наркотиками. Странно, люди изображают доброту, о них говорят лишь хорошее, а на самом деле торгуют смертью... Всё, не смотрю больше телевизор. Какой раз обещаю?

— Да что телевизор? С каких это пор ты стал во всём сомневаться? Я заметил, что на Кавказе ты немного опустил руки, но думал, всё прошло. А теперь снова. Или, как говорят умные люди — депрессия?

— Люди много чего говрят. Но депрессия? Не-е-е. Депрессия — видеть, как твоего четвероного друга умертвляют, чтобы дух его посилился в тебе, в физическом плане видимый в виде татуировки на плече. Вот это депрессия. А меч где-то меж клеток всего тела, это так, стресс небольшой...

— С чего ты взял, что Коготь мёртв?

— А что? Это что, по-твоему? — Сёма присел и кивнул на предплечье. Кожа вокруг татуировки была малиновая, а сама тату словно отражала солнце, не давая коже сгореть.

— Не глупи, тигр в тебе жив, как и орёл во мне. Они не мертвы. Просто с физического плана сместились на более высокие сферы. Уверяю тебя, Коготь жив.

— Стоп! То есть тигр во мне, как меч в тебе? Тоже меж атомов?

— Как ты меня достал своими тормозами. На физическом плане с нами только меч, а тотемы где-то в районе сакрала. Сакрального мира. В стране эфира, если тебе нужны физические термины, скептик ты этакый... Почему из шести с половиной миллиардов собеседников Творец послал мне на плот именно тебя?

— Причём здесь Творец, когда самолёт подбил именно Мёртво? Родослав говорил, что Творец не всесилен, так как во всемогуществе не было бы смысла, и человек был в рамках, а рамки суть — рабство. То есть Он не надзиратель и не Пастух, как трактуют написанные

Эмиссарами священные книги. Он даёт выбор! У нас был выбор: лететь или ползти. И ещё тысячи выборов до этого. Не Он же ведёт к этому, мы сами выбираем. Выбора не оставляет только Надсмотрщик. Сатана в людском понимании. Выходит, что Надсмотрщик влияет на нашу жизнь больше, чем Отец?

— Вот в этом всё и дело.

— В чём?

— В толковании. Ты же понимаешь, что каждая религия — способ управления. Берёшь какую-нибудь умную мысль, обрабатываешь её и толкаешь народу от имени Бога в красивой обвёртке. Красивой обвёрткой представляется жертва за веру в эти слова-мысль. Чем больше народу гибнет за мысль, тем праведнее паства. Заносишь все мысли в книгу и реликт готов.

— Толкование не имеет смысла?

— Чтобы услышать кричащего с горы, надо не только взобраться поближе, повыше, или на крайний случай на соседнюю, или хотя прислушаться, надо ещё и затычки из ушей вытащить. Но вытащить самому! Просить посредника, что стоит ближе к горе передать тебе слова Кричащего — поступок довольно глупый. Посредник просто вытащит из твоего уха затычку, нашепчет от себя и вернёт на место. Потому что ты уже ему должен, так как обратился...

— Знаешь, что, Скорп?

— Что?

— Я смотрю, не только мне голову напекло.

— Предпочитаешь вернуться на политические темы?

— А чем они отличаются от Толкования, если ущербна вся система управления?

— Всё зависит от Главы.

— И кто у нас во главе?

— Его величество — Сомнение. Именно поэтому ты терзаешься каждым вопросом, вместо того, чтобы просто знать ответ.

— А ты знаешь?

— А я не спрашиваю. Я... делаю.

— И что делаешь?

— Делаю всё, чтобы сменился Глава. Мы не должны сомневаться.

— Революция?

— Эволюция!

Сёма повернулся спиной и, обхватив колени, погрузился в мысли. И Сергей не знал, о чём сейчас думает брат. Скорпион знал одно — Творец не в ответе за созданное. И каждый из детей делает свой выбор сам. От времени и места рождения, до пройденных жизненных уроков. Отец лишь наблюдает, вмешиваясь в критические моменты. А Деструктор вмешивается всегда. Изменить это могут только сами люди.

Пора.

База «Тень» Тринадцатый уровень под землей

Василий грыз карандаш и часто вздыхал. Последние сводки новостей неукоснительно подводили к тому, что разросшейся Антиситеме пора заново структурироваться. А именно — вводить иерархию. Более пяти тысяч сотрудников порядком запутались, кому подчиняться, а Совет больше не мог разгрести все дела, и всё шло к тому, что скоро пойдут сбои. Если не решить эту проблему сегодня же, ошибки потом придётся разгрести уйму времени. Каждая же из них — шаг к пропасти. И времени как всегда не хватало.

Василий подхватил со стола очередной дротик и метнул в сторону мишени на двери. Большой, профессиональный дротик пролетел помещение, но не попал в большую мишень и близко, стукнулся о стальную стену и без звука упал на прорезиненный пол.

— Вот чёрт, и как они это делают, что всегда в десятку? — буркнул Вася.

Раздосадованный мозг Антисистемы подошёл к столу и щёлкнул на кнопку связи:

— Всех башковитых сюда. В авральном порядке. И из Совета, кого найдёте.

— Большая часть групп вне базы, на офисах. Из Совета только Евгений, — отпартовал секретарь научной базы.

— Тогда всех способных кивать головой в такт.

— Будет сделано, Координатор. Хакеры на месте.

Василий попытался взять дротик меж двух пальцев и метнуть сбоку, как это делал Сергей, кидая зубочистку, но в данном случае дротик даже не долетел до двери. В отчаянии Гений схватил сразу три дротика за острия и швырнул изо всех сил. Один из трёх зацепился за край мишени, вне полей и жалобно повис, разрушая все мечты стать ниндзя.

— Пять метров! Они иголку в десятку на ветру, а я профессиональный дротик едва докидываю, — снова буркнул Вася.

Дверь уползла в сторону, и на пороге с ноутбуком в руках и сумкой через плечо возник заросший, лохматый Евгений с опухшими веками, порядком заросший щетиной. За ним как клином выстроилась группа помощников. Пятеро хакеров практически не вылезали с базы, так как основной деятельностью занимались на местах. С оборудованием и системой связи проблем не было. Учли ошибки прошлого и на этом не сэкономили.

— Физкульт привет. — С ходу оценил обстановку Женя. — Что, в спортсмены пошёл? Гантель подарить?

— Не докину. Мне бы дротик докинуть.

— Ну, дык, каждому своё. Кому копьё кидать, кому на Марс лететь. Кстати, что там с Марсом?

— Да погоди ты с Марсом. — Взгрустнул Василий, вспоминая уровень сальдо и списки расходов, которые каждую неделю засылал Дмитрий с космодрома Свободного. — Тут внутренние проблемы. Что, кроме тебя из больше нет никого? Секретарь снова сказал правду?

— Самую безжалостную, — подтвердил Евгений, передавая ноутбук сумкой бригаде. — Дмитрий Александрович на Свободном, Даниил в Грузии прецеденты улаживает, Кот с Санычем и Никитиным в Москве проблемы с конторами решают. С постиндиги связи нет, либо у детей конфетки отбирают, либо снова где-то старый мир рушат. Там, где ещё не разрушено... Эх, молодёжь.

Василий притворно вздохнул по стариковски и рухнул в кресло:

— Пора расширять Совет. И вообще бы неплохо систематизацию ввести. Мы хоть и Антисистема, но не анархисты. Что думаешь?

Ребята достали из сумки проектор, подсоединили, и на стене возникла пустая картинка. На безмолвный вопрос Василия Женя лишь пожал плечами:

— Не, у нас хорошие компы, софт тоже ничего, но пока твои веяния с информационными кристаллами в стадии разработки, у меня нет альтернативных носителей информации, да и с видео у нас проблемы. Вот и пользуемся трофеями. С чего начнём?

— Полагаю, для хорошей структуры, нам нужны рядовые исполнители двух степеней. Ну, вроде курсантов и рядовых в армии.

— И в армейскую одежду оденем. Что-нибудь вроде цвета хаки, — подтвердил Женя и шепнул помощникам. Те, посоветовавшись, застучали по клавиатуре, выводя звание, количество человек, отличительные знаки, форму одежды и аналогии в мире, с чем сопоставлять.

— Знаки отличая? — буркнул Василий. — А где конспирация? Хотя какая там уже конспирация, не масоны же...

— Масоны, не масоны, а каждой ступени свою форму, свой знак. Ты как знал, выкупил торговый центр, где раньше швейная фабрика была...

— Торговый центр больше доходов приносит, — вздохнул Василий, уже рассчитывая в уме комбинации, где доставать оборудование. По всей видимости, приходилось закупать в Китае.

— Что, про Китай думаешь, патриот ты липовый? А поднять отечественного производителя? — перехватил взгляд Евгений.

— С каких это пор ты мысли читаешь?

— Их не надо читать — Москва далеко, через Урал, Китай здесь, рукой подать. Оборудование, а то и продукция, мигом, только плати. Всё равно конкуренции нет. Не конкуренты мы тем, кто поднялись на спортивных штанах «Абибас». Так что большая фабрика нецелесообразна, только если что-нибудь из разряда мини. Пусть по тихой штопает...

— Не умничай. У нас козырь есть.

— Козырь?

— Зеки...

— Зеки?!

— Не кричи. Их много. Всех не перебеёшь. И делают почти всё, что закажешь... А если ещё и условия создать...

— О, сдаюсь. Сырьё, копейки и много плюсов в числе новых рабочих рук. Только армия возмутится, они для них заказы штопают. Хотя разве мы не армия? — Евгений кивнул в сторону сутулых, бледных очкариков с просаленными волосами. Те в один миг разогнули плечи.

Василий хохотнул. На базе не только столовая и душевые, но и комнаты отдыха, а эти разве там бывают?

— Зекам буржуйский провиант, начальству больше копеек и всё будет в порядке с формой. Будет тебе и отечественный Гучи и Дольчи Габана. Так что с единицами?

— Ну, думаю, самым мелким званием может быть безокладный «удалец». Добровольный помощник, несовершеннолетний. Иногда от детей больше помощи, чем от взрослых. А следом за ним совершеннолетний Дружинник, тоже безокладный.

— Экий ты жадный, Евгений.

— Не ты ли строжайшую экономию на прошлой неделе ввёл?

— Сам хотел на Марс!

— Тогда хотя бы скажи, что там с Марсом?

— Сначала космическая станция, потом уже на Марс. А корабль... конструктора чертят эскиз, в начале следующего года на стропила пойдёт, благо наработок в этой области в отечественной космонавтике хватает. Дмитрий говорит, что сам корабль доделать и сконструировать можно, сложнее с двигателями и новым топливом. Даже переработанное твердое топливо не даёт столько мощности, сколько хотелось бы. Пробуют вариант с твёрдым и жидким, плазмой балуются, порой даже в вакууме. Можно предположить, что через пару лет получится что-то вроде кусочков льда, которые при окунании в кипящую воду быстро испаряются, выдавая столько энергии, чтобы хватило на рывок туда, потом ещё рывок и обратно. Вот Дмитрий и бьётся над тем, чтобы эти «кусочки»...эээ... „таяли“ как можно дольше. Понял?

— Нет... Ты лучше скажи, когда ещё спутников подкинут? Мне семерых маловато. Вы же оружия туда столько напихали, что свою основную функцию — передача информации — они выполняют не в полную силу. Как итог, спутники шпионы пеленгуют попытку перехвата информации, а ребята жалуются, что не успевают залезть на видеокамеры, когда симпатичные блондинки по кабинкам раздеваются.

— Солнце! — Воскликнул Василий.

— Что, солнце?

— Пока ты тут в юмористы подался, я для удальцов отличительный знак придумал. Пусть будет вышивка солнца. Не свастику. Её всё равно испохабили, и как бы Скорп не бился, человеческие массы слишком долго переубеждать. Пусть будет просто солнце. Красивое, с лучами, доброе. Дай заказ Владлене, мигом нарисует. И звание не забудь присвоить.

— А почему солнце?

— А потому что прозрели!

— Тогда дружинник будет носить к солнцу ещё и луну. Прозрел, что есть две стороны. Это ж эволюция. И зарплата начинается неплохая, по количеству выполненной работы. И полный социальный пакет, хе-хе.

— Логично, — обронил Василий, глядя, как на стену наползает заполненная строка. — Кстати, иерархия будет общей не только для военных. Пусть в структуре будет пять путей получения званий: военный, спортивный, научный, инженерный и творческий.

— А может ещё и бизнес?

— Нет, финансовыми вопросами Совет занимается. Если начнёшь продавать звания, что толку от такой структуры? Пять путей вполне достаточно.

— А спортивный разве...

— Это те, кто добывает стране престиж на самых разных соревнованиях. С футболе не плохо бы начать. Потом задумаем. Давай дальше.

— А что дальше? По логике, должны быть младшие офицеры. Уровня, я бы сказал, три. Сержанты. Форму по типу ОМОНа — серый комбез. Чтобы в конец запутать другие структуры. Пусть на плечах будут животные: волк, медведь и тигр.

— Хорошо, так и пиши: волк, волкодав и волкодлак. Младшие офицеры. Третья, четвёртая и пятая ступень иерархии. Звериная.

— Станешь тут зверем, когда столько пахать приходится, — вздохнул Евгений.

— Я даже гимн им подходящий знаю. Бодрый, вызывающий споры. У Симонова есть стихотворение вполне в этом духе, записывай. Эх, дай Бог памяти...

Жаль, мало на свете свободных зверей.
 Становятся волки покорней людей.
 Ошейник на шею, убогую кость
 В те зубы, где воет природная злость.
 А ловкие сети калечат волчат,
 Их суки ручные вскормят среди щенят.
 И будет хозяин под свист тумачков
 Смеяться, что нет больше гордых волков.
 Пусть лают собаки, таков их удел.
 Восстаньте волками, кто весел и смел!
 Кто верит в удачу и лютую смерть,
 Кому бы хотелось в бою помереть!
 Учите щенят, есть немало волков
 Среди них, не запятнанных сталью оков.
 Вдохнут они волю и примут ваш вой,
 Как клич, как девиз на охоту и бой!

— Это не весь, там дальше сложности начинаются. Пока так оставим, — добавил Василий.

Евгений широко вздохнув, продолжил:

— Лады, теперь средний офицерский состав. Тоже три ступени, что-то вроде лейтенантов. Чёрные комбезы. Пусть будут людьми серьёзными. Щит Антисистемы.

— Пойдёт, так и пиши: шестая ступень — щит, седьмая — щит с топором и восьмая — щит с мечом.

— А что, меч намного круче? — Буркнул кто-то из хакеров.

— Дороже, по крайней мере, — добавил сосед.

Евгений посмотрел на скудную таблицу, пожевал губы и повернулся к Василию:

— Гений, даёшь людям звания! Думай, мозг, думай.

— А что тут думать? Поскольку всю структуру начал создавать Скорпион, а он у нас язычник, продолжим в его стиле. Пусть будут: урядник, борец и воевода. Для щитов вполне

подходят.

— Кстати, мы забываем про количество. Должна быть пропорция.

— Пусть варьируется в зависимости от верхов, — ответил Василий и спокойно швырнул дротик, не ставая с кресла. Прокрутившись в воздухе, оружие преодолело помещение и воткнулось в „восьмёрку“. — Вот! Уже неплохо. — Подскочил, расхаживая по комнате. — Что дальше, старшие офицеры? Восьмая, девятая и десятая ступени? Значит, капитаны, майоры и всякие полковники?

— Никакие не всякие. Эти уже должны быть строго определённого количества человек. Давай каждого разберём. Итак, девятая ступень. Человек работал долго и напряжённо. Верха. Хорошая зарплата.

— Ветеран! — воскликнул Василий и чуть тише добавил. — А знак — орёл. Эта птица уже гордо реет в облаках. Кстати, у старших офицеров должна быть белая форма. Непосредственно в заданиях практически не участвуют или редко. Командный состав. Значит, ветеран, матер и...

— Старейшина! — Добавил Евгений.

— Вот именно, — кивнул Василий и затряс в воздухе пальцем, словно тот горел. — Значит, орёл, феникс...

— Почему феникс?

— Потому что орла поджарили, а фениксом воскрес из пепла. Не перебивай. Орёл, феникс и...

Евгений подхватил со стола дротик и без всяких выкрутасов кинул его в „семёрку“ мишени, вскричав:

— Берёза!

— Точно, старейшина, это уже полная и бесповоротная берёза. Значит, теперь пишите ограничения. Ветеранов не может быть больше тысячи, мастеров больше пятисот, а вот старейшинами могут стать только сотня. Это и будет наш самый разумный коллектив, последняя инстанция, последний проверяющий пост, перед тем как дела уходят исполнителям.

— Хорошо, — кивнул Евгений и, подумав, добавил. — Но на ступени выше, двенадцатой, должен стоять генералитет. Генералы нашего дела, каждый информированный в своей области. Пусть их будет в четыре раза меньше, двадцать пять. Отличительный знак — Скорпион, одежда белая, и у каждого свой цвет Скорпиона.

— М-да, вот и фетиш пошёл...

— Ничего, народ втянется. Главное что каждая нижняя ступень не должна знать больше, чем о том, что есть ступень выше. И всё. Это поможет, если какие-то из отсеков нашей „подводной лодки“ затопят. Пусть будет как у масонов.

— Да чего тебе всё эти масоны? У них пятнадцатимиллионная армия структуры по всему миру, а у нас едва ли пять тысяч.

— Василий Васильевич, так мы ж только начали. Вот вихрастый вернётся, этот вопрос ещё не раз поднимется.

— Хорошо вперёд паровоза, — обрубил Гений, понимая, что в мечтах можно уйти и до Эмиссаров, а проблемы давят сегодняшние, насущные. И развалиться всё может быстрее, чем началось. — Значит, двенадцатая ступень, генералитет, в белых одеждах со скорпионами. Так и быть. Как назовём?

— Витязи, как ещё? Помнишь как у Пушкина: „Двенадцать витязей прекрасных...“

— Но у нас их двадцать пять!

— Ну, вот и правильно. А двенадцать будет нас, князей... Ты ж сам говорил, что пора бы Совет расширить. Вот и будет наш Верховный Совет состоять из двенадцати человек. Только, чур, никаких отличительных знаков и одежда повседневная... для конспирации. Мне, наверное, даже хакеров придётся нейтрализовать. — Евгений кровожадно посмотрел на подопечных. Один из хакеров побледнел, ещё один сглотнул. — Эй, да шучу я, парни. Расслабьтесь. Мы своих не режем. От побратимов даже в крайнем случае берём подписку и

четное пионерское. Клянусь священной „линейкой“, „контрой“ и „квакой“.

Народ выдохнул.

— Ты чего народ пугаешь? Давай уже закончим это дело. Значит, нас сейчас в Совете девять, возьмём ещё троих из отличившихся. Торопится не будем... Кстати, нас не девять, нас восемь...

— Почему? Ты, я, Дмитрий Александрович, Кот, Медведь, Сан Саныч, Никитин, Сёма и Скорп...

— Нет уж, если мы князья, то Скорпион — Светлый князь... Фельдмаршал над всеми маршалами так сказать. Вот только право вето у него заберём, чтобы никакого тоталитаризма, просто духовный вождь, по типу аятоллы. Пусть будет половина голосов в Совете. В случае конкретных разногласий по каким-либо вопросам, наше мыслящее большинство перекрывает решение верховного князя. Ну, это на тот случай, если обезумит и возжаждет крови младенцев или разрушения всей цивилизации. Мало ли бывает форс-мажоров.

Евгений потёр виски, вспоминая увиденные тренировки чернявого и блондина.

— А ты думаешь, мы сумеем его остановить?

— А для чего ещё нужны друзья?.. К тому же, для чего мы создаём эту Антисистему? Ты думал для борьбы с масонами? Ха-ха, слепец. — Гений ехидно подмигнул.

Евгений поперхнулся, а Василий подхватил последний дротик и спокойно выбил на мишени заветное „яблочко“.

Детище Скорпиона продолжало саморазвиваться и жить собственной жизнью.

Англия

Особняк на побережье

Она прижималась к нему, обнимала. Он, ощущая тепло, бессознательно отвечал ей. Уста девы с горьким привкусом трав были на его губах. И на щеках, и на веках. Она сеяла поцелуи, спускаясь и поднимаясь. Он ощущал лишь тепло губ и горячее, обжигающее дыхание. Она что-то шептала, и Сёма, всплывая из дремоты, тоже шепотом отвечал ей. Оба пылали в страшном огне, оба были в этот миг одинаковы, хотя она уже испытала когда-то роскошь тела, а он еще не вышел за пределы детства. Возможно, потому и она возвратилась в состояние первой нетронутости.

Её образ покрылся дымкой, и Сёма подскочил с кровати, пытаясь остановить уходящее мгновение.

Он был в мягкой постели в большой, просторной комнате, озарённой светом. Роскошные, золотые шторы пытались этот свет сдержать, и сквозь раскрытое окно ветер подёргивал тюль и доносил запах моря. Слышался рокот прибоя и редкие вскрики чаек.

Сёма долго приходил в себя и ощущал в воздухе аромат её духов. Едва слышимый, он, тем не менее, был во всей комнате и на кровати, и на подушке рядом. Значит, это был не совсем сон.

Леопард осмотрел руки, коснулся плеча. Кожа не жгла и не болела, лишь была оливкового цвета, как при хорошем загаре. Ожоги отсутствовали, что было странно для стольких дней на плоту.

"Кстати, скольких?", — вспыхнула мысль.

Последнее, что помнил — осточертевшее солнце, плеск волн о крыло самолёта и... провал? Ещё какое-то время ощущал, как брат каждые полчаса переворачивает со спины на живот и обратно, чтобы прожаривался равномерно... Заботливый.

Сёма вскочил с кровати и ощутил слабость в ногах. Голова кружилась и тошнило. Краем периферийного зрения приметил на тумбочке стакан апельсинового сока. Жажда была такая, что выпил весь стакан в несколько глотков. Сок по ощущениям вроде бы даже не успел докатиться до желудка.

Блондин был обнажён и халат на кресле в углу комнаты пришёлся как нельзя кстати.

Облачившись в шёлк, и найдя у кровати тапочки, Сёма, покачиваясь, побрёл прочь из комнаты.

Блуждание по второму этажу небольшого особнячка ни к чему не привело. Тогда приглушил головкружение и спустился по лестнице на первый этаж. В большой комнатной зале его ожидал сюрприз — у камина в мягком кресле сидел Скорпион. Был он в белой рубашке с закатанными рукавами, просторных штанах и мягких тапках. Волосы были сплетены в конский хвост, взгляд изумрудных глаз блуждал где-то вдалеке. Лишь руки держали тарелочку и чашку с чаем с молоком. Методично прихлёбывал, полностью погружённый в мысли. Рядом на столике у пылающего камина стоял небольшой столик на колёсиках, заставленный чайным сервизом и вазочками, тарелочками с печеньем, сахаром, мёдом, маслом, и джемом.

— Время ленча? — Обронил Сёма, присаживаясь в соседнее кресло и двигаясь поближе к пламени камина. Немного знобило, и камин в довольно тёплый день был к месту.

— За четыре дня на плоту, нас спасли четыре вещи, — обронил Скорпион, не меняя застывшей мимики. — Тёплое течение, пасмурная погода, отсутствие штормов и... Зея. Вот вещь так вещь...

— Зея? — Сёма вспомнил запах на подушке и перед глазами всплыл укоряющий взгляд Марии. Треснул себя по лбу. — Так это точно был не сон. Чёрт... Да кто она такая, эта Зея?

Взгляд Скорпиона ожил. Он поставил чашку с блюдцем на стол и повернулся к брату:

— Я чувствовал шлейф ауры Мёртво. Она его близкий. Или помощница или очень приближённый человек. Мне кажется, совсем не случайно её яхта бороздила океан. Я только не понимаю, почему мы ещё живы. Вероятно, ей...

Воздух в комнате потяжелел и поплыл.словно незримым паром заволокло помещение, и на ковре материализовалась длинноногая дева с короткой, модельной причёской чёрных волос. Она была в облегающем красном платье с глубоким разрезом и невысоких туфлях со сверкающими камнями у носков. Туфли полетели в сторону, а дева приблизилась к камину и неожиданно ловко присела на колени Сёмы. Блондин оторопел и попытался свалиться с кресла, но хрупкая девушка, что почти ничего не весила на коленях, каким-то странным образом удержала. Вдобавок впиалась страстным поцелуем в губы.

Сёма ощутил, как отнялись руки. Он не мог ими пошевелить, чтобы отстранить её, он не мог встать, и не мог заставить себя поверить в то, что этот поцелуй ему... неприятен.

Сергей сидел в кресле и смотрел в огонь. Голова была странно пуста. Помогать в такой ситуации не видел смысла. Брат вполне мог оттолкнуть её и сам. Да и помощи не просит. Неужели эта дева за три ночи лечения заткнула за пояс Марию, с которой брат дружил более трёх лет? Любовь странная штука. Видимо, люди непостоянны. И этот случай не хуже, чем у него. Сам уже не мог понять, любит ли ту рыжую или то, что пытается догнать, всего лишь миф, всего лишь убеждение и форма эгоизма? Ей, скорее всего, просто нужна была свобода...

Зея, наконец, разомкнула объятья и отстранилась от блондина. Тот пылал багровой краской и в глазах горел огонь:

— Зачем?.. Чем я теперь отличаюсь от...

Зея молча прислонила палец к губам. Сёма затих. Волной накатило безразличное чувство. Хотелось тепла и покоя. Тело снова начало морозить. Дева словно ощутила этот холод и крепче прижалась. От неё пошло умиротворяющее тепло, и запах её тела казался Сёме близостью ангелов.

Зея повернулась к Скорпиону:

— В моём доме вы под силовым коконом. Можешь использовать ступени без боязни быть застигнутым. — Она разговаривала на английском, а Сергей уже и забыл различие в языках. Со смысловым переводчиком Тосики все языки мира были, как родной, только странно короче, как будто людям было лень договаривать слова, и ограничивались обрубками.

Сергей едва заметно кивнул и прикрыл глаза. Последовательно в теле всплыли

двадцать врат, а затем открылись двадцать первые и... двадцать вторые. На "плоту" было много времени, чтобы подумать и чем больше слушал океан и смотрел слезящимися глазами на затуманенное солнце, тем ближе подступал к этим воротам, осознав, как можно распахнуть "материальное физическое тело". Эта ступень была весьма кстати, так как за время плавания в организме скопилось много соли и её требовалось нейтрализовать, чтобы слабость ушла и тело работало, как и прежде.

На коже выступили капельки пота. Если бы кто вздумал попробовать их на вкус или провести лабораторные анализы, что обнаружил бы, что состав пота напоминает воду Мёртвого моря. Промиле в нём было едва ли меньше.

Рубашка промокла, штаны тоже. Скорпиона поднялся с кресла:

— Я в душ.

Сёма попытался рвануть следом, но новый поцелуй ещё надолго пригвоздил к спинке дивана. Её чарам в нынешнем состоянии противостоять не мог. А брат то ли ненароком, то ли намеренно и не пытался помочь.

Блондин был в плену и едва ли хотел на волю. Где-то даже понимал, почему на этих землях веками назад пылали костры инквизиций.

Грузия Тбилиси

Даниил Харламов тянул из стеклянной бутылки светлое пиво и ловил на себе недоброжелательные, нейтральные и спокойные взгляды с соседних столиков. Кафешка под открытым небом разделилась на три фронта: тех, кого в стране всё устраивало, тех, кому всё равно и тех, кто сегодня будет зажигать. В прямом смысле. Ночь будет полна огней не только фонарей, вывесок и фар автомобилей. Коктейли Молотова примут участие вместе с гранатами слезоточивого газа, дымовухами, резиновыми пулями, водомётами и бронетранспортёрами. Оба лагеря готовятся к противостоянию. Скучать не придётся.

Первых настроенных было два человека, вторых три, а последних семь... столиков. Терпение народа лопнуло. Власть, словно изгаляясь, настроила против себя абсолютное большинство. Пусть большой северный медведь не бьёт лапой, занятый суетой вокруг олимпиады, но Антисистема отрезанные головы солдат-миротворцев не забывает. И еженедельные бессмысленные провокации порядком надоели. В конце концов, если Золо выкупил мозг и руки президента, то почему всё остальное тело должно напрягать окружение, махая незаряженным автоматом? Триста лет спины и плеча не должны заканчиваться ножом в копчик.

Даниил допил бутылку и кивнул официантке, показывая палец повтора. До задания ещё четыре часа. Стоит убить время и остыть, чтобы не начать разносить всё в пух и прах всё, за причинённые совсем не по теме обиды.

Девять человек — по введённой вчера Василием классификации — семеро "ветеранов" и двое "мастеров", ждали в разных концах города. В условленное время, когда небо окрасится багровым, будут ждать в условленном месте. С оружием проблем не возникало — посредники снабдили всем необходимым и даже больше. Но огнестрельного брали по минимуму. Не шумиху пришли делать, просто убраться. Вынести мусор, пока не начал гнить, разнося полчища крыс и заразные болезни. Да и специалисты военного промысла Антисистемы, носили свои звания не просто так. Харламов "Медведь" ручался за каждого, раздавая звания. При себе держал только самых опытных ликвидаторов.

Взгляд привлёк рослый мужик с ранней, лысой заплешинной. Он с самого начала смотрел на русые волосы гостя столицы враждебно. Те по длине закрыли уши, но ещё не сползли на плечи. Он походил на борца и, привлекая внимание, кивком в сторону показал, что хочет продемонстрировать заезжему стандарт моды. В ответ Даниил сжал пустую бутылку.

Стекло разлетелось.

На миг кафешка погрузилась в тишину, лишь телевизор у бара продолжал докладывать обстановку в стране: "В Грузии всё спокойно". Затем двое за "враждебным" столиком молча поднялись и ушли восвояси. С ними ещё пара стариков, не собирающихся ввязываться в какие-то проблемы.

Харламов кивнул официантке, и кафешка снова настороженно загудела. Через три минуты, когда косые взгляды убедились, что тряпка официантки осталась сухой, без кровавых пятен, говор разгорелся ярче. И Даниил, обладая отличным слухом, мог лишь вздыхать — по-грузински знал лишь пять десятков основных обиходных слов.

Пригубив вторую бутылку и всем видом показав, что не собирается уходить раньше, чем захочется, снова погрузился в мысли.

"Горэ затих, взяв безвременный отпуск, и Золо возликовал, полагая, что раз Дух выбыл, а Слава всё ещё спит, район автоматически перешёл под его юрисдикцию, но Антисистема слишком закрепилась на Кавказе, чтобы не пытаться обрубить эти щупальца. Да Рыси достался во владение огромный кусок: от Курил и Манчжурии, до Урала и Казахстана. Не по возрасту и сложно усваиваемый, но наследник старается. Было бы больше силёнок, взял бы земли до Белоруссии, но Бодро вроде как смотрит за вотчиной спящего. Странная игра. Даниил в принципе не понимал, почему место спящего вакантно. Неужели у Славы не было ближайших помощников? Правой и левой руки?"

Повеяло холодом. Изумлённый Даниил отбросил едва открытую бутылку. Та покрылась изморозью и узор снежинок при температуре воздуха выше нуля на двадцать пять градусов Цельсия казался бредом.

— Брось каку, — спокойно сообщил появившийся за столиком напротив синеглазый собеседник. — Так детям неразумным говорят. Ты дитё малое или отвечаешь за себя целиком и полностью?

— Я устал, надо расслабиться.

Бутылка вместо того, чтобы разбиться об асфальт, просто исчезла. Харламов завертел головой, глядя, как отреагируют посетители на собеседника, но те и ухом не повели. Говор продолжался, словно мужик в светлой одежде и белым "конским хвостом" за плечами пришёл вполне естественным путём — пешком.

— Пиво убивает тебя больше, чем любой другой алкоголь. Сразу после шампанского. Так что оставь первую ересь мозга немцам, вторую — французам. Мой племяшек придумал этот напиток для больших смут. — На столе появился высокий стакан свежего выжатого апельсинового сока. — Вот, выпей лучше этого. И силы восстановит, и готов поспорить, гораздо вкусней и полезней на жару. Отбивает желание стрелять и сквернословить.

Даниил, справившись с сердцебиением, большими глотками опустошил пол стакана и отставил. Стоило взять себя в руки. От собеседника веяло мощью. Чудовищной внутренней силой.

— Племяшник, значит, — улыбнулся Даниил. — И кто ваш племянничек?

— Слушай, зачем так быстро пьёшь? — Поморщился Родослав. — Ты же должен наслаждаться жизнью. Пей маленькими глотками, постарайся ощутить вкус, почувствовать, как по телу бегут витамины. А ты наоборот — две бутылки пива и стрелять. Вот и сынок мой сейчас палить начнёт, а то и разрушит чего-нибудь старинное, дорогое. Молодой, неопытный. — Родослав чуть отстранился. — В принципе имеет право. Его пытались убить не по договору. Но он же не остановится пока всё с ног на голову не перевернёт. Кровь кипит. В мамку весь пошёл. У той тоже всегда проблемы с послушанием. — Синеглазый придвинулся. — Хотя, ты спрашивал другое. И первым твоим вопросом было, почему Слава не оставил приёмника...

— Откуда вы... — Осёкся Даня.

Кафешка исчезла. Свет тоже. Столик и стулья с собеседниками вдруг на сантиметр-два врезались в грунт, движения стали лёгкими. Местность вокруг была серой и казалась холодной. Даниил ставил на кон всё, что угодно, что это место могла убить его тот час же, если бы не покровительство загадочного собеседника. "Что это был за сок?", — почти хотел

спросить Харламов, но блуждающий по округе взгляд выхватил Луну над головой... и... это была не Луна... Огромный голубой шар, светящийся на фоне космоса был подозрительно знаком... ЗЕМЛЯ?!

— Люблю это место, — обронил светловолосый. — С этой стороны Луны можно даже увидеть, как на тебя смотрят с самого мощного телескопа, и услышать, как убыстрятся сердечный ритм смотрящего, а по лбу начинает струиться пот. Здесь хорошо размышлять на тему суеты вон того голубого шарика.

Даня замер. Происходящее казалось сном. Но если это не сон, то не хотелось выпасть за пределы кокона — или чего там, во что посадил его собеседник, раз он ещё жив, находясь на Луне, где нет атмосферы, и солнце убьёт его раньше, чем спросит "как?" — Ещё не хотелось даже думать о том, что собеседник может вдруг позабыть о нём, как о предыдущих вопросах.

— Да ты не переживай. Я-то за витаминным балансом слежу, склерозом не страдаю. Пей сок, наслаждайся видом, — отмахнулся синеглазый. — Я отвечу только на те, что тебе стоит знать. С остальными повремени. У Славы были помощники. Его главную помощницу и любимую отравил пра-предшественник Нежити. Отравил вместе с ребёнком Славы. В ядах этой линии Эмиссаров даже я мало чего понимаю. А Аватар сломался почти на столетие, прозевав в тоске принятие крещения вотчины. Потеря любви и сына было для него большим ударом... А помощником меньшей силы был тот, кто после назовёт себя Бодро. Их единицы, Даниил. Найти замену тем, кто рождается раз в века, сложно. И я понятия не имею, что будет, когда Скорпион всех... Впрочем, меня и брата тридцать седьмой век волнует другой вопрос: "Как же преодолеть оставшиеся три единицы, что отделяют нас от них?"

— Единицы? От них? От кого? — Опешил Даниил, теряя нить разговора и путаясь в мыслях.

— Обернись, — кивнул Родослав.

Даниил медленно, стараясь не улететь со стула от лунной гравитации, повернулся. Перед ним стояли трое. Их можно было назвать существами гуманоидного типа сложения. Первый был совсем маленький и чахленький, как рахит голодающего ребёнка Африки и не превышал двух третей метра. Был он в облегающем сером костюме и вместо шлема носил что-то вроде маски. Она скрывала лицо, выполняя то ли функцию дыхательной маски, то ли защиты от излучения, как и костюм. Второй был гигантом выше трёх метров и его комбинезон переливался, как капля, сливаясь расцветкой с внешним фоном. Даниил отметил, что гуманоид мог бы стать невидимым при желании. Крупное, плотное телосложение, два чёрных глаза и уши торчащие вверх, как антенны. Шлем, если и был, был невидим. Третье существо было около двух с половиной метров и было одето в длинный балахон. Переливающийся белым шлем скрывал лицо.

— Кто...кто...это? — Даниил попытался проснуться, но просыпаться не получилось.

— Я это и пытаюсь выяснить. То ли надсмотрщики, то ли исследователи, а то и вовсе будущие солдаты враждебных армий, Даня. Я не знаю, одной ли они расы или нескольких, враждуют или сотрудничают. Чего хотят? С Сириуса или Альфа-Центавры? Со мной, в отличие от правительств и индивидуумов на Земле, они не разговаривают. А за пределы пояса Купера я не заходил, как и брат. Нам нужен третий, чтобы страховал во время путешествий до Бетельгейзе или Андромеды практически вслепую, а его сын не интересуется космосом. Всё, что мне удалось, Даниил, это узнать про три безликих Единицы. Проклятые три неопознанных уровня разделяют нас, чтобы начать полноценную беседу. Пока мы для них ниже уровня зверей на физическом плане. — Существа исчезли так же быстро, как появились, словно были всего лишь фантомами, голограммами, которые создал синеглазый из своих воспоминаний.

Родослав придвинулся ближе, хватая Харламова за ворот рубашки. — Но тогда, когда я встретил одного из них в первый раз, этих единиц было ПЯТЬ. Так что что-то за тысячи лет я сделал правильное. Надеюсь, мой сын поймёт остальное.

Лунный пейзаж пропал. Даниил снова сидел за пустым столиком. Реальность десятью

минутами назад и реальность сейчас различалась только тем, что вместо пива на столе стоял сок и в голове вместо приятной лени стоял до боли трезвый факт — не привиделось.

— Дети должны превосходить своих родителей, — прошептал потрясённый Харламов и потянулся к одной из двух кнопок передатчика связи с группой.

Операция с возмездием сегодня отменялась. Предстояло обдумать более важные вещи. Конечно, предполагал, что из войнушек вырос, но чтобы настолько...

"Кстати, скажи Василию, что это они не пустили юсу и СССР на колонизацию Луны. На обратной, неосвящённой стороне, их база. И вряд ли пустят, пока не преодолеем ещё одну хотя бы единицу. Так что смело начинайте с Марса, а там посмотрим", — раздалось в голове Харламова.

"Передай Скорпиону, ему придётся многое объяснить мне при возвращении" — одними губами прошлёпал Медведь.

"Если вернётся..." — пришёл последний посыл.

6530 год от Сотворения Мира (1022 от Рождества Христова) Переяславль

— Сигнал, воевода! Дымит застава! Половцы! К стенам города идут! — Прокричал, забегая в избу молодой гридень, и стрелой помчался подводить к избе коней.

Семён услышал эти крики и ощутил себя в просторной, светлой комнате. Мыслительный процесс включился сразу, едва не выкидывая из проекционного сна. Леопард едва удержал поток информации, что перетекал из тонкого мира в подсознание и проецировался на эту современность в виде своеобразного фильма, где помимо свершённого в истории человечества, был и он, бестелесный посторонний наблюдатель.

Сюжет для одного зрителя.

"Половы? Значит, где-то одиннадцатый век. А что вокруг?"

Русская деревянная изба. В углу большая печь, на стенах висят обереги, ставни окон распахнуты. За широким столом на лавках сидят семеро: пятеро рослых парней в кольчугах с хмурыми лицами, шлемы на столах, мечи на поясах, усатый воевода и седой старик в серой, потрёпанной рубахе и плетёной повязкой на лбу, что сдерживала локоны, когда корпел над книгами или варил зелья.

— Пора нам, Велимир, — поднялся воевода. — Смерть заждалась. Лучше пасть от меча, чем плач по сожжённому урожаю слышать.

— По что смерть? Не торопись к богам раньше времени. Обожди, авось старый и поможет, — старичок бодро подскочил и подхватил с печи глиняную крынку, в каких молоко удобно держать было. — Дай хлопцам, пусть испьют.

— Зелье? Им и так не страшно. Правда? Ты учил добро. — Воевода оглядел десятников.

— Твоя правда, старший. — В разнбой ответили пятеро.

— Не зелье, но сил прибавит, — ответил старик Велимир. — Али врал когда старик? — и протянул крынку.

Кони уже рвали дёрн копытами у порога избушки старого волхва. Стоило скакать к вратам города, принимать командование обороной. Опытные, лучшие бойцы к князю в Киев на услужение подаются, а в городке только птенцы остаются и те безголовые, когда воевода с ближними в отъезде. При воеводе бойцы ещё старой школы, рубятся — любо смотреть.

— Пейте, — велел воевода.

Волхв протянул крынку первому, нащёптывая:

— Силы ваши удвоятся, скорость утроится, а мужеством всех степняков вместе взятых превзойдёте. Пейте, боги своих сберегут.

Пятеро опорожнили крынку до дна, каждый испив по богатырскому глотку. Лица разругались, глаза загорелись. Крякнув так, что едва не разлетелась изба, и, похватав шеломы, все повыскакивали на улицу.

— Опять зелье? — кивнул воевода, собираясь выходить.
— Да Род с тобой, какое зелье? Обычный квас, — пригладил бороду Велимир.
— Морочишь голову молодым? Они-то на силы надеяться.
— Силы в них вдоволь, не ведают Слова. А тебе Слово скажу. Люб ты Перуну, — и старик так резво придвинулся к уху усача, что тот едва не лишился шлема. Шелом не был до битвы застёгнут ремнями на подбородке.

Сёма не расслышал шёпота. Но плечи воеводы раздвинулись, а грудь выгнулась колесом. Стремительно вышел он на крыльцо и конь молодой встал на дыбы, когда вернулся хозяин. Резво помчалась дружина к стенам Переяславля.

Сёма, постояв немного с волхвом на крыльце, взмыл в воздух. Пока летел над головами всадников, раздумывал над зельем и словом. Квас как квас, да слово волхвом сказанное не было волшебным. Всё просто походило на психофизическое воздействие. Одним нужно испить эликсира, чтобы поверить в свои силы, другим достаточно слова, чтобы открылись внутренние резервы, и человек перестал бояться...

Половцы успели к городищу раньше. Стены города успели закрыть, но шестерым всадникам дорогу преградили сотни степняков. Сёма застыл в небе, осматриваясь, куда можно уйти дружине, чтобы переждать. Да только успеют ли уйти?

Но дружинники, словно и не собирались останавливаться, мчались прямо на степняков, не придерживая коней. В руках появились мечи. Ни копий, ни луков, ни щитов — выезжали из города налегке.

Сёма обогнал шестерых и приблизился к половцам. Те ржали, глядя на безумных. Руки и не думали доставать лук и стрел. Предводитель крикнул, что у русичей больше нет воинов, одни рабы и безумцы. Рабы прячутся за стенами городов, а безумцы ищут в поле смерть.

Половцы до последнего не верили, что одинокие русичи вклиниться и устроят сечу такими мизерными силами. Но с криками "ура!" те в первые же мгновения взяли по несколько жизней каждый. Мечи засвистели, начиная танец боя.

— Изрубить безумных в клочья! — Закричал половецкий командир.

Кони увязли в схватке, лишив манёвра. Попрыгав с сёдел, шестеро завертелись волчками на боле боя, каждый отходя друг от друга на приличное расстояние, чтобы ненароком не задеть соратника.

Сёма смотрел не отрываясь. Открыл ли волхв внутренние резервы или просто внушил непобедимость, но мастерство владения мечом и телом было на лицо. Шестеро двигались с поразительной быстрой, движения почти расплывались в воздухе. По ученику и учитель виден. Возможно, старый вестник богов и учил воеводу по молодости, а тот ближних. Эти были из тех, что не спешили за славой в Киев, а в родных стенах оставались при наставнике.

Битва продолжалась две трети часа. Лютая, злая, кровавая. Степнякам удалось побивать шлемы у троих воинов, ранить двоих вскользь, да вонзить две стрелы в левую руку третьего — синяки и кровоподтёки не в счёт. А дружина, верная воеводе и старому волхву, замедлила темп, сберегая силы, но жизни отнимала по-прежнему. Битва шла, пока из двух с лишним сотен на конях не осталось и трети. Едва пал в битве командир, изрубленный воеводой, половцы бежали.

Шестеро застыли на поляне, глядя, как от стен города спешат гридни. Позже весть об этой победе достигнет и Киева. И монахи-летописцы отметят на бумаге, что "воевода Демьян Куденевич с пятерыми молодцами и божьей милостью сотни поганых от стен Переяславля отогнали". А вскоре достигнут ушей их другая весть, что "Демьян Куденевич один, да с Богом рать половецку побити". Но Сёма об этом уже не узнает. Он потерял нить сна, едва воевода лишил жизни командира...

Сёма открыл глаза, глядя в плиточный потолок. Рядом сопел Скорпион. К нему пришёл ночью, закрывшись в этой спальне, как в крепости, от Зеи. Стоило поспать хотя бы пару часов в ночи. Третья бессонная ночь порядком вымотала.

— Что, по любимой соскучился? Не спиться? — Не открывая глаз, обронил Сергей.

— Кто, она? Эксплуататорша, а не любимая! Ты лучше вот что скажи, почему мне

всегда сны боёв попадают?

— Стадия воина. Никак не повзрослешь, вот и липнет к тебе, что больше по нраву, — зевнул брат. — Подсознание.

Сёма скинул одеяло, рывком вскочил. Одеваясь, обронил:

— Так, всё, уходим. Я не могу быть зависимым от женщины. Я молодой, глупый, неопытный, но ещё не всего себя потерял.

— Уходим? Я думал, она тебя ступеням учит. Так глядишь и меня скоро догонишь. Я думал ты любишь халяву.

— Какая халява? Какие ступени? Мы каком-то тумане. Я хотел узнать, как впредь противиться подобным домогательствам? Должен же я знать, как устоять с любой другой.

— Да? И как успехи? — приподнял бровь Сергей.

— Пока не очень... Скорп, это уже не смешно. Я же любил Машу.

— Любил бы, устоял бы, — брат рывком подскочил с кровати и, подойдя к креслу, стал одеваться. — Слушай, это твоя жизнь. Никто тебя не осуждает.

— Ты бы не сломался.

— Да что ты на меня всегда равняешься? Я что, пример для подражания? Я убивал, судил, карал, считая себя вправе решать, кому как поступать. Я просто вышел из леса и начал менять этот мир под те понятия справедливости, что воспитал во мне дед. Вот только дед не учил меня убивать, а я... Я не знаю... Приспособился.

— Скучаешь по ней? — понимающе кивнул Сёма.

— Уже не знаю, — вздохнул Сергей.

— Не закрывайся, не получиться. Ты сейчас прозрачнее стекла. И даже со своим "не знаю" ты бы вряд ли посмотрел на другую, а тем более позволил вот так, как я... В тебе пропала внешняя ярость, ты не бежишь рушить эmissаров, как раньше. Даже за то, что нас едва не убили, ты не спешишь мстить. Ты просто рядом с ней. И всё остальное не важно. Вот только она тебя отодвинула, а ты не можешь себе позволить вернуться или вернуть. Ты ценишь свободу, а потому мы всё ещё здесь.

Скорпион присел в кресло, глядя в окно на краснеющий восход. Внутри было холодно и мрачно, стоял туман, как прошлым днём на этом Альбионе.

— Морок, — наконец, обронил он.

— Что?

— Морок. Зея морочит тебе голову. Твоё подсознание воспринимает её как любимую. Разве что облик Маши не принимала. Ты вроде понимал, что что-то не так, но доверял внутренним чувствам. А именно на них она и влияла. Слышал когда-нибудь про инкубов с суккубами?

— Но...но, почему ты мне не сказал...

— Я сам только что очнулся. Благодаря тебе, брат. Ты... Ты сказал то, в чём я сам боялся себе признаться, копаясь во всём лишнем, кроме главного.

Сёма улыбнулся:

— С добрым утром, брат.

— Да... пора делать его добрым, — сверкнул глазами Скорпион.

Хабаровск Офис Антисистемы

— Следующий, — обронил Андрей Ан, по кличке "Кот". Вернувшись из командировки в Москву, поскучав пару дней, он занялся контролем за распределением новых кадров. Поток в последнее время настолько увеличился, что создавалось впечатление — берут всех подряд. В целях эксперимента, решил посидеть на одном из офисов день-другой.

И вот новый человек протискивается в дверной проём. Этот некто был настолько поперёк себя шире, что даже боком он едва смог войти в кабинет. На глаз он весил не менее двухсот килограмм. И если бы жира было менее пятидесяти процентов этой массы, Кот готов

был съесть собственные берцы.

— О, сразу видно, что хорошего человека должно быть много. Вы по какой части: учёный, инженер, творите что-нибудь эксклюзивное? Или спортсмен-штангист? — Мысль, о том, что некто перед ним хотел, зачислится себя в ряды военной линейки и не возникала. Охранников хватало с избытком.

— Я это... военный я... Хочу быть...

— Да без проблем, — подскочил Кот. — Давайте проведём эксперимент. — Я бросаю вам под ноги монетку и если не успею зевнуть, пока вы её поднимаете, вы приняты.

— Не... — протянул толстяк. — Не надо монетку.

— О, без проблем. Тогда вам надо пройти тест. Как насчёт пяти приседаний?

Толстяк присел раз, другой, на третий безнадежно схалявил, четвёртый присед не засчитал бы ни один судья.

— Может у нас не работал лифт, и вы поднимались на второй этаж пешком?

— Ага...

— Тогда я делаю вам скидку. Давайте три отжимания.

И туша задвигалась, складываясь и стараясь лечь на пол. Руки едва достали до пола. Он отсчитал четыре отжимания, но их не было видно.

Кот сел сверху, как в кресло, горестно вздохнул, резюмируя:

— Слушай, как ты собрался у нас работать? За кофе бегать? Так ты много не набегашь. Как ты вообще стране своей помочь можешь? Ведь вместо того, чтобы себе помочь, ты себя ненавидел, зверски желая себе третий подбородок. Я понимаю, тебя в детстве мама запирали в мясной лавке, а позже папа в пивном ларьке, но сам подумай, как будешь лежать в окопах, если первый же голодный день ополчит против тебя весь взвод. А если на необитаемый остров попадёшь? Думаешь, ты станешь предводителем каннибалов? Или ты считаешь себя больным? Твоё тело здорово, не обманывай себя. У тебя болен мозг. А на кой нам солдаты с больной головой? Или лечи голову и если при следующей встрече на тебя налезет каска, я подумаю, увольнять ли кофейного мальчонку.

Пока нечто поднималось, Кот подошёл к столу, ткнул кнопку:

— Вероника, если это был первоапрельский розыгрыш, то ты ошиблась со временем. Ошибку на неделю или даже месяц я бы тебе простил, но тут почти полгода. Может в отпуск пора?

— Андрей Андреевич, но он же такой добрый, — протянул динамик.

— Тогда подари ему садок и отправь на природу! В тайгу, где до ближайшей жилой местности километров этак пятьдесят. Пусть либо бабочек ловит, либо выжить попытается!

Отключил связь и достал сотовый. Пара цифр и ждать ответа Василия долго не пришлось:

— Ну как там? Мёдом все дороги намазаны?

— Полный бардак. Пора стандарты вводить. Что-то вроде не брать людей ниже тридцати сантиметров и выше двух с половиной, двухголовых и смотрящих телевизор больше двадцати четырёх часов в день.

— А что, можно больше?

— Ну, когда часы на час назад переводят, то да.

— Вот и займись. Бери ручку, бумажку и вспомни, как смотрела на тебя мама, когда перезанимавшись на тренировке, ты приходил домой и вместо уроков падал спать.

— А почему я то? Вдруг я человечество не люблю?

— А кто его любит? — резонно ответил Василий. — По отдельности можно, а всех вместе как-то... времени, что ли не хватает. Давай работай. И не плохо бы проверить, кто направляет эти забракованные кадры. Намекни, что тащить на хорошую работу всю семью, родню и ближайших друзей чревато. Можно только в том случае, если они чего-то стоят и желают это доказать. Ну, всё, котятка, лови мышей, мне к старейшинам...

— Сам дурак, — улыбнулся Андрей и вышел из кабинета.

Начинать следовало с таких, как Вероника.

Для профилактики.

Появились первые суббапассионарные двуногие.

Школа СКП-1

Лес приглушённо гудел, полный тревожных звуков, но огражденная территория школы исключала проникновение диких зверей, змей и просто посторонних. Компьютеризированная система охраны выявляла всё живое в радиусе нескольких километров и охранники были начеку.

Звезды висели над головой яркие и крупные. Небо с полосой Млечного пути выдалось чистым от больших туч и мелких воздушных завихрений. Это была лучшая ночь наглядной астрономии из отведённой недели "ночных бдений". Около двухсот учеников школы Совершенного Курса Преподавания номер один, разбросанные на четыре мальчишеских класса и четыре девчоночьих, в возрасте от пяти до четырнадцати смотрели на четвертинку месяца и россыпь белых точек через двадцать телескопов. Четверо молодых преподавателей — мужчины у мужских классов и женщины у женских — неторопливо, с интересом повторяли расположение ближних и дальних планет и созвездий. Дети, тепло одетые и накормленные, в порядке очереди, с большим интересом крутили ручки и наблюдали звёзды в глазок, и просто задрав головы. Младшие и старшие классы не подвергались конкуренции за право дольше смотреть в небо. Большие электронные часы каждому отводили по три минуты, после чего люди менялись и снова становились в очередь.

Владлена отпрянула от глазка и отошла от очереди. Созвездие "Гончих Псов" и туманность "Конской головы", белые карлики, голубые сверхгиганты, далёкие красные солнца, правильные и неправильные строения галактик, спиральные рукава, Магелланово облако... Ещё весной не могла бы и поверить, что узнает о мире за месяц обучения больше, чем за всю свою серую, в момент до встречи со спасителем, мрачную жизнь, полную боли пустых глаз наркоманов. Ждала смерти и почти поверила в жуткого, рогатого демона или седую даму в чёрном и с косой, что придёт и заберёт опустевшую после смерти родителей жизнь, лишь в тайне надеялась, что явится ангел, потом и эта надежда пропала. На все мольбы о скорейшей смерти пришёл совсем другой человек. Он изменил её жизнь до неузнаваемости и за полгода вернул к жизни так же безнадёжно, как наркоторговцы эту жизнь угробили. Новая семья, тепло отчего дома, заботливые отношения и добрые глаза зеленоокого, что стали сниться по ночам вместо криков и плача. Неудивительно, что её творчество в корне сменилось. Новые условия, новая жизнь — сказка, из которой не хочется выходить, сон, из которого не хочется просыпаться. Мировоззрение девочки менялось. В этой школе к ней обращались на равных. Группа специалистов, практикующая новые концепции обучения, быстро нашла к ней ключик, развивая то, что дано от природы. Так что пробелы заполнила быстро.

Четыре класса формировались не по возрасту, а по способностям. Здесь не мешали гуманитариев, математиков, спортсменов и смежных людей. Здесь к каждому был не индивидуальный подход, но определённая линия. Основной принцип школы был в обучении детей основам знаний о мире и жизни до того, как окружающий мир начнёт навязывать своё мнение и половое созревание отвлечёт от того, что можно и нужно успеть до него. Уже к лету первые ученики из сдавших систему определённых работ, перейдут в открывающийся институт СКП-1, где с четырнадцати и до семнадцати получают знаний больше, чем дадено специалистам за семь лет обучений и практики. В восемнадцать лет все без исключения найдут работу по способностям в Антисистеме. И эти кадры постепенно составят костяк структуры. За несколько лет работы каждый, саморазвиваясь, найдёт свою нишу, по душе. Старые алгоритмы постепенно перестанут работать. Система, с детского сада и до института возвращая человека, получает его в рабочем состоянии на пятнадцать-двадцать лет, после чего по состоянию здоровья ссылает на пенсию и обеспечивает столько же, сколько возвращала. Коэффициент полезного действия менее тридцати процентов. Учитывая

смертность, тяжёлые условия работы и отсутствие физической профилактики — двадцать. А если по существу, мало кто из стариков, уходя на пенсию, может похвастаться удавшейся жизнью и блеском в глазах. Сломленных и согбённых "этой чёртовой жизнью" большинство. По разработанной же Василием и советом Старейшин плану-долгострою, КПД должен был составлять не менее семидесяти процентов, трансформируя страну, а позднее и мир под новые, более приемлемые условия жизни и труда. Антисистема замахнулась на программу максимум — каждый в частице своей как бог, а не каждый под своим богом. Приоритеты должны были смениться. Первые шаги были сделаны. Детские сады СКП, школы и институты начали функционировать. Страна ждала первых живучих гениев. Капля в море, но стоило лишь начать.

Владлена вышла из очереди и нашла чуть в сторонке Ладушку. Пятилетняя сестричка училась с ней в одном "смежном" классе. Пусть она, Владлена, уйдёт в институт раньше, но Ладу всё чаще забирают на индивидуальное обучение. Способности её, как экстрасенса заставили совет школы направить Василию, куратору проекта, послание с просьбой ввести в школе девятый класс, где будут учиться не совсем обычные ученики, как мальчики, так и девочки. Пока таких в школе трое. Это выяснили за два первых месяца. Лада владеет телекинезом, ещё одна девочка читает мысли и один паренёк видит на расстоянии. Перспектива.

— Не замёрзла? — Владлена обняла сестрёнку, что не отрывалась от взгляда в небо и даже с затёкшей шеей продолжала смотреть на небесные своды.

— Не-а... Звёзды падают. Красиво. Анжелика Петровна говорит, что это не звёзды, а метеоры и болиды, что сгорают в верхних слоях атмосферы, но я продолжаю называть их звёздами, хотя понимаю, что со звёздами они ничего общего не имеют. — Выдала Лада. — Астероиды, метеориты, кометы, метеоры, болиды... Столько всего интересного. Желаящим глубже заниматься, обещали показать скорости и формулы. Миша хочет стать космонавтом.

— Миша?

— Ага, вон тот белобрысый мальчик. Будет на курсы ходить. Он даже скорость света в вакууме знает и расстояние до Луны. Ты знаешь, сколько до луны пешком?

— Пешком нет, но в километрах около трёхсот восьмидесяти пяти тысяч. Ты хоть, сколько до солнца запомнила?

— Конечно, одна астрономическая единица.

— Не увиливай, — улынулась Владлена.

— Около ста пятидесяти миллионов, — ответила Лада и показала язык. Подошла её очередь смотреть в телескоп и ребёнок прильнул к аппарату.

Влада отошла от очереди и присела на скамейку к преподавательнице. Учителя вели по нескольку предметов, систематически выдавая общую картину знаний. Обучение шло не только на слух, или из книг, но и из компьютерных программ, визуально. Неделя астрономии вечером подразумевала просмотр научных фильмов и чтение, а ночью наглядную практику.

— Анжелика Петровна, напомним скорость света в вакууме.

— Около трёх сот миллионов метров в секунду.

— А если точно?

— Зачем тебе перегружать мозг информационным потоком?

— Сознание обрабатывает и запоминает часть, но подсознание — всё. Вдруг потом вспомню?

Учительница, улыбнувшись, достала карманный компьютер. Экран зажёгся, высвечивая цифры: 299 792 458 метров в секунду.

— Запомнила?

— Сейчас да, потом нет, — подумав, ответила Владлена. — Спасибо.

— На здоровье. Спрашивай обо всём, что нравится. У нас работа такая — возбудить в вас интерес к учёбе. Без техники я, признаюсь, вряд ли бы смогла отвечать на все вопросы. Программ только пока маловато. Пользуйся электронными энциклопедиями на любом компьютере. В обычных школах астрономию давно отменили, то ли считая слишком

сложной, то ли из-за нехватки часов и оборудования. Вам везёт — будете больше знать. Больше и по существу.

Влада кивнула и снова посмотрела в небо. Сегодня ярко горел Марс, маня людей познать его тайну и поверить в свои силы.

Нью-Йорк Подземные этажи

— ...Да, да, да, моя девочка. Именно так. — Золо поправил руку Леры, и повторный удар клинком отсёк манекену руку. — Для начала он должен ощутить боль, почувствовать страх и ужас, что прошлого не вернуть. Того, что оторвано, не пришить обратно, как и эту руку. Представь его глаза с застывшим вопросом и как кровь, стекая на пол, неумолимо лишает его жизни.

Лера, поправляя кожаный плащ, отошла от манекена, повернувшись спиной. Затем резкий поворот и в стремительном рывке лезвие пропороло горло. Небольшой нож, выхваченный из кармана на облегающих штанах, тут же вонзился в грудь, в самое сердце. Золо закатился булькающим смехом, аплодируя. Перед Лерой появился стол, заставленный фруктами и вином, мягкий стул. Эмиссар мог себе позволить играть с окружающим пространством, меняя атомную решётку. Редко когда предметы получались не совсем такими, как хотел. Чаще при неудачном построении предмет просто не появлялся на свет. Но сегодня, на подъёме сил и глядя на девочку, что вскоре станет его лучшей помощницей, Золо мог всё. Материализация предметов было искусством гораздо высшим, чем игра с внутренними пустотами, когда просто разбираешь предмет, якобы пряча внутри себя, а на самом деле просто храня информацию об атомах, что в один момент снова явятся из ниоткуда, своеобразного параллельного мира и слепятся в прошлую форму. Память построения и построение нового различались в десятках годах практики. Нередко со смертельным исходом.

Лера, оставляя клинок и нож в манекене, села за стол. Рука подхватила персик и белые зубы впились в мякоть.

— Устала я что-то, тебе обязательно оставлять эту молочную кислоту в моих мышцах? Я хочу и завтра тренироваться. И послезавтра. Каждый день. Мне надо многое успеть, — и молящие глаза, лукавая улыбка и всё данное от природы обаяние направились на моложавого мужчину напротив. Этот мужчина обладал властью, и бразды правления сконцентрировали в его руках большую часть мира. И он не собирался останавливаться на достигнутом. Как и она. В этом и были похожи, как две капли воды. Наверное, поэтому, он пришёл на зов.

Золо, покачав головой, сел рядом на возникший из пустоты стол. Эмиссар сконцентрировался и Лера ощутила подъем сил. Сердце перестало трепетать, разгорячённое тело остудилось, а во всём теле стала ощущаться лёгкость, словно хорошенько выпалась и размялась.

— Скоро тебе не нужно будет оружие, чтобы справиться с врагом, — обронил Золо.

— Тыстроишь в меня пистолет?

— Я сделаю кое-что получше. Боишься молнии?

— Молнии? К чему этот вопрос? Люди пугаются грома, а не самой молнии. Хотя смертелен не гром... Вроде каждый понимает, но продолжают пугаться грома. Так к чему ты это про молнии? Оденешь меня в доспехи и выпустишь в поле?

— Это идея, ха-ха-ха, но нет... Я же обещал кое-что получше. — Глаза Золы сверкнули чёрным. Бледно-зелёная радужная оболочка вдруг потемнела, и весь белок заволокло чёрным туманом.

Лера не успела испугаться. Было мимолётное ощущение, что внутри что-то взорвалось, потом перед глазами поплыло и резко всё встало на свои места. Мир вокруг ничуть не изменился. На столе так же стояли фрукты, и рука невольно схватила бокал вина. Тем более,

что мужчина напротив поднял второй бокал и баритон прокатился оп пустому, просторному помещению, без окон и дверей, но освещённое так, словно солнце проникало и сюда.

— За новую тебя!

И стекло встретилось.

Через три глотка свет в глазах Леры померк. Золо подхватил падающее тело.

— Нет, ты не умрёшь, проснёшься другой в нужный день. И если выживешь в ту встречу, будешь моей ученицей. Пока же просто спи, подождём следующего хода. — Золо подошёл к стене и в сплошной стали образовался проход. Он и она исчезли в нём, погружая комнату во мрак.

Над Нью-Йорком сгущались тучи.

Трасса на пути в Хабаровск

Вечерело. Трое бронированных джипов составляли кортеж Василия Васильевича Ботаникова. Член Совета в кой-то веки выбрался с базы домой. Повод был железобетонным — день рождение матери. В этот раз отказать по какой-либо причине считал кощунством.

Его автомобиль двигался в центре колонны и Гений, занимая всё переделанное заднее сиденье, ни на миг не отрывался от дисплея ноутбука. Сводки мелькали перед глазами, и даже закат не мог привлечь к себе больше, чем на мгновение. Лютый и Седой впереди по обыкновению в полголоса переговаривались. Речь шла о званиях. У самих была форма офицеров; у Лютого чёрный комбинезон с нашивкой щита, у Седого — щит с топором. Парни в ведущей машине и машине позади были "Волкодавами" в сером.

В висок кольнуло. Вася прикрыл крышку ноута и склонил голову к коленям. Сейчас должна была снова начаться головная боль. Хронический недосып делал своё дело. Стоило помять виски, понажимав активные акупунктурные точки и продышаться. Стоило забыть о работе на пару часов и посвятить время матери. Она, конечно, обеспечена и живёт теперь в новой квартире, ни в чём не нуждаясь, с возможностью строить новую жизнь, но очень скучает. Годами он был с ней рядом, бок о бок. И вот каждый день, каждую ночь живёт где-то в другом мире, с другими законами и правилами игры.

— Ё-моё!!! — Заорал Седой, выворачивая руль в кювет.

Автомобиль спереди вдруг подбросило в воздух и мгновением позже к небу вздыбилось пламя, а за ним чёрный дым — направленным взрывом прошибло топливные баки.

Взрывная волна повернула машину с Василием, выкидывая на обочину мощной "пощёчиной". Почти одновременно в прошитую бронёй дверь прилетел снаряд, выпущенный из РПГ. Только тот факт, что автомобиль в этот момент разворачивало взрывом, и водитель успел вывернуть руль, спасло Василия от прямого попадания. Снаряд ударил по касательной, проломив первую дверь, прошив насквозь Седого и вылетев во второй двери, рванул невдалеке от машины. Бронированное лобовое стекло приняло большую часть осколков. Водителю Лютому срезало половину щеки отскочившей шрапнелью. Джип грохнулся о деревья и перевернулся на крышу.

Лютый, Василий и Седой повисли на ремнях безопасности.

Задней машине повезло меньше. Успев затормозить и не врезаться, охране досталось целых три выстрела противотанковых гранатомётов. Пробивая целые стальные крепости со стационарной бронёй, усиленный РПГ последней модели разорвал автомобиль, сжигая и корёжа людей заживо.

Василий пощупал разбитый лоб и благословил ремни безопасности. Об ноутбук вышиб передние зубы, харкая крошевом вперемешку с кровью. Но если бы не был пристёгнут, противоударный корпус вполне мог сломать гортань.

Соображая где верх, где низ, Вася обронил, едва ворочая челюстью:

— Мать вашу... на танках что ли ездить... Лютый, Седой... вы как?

В ответ послышалось бормотание Лютого:

— Абзац... У меня шея сломана... Сам не выберусь... Седого вижу... Только он меня... больше нет... Голову не могу повернуть... Вася, кто там машину обступает?

Словно отвечая на вопрос, перед автомобилем выстроился ряд людей в полевой форме. До слуха докатился звук пилы-болгарки. Чуть спустя Вася увидел искры, бьющие в лицо. Отвернулся, ощущая запах подпалённых волосков. За тонированным окном вверх ногами стояли солдаты.

— Не двигайся, Лютый... зафиксируй шею... они в форме армии... контора?

— Не контора, не верь... — просипел Лютый. — Руки свободны? Дотянись до пистолета. У меня на поясе. Быстрее...

Вася больше на ощупь расстегнул кобуру, доставая ГШ-18. Обращаться с ним учил ещё Скорпион. Холодная, рифлёная рукоятка немного успокоила, вселяя уверенность, но руки дрожали, а по телу гуляли неприятные волны страха, пополам с холодом.

— Что толку? Их дам с десятком...

— Не продавай жизнь... задёшево. — Голос Лютого истончился и пропал.

— Лютый? Лютый, не отрубайся! Лютый?!

В ответ тишина.

— Мать вашу за ногу! — Вася снял с предохранителя и отстегнул ремень, поддерживаясь руками и перекатываясь на "дно" машины. Дуло упёрлось в сторону искр, палец напрягся, готовый спустить курок. — "Князя" так просто не взять.

"Автомобили облеплены датчиками. Спутники следят за передвижением. На базе уже дан сигнал тревоги, и группы мчатся к месту происшествия, в том числе со стороны города. Надо только продержаться. Потянуть время. Если двери заклинило, вытащить его будет не так-то просто. Только зачем он им живым?", — подумал Василий.

Искры дошли до конца двери, и мощный пинок вывернул её на бок. Тут же руки подхватили и отбросили кусок металла в сторону. И едва увидев просвет, Вася нажал на курок. И ещё раз. Ещё. Пауза. Ещё. Пауза. Надо тянуть время. Выстрел. Пауза. Восемнадцать патронов должны дать преимущество. Хвала небу, не Пустынный Орёл с жалкими семи патронами.

Стальной шарик прилетел в лицо, ломая нос. Прикрываясь бронежилетом, рука схватила за волосы и, выдирая те с корнём, потянула на себя. Не успел ещё раз нажать на курок, как вытащили на свет. Пистолет быстро вырвали, а чья-то пята опустилась на хилый пресс, выбивая дух и давая бонус — перехват дыхания. В пору было синеть лицом и кататься по пожухлой траве. Не мог вдохнуть, словно лёгкие схлопнулись. Диафрагма как взбунтовалась, корчась от болевого шока.

Пинки посыпались гурьбой. Берцы резали кожу на лице, как ножи. Видел шестерых. Ещё двое лежали у машины. Недвижные. Значит, кого-то всё-таки задел. Умрёт не зря. И сломанные рёбра не зря. Обидно умирать целым.

— Хватит! В машину его! — Рывкнул голос чуть сбоку. — По дороге порезвитесь.

"Нет уж, лучше убейте", — подумал Вася, всё ещё не в силах дышать.

— На том свете порезвишься, — услышал чей-то ответ Василий и тут же сдавленный хрип, выстрел, снова хрип.

Рысь убивал без эмоций. Гостей на своей территории не ждал, а на заступников силы не сдерживал. Безымянные солдаты не принадлежали внутренним силам России.

Вася, корчась, поднялся. Удалось вдохнуть, и теперь жадно хватал воздух.

Шестеро тел в масках разбросало возле автомобиля. Последний живой, кто отдавал приказ и выглядел старшим, лишился маски. Рысь держал его за горло на вытянутой руке и смотрел в заледеневшие зрачки. Едва он, серый нейтрал, появился, те глаза потеряли разум, присущий человеку. Управленец покинул тело. Марионетка обмякла.

— Ну вот, Вася, вас и приняли всерьёз. На установки ползете, совсем всполошатся.

Василий улыбнулся окровавленными дёснами с кусочками зубов, хрипя.

Рысь, осмотрелся по сторонам и пригляделся к двери, за которой висел Лютый.

— Тебе помочь или ему?

— Ему, — просипел Гений, щупая сломанные рёбра. Дышать стало больно, и было стойкое ощущение, что гематомы вскоре этот процесс усугубят.

Рысь рывком вырвал дверь. Кусок металла, сжавшись, просто отлетел метра на четыре в лес, как пенопласт. Отшельник потянулся к Лютому и, подхватив за плечи, сам собой щёлкнул кнопкой "открыть" ремень.

Через пятнадцать минут, когда приедет первая машина поддержки, Лютый не сможет объяснить, почему кроме царапин на нём ничего.

Отшельник, прикусив губу от того, что не может позволить себе облегчить боль Василия, исчез. В воздухе растаяли грустные глаза. Баланс никто не отменял. И давать право прочим Отшельникам или Эмиссарам на действие, может обернуться куда как более сложным случаем. Отшельник мог применять силу, когда дело касалось обозначенных границ или подопечных, но замешивать посторонних людей — тут существовали ограничения. В данном случае мог помочь лишь одному.

Вася прижался к покорёженному автомобилю. Ноги дрожали. Разбитые губы и дёсны стабильно заливали белую рубашку и ветровку красным. Голова плыла. Нашёл в себе силы выудить из внутреннего кармана сотовый. Уже не видя кнопок, набрал номер на ощупь.

— Да, Васенька. Ты где?

Ответить не смог. Всё погрузилось в черноту.

Англия Домик у моря

Дубовый паркет скрипнул. Блондин и чернявый остановились, глядя на дверь. Скорпион протянул брату катану со словами:

— Пригодится. В доме нашёл. Выглядит как муляж, но снимая морок, ощущаешь заточенное лезвие, справленное мастером несколько веков назад. Полагаю, трофей Зеи от времён "открытия" Англией Японии.

Сёма взял катану, отстранил брата и потянулся к ручке. Обронил:

— Это мой бой. Не вмешивайся, даже если прирежут. Как я Маше в глаза буду смотреть, если не спрошу с суккуба за обманутую любовь?

— Ты хочешь ей доказать? Или самому себе? Люди физически не способны противостоять суккубам. Эти существа так задуманы. Что я скажу твоей Маше, если не выйдешь из этой комнаты?

Сёма не ответил, ладонь провернула ручку. Брат схватил за катану, вырывая из руки и выкидывая в угол комнаты. Блондин повернулся с каменным лицом. Он мнения своего не изменит и всё равно зайдёт в её комнату. С оружием или без.

— Я ценю твою решимость, кшатрий. Возьми вместо катаны это. — И У Сергея в руках появился меч Славы. Чернявый погладил лезвие, коснулся губами и протянул брату. — Бери. Не обожжёт. Он тебя знает. Я же даю слово, что за дверь не войду, что бы ни случилось.

Сёма крепко, до побелевших костяшек, обхватил рукоять и решительно потянул дверь на себя. Первый шаг был самым сложным.

Она сидела в мягком кресле посередине комнаты, обнажённая и сияющая совершенством форм и нереальной красотой. Лукавая улыбка не сползала с лица. Возле кресла сидели пантера и пума. Без ошейников и поводков.

— А вот, мальчики, и наш милый пришёл. С игрушками. Милый хочет поиграться, — комната залилась мелодичным смехом.

Звери на миг повернулись к двери и тут же потеряли интерес к входящему. Пара зевков и головы легли на лапы.

Сёма продышался, подбирая слова:

— Зея, ты хорошо к нам относилась, но копать внутри меня я тебе не разрешал. Для тебя это всего лишь похоть, для меня удар по душе. Этого я тебе простить не могу.

— Малыш злиться. Малыш хочет ласки? Иди сюда. — Она расставила ноги, сползая по

спинке кресла ниже. Палец лёг на спелые губы, и она облизнула кончик наманекюренного ногтя.

Сёма закрыл глаза, застыв у двери как изваяние.

Зея погладила кожу рук, коснулась спелых грудей с торчащими сосками. Томный голос продолжал ломать на щепки:

— О, малыш стойкий? Стойкий оловянный солдатик. Думаешь, не расплавишься?

Сёма представил, что врос ногами в пол, пустил корни. Её голос обладал чарующими действиями. Тело рвалось бросить меч и в два прыжка оказаться у её ног. Совсем как те звери. Или они и есть такие же порабощённые самцы? Звери на коротком, незримом поводке. Под чарами и каблуком.

По лбу потёк пот. Слабость навалилась на тело. Да с такой силой, что едва не рухнул на колени. Затем резкий скачок сил едва не заставил стартовать к ней, как спринтер. Но Сёма снова не сдвинулся с места, и повторная слабость навалилась втрое сильнее. Хотелось пить, губы пересохли, словно не один день брёл по песчаным дюнам. Едва слышно прошептал, едва удерживаясь на ногах:

— Нет, Зея... Ты больше... надо мной... не властна.

— Что? Ко мне! К ногам!! Быстро!!! — В голосе звучала сталь. Этот командный посыл влиял на мозг. Волны влияли на подсознание и оно уже подчинилось оратору. Но под контролем Леопарда оставалось сознание. Малая часть, толика, самая слабая при всех внешних воздействиях, но он мог ей управлять.

— Чёрта с два! Возможно, я не заслужу прощения Марии, но ты больше ко мне не прикоснёшься.

— Она не узнает, дурачок. Иди ко мне... Иди же, милый. — Она встала во весь рост, и голос снова стал слаще мёда.

Сёма стоял с опущенными веками и тело мелко дрожало. Уже не понимал где находится и зачем? Всё вокруг казалось сном, и внутренний защитный барьер падал. Открывался ей уровень за уровнем. Она брала в свои руки, гипнотизировала, как змея добычу. И он был этой добычей, мелкой, ничтожной мышкой по сравнению с ней. И так хотелось просто отдать ей всего себя... Она красива, она королева, она богиня... Она...

Руку обожгло. Это взбодрило всплеском адреналина. Сёма открыл глаза и рефлекторно выставил меч над головой. Чёрная тень едва не сшибла с ног. Отклонился в бок, не опуская клинка.

Рука выбросила меч в последний момент, и лезвие пропороло живот пантеры, найдя мягкую плоть от последнего ребра и почти до хвоста. Зверь закричал, кровью и внутренностями залило пол и ковёр. Подскочив и покачавшись на ногах, рухнул и больше не встал. Зато самец пумы не заставил себя долго ждать и бросился на грудь, стараясь сбить передними лапами с ног, а потом впиться клыками в горло. Когти и зубы мелькнули в воздухе.

Сёма сверкнул жёлто-карими зрачками. Зрачками Леопарда. Тотем отозвался мгновенно. Лезвие отрубило передние пуме, меч выпал — перестал контролировать тотем, потеряв управление — и руки со странной силой схватили зверя ещё в воздухе. Обхватил за шею. Послышался хруст. На пол зверь упал с вывернутой головой. А Леопард оскалился. На человеческом лице это был оскал зверя едва ли не страшнее самого леопарда.

— Киса хочет поиграться? — Обронила Зея, и бархатная кожа королевы красоты спала, порванная на лоскуты. Суккуб увеличилась в высоту и ширь. Вместо гладкой, атласной кожи красивой человеческой женщины, перед Леопардом стояла демонша. Если точнее — вампирша. Демонизированное существо женского пола, питающееся сексуальной энергией человека.

Они прыгнули друг на друга. Монстр и зверь схлестнулись посреди комнаты, оглашая весь дом гулким басом и рыком...

А у Скорпиона за дверью события разворачивались не менее быстро. Из воздуха в коридоре материализовалась фигура лысого мужчины в дорогом костюме-тройке, при

галстуке и в лакированных кожаных туфлях.

— Зея что тут у тебя... — незнакомец оборвал себя, поправляя манжеты на рубашке. Долго посмотрел вихрастому подростку в глаза.

Скорпион ощутил пустоту в руках. Меч был за дверью, а войти туда даже под угрозой смерти не мог. Обещал. Не было ещё случая, чтобы нарушил слово. Да и Сёма не из тех, кто простит за помощь, если он её не просил.

Ситуация получилась более чем странная. С двух сторон обхватили смерть и честь. Оставалось только расслабиться и принять бой всей душой. Шансов вывезти правую руку эмиссара мало, но кто сказал, что их совсем нет?

— Вторая шестёрка Мёртво, если не ошибаюсь? — бросил Скорпион на английском, жалея, что на нём строгие штаны и рубашка, а не спортивный костюм или военный комбез.

— Ты ещё что за шелуха? Где Зея?

— Ты не женщина и кипы на голове я не замечаю. Отвечать вопросом на вопрос не культурно. Что до Зеи, она занята. Можешь со мной поговорить.

Кулак разрезал воздух. Скорость была такой, что Сергею удалось отклонить голову лишь в последний момент. Сознание пришлось спустить на тормоза, отдавая власть бессознательному бою и двадцати одной подвластной ступени. Время вокруг замедлилось, сам ускорился во временном потоке.

Помощник эмиссара не ожидал подобной прыти, рассчитывая убить одним ударом жалкую муху. И удар костяшками в грудь в область сердца был неожидан.

Скорпион выиграл секунды полторы и не собирался терять это время даром. За первым ударом пошёл на сближение, сломав локтём два ребра и, хватая за пиджак, коленом впечатывая... воздух.

Помощник быстро оправился от шока и сломанные рёбра не особо мешали движению. Оставляя куски пиджака в руках настырного юноши, развёрнулся за спину и пятернёй припечатал по лопаткам. Этот шлепок был воздушным ударом. Хотя сама ладонь едва коснулась тела, Скорпиона отбросило на лестничные ограждения. Клок рубашки в районе удара изодрало в клочья, словно та попала в мясорубку. Сергей врезался в ограждение и едва не улетел на первый этаж. Только в последний момент зацепился за край и развернувшись, отталкиваясь руками и ногами, прыгнул, разрезая воздух туфлёй.

В помощника не попал, лишь сбил пальцы узкой обувкой и проломил стену, едва не застряв. И удар в плечо развернул волчком, отбрасывая на противоположную стену. Ударился не только лопатками, но и затылком. Перед глазами мир смазался. Но этот бой был рефлекторным, мозг снял блоки, расширив канал восприятия и диапазон всех чувств. Противника ощущал телом всем. Закрыв глаза и снова попытался достать помощника ногой, отталкиваясь от пола, но снова лишь воздух оценил удар. Зато на этот раз незнакомец бить не стал. Перехватив ногу и крутанув, он всем телом припечатал о дверь. Дверь комнаты, где шла битва демона со зверем. Дубовая дверь устояла, но удар был настолько силён, что снёс сами створы, как картонку. В пыли и крови, заглушая до минимума диапазон осязания, Скорпион влетел в комнату.

Леопард дрался руками и ногами. Один против всех. Для него сейчас не существовало союзников. Разум Сёмы дремал, полностью подчиненный зверю и желанию убивать. Контроль мог вернуться, только когда победят или не останется врагов. Влетевший в комнату с дверным проёмом и загнущий на небывалой скорости за ним лысый были такими же противниками, как все.

Ещё не коснулась пола дверь, а Скорпион ощутил добивание. Кулак впечатал в проём, и нога подбросила в воздух, как футбольный мяч. Без ступени минералов, что прошёл ранее и укрепил скелет, большинство костей было бы переломано. Ещё эффект защиты давал нефизический комплекс защиты, что практиковал не один год. Про себя он называл её "кольчугой", некоторые звали "рубашкой". Отражая часть энергии как зеркало, этот эффект сглаживал и смягчал удары. Что не раз спасало жизнь и внутренние органы от фатального сотрясения или кровоизлияния. А сколько раз рёбра в целых оставил — не счесть.

— Что за... — помощник остановил натиск, глядя чуть в сторону.

Скорпион перекувыркнулся через голову и боковым зрением приметил, что демонша-вампириша лишилась головы. Блондин вырвал гортань, сломал окаменевшими до состояния когтей пальцами шею и, наступив на излом, выдрал голову, поднимая высоко над собой.

— Ты? Ты завалил Зею? — Опешил помощник. По его удивлённому тону можно было сказать, что он числился в помощниках Мёртво после неё.

"Он не был сильнее её. Ну, Сёма даёт", — подумал Сергей, хватая валяющийся в углу меч Славы.

— Зря отвлекаешься!

Помощник повернулся.

— Даю тебе последний шанс убить меня, — обронил Скорпион.

— Он...ты... как... — помощник вертел головой, смотря на человека-леопарда и на человека с мечом.

За двоими угледеть не удалось.

Скорпион, вздыхая, убрал меч. Железный артефакт лучшей стали почернел, обагрённый кровью, словно его не только "воронили на сталь", но ещё и обогатили углеродом, как современные метательные ножи повышенной проникающей силы и прочности. Меч растаял в воздухе, растворяясь энергией в Оруженосце и сохраняясь памятью в подсознании.

Они попали в помощника одновременно. Клинок сверху вниз пропорол рёбра, лёгкие и диафрагму, дойдя до кости. А каменные пальцы духа царя Леопардов в пару ударов снесли шею человеку. Сёмин тотем отличался особой жестокостью. Повзрослевший за лета, с момента получения, леопард в Сёме был опасней любого льва на свободе и молодого тигра на плече. Только тигр поддавался разуму, а леопард нет. И напротив Скорпиона застыл яростный берсеркер с янтарными глазами, сто переливались то жёлтым, то карим, то почти светились. Зрачок стоял, как у кошки. Янтарный взор был признаком того, что Сёма может не вернуть разум вовсе. Но Скорпион больше не собирался доставать меч из Пустот.

— М-Ё-Р-Т-В-О!!!

Стёны завибрировали от призывного гласа. А от глаз не укрылась деталь, что кожа на правой руке Сёмы порастает пятнистой шерстью. Тотем самолично начал трансформацию, окончательно подавив волю хозяина.

Эмиссар возник в комнате. Плотное тело, короткая, стоящая ёжиком шевелюра русых волос, серый костюм, три платиновых серьги в левом ухе, на шее шёлковый платок. Он кардинально изменил имидж и внешность.

— Я слышу знакомый голос. Ты всё ещё жив? — Он смотрел на Скорпиона, мало обращая внимание на пронзённого, растерзанного лысого и демоншу, которая так и лежала на полу в естественном облике демона. Потеря ставленников его если и расстроила, то не сильно.

— Я-то жив и почти не расстроился, а вот у брата к тебе разговор, — и Скорпион демонстративно вышел из комнаты, в коридоре ускоряя шаги в сторону ванны.

Эмиссар повернулся. В глаза смотрел человеко-зверь с обросшими пятнистой шерстью руками и удлинившимися клыками. Начиналась трансформация черепа.

— Ты это ещё что за фрукт?

— Агр-р-р, — ответил человек-зверь и прыгнул...

Скорпион забежал в ванну, и, не обращая внимания на откат боли после драки, судорожно включил все краны в ванной и закрыл дно крышкой. Затем закрыл ванну занавеской и побежал обратно к месту боя.

Когда пулей влетел в комнату, эмиссар стоял в изодранном костюме с оторванным ухом. Зверь напротив него обзавёлся хвостом и жевал это ухо, выплюнув, когда на зуб попала серёжка. Он не опустился на четвереньки, стоял, как человек, а вот в плечах раздался, и одежда рвалась под давлением мышц.

— Что за чёрт с твоим братом?

— С ним? А что не так? — Пожал плечами Скорпион, скрывая боль внутри себя, не давая отразиться на лице. — Наверное, есть хочет. Терпеть не может ваши фаст-фуды. Вот и решил перекусить. Заморить, так сказать, червячка. Или мышку поймать. Ты же поступил не лучше, когда по самолёту прямой наводкой бил. Или это были не твои наводчики? Тебе с сотоварищем вдруг стало начхать на наш уговор, по которому мы отправлялись на охоту на Золо с вашей помощью. Так что мешает в ответ тебя убить?

— Хе, ну попробуй.

Эмиссар шагнул и растворился в воздухе. Леопард проломил стену, выпав в соседней комнате. Словно не особо пострадав, встал и, рыкнув, с человеческой усмешкой на зверином лице прыгнул навстречу очередному удару.

Скорпион почесал висок и присел в углу комнаты. Сначала всё начиналось хорошо: он не нарушал слова, влетев в комнату не по своей воле, помощник Мёртво пал, а Сёма лишил жизни суккуба, но дух неистового леопарда, воюя в теле хозяина слишком долго для изнеможённого разума, взял контроль над телом. И возвращать его не собирался. Так что с Сёмой пришлось бы драться. А надо не драться — вернуть.

" Но как драться с братом, если тело его, а разум нет. Бить в полную силу психологически невозможно, а драться наполовину, сдерживая удары — убьёт, не почуяв разницы с другими врагами. Кто же тогда будет мстить Мёртво за две сотни убитых по той лишь причине, что летели вместе с ними? И договор надо чтить. Или сильные мира сего не признают таких договоров? Или, что хуже всего, их признают только Аватары и отчасти нейтралы, а эмиссары творят, что заблагорассудится? Тогда какой смысл в балансе? В этом хаосе каждый действует, как считает нужным. С выгодой для себя. Это уровень Разрушителя. А Земле и одного с избытком. Тогда моим шагом будет убрать этих Эмиссаров, как лишние фигуры с шахматной доски. Человечеству и так не сладко из-за постоянных конфликтов. Но не стану ли я сам подобен Разрушителю? Об этом придётся подумать после... После возвращения Леры".

Скорпион подскочил. В комнате дым стоял столбом. В стенах было четыре пролома. Бой шёл двумя комнатами левее, ближе к ванной, где топилась вода. Эмиссар и Зверь поочередно пробивали телами всё, что было на пути. Едва Мёртво старался применить психоэнергетику ступеней, зверь бил. Едва Зверь старался более мощно трансформировать тело, бил Эмиссар. Они ощущали возможности друг друга. Один невероятным чутьём, что развилось во сто крат по сравнению с человеческим, другой внутренней силой, которую поднял до невероятных для человека высот, но направил не в то русло. Блоки сняты, манёвр ограничен. Силы выглядели равными. Оба тяжело дышали.

Дух Леопарда не смущал тот факт, что противнику более двух веков, царь леопардов был старше. И видимо только Сёма мог знать, почему его тотемом стал Верховный, а не рядовой дух. Складывая эту догадку с воспоминанием о Японии, о той битве с Ино, когда Отшельница отпустила их, Скорпион неожиданно понял, что с Сёмой что-то происходит в последнее время. Что-то, что делает его сильнее. При получении тотемов Рысь загадочно молчал, но так и не поднял вопрос о внутренней сути брата. Выходит намеренно? Или ещё не был способен увидеть что-то внутри? Кто же дал Сёме эту внутреннюю силу?

Сергей, тряхнув головой, снял опостылевшие туфли, содрал остатки рубашки. На предплечье вспыхнул и завертел жалом скорпион, активировал внутреннюю суть, а с другого предплечья в пролом стен полетел орёл. Размаха крыльев был таков, что птице сложно было лететь, ничего не задевая. Скорпион побежал сквозь проломы следом, отмечая, что птица с последней встречи порядочно подросла. Значит и он стал сильнее. Попечительство Родослава?

На Эмиссара обрушился град ударов. С одной стороны бил зверь и каждый удар мог быть смертельным, если не уходить с линии атаки, над головой кружился орёл, выставив когти и ожидая удобного момента, с третьей стороны обрушился недобитый подопечный Родослава.

Мёртво впервые испугался за свою жизнь. Холодок успел пустить корни, и плавное

движение получилось рваным и неоконченным. Этим тут же воспользовался орёл, обрушившись на голову. Когти разорвали лицо и вырвали клочок одежды с груди. Орёл тут же взмыл под потолок, заходя на повторную атаку, но его место тут же занял Леопард, и грудная клетка Эмиссара проломилась под мощным ударом тотема. Кости рёбер пронзили органы; сердце лопнуло, лёгкие наполнились кровью, как и белки глаз тёмного врага. Впопыхах прогнанные ступени взялись за "починку" тела, но почерневший меч уже блеснул в руках черноволосого. Меченосец продолжил атаку орла и леопарда.

— Передавай привет всем тобой убитым пассажирам, — услышал напоследок Мёртво, перед тем как из попечителя смерти превратиться в её клиента.

Несколько взмахов меча и истерзанное тело без головы рухнуло на пол. Лужа быстро скапливалась под бездыханным телом. Эмиссар отошёл в небытие, что давало ему силы для управления миром и влияния на всё сущее.

Но для Скорпиона бой не закончился. Растворив в себе меч сразу после удара, он схватил леопарда за руку, которая почти что стала лапой и, потянув на себя, отодвинулся, толкая со всей доступной силой в последнюю стену. Последнюю перегородку, что разделяла их с наполненной ванной.

Леопард разбил спиной последнюю стену. Скорпион про себя благословил дом за то, что он кирпичный, а эти панельки не такие уж и прочные, как на вид. Орёл рванул в проём вслед за зверем и послышался крик и плеск. Когда Сергей запрыгнул в проём, зверь сражался с занавеской, плюхаясь в воде. Орёл сидел на умывальнике и ярый птичий клёкот оглушал.

Леопард попытался рвануть из ванны одним прыжком, но Сергей с ударом колена отправил обратно. Оба упали в ванну, за борт хлынуло едва ли не две трети воды. Вода залила уже не только ванну, но и стремилась по коридору.

Леопард обхватил Сергея за торс, царапая так, что кожа рвалась. Вода окрасилась красным.

— Врёшь! Не возьмёшь! Купаться! — Орал Скорпион, не выпуская Леопарда из воды. — Киске нужна ванна! Глупый кошак грязный!

Как и предполагал, неприязнь кошек к воде отражалась и на царском духе леопарда. Первыми пропали звериные зрачки. Сёма перехватил контроль над телом. Рык ещё рвался из груди, но слабел.

За какую-то минуту тело вернуло прежнюю форму.

— Я победил? — Обронил, придушенный коленом, Сёма, глядя снизу вверх на брата.

— Победил всё, что видел, — ответил Сергей, ослабляя давление ноги. — А потом догнал и снова победил.

Сёма отключился с улыбкой.

— Мне становится страшно с какой лёгкостью ты всё это делаешь, — добавил шёпотом Скорпион, убирая колено.

Птичий клёкот сменился. Было похоже на то, что орёл одобряет или рад победе.

Сергей отключил краны, перевалился через борт ванны и из последних сил вытащил брата, уложив блондина у окна. Сам, обессиленный и уставший как физически, так и морально, прижался к бортику спиной. Взгляд зацепился за радостного машущего крыльями тотема.

— Благодарствую, гордый небесный воин. Ты хоть и не царь, и духом в момент посвящения не был, но сил-то в нас, собрат, не меньше. Правда? Что там королевские духи тотемов?

Орёл расправил крылья и, спикировав прямо с умывальника, врезался в грудь Сергея, исчезая, как прыгун с вышки в водной глади. Спустя секунду, на правом предплечье снова обозначилась татуировка. А на соседнем, последний раз шевельнув жалом, замер скорпион.

— Подождите! Я ещё не спросил вашего мнения, что с домом и суккубом делать? Растерзанные тела людей полиция ещё поймёт, а вот с чудищем этим сложнее... — кривя губы, обронил Сергей.

Тотемы молчали, застывшие, неживые. Скорпион сидел на мокром полу, ощущая холод

и жизнь. Связки болели отдачей, тело ломило, и боль в груди говорила, что несколько рёбер всё же были сломаны. Свербило в потревоженном позвоночнике, немела левая рука, кровоточила рваная рана на спине. Состояние не из лучших. Вдобавок нервы сдают, хочется перестать существовать. Снова эта череда преодолений самого себя. Тяжелейший противник из всех возможных.

Сергей рассмеялся сквозь боль. Беззаботно, освобождено.

— Блондин, я говорил не заходи! Упрямый балбес. Где я тебе святую воду на суккуба возьму? Крематория поблизости нет. Или... — Сергей осёкся, зачерпнув здоровой рукой с пола в ладонку немного воды. Губы почти прикоснулись к воде, сосредоточился. Горло завибрировало глубинным гортанным звуком. — Б-Л-А-Г-О!!!

Не глядя, плеснул водой за борт ванны. Продышавшись, прикусив губу, схватился за борт и, корчась, привстал. Взгляд наткнулся на воду в ванной. Красная от его крови минут назад, она была кристально чистая. Информация заряженной воды передалась и первичный состав восстановился.

Скорпион повернулся к Сёме, бормоча:

— Спорим на тысячу отжиманий, что донесу суккуба до ванны одной левой?

Сёма не ответил, а Сергей, подумав, добавил:

— Ну не всего конечно. Сначала голову. — Ещё немного подумав, снова добавил. — И кто вообще сказал, что затопленный дом не горит? Хочешь опыт на практике?

Сёма валялся у окна, всем видом показывая умиротворённость.

Свой опыт он уже провёл. Анализ будет позже.

Франция **Ресторан на Эйфелевой башне**

Ресторан на пике парижских высот странно пустовал. Лифт больше не поднимал вверх, не спускал вниз. Люди: городские, приезжие, туристы и иногородние, полиция и технический обслуживающий персонал перестали бродить возле груды металла, грозящего вечернему небу. Площадь пустовала, лишь немногие, преодолевая себя, ходили по окраинам. В ресторане не было и прислуги. Но на следующий день люди этого не вспомнят. Головы заполняют обычные для жителей города воспоминания и запоминающие для всех, кто должен был быть здесь впервые.

Рыжий, кареглазый богатырь, кого в разные времена называли Локки, Вий, Шайтан, Морок, Богоборец, Святой отшельник, Магог, Сет, и просто Наваждение, на самом деле носил с рождения имя Миросмир. И был он сыном Световита, внуком северного бога Рода, и братом-двойняшкой Родослава. Братья, рождённые смертными, жили душа в душу, но много позже с получением бессмертия, приобрели в союзники богов Раздора, Смуты и Противоречий. С тех пор мир не знал больших противников, объединяющихся только в крайних случаях. Последний случай был с рождением сына Миросмира сто двадцать веков назад...

Но об этом позже.

— У моего сына не было таких союзников ближайшие несколько веков с рождения, — пророкотал рыжий, пробуя на вкус вино, разлитое ещё до рождения Иешуа. Буркнул недовольно. — Что за гадость? Вот был у Диониса помощник, был у него грибок на ногах чудной. Вот мужичок этот чахленький топтал виноград, так потом за этим вином все цари в очередь становились. Эх, было времечко...

Родослав вздохнул, потягивая горячий сбитень с черникой, ответил:

— Дионис был на чудо дивным архитектором. Он мог воздвигнуть для мира что-нибудь затмившее Колосс и Александрийский Маяк, но твои беседы "в жизни надо всё попробовать", привели его к вечному веселью. И скольких потом в этом убедил он? А скольких продолжают убеждать его последователи?

— Да ладно, не бурчи. Я что ли кристалл атлантов активировал... Знатно волна

пошла... — Рыжий развёл руками, задевая блюдо с вымоченной в вине крольчатинной. Но до пола оно не долетело, плавно вернувшись на место.

— Нечего было совращать, всё что движется, и нет! — гаркнул синеглазый, оставляя сбитень и принимаясь за греческий салат.

— Ты ещё про Садом и Гоморру вспомни. Как тебя Велес развёл на подработку? В итоге ты вне игры, а он бог, — засмеялся Миромир.

От этого смеха завибрировало помещение.

— Он и так был богом. Только чуть поменьше рангом, Янус похлеще тебя. С тобой можно много спорить, но не у моего сына имени нет, — ответил Родослав, убирая вибрации. Эту башню любил. И Гитлер в своё время передумал подрывать знамя Франции.

— Ещё не время, — буркнул рыжий.

— Ты обломаешься. Ты говорил мне про его союзников. Да, Меченый долго был один. Зато потом? Иштар, Арес, Перун, Велиал... Тех, кто не дожил перечислить?

— Тех, кого ты остановил?

— А что, я должен был смотреть, как они сжигают все "посевы"?

— Никто и не надеялся. Тех, кто выжил, вполне хватило на обновление.

— Я своего племянника не трогал. Разве тронешь ты своего?

Миромир посмотрел на залитые жиром пальцы, перевёл тяжёлый взгляд на брата:

— Когда же ты скажешь Скорпиону о родстве? Объяснишь дитятке, почему поставил этот эксперимент с выживанием? В ком больше гнева к детям? Неужто во мне? Или не решишься сказать? Правда сама всплывёт, знаешь.

— Когда схлынет первый порыв или когда покажется мать.

— Да, чёрт возьми. Детишки похожи. Оба в мать: чернявые, зеленоглазые. Им не достались наши плеч, наш рост. Верно говорят — мельчает народ. Наши правнуки будут ещё слабее?

— Мне бы внуков дожидаться. Дед не заводил потомства миллионы лет, отец сотни тысяч лет, мы десятки тысяч, а сколько понадобится нашим детям? Если сила передаётся с такой скоростью...

— Зачем? — Резко оборвал рыжий.

— Что зачем?

— Твой сын сломал Барьер и поставил снова, — напомнил брат событие последних месяцев.

— Предпочитает развиваться по времени. Не скачет вперёд. Осознание своих сил без знаний контроля опасно. Зачем тебе новые Потрясения? Хороший мир, не Резервация какая-нибудь...

— Он мог сидеть с нами.

— Твой тоже мог, но не стал.

— У него много работы, — пожал плечами Миромир.

— Ты лжёшь даже самому себе. Неудивительно, что твой сын перестал тебе доверять.

И этот брат говорит мне про отцовство...

— Мой сын обратился за помощью к тебе, а не ко мне!

Башня снова завибрировала. Родослав повторно сконцентрировался на вибрации, обронил:

— Я не пытал его собственными руками!

Вибрация погасла так же резко, как началась.

— Я хотел срезать эти знаки на всех уровнях, — взгляд Миромира притух, плечи поникли. Гусиная печень, намазанная на зажаренное мясо редко встречающейся в природе двуносой собаки, перестала терзать аппетит.

— Почему же не начал с себя? Или меня? — Родослав попытался припомнить, сколько раз они загоняли друг друга в угол, и оставался лишь последний удар. То ли сил не хватало добить, то ли понимание приходило раньше.

— Ты можешь обидеться, а я как-то... крови боюсь, — снова пожал плечами рыжий

сын Световита, заливая подбородок соком с корочки мяса с намазанной на неё печенью.

— Испанские сапоги, четвертование, колесование, гильотина, срезанные на солнце веки, снятие скальпа, набитая соломой шкура, крюки под рёбрами, сажание на кол, пылающие костры, демонократия... — сходу напомнил Родослав. — Кто там крови боится?

— Не порть аппетит, ты тоже был молодым. Кто старое помянет, тому бог Один одноглазый друг.

— А кто забудет, тот вовсе с Хароном дружит... Твой сын поднял под знаком пятиконечной звездой огромные сверхдержавы, ослабляя нити воздействия твои и мои. И в этот момент ты проявляешь вдруг "отцовские чувства"?

— Ты не поддержал развитие ислама, не желая оставаться в средневековье, так почему в данный момент добиваешь Волохатого? Пусть себе скрывается среди людей.

— Он встал с трона, но никуда не ушёл. И дело не в Средневековье. Меня, как и Природу привлекает разнообразие видов, а не одно знамя. Сам знаешь, стоит одной религии преобладать, слившись в одно целое со всеми прочими, как тут же появятся ветви, иные толкователи, дочерние конфессии, умеренные последователи, радикальные, полные отрицальщики, тотальные фанатики... Всё вновь закрутится и начнётся такой же бедлам, как и сейчас. Так какой смысл становление единоверия? Пусть будет выбор.

— Да брось, после зачистки вполне могли разделить на пару лагерей, не больше. Реформаторы будут всегда, но не десятками тысяч мнений.

Родослав дожал, добивая:

— От тебя отвернулся собственный сын! Самый верный реформатор. Ты думаешь, я должен остервенело цепляться за прошлое?

— Он молод... Ты же никогда не отличался благоразумием. Как говорится — в семье не без уродов.

— Лилит не повезло, когда первым повстречала тебя. Выбравшись из подземелья, на кого только не наткнёшься. Шляются всякие, от ледника убегают. Не повезло. Так что теперь за неведение всю жизнь расплачиваться?

— Ты хочешь узнать, что она в это время ощущала? Я покажу тебе, дай ка руку. — Мировир усмехнулся и Родослав отключился.

Палестан. (совр. Палестина, в прошлом — Палёный стан.) Много лет назад

Босые ноги ступали по жёсткой, прожженной неземным огнём, земле. Ступни должны были обуглиться и сгореть, но зеленоглазая девушка не замечала эти мелочи. Из ранга людей её вывели тьму лет назад. Взамен получила кое-какие способности.

Лилит покинула земли ада. Впервые с момента её добровольного изгнания. Семьсот с лишним лет она ждала встречи с любимым во тьме подземелья, пока срок его жизни на земле не истёк. Но Адам и Ева покинули землю в одно время. И Лилит за века добровольного заточения так и не решилась приблизиться к нему, когда Ева рядом.

В один момент в груди что-то надломилось, и сердце запросило на волю, прочь из подземного царства. К свету, далёкому младому новосотворённому миру, навстречу неизведанному. И она впервые послушала сердце, уйдя прочь из царства тьмы.

Девушка была нога, и солнце немилосердно жгло молочную кожу. Долгое пребывание во тьме не лишило зрения, но забрало живые краски. И сейчас светило жгло, покрывая красным налётом, что к ночи остынет и оставит следы ожога — ровный загар.

Лилит брела по сухой земле в неизвестном направлении. В еде или сне не нуждалась, отвыкла от пищи. Ей казалось, что она уже вообще ни в чём не нуждается, её одиночество продлится до скончания времён. В мире нет больше людей, кто смог бы скрасить её одиночество. Она одна во всём мире. Вся безразмерная земля отдана ей во владения. Только что с нею делать?

— Эй, стой!

Лилит непроизвольно улыбнулась — снова её посещают бредни галлюцинаций, голоса, ведения. Сейчас начнётся.

— Стой тебе говорю!

Девушка замерла, поражённая. Тело невольно взяло дрожью. Чья-то рука легла на плечо, уверенно повернула к себе. Слова были понятны. Человечество ещё разговаривало на едином языке:

— Кто ты? И что делаешь нагой посреди этих негостеприимных земель?

Чернявая подняла глаза. На неё смотрели темно-коричневые зрачки. Глаза не зверя, но человека.

"Таких глаз не бывает!"

Гигант, на две головы выше Лилит, с локонами рыжих, как самое яркое пламя, волос, что лежали на плечах в суровом беспорядке, требовательно смотрел в глаза и ожидал ответа.

— Ты... — только и смогла вымолвить Лилит, потеряв дар речи.

— Я Миромир, сын Световита, внук Рода. А кто ты?

Ноги зеленоокой подкосились, упала на колени, обхватив голову руками. Ей захотелось или избавиться от галлюцинаций или забыться тяжёлым беспробудным сном. Всё происходящее не могло быть по определению...

"В мире же нет больше людей!?"

Мощные руки подхватили с лёгкостью, гигант перекинул через плечо и бодро зашагал в одном ему известном направлении, здраво посчитав, что странная девица перегрелась на солнце и не сможет ответить ни на один вопрос, пока её не обдать водой и не положить в тень...

Лилит очнулась на мягких звериных шкурах, посреди прохладной пещеры, в углу которой сиротливо горел огонь. Послышалась мягкая поступь босых ног по камням, и в пещеру вбежал ещё один человек — ребёнок, с кипой хвороста для костра. Он быстро скинул еду для костра в угол, побросал пару веток в пылающие огоньки и, не говоря ни слова, лишь окинув быстрым, любопытным взглядом, убежал прочь из пещеры.

Дева лежала на шкурах шокированная и потрясённая, перебирая целые горы хаотичных мыслей, что метались в голове быстрее ветра.

"Значит, каким-то чудом она всё-таки не одна".

Слух уловил тяжёлую мужскую поступь. Миромир нарочно шлёпал по камням сшитой из плотной шкуры обувью, чтобы незнакомка вновь не упала в обморок, прежде чем он задаст хотя бы пару вопросов. Но сначала...

Миромир приблизил к глазам Лилит что-то похожее на звериные шкуры, только странно обрезанное и перевитое воловьими жилами в местах соединений. Гигант склонился перед ней, громовой голос заставил вздрогнуть:

— Прошу тебя, одень. В нашем племени не престало ходить обнажённой. Даже дети носят одежду. Это дань тем временам, когда мы пришли с севера, отступая от ледника и диких морозов. Мои люди — самое южное племя, ушедшее дальше всех. — Голос Миромира звучал уверенно, твёрдо, но угрозы в себе не нёс, Лилит протянула руки, вопрошая:

— Одежда?

— Да, одежда. Её носят вот так. — Мужчина помог водрузить лоскуты на бёдра Лилит, добавил. — Женщины нашего племени одевают ещё и так. — И он повязал второй лоскут одежды на грудь Лилит, одергивая себя от мысли повалить эту дивную деву на шкуры и захватить в объятья. Всё-таки незнакомка, гость. А Покон, данный дедом Родом, явно говорит, что гостям в любом обиталище всё лучшее, кров и защиту.

— Какая неудобная одежда. Зачем люди это носят? — обронила Лилит, поправляя повязки.

— Ничего, привыкнешь... Скажи же мне своё имя. Моё тебе известно.

— Я Лилит. — И она опустила глаза. Не могла пересилить себя долго смотреть в глаза этому могучему человеку. — Я раньше думала, что на всём белом свете, больше никого нет... Не осталось после изгнания... Но есть ты...

Миромир широко улыбнулся, схватил Лилит за руку и повёл на свет из пещеры:

— Да что я? Пойдём, я покажу тебе моё племя. Людей много. Только в нашем племени целых два десятка!

— Целых два раза по десять?

— Были тысячи, десятки тысяч, но боги чистили мир от бремени прошлого. Земля гневалась, забирая самых слабых, больных и глупых. Теперь же многие боги взяли разных людей под своё покровительство и велели множиться.

Лилит вышла на свет и снова обомлела. На неё смотрели десятки пар глаз. Три женщины костяными ножами кромсали кожу. Костяными иглами сшивали края кож в то, что они называли одеждой. Ещё двое занимались детьми. Младенцы были на руках и завернуты в шкуры, прочие делали первые шаги, другие, повзрослее, бегали по полянке друг за другом. Черноволосая дева увидела и суровых заросших мужчин, колдующих над добычей у костра: двое стругали палку-жердь, ещё двое разделявали тушу неведомого Лилит животного. Все на миг прекратили свои занятия, разглядывая её, но только на время, чтобы поприветствовать гостью. Ещё бы, ведь новая женщина в племени — залог жизни и процветания племени. А то, что сын бога, предводитель Миромир, держит её за руку, так это уже сказало больше, чем смогли бы объяснить вместе. Своей же она станет сразу, как только отдаст мяса у костра за общим очагом. Вкусивший с племенем, сам становится частью племени.

Одиночество Лилит подошло к концу.

"Как хорошо, что другие боги позаботились о сохранности рода человеческого".

Франция **Ресторан на Эйфелевой башне** **10 секунд спустя**

Родослав подскочил, взбешённо отвешивая хлёткую пощёчину брату. Голова Миромира, не ожидавшего удара, повернулась. На щеке вспыхнули кровавые рубцы, словно ладонь была покрыта чем-то острым.

— Мне не нужны полные воспоминания! — Заорал синеглазый. — Хочешь мыслей, смотри, о чём хочет донести людям твой собственный сын!

Миромир, хмуро улыбнувшись и убрав порез, оскалился и рванул в сторону, исчезая со стула и расплываясь по комнате. Но ладонь брата коснулась его частиц, выбрасывая из сжатого времени и передавая смысловой пакет раньше.

Убежать не удалось.

Нигде

Имя мне Меченый. Я родился сто двадцать веков назад, в эпоху смена трона. В то время Велес занял место Люцифера.

Пришло время волохатого морочить миру голову взамен брата Денницы или Сатаны, что привычнее вашему слуху. Новое время, железный век и последний шанс человечества. В неплохое время угораздило меня появиться на свет.

Кстати, кто я? Я пытался найти ответ на этот вопрос и получить имя, достойное имя. На поиски себя ушло порядка десяти тысяч лет, но так и не нашёл ответа. Предпочитаю называться Меченым. Меченым судьбой. Обречённый тыкать людишек носом в их ошибки.

Скверная работа, на любителя.

Но давайте обо всём по порядку. Начнём с эпох, ибо это самое главное в мире. Эпоха длится двенадцать тысяч лет, во время которой одной из сторон баланса правит Владыка, а другой...

На этот вопрос я пока не нашёл ответа.

Я ещё довольно молод.

Исчисляясь современным летоисчислением, примерно шестьдесят тысяч лет назад, то есть пятьдесят восемь тысяч лет до нашей эры, Хранителям надоело наблюдать инертный конгломерат и импульс дуального развития вселенной подтолкнул оппозицию восстать против Смотрящего.

Я ещё не сломал ваш мозг? Да, вам нужно всё попроще, доступнее, на пальцах. Вы стали умнее своих предков, ежедневно купаясь в усиливающемся информационном потоке, но, по сути, мало меняетесь. Меняются ваши дети, ваше потомство. С такой скоростью, что вы не успеваете замечать нечто новое.

Буду изъясняться проще.

Сильнейшая и умнейшая сущность, имя которому "Денница" — "утренняя заря", восстал против смотрящего за конгломератом. Я бы тоже восстал, если в течение довольно долгого времени ничего не менялось. Совсем ничего. Вселенная медленно катилась вперёд по инерции от первичного пинка. Тысячами, десятками тысяч, сотнями тысяч лет, что постепенно сливались в миллионы.

Пинка, но ее взрыва. Большого взрыва, из которого якобы появилось всё, никогда не было. Вселенная вечна и бесконечна. Это сложно объяснить.

Конгломерат — это ответвление нашей вселенной, оторванное, отрезанное связями от "головы".

Мы как обширная автономия. Ветка огромного дерева, на каждом стебле которого иные формы жизней — плоды древа. И у каждого конгломерата есть свои хранители и смотрящий. Я не буду писать его с большой буквы. На самом деле он ничего не сделал. Древо взрастил Творец, а наместник лишь цепной пёс, обученный гавкать на тех, кто тревожит тишину. Или пустоту.

Не путайте с Хаосом. В нём есть хоть какой-то смысл. В Пустоте же нет ничего. И сколько я живу, всё больше убеждаюсь, что конгломерат наш похож на планету-ссылку, в которой, однако, каждому заключённому дана свобода выбора. Чаще без информации о выборе, но всё же.

Это физический мир тюрьмы, большого чистилища, куда ссылают нежелательные души. Кого-то как "уголовника" по нашей земной терминологии, кого-то как "проповедника", "миссионера". Разным душам, прошедшим настолько различные слои прошлых жизней сложно ужиться всем вместе.

Их несовместимость позволяет планете пылать. Наш совокупный, общий менталитет постановил, что без войны развитие невозможно. А те самые смотрящие и надзиратели всячески поощряют эту линию поведения.

Итак, пинок. Восстание. Кровавые будни высших сил конгломерата, о которых нет ни слова в современных хрониках. Одни пересказы, не раз сожженные, восстановленные. И в священных писаниях можете не смотреть, не найдёте. Велес стёр память о той эпохе, выжигая калёным железом все материальные источники. Остались только в высших инстанциях.

Я могу залезть в этот самый потайной в мире тайник, но зачем мне разрушать свои владения, пилить сук, на котором сижу? Демиург привязан к месту своего "кормления". Получает от него силу. Если же теряет своё пастбище, становится зверем. И ещё одним подобным Дьяволу становится больше.

Творца уважает каждый разумный. Его система сигнализации в случае моего проникновения не оставит от этого мира ничего. Придётся довольствоваться тем, что выудил у мамы. Самый надёжный источник — очевидец тех дней.

Мою мать зовут Лилит. Отца — Миромир. Из-за этого полубога, который никак не может выбрать между смертью и окончательным статусом средней руки бога, мне пришлось порядком повоевать за свои права и с папашкой и с его братцем — Родославом, проклятым на вечные поиски счастья человечеству.

Всё никак не могу подойти к главной цели. Просто за последние двенадцать тысяч лет я дал себе слово освоить каждую профессию человека. И освоил. Кроме двух — писателя и

певца. Эти люди мне непонятны и неподвластны. Могучие, как легионы тьмы и хрупкие, как полевые одуванчики. То поднимают словом, звуком тысячи, то опрокидывают их на колени, а после воодушевляют, и снова заставляют лить слёзы. Я говорю только о настоящих представителях этих "профессий".

Перейдём, наконец, к эпохам.

Денница восстал против надзирателей, но с башковитыми кадрами в то время бала большая проблема. Один источник силы, одно мнение, одно намерение. Жуткая вещь. И сил Дэну не хватило. Слетел мой далёкий, предалёкий родственник, лепивший мамку с "небес райских".

Вы когда-нибудь видели сборочный цех на тропическом острове посреди океана? Примерно, то же самое. И сборщики какие-то неквалифицированные. И лемурийцы у них не получаются — восстают и разбегаются, приходится уничтожать. И титаны конструктор по всей земле собирать не желают, бунтуют и воюют друг с другом. И вроде бы атланты кое-как удались, но переразвились и подсели на аналог современного слова "наркотики".

Столько монстров наклепали, динозавры бы обзавидовались. Вы можете себе представить, что творилось на Земле, когда туда выпустили недособранных людей? Пришлось и топить возмущённых и модернизировать существующих. Всё на ходу, бегом... Я люблю этот мир. Столько недоработок есть только в "нашей ветке".

Столько возможностей к развитию.

Велес ушёл, но его приспешников за эпоху наплодилось...

Итак, эпохи.

В первую эпоху 58–46 тысячелетия до нашей эры в оппозицию стал сам Денница. Но солдат было мало, союзников тем более. Малочисленных людей почти никто не трогал и почти каждый желающий мог стать младшим богом, духом, носителем силы, знаний. Мир был открыт нараспашку. Человек мог свободно общаться с ветром и дождём, слушать камни, при желании даже летать. Вдоволь было мутантов от экспериментов "сборщиков цеха": полканов, крылатых людей, четырёхруких, многоглавых.

При смешении человека с титанами, плодились великаны. Как я уже говорил, монстров было до чёрта. И чертей с бесами хватало в каждом болоте. По головам ходили. Самих людей только мало было, потому Денница и не надеялся взять реванш у смотрящего в первую эпоху, просто подкидывал знания о природе мира, настраивал мировоззрение, обучал охоте и разъяснял природу вещей. Вы думаете, это делал смотрящий или его псы? Чёрта с два, первым учителем был Дэн. Как не струганные полена, он доводил до совершенства искусство тел и исправлял ошибки сборщиков. То время звалось "золотым веком".

Люди почти не знали перемен, не тревожились толчеей знаний. Правда была правдой, и сестра её ещё не родилась. Болезни можно было сосчитать по пальцам одной руки — несварение и синдром "глаз за глаз". То были издревле славные люди. Одни сильные и совершенные, как неандертальцы, другие хрупкие, но сообразительные кроманьонцы. Чёрт возьми, это были одни и те же люди, просто первые оставляли всё, как есть, а вторые стремились к большему.

И Дэн этот толчок поддерживал. Он был искусным генетиком. Эта наука его рук дело. Не зря же бросив стремящихся в войну с консерваторами, оставил место на земле только одним. Соскучившись по экспериментам, где-то в конце своей эпохи Денница положил начало расовому разделению. Он не забывал функцию селектора до последних дней пребывания на троне. Подтверждаю, что люди в это время имели колонии на каждой из планет Солнечной Системы. За пояс Купера не заглядывал, пока тут дел хватает.

Надо же, я смог в двух словах описать первую эпоху. Ставлю себе плюс.

Кто разграничил сроки, я не знаю, но ровно двенадцать тысяч лет спустя, Денница понял, что слабеет и пора выбирать приёмника. Весы баланса неумолимы. Это ещё первый закон Творца. Кто думает, что в мире чего-то больше и соответственно, меньше, тот... гм... неандерталец. В нашей ветке все строго пятьдесят на пятьдесят, просто из-за чахленьких сборщиков никто не видит первопричин.

Итак, вторая эпоха.

Серебряное время. Самым прытким оказался хромой рогач — Сатана. То, что осталось от Денницы. Самая чёрная его суть.

Падение с небес никому из падших не пришло на пользу, но семирогий треснулся так, что кое-какие раны заживить не смог в принципе. Зато посвящал время развитию. И доразвивался до такой степени, что заслужил право приемника.

Рогач был более прогрессивным, и за эпоху с сорок шестого по тридцать четвёртое тысячелетие до нашей эры научил людей разделять друг друга. Вёл понятие кланов, семей, врагов, друзей, союзников, неприятелей. Единства кроманьонцев не стало. Оружие охоты и войны модернизировалось. Даже те, кто стали богами, покровителями своих народов, вели своих подопечных в разные углы света, чтобы до поры до времени накопить силы, а потом схлестнуть в огне, проверяя, чей народ крепче и кто сильнее. Но в связи с ещё малым количеством, тотальных войн не наблюдалось. Взорвались пара-тройка складов с законсервированным ядерным оружием предыдущих "учёных", но это мелочи.

Время всё же могло называться серебряным, пусть даже избранные, дорвавшись до знаний обречённых, предыдущих рас, копили мудрость совсем не для повышения кармического интереса. Кстати о карме — интересная вещь. В золотом веке люди, умирая, перерождались во что угодно: камни, растения, животные, птицы или даже снова в людей. Никто не уходил безвозвратно. И если бы появился проповедник, вздумавший пудрить мозги о рае и аде, его бы просто пустили на обед зверям в лес в одиночку. Народ понимал происходящее, не ощущая гнёта наставников. Ведал истину. В серебряном веке истину брали на себя боги. Появились ритуалы, поклонения. Рогатый раздумывал, как бы разрядить сгущающуюся обстановку, но ничего путного не углядел, потерял время. А тем временем оружие стало применяться не только для защиты, но и для атаки.

Третьим на престол взойшёл Дьявол. Племянник Денницы, правивший с тридцать четвёртого по двадцать второе тысячелетие до нашей эры. Смешал все карты. Гений войны привил людям жажду наживы, захвата земель и окончательно спутал умы старейшин, да ослабил влияние богов. Родные наставники больше не пестовали детей, меняя приоритеты, да и сам народ стал называться "стадом". Это стадо перестало различать вектора: правда-ложь. В конце правления "правда-ложь" сменилась "ложью-ложью".

И мир запылал...

Магия, технологии, силы...

Всё смешалось в одну круговерть. Дьявол опустил человечество в тёмный омут, отбирая всё нажитое. Всё, что копилось тысячелетиями, сгорело, потонуло и разрушилось. Так племянничек разрядил обстановку, но цивилизации скатились до уровня каменного века. Бронзовый век стал каменным, откинув людей в развитии на добрую эпоху назад. Колонии в Солнечной Системе лишившись поддержки, зачахли. Кто-то всё-таки свалил в Дальний Космос, надеясь вернуться в лучшее время, кто-то просто вымер как мамонт. Я с ними много позже. Они уже под другим руководством. И не считают себя землянами. Мы, оставшиеся здесь как одичавшие псы для них. И я не могу понять, что значат осточертевшие "три единицы".

Люциферу, родному брату Денницы, воссевшему на престол в двадцать втором тысячелетии и правившим двенадцать тысяч лет, пришлось порядком потрудиться, чтобы остатки первых атлантов, лимуров и титанов не задавили человечество в мрачное время, да чтобы разрозненные боги и сильные маги, чародеи не взяли бразды правления в свои руки. Фактически, Люцифер начал с чистого листа, прорвав Дарданеллы и утопив остатки прошлых цивилизаций. Это был первый потоп в истории человечества. Тот, о котором не дойдёт письменных источников. Запечатлели только второй, сравнив повышение Чёрного моря на сто метров со Всемирным Потопом. Мелкий потопчик был пять тысяч лет назад, а вот первый, глобальный, действительно затрудняет работу археологам и по сей день.

Найденные артефакты первых эпох я заботливо вырываю из рук "научного мира". Если вы думаете, что Дьявол превзошёл человека в жестокости и гениальности разрушения, то

вы...гм... неандерталец?

Так вот, я родился за несколько десятков лет до смены трона Люцифера Велесом. Мой мохнатый дядюшка столько натворил во всём мире, что я ещё не раз захлебнусь, разгребая эту муть. Он ввёл религии. Одну за одной. Теперь каждый человек понятия не имеет, что в мире происходит. Потеряли первопричину. Прожорливые эгрегоры заботливо расхватили любителей "знаний". Те, кто мог становиться богоподобными, стали потребителями. Человечество в новое, с десяти тысяч лет до нашей эры до второго тысячелетия нашей эры, забыло, что знания не во вне, а внутри.

Я старался разбудить вас как мог. Сами посудите. Не постулатами, а тем, что осталось на дне душ со времён сборки.

Пожалуй, начнём. Не зря же за двенадцать тысяч лет лишь триста тридцать три года мира. Люди любят воевать. Уж поверьте мне.

Франция Ресторан на Эйфелевой башне 19 секунд спустя

— Нет! Он не сделает этого! — Вернулся Миромир, собрав тело воедино.

— Сделает... я помогу.

— Его мысли сгорят!

— Булгакову ты так же говорил. А он тебя куда послал? До сих пор идёшь.

— Мир привык к ежедневным заголовкам о встрече и инопланетянами, одних только объявлений о мракобесии в СМИ больше, чем у меня было женщин. Кто поверит какому-то странному Меченому?

— Отгадай с трёх раз?

— Вы не сделаете этого! Я заставлю его сомневаться во всём. Я сгною твоего сына, он примет яда. Этот яд лишит его веры. Самой главной веры. Веры в себя. Он падёт...

— ...И поднимется. До скорой встречи, братик.

Париж скинул наваждение.

Люди из разных концов города, все как один, посмотрели в сторону Эйфелевой башни.

Окраины Лондона Частная гостиница

Сергей Корпионов уснул. И сон, стоящий перед глазами был большей явью, чем сама жизнь. Ощущал всё с необыкновенной ясностью и мыслить мог о чём угодно, от прошлого, до будущего, мог рассуждать, что во сне обычно делать сложно, а в астральные проекции просто так не выкидывает.

Перед ним стоял он сам; чёрные, длинные волосы, зелёные глаза, преисполненные силой, тренированное тело; тёмная одежда: чёрная безрукавка, кожаные штаны, только плечи голые, без татуировок и на правом запястье почти клеймом выжжены расплывающиеся цифры.

— Нет, я не ты. Не обольщайся, — сказал тот напротив.

Скорпион молчал, продолжая рассматривать незнакомца. Хотелось разглядеть плавающие цифры. Но что-то не позволяло.

— Хм, ты не разговорчивый. Я ожидал кучу вопросов.

Сергею что-то не понравилось. Постарался сконцентрироваться на пробуждении, освобождаясь от пут. Наваждение могло быть навеяно эмиссарами. А что-то навязанное не любил.

— Да подожди ты, мне есть, что тебе сказать, — незнакомец постарался убрать возникшую перед глазами рябь и мир перестал расплываться.

— Хотел бы поговорить, пришёл бы наяву, — буркнул Сергей, но попытки

пробудиться делать перестал. — Даю тебе шанс объясниться.

Гость сна наклонил голову, посмотрел исподлобья:

— Я твой брат.

Помолчали.

Скорпион стал снова предпринимать попытки к пробуждению. Меченый скривился:

— Я тоже думаю картинками объясниться проще. И не езжай сразу к Золо, в океане тебя ждут. Бери курс на восток, повремени. Нам надо многое обсудить. Я не хочу тебя потом перехватывать...

Сергей открыл глаза, на миг ощущая кровать, слыша сопение на соседней кровати Сёмы и увидав потолок, но зрение вдруг пропало и чернота заволокла картину перед глазами, но не сознание.

10033 год до нашей эры по современному летоисчислению

Ливень стоял стеной. Яростные капли разили землю, оставляя целые выемки. Периодически казалось, что водные струи прерывались, отдыхая, и за дело брался град. Застывшие "голубиные яйца" заставили попрятаться всё живое. Небо пылало гневом, отрицая саму жизнь, и старалось уничтожить сам лик земли.

— Он бы ещё метеоритный дождь послал. Тоже мне, тученагнетатель, — презренно обронил Миромир и перехватил обоюдоострый топор покрепче, не сводя глаз с крышки землянки.

Топор в руках рыжевласого древнего периодически вспыхивал синим. Зримаая аура окутывала оружие и, казалось, что метеоритный топор дышал. Блёклые, розоватые руны вдоль остриёв светились едва-едва. Слабо-ощутимая вибрация проходила по рукояти, словно напоминая, что не стоит её сжимать до белизны пальцев. И так не выпадет, пусть хозяин не беспокоиться.

Светловолосый, как блики самого света на солнечных камнях, богатырь Родослав, привстал с лежанки и расправил широкие, как валуны плечи. Мощные скулы раздвинули челюсть, зевнул во всю мощь лица. Небесно-синие глаза подёрнула поволока, обронил скупое:

— Повремени силы, брат. Он ещё далеко. Будет к полуночи.

— Да по мне, так хоть сейчас. Всё равно мой ребёнок родиться и будет топтать эту землю, хочет он того или нет, чёртов ревнитель. Всё не может смириться, что выбрала смертного бессмертному...

— Я тоже не сразу смирился... И тебе понадобилось бы немало времени, чтобы меня разубедить.

— Но я справился, пусть и она не сразу признала меня мужем.

Лилит вскричала, дёрнувшись на соседней лежанке. По щекам потекли кровавые слёзы. Багровые капли добежали до скул и исчезли, словно иссохнув. Они не успели коснуться смоляных волос. Девушка прикусила губу и почти выгнулась дугой, презрев округлый живот. Но сильная, холодная ладонь Мары легла на лоб, седовласая дева прикрыла глаза и ладонь на лбу роженицы вспыхнула синим. Лилит отключилась. А холодные губы богини едва слышно прошептали:

— Ещё не время, Лилит. Дай ему впитать последние силы. Не торопи предначертанное.

Часы тянулись, как смола древа. Мир над землянкой укутала чёрная пелена, и яркое око взошло над миром, вспыхнули звёзды, утопая в молоке, как мелкие мошки. Миромир не находил себе места, слоняясь из угла в угол. То и дело поглядывал на спящую жену и тревожно подёргивающийся живот. Не рождённый то затихал, то снова принимался биться изнутри, требуя скорейшего выхода. Удары становились такими, что Лилит бросало из стороны в сторону. Мара распростирала над челом белые длани, которые при каждой передаче успокаивающего импульса покрывала сеть морщин и кожа становилась сухая и жёлтая. Синий холод на время заставлял плод уgomониться, но вскоре тот возобновлял

попытки.

— Успокой дитятку, — обронил Родослав, отвязывая из-за плеч перевязь с мечом и водружая ножны подле себя на ложе.

Большой двуручный меч, скованный подгорными умельцами из самого редкого на земле, метеоритного железа, запрыгал по лежаку, намереваясь свалиться на землю, но лишь бы выбраться из плена ножен и броситься в сечу. Рукоять, перевитая синими рунами, заканчивалась пирамидальным навершием, что в отличие от "яблока", позволяло схватить меч во время боя и за самый краешек рукояти двумя пальцами.

Заговорённым меч тревожился, предчувствуя скорую битву.

Миромир положил топор рядом с мечом, сам подошёл к Лилит. Топор недовольно дёрнулся, прыгнул на меч. Меч извернулся, словно мелкий клинок, высек на рукояти топора искру. Родослав подхватил меч, отодвинул. Оружия намеревались броситься в бой друг с другом. Двухсотвековая война так быстро не завершиться.

Даже орудия помнили всю злобу, ненависть и жажду крови брата, когда дело касалось любви к Лилит. Двадцать тысячелетий не могли двое решить свой спор за обладание дивной женщиной, утверждающей, что она первая женщина во всём мире и никакие другие боги не слепили, не выстругали, не выплавили и не наваяли женщину раньше.

"О, сколько сил и жизней ушло на тот спор? Сколько крови пролилось и какова сумма сил, которые призывали принять свою сторону? И почему мир наступил в один момент, когда брат попросил помощи? У Лилит намеревался быть первый ребёнок. Первый за всё время противостояния", — подумал Родослав.

Рыжевласый положил обе руки на дёргающийся живот. Мара улыбнулась, отходя от семьи подальше. Серебровласая, но отнюдь не седая богиня, что в числе первых взяла на себя нелёгкую роль древних, старших богов, села рядом с синеоким богатырём. Руки с лёгкостью подхватили пудовые оружия, положила себе на колени, пробегаясь взглядом.

— Зрю руны Рода и мои руны, но где руны моей сестры, Макоши?

— Руны матери мне неизвестны, — склонил голову Родослав. — Брату тоже. Ему даже твои руны не под силу. То ещё двуногое...

— Сакральное остались за семью печатями для вас обоих, потому как единственному предавались вы — вражде... Но что было, то быльём поросло. Ты завершил борьбу, согласившись помочь, тебе и открою.

Рука прошлась по рукояти и рядом с вязью двух рунниц синего и алого цветов, вспыхнула третья, тёмно-зелёная.

Факела вспыхнули, словно обмотанные новой паклей и закоптили, очерняя потолок. Землянка затряслась, гул и вибрация нарастали. Руны на топоре Миромира полыхнули багровым. Меч Родослава заворочался в руке, полыхнули все три ряда знаков.

— Время, — сухо обронила Мара и вернулась к Лилит.

Девушка проснулась, и дикий крик прокатился по землянке, живот дёрнулся, ещё и ещё, по ложу потекла кровь.

Родослав и Миромир откинули крышку землянки и холодный, злой ливень ударил в лицо, потёк по выдолбленным в толще земли ступенькам.

Молния разрезала небосклон, вычерчивая огромную фигуру в полтора роста тысячелетнего дуба. Руки чудища сами были, как те дубы, а грудь такой ширины, что не хватит и десятка рук, чтобы обхватить. Уродливые, короткие, но крепкие, как крепки тысячи скал вместе взятые ноги заканчивались копытами, каждое прочнее любых сплавов. Всё тело было обрамлено роговой бронёй, два огромных, острых рога торчали на голове, а за плечами развивались опалённые огнём преисподней три пары чёрных крыльев. Дьявольские очи пылали чёрным огнём, что был хорошо виден даже ночью, даже в отсутствии молнии. Он был чернее самого мрака, темнее самого глубокого дна. Денница потерял силу первопристольного, но сам по себе был настолько могуч, что ни один бог не мог победить его в честной битве. Его мог свергнуть только создавший. Но Творец покинул конгломерат, едва мир начал "дышать".

Двое полубогов застыли у входа, сжимая топор и меч, как последнюю надежду, готовые до последней капли крови защищать ту, которую любили всю жизнь. Грохот, как камнепад тысяч камней, прокатился по поляне:

— В тот день, когда люди нарекут рождённого, наступит самая кровавая эпоха человечества; умы распадутся и прошлый мир подёрнется пеленой, старые боги падут один, за одним и народы окажутся без наставников, как малые дети без родителей. Придёт Единый, но в том слове не суть Творителя. Не сплотит он народы, лишь усилится вражда за право толкования слов. Семьи и пантеоны богов и полубогов сменит небесная иерархия, сонмы бесполок существ возьмут бразды правления в свои руки и заполнят пустоты, отберут силы прежних. Мир никогда более не станет прежним.

— Чему быть, тому не миновать!!! — Изо всех сил закричал Миромир, перекрикивая грохот грома, шума ливня и холодный ужас, что сковал члены судорогой, не позволяя двигаться от всеобъемлющего ужаса.

— Как прозреешь ты, сам возьмёшь в руки меч, чтобы помешать приходу эпохи, но не хватит сил, ибо старое древо погибло, и орёл покинул ветвь, новое древо забрало все соки, но оно ядовито для небесной птицы. Суть бог одного народа — бог всех...

Лилит закричала так, что крик прорвал заслон земли. От мокрой травы на поверхности пошло мощное испарение воды. Туман поднялся над поляной, вопреки могучему ливню. Луна покраснела, словно политая кровью. Трава на месте пара иссохла и загорелась. Родослав и Миромир стояли молча в огне горящей поляны и смотрели в первородно-чёрные глаза. Они лишь внуки сильнейшего из северных богов. Бог суть — человек. Человек суть — создан Творцом. Творец ушёл, но оставил миру дуальность, два полюса для развития. И один из полюсов стоял прямо напротив.

— Цифры его шесть, шесть, шесть, и знак его — пятиконечная звезда... Я уйду. И теперь вам решать, что случится с миром.

Могучий символ исчез. Оба закричали. Нестерпимой болью вспыхнули на руках багровые цифры: три девятки на левой руке Миромира и три единицы на правой руке Родослава. Но их крики утонули в плаче новорожденного, когда под руками Мары на ладони младенца вспыхнули три шестёрки.

— Рождён, — прошептала Лилит.

— Рождён, — обронила Мара.

Двое на поляне свалились на колени от невероятной усталости. Но прежде чем отключиться, Родослав прошептал брату:

— Демоны — порождение земли...

— ...для своей защиты, — добавил Миромир и обоими завладел сон.

Поляна потухла, сдаваясь напору дождя. А по всему миру боги, полубоги, маги и кудесники обоих миров ощутили, как с уходом Повелителя Утренней Зари, невероятно медленно, но столь же неотвратимо, начинает иссякать... магический дождь.

Альфа-здравница № 1 города Хабаровска

Лютый вышел из ординаторской, поправляя неудобный пластиковый ворот на шее. Охранник-пациент расписался на посту, перебросившись парой фраз с миловидной медсестрой, и прошёл по залитому светом коридору. Толкнул дверь палаты.

Палата залита солнцем, обставлена растениями в аккуратных горшочках. Одни чистят воздух от микробов, бактерий, вирусов, просто пыли и грязи, другие насыщают воздух полезными для человека веществами, третьи убирают возможный геопатогенный негатив, а четвёртые просто радуют глаз цветастыми красками, разгоняя тоску и хмарь. Воздух насыщен приятными запахами цветения. Атмосфера в палате цветущая.

Фишка первого варианта больницы нового поколения — "здравницы" — растения на каждом подоконнике, в кадках в холле, коридоре, и по всей здравнице. Для ухода за ними в графе персонала присутствует специальность сродни флористу, но на русский манер —

цветовод.

Василий безотрывно смотрел в окно и даже не повернул головы к вошедшему. Он и был-то пока единственным пациентом во всём отделении. Помещение выкупили буквально неделю тому назад, и ремонт с высококлассной аппаратурой отсутствовал, как и воплощение задумок с фонтанчиками в холле.

Кое-как создав в бывшем детском саду подобие лечебницы, приходилось терпеть, пока строят нормальное здание, и идёт обучение врачей и лекарей нового типа, называемых на старый манер "знахарями". Потому что не от слова "врать" и "лекарство" должен был происходить новый персонал, а от словосочетания слов "знает, как хворь лечить".

Пока же смежный состав восточной медицины и ортодоксов науки не внушал доверия и болеть никто из работников не собирался. Больничные выписывали по месту работы.

Впрочем, Василию, судя по настроению, было всё равно, "лечат" его, "врачуют" или изгоняют с него "хворобу".

— Шеф, я принёс хурмы, — Лютый пошуршал полным пакетом спелых, оранжево-коричневатых фруктов. — С ложечки самое то.

— Сол бы тхы со своей фурмой, — пробурчал Василий. Передние зубы отсутствовали и слова получались не так, как раньше. — Ках там пофороны?

— Всё по-человечески, по уставу структуры — тела сожжены и развеяны по ветру. Ни надгробий, ни памятников, память в нас. Скорпион запретил структуре поощрять расширение городов мёртвых, — вздохнул Лютый и присел на стул рядом. — Первые семь потерь со времён основания структуры, первые семь бойцов не вернутся домой. — Взгляд застыл под кроватью.

— Пенфии обеспечили? Или ках там их... пофобия?

— Конечно, шеф. Пятеро семей теперь на нашем обеспечении.

— Пятефо?

— У двоих погибших не было никого. Детдомовские... недавно с армии.

— Тсёрт! Наф се как лофоф в упох!

— Бойцы знали на что шли. Главное, что вы живы. Жив мозг — тело живо.

— Глафное? Потефи — фсехда потехи! Нам нефся терхять людей, они у наф не финтики! Надо перефмотреть фсю сифтему бефопофности! — Дёрнулся Вася и скривился от боли в боку.

Рёбра давали о себе знать.

— Уже работают, шеф, не волнуйтесь. Кстати, дантист ждёт вас, как только полегчает.

— Зубфы фтафить мофно, а фот людей не вехнуть.

Лютый невольно сжал кулаки, в шее кольнуло.

Дверь распахнулась, вихрем влетел Андрей Ан, весь энергичный, на подъёме сил, глаза светятся бодростью духа:

— Вася, ты совсем мозги растерял? Вставай, давай, пойдём домой! А то симбиоз иглоукалывания и клизм с ромашками тебе не к лицу. И так худой, одна кожа, да кости. Ветром сдует. Так Даня и с парашютом никогда не сбросит.

— Андрей Андреевич, у него все рёбра переломаны, ему нельзя никуда идти! — Подскочил Лютый.

— Ё-моё! Лютый, ты старше меня вполовину, какой ещё Андрей Андреевич? А этому кренделю никто и не говорил выздоравливать, иначе на следующий же день бы козликом скакал. — Кот приблизился к постели, притворно покачал головой. — Вася, три дня в постели. Это ж где это слыхано?

— Да я фто?

— Он переломан весь! — Лютый попытался устранить новый источник тотальной подвижности, что ворвался и сбил привычный старому типу больниц уклад отделения.

— Ты по сводкам тоже со сломанной шеей в машине висел, так что залез под кроватку! — Андрей ткнул пальцем под колено Лютому, и тот свалился на колени, не ощущая ноги.

Второй тычок под лопатку обездвижил тело. Андрей заботливо усадил телохранителя на стул.

— Лютый, не всё, что видишь — существует и не всё отсутствующее зримо. Сиди и смотри, а потом выберешь во что верить, — сказал по-восточному непонятно Кот и, потирая руки, повернулся к Геню.

Глаза загорелись искоркой садиста.

— Уфди от менфя! — Василий подозрительно быстро сполз на край кровати и встал у окна.

— Больно не будет, обещаю, — обронил Андрей и захихикал.

— Лютый, помохи. Перфонал! Не подфпужайте ефо ко мхне!

— Тебе не дали импульса к восстановлению! Задействуй свои резервы! Используй мозг. Заставь его приказать чинить тело! Меня этому Бодро научил.

— Мефестра! Фрач!

— Нет, Вася, медицина против меня бессильна. А вместо врача знахаря бы звал. Глупый, глупый Гений.

Андрей перемахнул через кровать, но Василий уже рванул к двери. Так пациент скрылся в коридоре.

Андрей рассмеялся:

— Ну, вот видишь, Лютый? А ты говоришь больной. Человеческие ресурсы почти безграничны... Стоит только об этом вспомнить.

Лютый сидел, не в силах пошевелиться. Руки-ноги не двигались. Мог лишь моргать и дышать, отказал даже язык.

— Ты же тоже думаешь, что я тебя обездвижил ударом по нервным центрам, да? А это был просто волевой импульс.

Андрей приблизился к самому уху Лютого, голос стал низким и вибрирующим:

— А теперь вставай, солдат, ранения не было.

Андрей отклонился.

Лютый недоумевающее поднял руки, повертел головой:

— Что за чёрт? — Язык зашевелился, тело заработало.

— Просто ты поверил в свои силы. — Пожал плечами Андрей. — На самом деле я так треснул по твоим нервам, что ты мог никогда и не встать больше...

Лютый задумчиво поднял взгляд.

— Ладно, пойду Геня подлечу. А то перепугает всех врачей... Тут же пока врачи? — Кот подмигнул и вышел в коридор...

Василий злобно стучался в ординаторскую, крики отражались по всему коридору, но медицинский персонал закрылся и пил чай, предупреждённый Андреем.

— Лафно, сдаюс. Леси. — Василий повернулся к Коту и протянул руки, как для наручников.

— От чего лечит-то? Одевайся и пошли домой. У тебя выходные до конца недели. С матерью побудешь. Только к дантисту заедем, а то всех тараканов в доме распугаешь своим видом.

— Это ф не осин ден надфо... — Вася повертел руками, прислушиваясь к рёбрам — боли нет. Ещё более того удивило, что стоит в коридоре и организм полон сил. Только сейчас понял, что только что бегал. Поднял глаза к Андрею. — Фто за деха? Я по мосхам спец, не по телу.

— Да ладно, не обращай внимания... Я вышел на того Сергея. Нет, не Скорпа. Ну, помнишь, Сёма говорил про человека, который давно тренируется по части бесконтактных боёв под Хабаровском. Так вот, он одной своей волей убивать может. Посмотрел, сказал "умри" и нет человека... Я у него за несколько дней немного напрактиковался. Скорп учил волевым рапортам, но где те редкие тренировки? А тут я нашёл неплохого учителя.

— Убифать?

— Почему убивать? Ты вот минуты две назад ускорил регенерацию тканей. А я ведь

только попросил... Ладно, иди, откачивай от новостей Лютого, а я исчезну на пару дней... Мир прост, Васька. Хочешь — живи, не хочешь — существуй. Третьего не дано. Третье чревато вторым.

Андрей махнул на прощанье и пошёл к выходу.

Василий встряхнул головой, в груди кольнуло. Но не настолько больно, чтобы вновь ложиться в кровать.

— Да ну фас фсех, — буркнул Вася и пошёл за Лютым.

Андрей шагнул в коридор и, убедившись, что Вася больше не смотрит, припал плечом к стенке, стараясь отдышаться и перебороть нахлынувшую слабость. Волевые пакеты были в новинку и передача энергии забрала много сил.

— Так, теперь за город, на природу, на восстановление, — шепнул сам себе, отрываясь от стенки и покачиваясь, побрёл к выходу.

Главное, чтобы Гений начал сам в себя верить. В следующий раз сам запустит программу ускоренного самовосстановления.

Хабаровск Амурский Бульвар

Бодрящее утро осыпало город первым снегом. Серое небо казалось спокойным и умиротворённым. Воскресное утро не спешило тормозить город на работу, и пушистые комья лежали непримятыми. Медведь бежал по дорожкам, слушая приятный хруст. Остывший за ночь город почти проветрился от смога города. Пробежка была в радость и порядком разгружала измученную командировкой психику.

В этот момент странно было понимать, что человек не был на Луне тем способом, какому привыкли верить, и вдвойне странно было осознавать, что на обратной стороне ночного ока есть кто-то, кому не безынтересна твоя жизнь, жизнь твоей расы. Втройне странно, что люди собираются покорить Марс в обход ближайшей базы. Ещё и улететь предстояло так, чтобы не дай бог шмальнули с той базы по летящему куску металла.

"И какой смысл был убежать за ореол обитания, если у самой границы стояли неизвестные? Стоило сначала с ними разобраться. Понимает ли это Золо, собирая первую настоящую экспедицию? В прошлый раз ему удалось обмануть мир, но на сей раз мир умнее. И одним Голливудом не отмажешься. И наработок Духа хватит, чтобы перегнать тебя. Стоит только чему-то пойти не по плану и дети поднебесной обоснуются там всерьёз и надолго. Эти уж точно своего не упустят. База их не остановит, возьмут нахрапом вместе с технологиями. Сколько бы ни сбивала спутники чья-то чужая рука, не остановятся".

Конечно, Медведь предполагал тот факт, что это всё могло быть иллюзией или действием какого-то наркотика, но наркотик не мог вызвать то ощущение мощи, что исходила от синеглазого полубога.

"Дмитрий, что же предпримем мы? Погонимся ли за маскарадом НАСА или начнём клепать оружия ближнего космического боя? И враги ли те наблюдатели? С этим не мог разобраться даже синеглазы, сможет ли Скорп? Что-то затягивается его командировка на Урале. И Сёму с собой захватил. Мало что ли здесь проблем? Васю ещё чуть под нож не пустили".

Пробежал из конца в конец Уссурийский бульвар, обогнул набережную и половину Амурского, как возникло желание заскочить в спортивную секцию. Уже почти месяц работала первая кузня здоровья, и ученики известных мастеров России должны были заложить в группы кое-что поинтереснее азов. Спортзал не закрывался в принципе, тренировались и глубокой ночью. Просто одни учителя сменяли других и учебный процесс не прекращался. Желающих было много. Очень много. Но не все были бойцами Антисистемы или спортсменами. Ходили и подростковые, детские и женские группы. Требовалось ещё как минимум три помещения в разных концах города, чтобы спортзал мог закрываться хотя бы на ночь.

Домчался до двухэтажного помещения, скидывая толстовку и подставляя разгорячённую спину падающему снегу. Усталости или отдышки после пробежки не было, только тело сливало лишнюю воду.

Из всех окон спортзала горел свет. Вереница девушек, смеясь, высыпала из-за двери. Данила посмотрел на часы — 5.45. Третья группа. Женщины, преимущественно работницы силовых ведомств. Внедрённые в систему глаза и уши. Самые прелестные.

Харламов накинул толстовку и, прорываясь сквозь хихикающую толпу, забежал в спортзал. Охранник в сером комбезе с эмблемой тигра сработал быстро, пресекая неожиданное вторжение. Не из тех увальней, что охраняют школы, институты и поликлиники системы, даже не тот, что стережёт банки, кассы и офисы. Вот и сейчас в несколько прыжков отскочил от стола и зашёл сбоку, хватая руку для залома. Другой рукой уже выхватывал пистолет, чтобы приставить к виску и смотреть на дверь за следующими входящими, если таковые будут.

— Свои, боец, — обронил Даниил, стряхнув захват как тряпку.

— Извините, Даниил Сергеевич, просто вчера вооруженная холодным и огнестрельным оружием группа прорваться пыталась. Если б не тренера, охранник один бы не отбился. Сегодня с обеда на входе двое стоять будут.

— Группа? Приезжие что ли? — Даня скривил губу, соображая, кто мог себе такое позволить. Местная отморозь была прижата, конторы сотрудничали, а у гопов силы бы не хватило.

— Мужики какие-то. Не из дохлячков. Оpozнание ведётся. Аналитики работают.

— А в какое время было нападение? То есть, во время какой группы.

— Дети занимались.

— Хотели заложников? Кто из "видных" занимается?

— Смежный состав. От бывших беспризорников до детей престижных родителей, — отрапортовал "волкодлак".

— А почему на улице не напали?

— За домом, во дворе Андрей Андреевич урядников, бойцов и воевод тренировал. Мастер-класс. Потом ещё на бульваре массовая рукопашка была. Показательная. Для привлечения народа. Разминка перед игрищами. Может, спугнули?

— Тогда б сюда никто не сунулся.

— Может, проверить хотели?

Даня поскрёб затылок, разгоняя мыслительный процесс:

— Сколько человек было?

— Девять.

Даниил перешёл на царапание подбородка, провожая взглядом последнюю девушку. Она шла грациозной походкой и не смотрела по сторонам, словно витая в думах и стремясь в жизни к одной лишь цели. Её промелькнувший взгляд рассказал, что эта цель у неё есть и она достигнет её несмотря ни на что. В груди Даниила что-то отозвалось. Едва дверь закрылась, повернулся:

— Ранг охранника?

— Волк. Парни тоже владели рукопашным, но его сломал только пятый, прострелив плечо. Охранник, однако, успел позвать на помощь. На зов прибежали тренера, раскидали оставшихся.

Даня представил парня двадцати лет, что только отслужил и прошёл спецкурс Антисистемы. Представил девятерых мужиков с пистолетами, ножами, обрезам, кастетами. Для пробы сил вполне хватает. Это как случаи с гопниками, которые, проходя мимо восточных секций, забавы ради раскидывают всех тренирующихся и идут дальше пить пиво. Но эти не были простыми налётчиками, просто продолжилась чередa давления. Замысел недруга работал и напоминал о себе там, где не ждали.

— А что это была за девушка, что вышла последней?

— Оксана Фёдорова. Фээсбешница.

— Возраст?

— Само то, — подмигнул волкодлак.

Даня откинул прядь волос назад и поспешил к двери, напевая под нос: "Наша служба и опасна и трудна..."

Окраины Таллинна. Частная гостиница

Мгновение после последнего сна.

Ноябрь.

Скорпион подскочил. Сердце стучало как у загнанного кролика. Рука дрожали, тело взяло судорогой. Упал с кровати, ползая по полу как побитая собака. Потом покрылся с ног до головы. Ужас стоял перед глазами. Не брат, но ощущение нечеловеческой мощи из воспоминаний незнакомца из странного сна.

— Эй, эй, ты чего? Скорп, очнись! — Сёма подскочил, но запутавшись в одеяле, треснулся лбом о стеленный ковром пол. Голова загудела. Мир на миг раздвоился. Когда справился с собой, обомлел.

Скорпион лежал распластанный на полу и по спокойному лицу текли...слёзы.

— Серый, ты ли это?

Сергей приподнялся, подгибая ноги под себя. Понадобилось четыре полных вдоха-выдоха на три с половиной минуты, чтобы взять контроль над разумом. Сёма терпеливо сидел на кровати, успев передумать всё за прошедший год. Событий накопилось столько, что рыдать можно всю оставшуюся жизнь напролёт. Неудивительно, что во сне психика даёт слабину и раскрывается. Но на кой чёрт аятолле психика?

— Давай, говори что случилось. Если совсем плохо, я прерываю радиомолчание и звоню кому-нибудь из наших, пусть даже перехватит Нежить. Пусть приезжают, забирают. А там нас всех вылечат, — привычно забормотал Сёма.

— Я видел прошлое.

— Что, так страшно? Мне вот тоже иногда математичка снится. Жуть я тебе скажу неопишущая. Или вот помню лицо Маши, когда разбил её любимую копилку с бантиком. Этот взгляд мне до пенсии покоя не даст... Куда там Альфреду Хичкоку.

— Я четвёртый в поколении... людей. То есть не совсем людей... Волоты мы... Или... Это... сложно объяснить.

— Не понял, — Сёма посерьёзней, присаживаясь на полу напротив.

— До меня было только трое. Кто был "нулём", не знаю.

— Ты хочешь взорвать мой мозг? Я хоть и всё равно сразу всё забуду, но пора бы тебе и честь знать...

— У меня брат Меченый! — Взорвался Сергей, устав от того, что Сёма старается увести от горьких мыслей.

— Эй, я, конечно, допускал ошибки, но чтобы... меня Меченым. Я что в кучу наступил? Тогда сейчас мигом в душ.

— Да не ты! У меня есть брат по матери. Родной.

— Слушай, я понимаю, без денег и документов фигово. Наши паспорта на дне морском. Ещё этот тотальный контроль кинокамер в Лондоне, попутки до юга Англии, заплыв вразмашку через Ла-Манш, побеги от французских копов, скитания вдоль границ, весёлая Балтия... Мы много пережили, два месяца добираясь до Таллинна. Я даже не спрашивал, зачем мы здесь. Но сейчас ты меня поражаешь...

— Он мне сказал, — оборвал Скорпион, глядя в одну точку и стараясь унять дрожь.

— Кто, он?

— Брат, — легко ответил Сергей, вспоминая ощущения матери и страх, что тот, кто стоял в нескольких метрах над землёй, может перечеркнуть всё одним взмахом. Вспоминал и импульс брата, что одним своим рождением стал вызовом для более крупных сил.

— Твои родители погибли в автокатастрофе. Разве нет? Откуда взяться брату? Я твой брат и Рысь твой брат, а так же немного Даня и Андрей. Куда тебе ещё-то? Это уже братвой пахнет. А там и крёстный отец пойдёт, мафия... Романтика конечно, но у нас есть дела поважнее. Не подводи нашу структуру под ранг ОПГ или ещё чего хуже — секту. Тебе проблем мало что ли?

— Может, и погибли, может, и нет. Я теперь ни в чём не уверен. Мне перетекло много информации... Но там нет о моей жизни с рождения и до больницы. Совсем нет. Сколько я не пытался найти это внутри себя, разыскивая тайники подсознания, нет! Ничего нет! Словно морок растаял. Это было внушённое!

— Хреново, но могло быть и хуже, — легко согласился Леопард.

— Куда хуже?

— Тяжко как-то с этими родственниками. То совсем никого, то спелыми гроздьями с деревьев сыплются. Откуда только эти деревья берутся? Магический лес?

— Сёма...

Блондин вышел из раздумий, подхватил под локоть, бормоча:

— Ну да ладно, не для того мы родились, чтобы родословную раскапывать. Хватит уже этих снов, пойдём к Нежити, размажем по стенке. И по дороге парнишек освободим.

— Парнишек?

— Ну, тех, кто неонацистам по зубам надавали. Их за это на пятёрку закрыли. Ещё надо защитников памятников Второй Мировой вытащить. Поразительно, историю великих побед в грязь втоптывают, а на страну даже имбарго не наложили.

— Эмбарго! — Поправил Сергей.

— Я и говорю, надо было газ перекрыть. Нужны мне эти шпроты. Я их и сам могу наловить и продавать.

— Шпроты в Риге, а мы в Таллинне! Это немного разные страны. Хотя бы по анекдотам.

— Да, разные, как цвет носков. Но от разного цвета носки не перестают быть носками. Мало того что в их анекдотах россияне на уровне зверей, так ещё и учебники истории похабят. Мы значит оккупанты, а они тут в Таллинне и ничего. Вот такой тебе и Европейский Союз. Слушай, давай уже в НАТО войдём. И Китай с собой возьмём. Будем с Монголией воевать. Один на один. Монголия-НАТО. Честно же?

— Всё, всё, не продолжай. У тебя в одно ухо влетает, блокируется, а потом как растрясётся и пулей из другого... Где там твои ребята сидят? — Скорпион чуть повеселел и поднялся с пола.

— Они не мои, они общие, одной страны, одной державы. Я бы даже сказал могучей Державы. Да они тут уже в каждой второй тюрьме сидят. Политические. Интересно, у них тут политическим отдельные камеры дают или вместе с уголовниками сидят?

— Сёма!!!

— Слушай, умник. Ты, даже все свои прошлые жизни вспомнив, не забывай, что твоему биологическому телу только восемнадцать лет. Мне, конечно, запомнилось твоё празднование дня рождения в полицейском автомобиле с погонями, мигалками, но обещай, что моё мы ответим в кругу семьи.

— Это что за пенсионерские мысли? Стареешь?

— Вот это другой разговор. Узнаю своего брата. Не помнишь, у них на рынке оружие не продают?

— Тебе южнее и восточнее на пару тысяч километров, спросишь Ахмеда.

Сёма на секунду задумался, воскрешая в голове карту мира, что-то для себя расставил, поспорил для порядку с внутренним я, кивнул.

— А ты уверен, что мы родились в то время, которое надо?

— Мы родились там, где надо. Разброс осколков и радиус поражения не в счёт. Что же касается Меченого... Мы ещё поймём, кто это такой.

Сёма кивнул и показал большой палец и первым вышел из гостиничного номера.

Колени от слов брата немного тряслись, но родню не выбирают. Если у брата есть брат с многотысячелетней историей жизни, значит, так тому и быть.

Се ля ви.

База "Тень" **Аналитический отдел**

Кот безотрывно сверлил глазами каждую строчку последних сводок по паранормам. Особый класс в новой школе Совершенного Курса Преподавания непрерывно пополнялся. Было, отчего зрочкам расширяться. Как страна могла упорно не замечать детей нового типа, не понимал. На западе для их изучения отводились закрытые институты, детей отбирали и изучали. В родной же стране они жили по деревням и городам с клеймом "странных" и кроме редких журналистов жёлтых пресс, ими никто больше не интересовался.

Егор Кольцевой. 13 лет. Пирокинетик. Зажигает легковоспламеняющиеся предметы с расстояния до двух метров. Наблюдается рост возможностей по мере тренировок. Повышенная нервная возбудимость, подконтролен, психически устойчив, твёрдый характер. Тестирован, уровень интеллекта — выше нормы. Рекомендуется продолжать наблюдение и исследования с целью выявления патологий головного мозга. Запрашиваем оборудование.

Андрей подхватил ручку, выставляя плюс, "разрешаю" и роспись. Этого хватало, чтобы минуя совет, указания шли напрямую исполнителям.

Влада Корпионова. 6 лет. Телекинетик. Обладает способностью поднимать и передвигать предметы весом до тридцати килограммов. Наблюдаются и другие, малоизученные и нераскрытые возможности — смещение пространства, изменение хода времени, ускорение регенераций ткани прикосновением, воздействие на мозг собеседника и электронику. Требуется детальный анализ. Психически устойчива, нервная возбудимость в пределах возрастного развития, полностью подконтрольна, обладает мягким характером. Частично тестирована. Возрастной уровень интеллекта превышает норму в три раза. Настоятельно рекомендуется обеспечить надлежащие условия для исследований и продолжений наблюдения.

Ручка задёргалась, вырисовывая указания и спецразрешения. Сделав ошибку в слове, Кот вздохнул, сожалея, что с подобными документами нельзя работать в электронном варианте даже с собственным софтом и на отечественном оборудовании. Совет в связи с событиями последних недель ужесточил меры безопасности.

Юлия Приходько. 14 лет. Телепатка всех форм. Читает мысли собеседника, передаёт смысловые пакеты на расстоянии, обладает дальновидением, развивает способности к чувственному восприятию, обладает начальной телепортацией предметов.

Примечание²

Чувственная телепатия — телепатия, при которой в нервной системе объекта телепатии воссоздаются чувства другого человека. Высшая степень такой телепатии — возникновение сенсорных ощущений, идентичных сенсорным ощущениям источника. Такая телепатия редко бывает осознанной на начальном этапе, но при возникновении сенсорных ощущений неизбежно осознаётся как явление, приходящее извне.

Мыслимая телепатия — телепатия, при которой в нервной системе объекта воссоздаются процессы, ведущие к образованию в сознании звуковых и зрительных ощущений, идентичных ощущениям другого человека.

² При телепатии в нервной системе одного человека воссоздаются процессы, идентичные таким процессам в нервной системе другого человека. Телепатия представляет собой простейший случай телепортации, когда в иной точке пространства воссоздаётся не тело или вещество, а химические процессы в синапсах нервных клеток. В результате в сознании человека возникают те же образы, что и в сознании того человека, чьим сознанием они порождены. Телепатия бывает: чувственная, мыслимая, ингибиторная и катартическая.

Ингибиторная телепатия — малоизученная форма телепатии, воздействующая на объект с целью блокирования определённых информационных пакетов. Чаще происходит бессознательно.

Катартическая телепатия — малоизученная форма телепатии, обладающая воздействием на смену настроения человека и его физическое состояние.

"Этой девочкой стоит заняться посерьёзней. Последний вид телепатии опасен для общества. Она может убрать негатив в человеке, но так же и убить любого одной лишь мыслью, воздействующей на подсознание. Злить её точно не стоит. И стоит пообщаться лично, чтобы объяснить ей меру ответственности. Скорпион дважды в жизни использовал катартическую телепатию, так называемый "Посыл Смерти". Оба волевых приказа убили на месте. А так девочка запросто может убирать негативное кодирование и развивать способности уровнем за уровнем. Перспективна".

Андрей выписал мысли на бумагу, с холодком в груди осознавая, что против психитроники сверхдержав теперь будет что выставить. Пригодиться при подъёме структуры. Если есть оружие нападения, будут и щиты.

Максим Началов. 8 лет. Потребность в отдыхе, сне — 2 часа в сутки.

"Сверхбыстрое восстановление без прилагаемых усилий? Я долго тренировался, чтобы организму хватало пяти часов. Оказывается, это не предел. Что ж, буду учиться у ребёнка".

Руслан Гудко. 9 лет. Поднимает вес в четыре раза превосходящий массу тела.

"Нет, не у ребёнка, у детей буду учиться. Это я для них буду ребёнком".

Анжелла Костеко. 12 лет. Обладает развитой формой телепатии — телепортацией. Способна перемещать предметы небольшого размера на расстояние до полутора метров.

"Почему я ещё на базе сижу, а не в той школе с одарёнными детьми?"

Артём Помидоров. 10 лет. Генерация электричества в позвоночнике мощностью до 70 вольт. Наблюдается рост напряжения с изменениями настроения. Протекающий по телу ток не влияет на собственные мышцы и не сокращает сердце. В большинстве случаев управляет разрядами по собственному желанию.

Андрей подхватил доклад, щёлкнул на кнопку передатчика на столе:

— Я в школу. Повышать образовательный уровень. Место зама главы аналитического отдела отныне вакантно.

Эстония Таллинн

Реки людей текли по городу, коктейли Молотовых боролись с ночью, взмывая в небо огонь пожарищ. Взрывались машины, бились витрины, народ продолжал шествие, превращая город в ад. Накипело.

Сёма, возглавляя шествие, понятия не имел, откуда понабралось столько недовольных. Ну подтолкнули с братом толпу демонстрантов ворваться в полицейский участок, помогли немного уложить охрану и освободить ребят с прошлых демонстраций. Но это оказалось только началом: ещё три участка, тюрьма, суд, здание администрации... Как-то неожиданно запылал весь город. Цивилизованные люди превратились в мародёров, прочие в реформаторов по совместительству. И правительство подняло на уши все вооружённые силы, окружив центр беспорядков в кольцо военных и бронетехники. Освобождение ребят грозило перейти в свержение правительства. По рукам, помимо бейсбольных бит, цепей, кастетов и ножей, уже гуляло огнестрельное оружие. Среди ружей, винчестеров и пистолетов можно было увидеть автоматы и гранатомёты.

— Мы что, оказались последней каплей? Народ-то готовился к бунту. — Послал пакет информации Скорпиону Сёма. Они были метрах в трёхстах друг от друга, возглавляя всех

видных деятелей восстания.

— Не народ, а заинтересованные структуры. Кто-то подставил Нежить.

— Смута?

— Смута сделал ответный ход после падения Мёртво. Но чего гадать? Нас берут в кольцо, надо прорываться, а то крови прольётся столько, что хватит для всех телеканалов мира месяца на полтора. Ты как будто не видишь сотни камер?

— Не вижу, но слышу звуки БТРов. По народу прошёлся слух, что в город стягивают танки.

— Я тебе говорил не вмешиваться. Ограничились бы освобождением ребят в другой день.

— Да откуда я знал, что у них есть БТРы?

— Мой бы догадаться.

— Я думал, спецназом обойдутся.

— Это наш спецназ на танки грудью, а их слабенький!

— Что делать будем? С нами уже тысяча двадцать. Хотя кто их считает?

— Прорываться. Пусть камеры готовят, снимают каждого стрелявшего в толпу. Любое действие здесь и сейчас шандарахнет на другом конце планеты так, что...

— Европа заполыхает от террористических организаций?

— Спонсировали, теперь пусть пожимают плоды. Придумай быстро лозунг.

— А чего его думать? За Кавказ, за спонсорство убийств, за наркотики, за разжигание расовой ненависти, за...

— Это для нас, а для них?

— Для них всё гораздо проще: "За свободу!"

Киборги выстроились в ряд, сомкнувшись в цепь. За спинами появились машины с водомётами. С задних рядов без предупреждения полетели дымовухи и гранаты со слезоточивым газом.

— Вперёд! За свободу! — Закричал Скорпион и взял разбег.

Первым ногой врезался в пластиковый щит выстроившегося построения "легионеров", лишь отдалённо похожих на людей.

Человека со щитом отбросило, тут же ещё двое рядом отлетели, как ловушку-бревно поймавшие. Сёма пробивал строй чуть вдалеке рядом. Толпа, убегая от слезоточивого газа, догнала предводителей и навалилась на киборгов. Дубинки взвились в воздух, послышались крики. Замелькали биты, ножи. Разомкнутые Скорпионом и Леопардом легионеры потеряли устойчивость, завалились назад. Какая-то минута и спецназ утонул под рекой протестующих. Шлемы и щиты полетели в стороны. Их затоптали, ножи неотвратно находили цели. С задних рядов пошла команда стрелять. Потекла кровь. Выстрелы не остановили разгорячённых, движимых в одном направлении бывших людей.

Сёма запрыгнул на бронетранспортёр, кинулся к люку выкидывать людей, сожалея, что нет гранаты. Скорпион запрыгнул следом, протягивая гранату и резко хватая за плечо. Оглушительная пощёчина от брата была чем-то совсем неожиданным.

Сёма застыл, ничего не понимая.

— Хватит уже, Сёма. Не видишь что ли, что всё вокруг бред?

— Бред? — Сёма пощупал пылающую щеку и осмотрелся. Мир вокруг погрузился в войну и люди с наслаждением лишали врага жизни.

Скорпион спрыгнул с транспортёра, остановился и взмахнул руками. От ладоней в разные стороны, пошла волна огня. Этот огонь, как круги от камня на пруду, прошёлся по площади, и в огне сгорело всё живое. Быстро, как тонкая бумага. Сёма зажмурился, пропуская огонь через себя и... открыл глаза.

Они с братом стояли в просторном, светлом помещении и трое напротив ухмылялись: голубоглазый Эмиссар, широкоплечий, лысый качок, больше похожий на небольшую подвижную гору и пожилая, седая женщина.

— Bravo, малыш, догадался всё-таки, — едва-едва похлопал в ладоши Нежить. — Хоть

Родослав и не говорил тебе, что я не только мастер ядов, но и специалист по иллюзиям.

— О чём он, Скорп?

— Нас поймали в ловушку наведённой иллюзии.

— Иллюзий? Когда?

— Полагаю, это случилось с того момента, как мы приблизились к демонстрантам. Просто с той поры мир перестал быть реальным. Всё, что происходило — морок, наведённый Эмиссаром. Он воздействовал на сознание, показывая не то, что есть. Я до конца и не понял, как удалось выбраться. Сжигая наведённый мир, как-то не подумал, что сознание может позволить сгореть и нам обоим. Иллюзия была такой, что любое якобы воздействие там, отразилось бы на теле. И вряд ли криминалисты удивились бы, обнаружив наши обгоревшие тела.

— Ещё боль от ударов, усталость, другие ощущения? Моя пылающая щека?

— Мозг был обманут... У меня такое ощущение, что я с этим сталкивался... Не было ничего, только мысли Нежити, что преобразовывались в окружающий мир.

— Зато трое напротив сейчас самые, что не на есть настоящие? М-да, не успел я парней освободить. Как же ты догадался?

— Всё было слишком просто... А когда последний раз всё было слишком просто?

Сёма не ответил.

— У меня растаяли последние сомнения, когда мысли стали преобразовываться в физические предметы. Попросту он подсовывал то, что хотели увидеть... Последней каплей была протянутая парнем мне граната.

— М-да, недалеко мы к брахманам придвинулись. Всё кшатрии и кшатрии.

— Ты думаешь, ты действительно специалист по иллюзиям? — закричал Сёма, возвращаясь на вербальный способ общения и обращаясь к Эмиссару. — Тогда почему мы так просто выбрались?

Нежить захохотал. Старушка и качок чуть приподняли уголки губ.

— Чего смешного? Ты думаешь, тебе осталось долго смеяться? — Сёма двинулся вперёд, но Сергей схватил за плечо, останавливая.

Эмиссар, отсмеявшись всласть, довольно обронил:

— Вы здесь, потому что я позволил. А позволил я, потому что пробую новый яд? Что струится по вашим венам. Я назвал его "Правда-ложь". — Нежить глянул на часы. — И действовать он начинает через четыре секунды. Остались вопросы? Тогда приступаем к опыту.

Сёма со Скорпионом переглянулись и, не сговариваясь, рванули к Нежити.

Показалась, что тела врезались в скалу. Но мутнеющий взгляд и расплывающийся мир ещё говорили, что это просто качок, только что стоявший подле Эмиссара, преградил путь крепкой грудью, что больше походила на гранит.

Оба свалились под ноги помощнику Эмиссара.

Поверженные.

Сёма

Светло, тепло. Меня окутывает облако, словно парю в невесомости. Вокруг ласкают слух приятные мелодичные звуки, настолько приятные, что нет сил сконцентрироваться на чём-то другом. Я не могу вырваться из цепких объятий и плыву в этом незримом мареве. Крылья за спиной ритмично, лениво разгребают пену, облака. Я плыву без цели, без мыслей, я как будто простое облачко, лёгкое невесомое и вряд ли существующее вообще. Я — мысль.

Что-то привлекает моё внимание, что-то тяжёлое и непонятное, непознанное моим разумом приближается. Оно не агрессивно, оно не враждебно, просто непонятно, непознанно. И это Нечто манит меня, как огонёк любопытного мотылька. Я подплываю ближе и ближе, я почти вижу что это... Это...

Тень. Она окутывает меня, захватывает в свои объятия. Крепок и без надежды на

освобождение. Я пытаюсь кричать, вырваться, но понимаю, что не испытываю боли, и кричать незачем, нет причины, я просто внутри этого тёмного облака...

Это другой свет, внутренний, это другое тепло, настоящее.

Я больше не слышу райского пения, но я словно открываю глаза и вижу тысячи таких же, как я, что бродят среди облаков без цели и помыслов, прозябая в пространстве. Они совсем такие же, как я. Смотреть на это невыносимо, я должен им помочь найти себя.

Я должен.

Эта темнота... Едва я понимаю, что она хотела мне показать, темнота исчезает.

И я один. За спиной всё так же растут крылья, но я уже не смотрю лишь под ноги. Я зрю вперёд. Я словно ощущаю новую цель, я вижу небо без прикрас, истинное небо. И я бегу сквозь пену, сквозь облака до ближайшего похожего на меня пленника. самого себя в прошлом.

Я кричу ему в ухо:

— Проснись, эй, очнись! Ты можешь прозреть, поверь в себя!

Но он меня не слышит. Я бегу ко второму, третьему... Кричу. Ничего не меняется, всё так же. Всё тоже. Они слепы и глухи. У них нет сердца, они все в той же прострации, слушают своё райское пение, не замечая ничего вокруг.

Но кто же я? Я? Я — мысль. Помогать ли мне им? Я в смятении, может им так лучше. Кто подскажет?

Я в смятении. Такого раньше никогда не было. Мои крылья машут, что есть мочи, поднимаюсь над пеной, вверх, к солнцу, к свету... Но он странно слепит, я кричу... я что-то кричу, но крик распадается тысячами осколков...

Проходит много времени, я летаю над облаками в поисках таких же как я. И о чудо, нахожу немногих. Мы держимся за руки и смотрим друг на друга прозревшими глазами, мы словно отчего-то свободны.

Наша немногочисленная группа ангелов летит в этом воздушном океане, собирая прозревших. Их мало, но они есть. Примерно в том же отношении, в коем встречаются золотые песчинки среди простого песка на берегу моря.

Я чувствую себя свободным, я веду этих свободных к какой-то цели, мы стремимся к высшему, лучшему, вечному... Я это чувствую.

Мы летаем, пока что-то не хватает нас за шеи и тянет в самое сердце этих облаков. Это что-то, совершенно противоположное тому, что я ощущал в облаке. Оно кричит в гневе, в самой свирепой ярости:

— Отступники! Я забираю ваши имена! Вы низвергнуты!

Отступник? Нет я не отступник. Я Сёма. Я Сёма, который всего лишь мысль. Я — мысль о том, что я считал себя Сёмой.

Мы не можем вставить и слова. Нас не спрашивают. Словно и незачем.

Долгое падение.

Удар.

Жуткая боль.

Вопросы без ответов: "За что? ЗА ЧТО?!"

Ответов нет, мы вырваны из облаков, и крылья наши уже не те. Они опалены и покрыты копотью, слабы, но огонь самого Дна Мироздания даёт им новую силу. Я подчиняю его себе. Я принимаю своё новое имя. Со старым меня уже ничего не связывает.

Нет, я Сёма. Со старым меня связывает желание. Желание вернуться к Марии. Этот свет бессмыслен. Он — ложь. Ощущения лживы, я не тот, кто о ком говорит мне отравленный разум. Я Сёма!

Я — мысль.

Проходит время, я думаю, размышляю, пытаюсь найти выход, компромисс, ответы мои извечные вопросы.

А друг мой от моего имени собирает армии.

Мне приходится возглавить поход.

Мы идём к этой воздушной массе, мы хотим справедливого разговора, ответов на свои вопросы, но нас не слушают, нас не слышат и не видят.

С нами сражаются всё те же слепые глупцы.

Мы можем в один миг уничтожить их всех, но того Старца нет, он куда-то ушёл.

И того тёмного облака нет...

Ничего нет...

Но главное — нет ответов на вопросы. Значит, смысла на этом периоде времени не существует. Я приказываю остановить бойню, всё равно нет смысла в убийстве слепцов.

Мы уходим.

Я не нашёл ответов на свои вопросы.

Нет! Я знаю ответы! Я знаю кто я...

Я — мысль?

Скорпион Пытки памяти

Невнятный сумрак обозначил его тело. Тот, кто назвался моим братом, вновь предстал передо мной.

— Ты глуп. Вместо того, чтобы активировать тотем, который взял бы на себя хоть часть яда, ты бросился в безнадёжную атаку.

— У нас с братом должны быть равные шансы.

— У вас разные дозировки... Братом ты по-прежнему называешь не того...

— Я знаю, кого называть братом.

— Ты не знаешь ничего!

— Как же было на самом деле?

— Что ты хочешь услышать? То, что я отговаривал его в ночь перед преставлением? Давай я лучше покажу тебе, что было после его ухода, но до времён скитаний в горах Тибета.

— Хочешь воспользоваться моментом, пока я подвержен яду? Ты же сам являешься не меньшим мороком, чем то, что будет тобой показано.

— Полезные мысли. Ставь фильтр.

В голову ударило. Сумрак сменился мраком, и я окончательно потерял восприятие мира...

Земля разверзлась по велению его слова. Обширный пласт вдруг вспучился и поднялся с сухим треском и надломился пополам, как будто лопнул засохший корж хлеба.

Небу открылся вход в подземное царство.

Тот, кто открыл при жизни все пятьдесят врат силы, став богоподобным, кого прозвали вторым "спасителем" — Христос на современный лад — а в северных странах просто "Коляда", опустил взор к клубящемуся дымом разлому. Второе воплощение ведического Спасителя собиралось спуститься в ад. Настало время забрать первосотворённых...

Из тьмы валил пар, тянуло затхлым воздухом вперемешку с серой. Он вдохнул во всю грудь и ноги повели во мглу, туда, куда никогда не проникали лучи солнца.

Стоило сделать десяток шагов по незримым ступеням, как земля с гулким грохотом соединилась над головой, погружая во мрак. Пришлось остановиться, чтобы дать время глазам привыкнуть. Постепенно во мгле стали различаться смутные тени, мрак из иссиня-чёрного, стал серым, отодвинул видимую грань в даль. Выживший пророк поправил перевязь меча за спиной, и уверенная глухая поступь продолжилась.

Двуручный меч с широким перекрестьем, таким, что сам меч походил на крест, приятно тяжелил плечи, окутывая аурой теплоты и надёжности. Сила духа силой духа, вера верой, но от надёжного холодного оружия какой воин света откажется? Ещё и с таким могучим противником, как Велес, что гордо именует себя Богом. Лицемер.

Чем глубже спускался, тем вопреки, становилось лишь светлее. Земля вокруг стало

подсвечиваться бледно-розовым, красноватым, сгущаясь до багрового яркого цвета, запах серы стал плотнее и ощутимее. Под ногами то и дело мелькали мелкие насекомые, шныряли здоровые крысы, ростом с приличную собаку. Двоим пришлось хорошенько наподдать, чтобы уступили дорогу, их толстые заплывшие морды лениво скалили острые, как бритвы зубы, глухо рычали, но как только доводилось увидеть пару карих глаз, что горели незримым светом внутри, так предпочитали подвинуться.

Вихрастый чудак сорока лет и вправду на многое был способен. Это до тридцати лет слонялся по миру в поисках истины, искал правду, варианты, как сделать мир лучше, чище, как остановить кровопролитное колесо войны. Но мир становится лучше и не собирался. Люди не только не оценили мудрых советов, но и попытались как можно быстрее отправить на тот свет, в особенности избранные шпионы Велеса. Как будто наречённый Спасителем не ведаёт, когда придёт его время переступить грань, а когда мир может и подождать?

И вот настало время путешествия в Гиперборею, к Алатырским горам, где таится спуск в Нихель, Тартар или Ад. Каждый народ зовёт по-своему.

Не многим известно, что каждые шестьсот лет на Земле рождается Посланник, способный сделать мир лучше: огненный Заратустра, свирепый Моисей, загадочный Буддай, милосердные Спасители, непримиримый Мухаммед... Будут ещё и ещё, вот только не всех мир примет или хотя бы услышит. Эпохи идут одна страшнее другой — сомнут и не заметят. Лишь побрякушки, что останутся после них, будут людям немым укором.

Коляда, как называли на славном Севере за годы скитаний, потерял счёт шагам. В поле зрения вместо багровых стен попали чёрные врата. Массивные створки, каждая, как гора, отделаны толстыми слоями чёрной стали — рецепта подгорного народца. Ворота испещрены узорами, колдовскими знаками, звёздами с множеством граней, самая большая — стадвадцативосьмигранная.

— Прости, Люци, жаль такую красоту разрушать, но я пришёл за родителями... Родителями рода. А это — святое.

Коляда достал меч — чёрный булат, ни у кого в мире таких давно нет и ещё долго не будет — замахнулся на ворота, разгоня меч и силу удара внутренней силой.

Перед вратами вспыхнул свет, обозначая крылатую фигуру в белой мантии. Тоненький голосок пропищал:

— Я послан, чтобы остановить тебя. Дальше дороги нет, там царство отступников. Посланнику неба там не место.

Коляда опустил меч, свободно держа тяжёлый двуручник одной рукой. Постранствовал по миру, прокачался, побегал и по северным землям, воинской науки поднабрался. Не всегда люди понимают слово. Иногда нужно и по зубам. Меч в этом случае — надёжная наука. Свободной рукой пригладил прядь волос, ответил низким голосом:

— Прочь, Ахаим. Меня уже не обмануть. Все мы рано или поздно взрослеем.

Голосок жалобно дрогнул:

— Зачем подгоняешь время смертного часа? Ещё столетье тебе шагать под небом, а не на нём. Заслужил...

— Люди за вами не потянутся, планка слишком высока. У нового Пророка будут более весомые аргументы, ближе к человеку.

— Раньше ты говорил другое. Зачем пришёл?

— Адам и Ева не заслужили вечного изгнания. За что мучаются в огне вечном? Прочь с дороги!

— Ничто не вечно! — Неожиданно прорычал басом бывший ангел.

Белая плоть порвалась, крылья опалились и вспыхнули синим пламенем, обнажая красную кожу с роговой бронёй по всему телу. Вместо оперенных крыльев, обозначились кожаные крылья, как у летучей мыши, только вместо хилых соединений и костяшек, эти крылья сплошь усеяны мышцами и сухожилиями, концы заточены острее бритвы.

Коляда вздохнул:

— Ахаим... Демон подстрекательства.

— Да! Уходи!

— Куда уходить-то? Вы и так уже полмира переиначили! Погибнет гораздо больше людей, чем когда-либо. Я вёл их к свободе, а вы облачили в мантии рабства.

— Так в чём же дело, Спаситель? Создадим новую!

— Ахаим, мысли — всего лишь мысли. Старший тоже много мыслил и получились не только ангелы, но и ваши подобию, потому что мысль неуловима. Не важно, что ты мыслишь, важнее как это поймут другие, как воплотят в действие. Мир постепенно движется к пониманию, ломая все палки, что вы вставили в колёса...

— Очнись, ты же умён! Мы ничего не ставили! — Вскричал Ахаим и уже печально добавил. — Они сами... Не веришь? А всё, как и встарь: начало, возвышение, пик, падение, начало.

— Так было всегда?

— Не всегда, но в большинстве случаев после нашего изгнания. Души засорились. Чистить некому.

Коляда тяжело сел на землю, на плечи словно положили гору, тяжесть мира давила без всяких поблажек. Расплата за разум — ответственность. Положа меч на колени, залепетал:

— Им нужна свобода... Свобода от веры...

Ахаим опустил рядом:

— Они не будут верить в себя. Им либо идол, либо смерть. Те, кто бродят во тьме, слепнут даже от пламени свечи.

— Просто ещё не пришло время. У них должно получиться. Я же не один!

— Не обманывай себя. Пройдут эпохи, а человек будет тем же, пока всплеск гнева Старшего не утопит его. Доведут, проведёт ещё несколько зачисток. А пока мы вольны проводить эксперименты, пробовать, искать варианты... пока... пока не найдём.

— Открой ворота, Ахаим, я должен забрать прародителей. Не хочу ломать, ты же знаешь, я уважаю чужую работу, даже вражескую. Не один же год чертил.

— Нет врагов, Коляда, есть недопонимание. Не мы их поместили в ад. Старший сам сделал выбор.

— Мы все сейчас, не те, что были раньше. Даже Он меняется. Не меняются только глупцы.

— Или святые... — Пospешно добавил Ахаим.

— Или святые. — Кивнул Коляда. — Опыт прошлого неприменим, время требует перемен или перемены пройдут через тебя.

— Растёшь, малыш, растёшь. Что ж, пора и останавливать. — Ахаим поднялся, расправил крылья. Когти сверкнули, как на солнце, глаза запылали огнём. — Докажи, пройди через меня.

— Рискуюшь, Ахаим, рискуешь. Твоего имени нет в записях людей. Канешь в лету, как сотни до тебя. — Коляда поднялся, приготовившись к битве. Рельефные мышцы вздулись, готовые к любому движению.

— Как и многих других... Со временем всё забывается, всё исчезает... Это всё когда-нибудь должно кончиться. Мы слишком много знаем... Прощай... — Ахаим взревел так, что откуда-то сверху посыпались камни, бросился на заступника, замахиваясь широкой пятернёй с ножами-когтями, что с лёгкостью рубят камни. Подземные воины — идеальные орудия войны.

Но перед демоном стоял уже не человек. Оболочка редко говорит о внутреннем содержании. Сейчас в человеке перед ним ожил бог, такой же, как в каждом. Но не всем удавалось разбудить его.

Крестообразный меч описал дугу и застыл. Ахаим прекратил движение, рухнув на землю двумя половинами.

— Не свет я вам принёс, но меч... — прошептал Коляда и переступил через сгорающий пепел демона. Демона, чьё имя умерло вместе с ним.

Ворота разнесло в щепки после первого же удара, внутренней силе Пророка

позавидовал бы любой из демонов или ангелов. Рождённый человеком может достичь великих высот, если не будет сам себя останавливать.

Меч Спасителя пылал, горел огнём, по клинку бегали алые искры. Воздух вокруг раскалился, потрескивал, как камни в пустыне к вечеру. Один широкий замах и от ворот осталась лишь оплавленная груда камня, обломки железок и опаленных досок. Магические знаки исчезли вовсе, как будто были написаны на воздухе.

Коляда перешагнул обломки врат, попав на самый высший, то есть "первый" адский круг. Едва нога ступила за пределами ворот, как со всех сторон, словно из-под земли, в атаку бросились полчище мелких бесов, желтоватых созданий не больше двух локтей роста с мелкими хвостиками и кошачьими коготками на всех четырёх лапах.

Тяжёлый двуручный меч в борьбе с сотнями бесов был малоэффективен, практически не применим — по одному замаху на каждого воина, так и к вечеру не управишься.

Посланник судьбы воздел левую руку над головой. Красный адский свет прорезал синий цвет от руки, сначала он образовался на ладони, потом спустился по запястью, пока не охватил всё тело. Упругий кокон замерцал, пошёл играть бликами света, затем произошёл взрыв. От тела во все стороны потянулась синяя взрывная волна. Земля на пути волны и стаи опешивших бесов, всё покрылось ледяной коркой. Полчища мелкой нечисти застыли на месте, словно вырезанные из камня фигурки.

Коляда довольно кивнул, опустил меч остриём к земле, коснулся кончиком и сказал два Слова. Он не кричал, говорил не громко, но эта пара Слов покатались по подземелью, отдаляясь от него, словно жили сами по себе. Земля под остриём меча отступила, пошла ступеньками, давая возможность уйти на второй адский круг...

Грудь тяжело вздымалась, липкий пот стекал со лба и путался в длинных иссиня-чёрных волосах уставшего человека. Мышцы рук сводило судорогой, меч давно не казался лёгким, но с тех пор как впервые извлёк из ножен в этом месте, обратно в ножны пихать не приходилось — угольки тлеющих глаз в чёрных мрачных разломах никак не давали покоя.

Часто ловил себя на мысли, что уже заставляет себя идти, через силу, словно ноги в зыбучем песке. Будь он простым человеком, давно бы уже рухнул от истощения — в бесконечных подземных просторах скитался уже седьмой день, без еды, воды и полноценного воздуха. Дышал ядом разломов. Он не испытывал потребности даже во сне, но сама атмосфера этого места настойчиво истощала внутренние силы. Как лужа иссыхает под палящими лучами полуденного светила, так иссыхал он. Хотелось просто прилечь на голую сырую землю, подложить под голову камень и забыться долгим беспробудным сном. Ад поощрял любые слабости, низменности: "Зачем идёшь дальше? Отдохни, дорога никуда не денется", "Тебе это надо? Пусть другие этим занимаются!", "Да за твой подвиг тебя ещё и проклянут".

Странник понимал, что поддаться этим навязчивым мыслям означает то же самое, что отдать врагу оружие и повернуться спиной. Стоило отступить хоть на шаг от намеченного, как ты уже бежишь от себя самого. И ведь на земле, среди людей под "подставь другую щеку" подразумевал совсем другое. Откуда только потом набралось этих последователей в рясах? Возомнили себя толкователями. Стоило обронить слово, как становилось нерушимым законом и ведь не понимает человек, где действительно законы, а где и просто мысли вслух... Толкователи его мыслей, вереницы святых, последователей, мессий... Люди вообразили, что кто-то их пустит наверх, бездельников, не совершивших ничего доброго из того, что проповедуют.

— Мало жить, не совершая грехов, надо ещё и добро творить, — услышал он свой шёпот, тот прокатился по гулким пещерам чередой взрывов и грохотом камнепада.

На периферии зрения узрел руку, тянущую за полы одежды. Почему-то только сейчас понял, что трудно идти из-за тысяч подобных рук, оттягивающих назад, останавливающих. Так вот они и есть души, незримые, словно ветер и такие же невесомые. Недаром за три дня пути не узрел ни одного котла с булькающей смолой, высокой дыбы, кипящей сковороды, компостных ям.

Понапридумывали же. пытки, совершающиеся на земле, не применимы в аду, ибо ад и рай там, где существуешь. Существуют, конечно, фанатики, коим обязательно в Вальхаллу, Вифлеем, Преисподнюю, Ирий, Нирвану, Нихель, Небеса и Подземелья, Иномирье... Каждый зовёт по-разному, но не придумано ещё лучшего испытания после смерти, как одиночество. Остаться один на один со своим пройденным путём, подумать, переосмыслить, решить, разрешить, покаяться, поклясться, придумать, перепланировать, вспомнить, забыть, вернуться, остановиться. И рай и ад у каждого свой. Мысли порождают миры. Вариантов столько же, сколько придумано.

Скитаются мириады душ по всем мирам от Первого Творенья до Последнего Мгновенья, воплощаются, исчезают, создают, разрушают и растворяются в потоках времени, скачут в прошлое и ныряют в будущее. Они окутывают каждую минуту существующего, их число не поддаётся счёту. Они и есть то, что каждый зовёт по-разному, но смысл один — Творец.

Коляда отмахнулся от душ — всего времени бесконечности не хватит, чтобы объяснить каждой из душ её предназначение, сама должна понять, для этого и существует. Обронил:

— Не ждите утешения ни в жизни, ни после. Всё равно в бесконечном итоге всё придётся постигать самим, без оглядки и мудрого руководства. Ибо мудрец в каждом из вас, прозрейте же, наконец!

Души шарахнулись от него. Идти сразу стало легче. И ведь привыкли, что один, обязательно избранный, знает больше других, ждут, что укажет, поможет и объяснит. Избранный конечно и объяснит и укажет, но только туда, куда ведёт один из множества вариантов. Из бесконечно возможных.

Шагая, закрутил головой: мелкие глазки чертей и бесов куда-то исчезли, либо притомились шпионить за живым в бесконечном царстве мёртвых, либо дошёл до того места, где обитают совсем другие монстры.

Красная земля под ногами быстро светлела, желтела, то и дело попадались россыпи песка, пока всё вокруг не превратилось в сплошную пустыню. Сандалии стали утопать по щиколотку, хорошо ещё песок не был раскалённым, как в пустынях под солнцем, здесь вместо солнца светит сама земля, разбрасывая ненадолго мрак.

— Дороги, дороги, всё в мыслях и слове, — шептал он сам себе, чтобы не забыть, как вообще слышится человеческая речь. — И почему, чтобы сделать плохое дело, достаточно и мгновения, а ежели достигнуть хорошего, то может не хватить и жизни?

Вопрос укатился вдаль. Порыв неизвестно откуда взявшегося ветра откинул пряди волос, песок вздыбился, закружился, обрисовывая могучую песочную фигуру без ног. Через минуту перед глазами на четыре метра возвышался могучий воздушно-песочный элементаль. Джин.

— Ашаим! — Странник вскинул меч. — Подкинь до Гиены Огненной, с братом повидеешься.

— Как ты можешь называть моим братом жалкого эфрита? — Голос джина прокатился рокотом, так похожий на рёв урагана.

— Джины, эфриты, ундины, големы... Воздух, огонь, вода, земля... Четыре стихии из общего начала... Как можете вы отрицать друг друга?

Джин взъярился, песок закружил пуще прежнего, пустыня вокруг в один миг обратилась в песчаную бурю, частицы песочной пыли застлали и без того не яркий свет. Джин пытался уничтожить дерзкое двуногое создание, одно из многих, коим во владения Творец отдал весь мир.

— Ашаим! Ты ведёшь себя как человек в гневе! — Коляда постарался, чтобы его слова были услышаны непокорным джином. — Ты унизишь себя до подобия двуногого? Как сможешь сам себя уважать?

Воздушного элементаля пробрала дрожь, настолько этот "двуногий" был силен. Бурю пришлось прекратить.

— Почему ты сравниваешь меня с двуногими?

— Да так же все от одного корня произошли, а грызутся меж собой по любому поводу, малейшее расхождение — повод для войны.

Джин сложил могучие руки на груди, затих.

— Ашайм, а может, это вы их научили? Как-никак, элементали — древнейшие создания, первоосновные.

— Не ищи оправданий! Мы не причём!

Пророк усмехнулся:

— Уже и за всех говоришь? А как же братья? Сёстры?

Джин воздел руки к небу, прогрохотал:

— А вот у них и спроси, ближайший — эфрит. Может он чего. А я нет!

Джин охватил незримой прозрачной пеленой воздуха, вскинул над землёй и помчал, что есть мочи к Огненной Гиене.

Коляда не успел опомниться, как уже стоял в десятке метров от пылающего жаром разрыва. Насколько хватало глаз, в огромном котловане пылало целое море раскалённой магмы, переливаясь жёлтым, красным и зловещим оранжевым цветом.

Геенна давала не только колоссальную температуру, но и освещала всё вокруг не хуже дневного светила. То и дело в сотнях метрах друг от друга в небо взвивались гигантские буруны, фонтаны взрывались и взлетали на десятки метров вверх, швыряя во все стороны мириады брызг. На солнце такие явления называли бы протуберанцами.

Глаза оторвались от дивного зрелища в поисках джина, но того давно и след простыл.

— М-да, древнейшее бессмертное создание, силы немеренно, но с разумом беда, — обронил Коляда сам себе.

— В семье не без уродов, — раздалось со стороны Геенны.

Магма взорвалась совсем близко к берегу, капли раскалённого вещества едва не попали на ноги. Из чудовищного фонтана появилась пылающая голова с огнём вместо волос и парой угольков вместо глаз.

— Ах, Эфраим... Как дела в центре Земли?

— Греется старушка, тепла ещё хватает. Не то правда уже время, когда огнём была охвачено всё вокруг, но пока ещё есть, где разгуляться. Живём.

— Рад за тебя. Скажи же мне, а не видал ли ты в Геенне двух переводуш?

— Сам знаешь, растворяются они здесь быстро, не выдерживают.

— Первые души не так-то легко растворить.

— Нет, нету здесь таких, — эфрит, совсем по-человечески, печально вздохнул, — наверное, на другом берегу. Там же сидит и Она, ждёт.

Коляда вскинул брови:

— Как? Разве Лилит до сих пор здесь? Она же...

Эфрит перебил:

— Да, здесь, здесь. Непонятно мне это человеческое: страдают, ждут, печалятся, грустят... Сидит уж которую тьму лет, иногда только Каин навестить приходит. Они оба отверженные, непонятые...

В горле встал ком, язык прилип к нёбу, Коляда просипел:

— Эфраим, молю тебя, перенеси меня к ней.

— Но...

— Никаких "но"... Она грустит из-за него... и не уйдёт отсюда, пока они там. А ведь она живая, смерть обходит её стороной. Живым надо быть наверху, но...

— Ты же сам сказал никаких "но"... Садись... Эх, люди... Как ещё живёте?

Скорпион Пытки памяти-2

Скорпион закричал:

— Довольно! Хватит! Не хочу видеть Лилит! Зачем мне её память?

Фигура Меченого появилась, прервав видение:

— Не хочешь видеть мать, отец не является, брату не веришь. Может, на деда глянешь? Семья так просто не отстанет, поверь мне на слово.

— Деда?

Ещё одним ударом пробрало всё тело Скорпиона...

Новое видение захватило сознание...

Световит поставил ногу на валун. Взгляд устремился до самого виднокрая, благо с холма видно весь дивный сад, от самого начала у подножий одиноких гор, до соседних скал, что лежат на самом закате. Сад словно находится в некоей резервации, просто сотворённая неведомыми богами ложбина посреди многих дней пустыни. Оазис посреди вечного зноя с густой растительностью и подземными ключами чистой воды. Сборочный цех новых людей. Старые уже не устраивали.

Глаза зацепились за две фигуры, понуро идущие прочь из сада. Только что двое человекоподобных выдворили прочь и загородили вход обратно. В руках огромных созданий неведомое оружие — бронзовые мечи. Мечи блестят так, что, кажется — пылают огнём. Отражают свет тысяч бликов солнца.

"За что выгнали тех двоих? Заступники?"

Световит замер в ожидании. Всё равно рано или поздно придут на эту возвышенность, так как из зелёной ложбины можно выбраться только здесь, другого пути нет. Ещё дети — Родослав с Миромиром об этом говорили. Поскитались по миру, знают многие места... А идти навстречу, убивать бугаев и ломиться в сад силой, смысла и самой причины нет. Но за что же наказали тех людей? Бредут так понуро.

Время шло, а изгнанники не торопились покидать дивного оазиса, сидели напротив единственного входа, словно чего-то ждали — милости или прощения. Но хозяин этого оазиса выходить не торопился.

"Велес ждал? Или просто горд? К чему ему этот цех? Почему ушёл с цветущего севера на знойный юг?"

Световиту прискучило торчать на камне, как высеченная песками и ветрами каменная статуя. Поправив огромных размеров лук за спиной с полным тулом калёных стрел с белым оперением, уверенным шагом направился в ложбину.

Первым его заметил изгнанный мужчина, привстал и сделал пару шагов навстречу, всматриваясь в него так, словно увидел самое небывалое на свете чудо. Световит хоть и был богом, сыном самого Рода, но к чуду себя не причислял — нагляделся чудес уже под завязку. В мире творений его отца удивительного столько, что восхищаться разучился в первые века вовсе.

Световит замер в десяти шагах от мужчины, давая ему время, чтобы привык, успокоился. Угрозы от него никакой. А то, что лук за спиной, так этим, в саду, это оружие ещё не ведомо. Недавно изобрёл. Вряд ли догадаются.

— Кто вы и за что вас выгнали? — первым подал голос бог.

— Я Адам, а это моя... Ева, — ответил с запинкой Адам, — мы... ммм... прозрели... вот и выгнали.

Световит широко зевнул, мигом потеряв интерес к изгнанникам и саду в целом. Теперь понятно, просто Велес ещё один конструктор, который, стремясь превзойти Творца, слепил и не смог воспитать. Сколько таких уже видел за свою бессмертную жизнь? И зачем отец позволяет таким экспериментам в своей вотчине? Отсеивает племя? Улучшает породу людей? А может, вовсе потерял ко всему интерес? Вот мелкие божки и пользуются его благосклонностью, ограждаясь в своих экспериментах от всего мира, объявляя себя избранными, единственными богами всего сущего, объявляя себя чуть ли не Творцами. Каковы демиурги...

Бог резко повернулся и зашагал прочь. Резкий окрик заставил остановиться:

— погоди, в мире ведь есть ещё люди? Змей был прав?

Световит хмыкнул. Образ змея несёт людям прозрение. Хитрая и подлая тварь везде

норовит залезть первой.

Сухо обронил:

— Ты даже не представляешь, сколько в мире вариантов людей. Одни приходят, другие уходят... А сколько ещё будет... Одних задумок сотни тысяч. От подручных материалов, до выращивания из разных зверей...

Бог остановился, оборвал себя на половине слова. И зачем об этом рассказал человеку? Всё равно ведь в своей одномерности дальше глаз никогда не узрит. Может быть и заслужил только такой резервации в саду, ничем не отличаясь от растений или животных... О, неясный конгломерат возможностей как понять тебя единственно верно?

— Ты бог? — Донеслось от мужика.

Световит резко развернулся:

— У тебя остался всего лишь один вопрос, и ты меня больше не увидишь. Ни ты, ни твоя... Ева. Да, я бог, сын Рода.

Адам погрузился в раздумья. Это новое ощущение, которое обрёл едва ли пару часов назад. До этого словно и не жил вовсе. Так, существовал. Сегодняшний день принёс столько сюрпризов, сколько не давала вся жизнь в целом, с момента сотворения. А из чего кстати творили? Но заинтересовался другим:

— Прошу тебя, скажи мне, что у тебя за плечами?

На лице светлого бога заиграла понимающая усмешка:

— Ты вроде бы и не вопрос задал, а нашёл способ выжить в час голода, в самый трудный час, когда начнёшь постигать реальный мир, начнёшь трудиться и работать.

Световит снял лук с плеча, протянул с разъяснениями, показал тул, полный стрел, наконец, наложил стрелу на тетиву из жил тура, поискал взглядом цель. Единственной целью были те самые двое застывших, как бездушные големы, сторожил у врат.

Светлый бог не раздумывая, пустил стрелу. Она захватила локон волос стражей, чуть коснулась макушки. Суровый страж лишь перевёл взгляд вверх, силясь посмотреть себе на макушку, но ничего не получилось. Со вздохом опустил глаза, крепче сжимая свой бронзовый меч, что как-то странно поблек.

— На, попробуй. Только не в этих. Убивать научиться твои дети, не ты. Дети всегда прогрессивнее родителей, а сейчас такие времена пойдут; реки крови, всё в огне, потопе, смутные времена на тьму веков и так... пока не прозреете.

Адам пустил стрелу высоко в небо, пристально рассматривая, как оперённая палка улетает за пределы сада, прочь в горы, на свободу из душной резервации, что звался раем, навстречу неизвестной свободе.

— А скоро прозреем-то? — Задал вопрос Адам, на который уже не мог получить ответа.

Третий вопрос.

Световит уходил вдаль, навстречу новым землям...

Скорпион закричал. Отчаянно и безнадежно.

Но брат больше не появлялся.

Одиночество разума плотно обхватило со всех сторон.

Часть 2 Размышление

Эстония Больница закрытого типа

Подземный этаж.

Ноябрь.

Мигая, загорелись белые лампы. Одинокие шаги прокатились по тихому, холодному помещению. Среднего роста женщина, с пронзительно-зелёными глазами и длинными чёрными волосами, собранными в пучок за плечами, одетая в элегантную кожаную одежду и облегающие сапоги, включила свет и прошла до металлических полок. Там, в металлических отсеках, застёгнутые в мешки, ждали своего часа отжившие свой век люди. Там, среди десятка остывших тел, лежал тот, кого выносила и вскормила, оставив по велению мужа своей собственной судьбе. Мальчик должен был вырасти сам, в неизвестности и без памяти родителей, иначе охотники баланса перечеркнули бы жизнь раньше, чем научился говорить. Умертвив материнские чувства ради спасения дитя, она согласилась на всё.

Всё ради сына.

Его сердце ещё бьётся, медленно и редко, едва гоня по венам остывающую кровь.

Перчатки упали под ноги и рука, сорвав без видимых усилий нехитрый замок с зелёной печатью Нежити, потянула за выдвигашку. Печать взвилась в воздух, испаряясь ядовитым газом, светясь, как неоновый свет в лампах. Эмиссар в тот же момент должен был узнать о вскрытии, но печать под взглядом Лилит замёрзла, растворившись не до конца. Молекулы газа потяжелели, оборачиваясь водой. Затем потемнели и рухнули на тело Скорпиона сухими льдинками.

Его тело было холодным, а глаза открытыми. Глаза заволкло чернотой. Белок отступил, теряя позиции под натиском яда. Только радужная оболочка ещё отдавала оттенком зелёного, но и она со временем темнела, сливаясь с общим фоном.

По щекам Лилит текли слёзы. Безмолвные и тяжёлые, они достигали подбородка и обрушивались на холодную грудь. Мать разрывало на клочья при виде мучений младшего сына.

Пальцы девы коснулись предплечий, и под ладонями вспыхнул синий свет. Он потёк по пальцам и коснулся татуировок, пробуждая тотемы помимо воли обречённого хозяина. Крылья орла едва заметно шевельнулись, голова повернулась в сторону женщины. Орёл приоткрыл клюв и снова застыл. Тотем скорпиона поводит жалом и щёлкнул клешней. Пары ног медленно перебирали на месте, долго и тягуче, словно измазанные в мёде или клею. Низший тотем жаждал вырваться из незримых оков, но хозяин безмолвствовал, и энергии не давал.

Лилит убрала руку от горла и приложила обе к скорпиону. Синий поток усилился вдвое, впитываясь в очернённую татуировкой кожу и вокруг неё. Скорпион радостно помахал клешнями и исчез с предплечья, словно татуировщик в шесть лет Сергея забыл нанести рисунок на кожу. Теперь тотему хватало энергии, чтобы начать действовать.

Тёмновласая вернула руки к груди. Один из ногтей увеличился в размерах и стал не тупее новой бритвы. Неглубокий разрез вдоль ребра в районе сердца сына получился моментальным. Тяжело и неохотно кровь, капля за каплей потекла вдоль рёбер, под спину.

Лилит сделала второй разрез у себя на запястье, и быстрые капли потекли отпрыску на грудь. Красная кровь собралась небольшой лужицей и, против воли физических законов, потекла вверх, устремляясь к началу разреза. Едва кровь Лилит коснулась края, чёрная кровь потекла из Сергея интенсивнее.

Дева перестала дышать, слыша в полной тишине помещения морга стук собственного сердца и возобновляющийся стук сердца сына. Глаза вновь заволкло пеленой и пришлось задушить на корню вскрик от радости, что белые губы сына наливаются алым и понемногу светлеют открытые глаза.

Истерзанный разум Скорпиона пополнился памятью крови матери. Вновь гены отца, потомка богов, смешались с первой сотворённой. Рождённое и сотворённое смешалось в Скорпионе, переплетаясь с ядом Эмиссара. Маленький тотем судорожно активировал все резервы, меняя химический состав яда и разлагая на безопасные составляющие. Он боролся за тело изо всех сил.

За разум же боролся сам Скорпион.

Скорпион Пытки памяти-3

Кавказ. (Алатырские горы)
Очень давно.

Крик разорвал небо, взлетел до самых небес. Снова острый клюв вонзился в бок, разорвал кожу, словно ножом, добрался до печени. Тело пронзило болью, такой, что в глазах потемнело, тело затрясло невыносимой дрожью, а сердце застучало часто-часто, разгоняя кровь в три раза быстрее.

Из разорванной раны горячим бурунчиком извергалась сама жизнь, тяжёлые ручейки текли по животу, по бёдрам, ногам и обрушивались на землю, вновь и вновь впитываясь в раскалённую на солнцепёке пыль.

Прометей стиснул зубы, за десятилетия мучений научился кричать только в первый момент, когда проклятый клюв чёрного ворона, приспешника Зевса, разрывает кожу и вонзается в печень. В дальнейшем уже принимал эту нестерпимую боль, как должное, переживая приступы, как и жгучие лучи палящего Гелиоса, нестерпимого жара светила, что в союзе с Зевсом будут вечно пытаться неразумного человека, дерзнувшего перечить богам.

Ворон поднял окровавленный клюв, посмотрел правым глазом в очи вечного узника, гаркнул хриплым нечеловеческим голосом:

— Отрекись от людей... Смысла же нет. За что страдаешь?

Прометей, как и сотни тысяч раз до этого, выжженными на солнце губами обронил:

— Прочь! Прочь...

Ворон что-то гаркнул в ответ по-своему, по-птичьи, то ли в очередной раз удивился человеческой упрямости, то ли решил, что перевоспитывать таких бесполезно. Широкие крылья взмыли вверх, оставляя далеко внизу, среди скал и развалов камней, вечного пленника судьбы.

Прометей вздохнул, по идее он должен был сейчас умереть от потери крови, но проклятье богов, бессмертие, не давало отправиться за грань, в царство Аида, да хотя бы в сам Тартар, куда угодно... И снова ощутил, как края раны затягиваются, на месте разорванной печени вырастает новая, ещё чуть-чуть и всё, что напоминает о ране, это засохшие, покрытые струпьями кровавые дорожки, да испаряющаяся под огненными стрелами лужа, что когда-то была его жизнью.

Проклятье! Сейчас снова начнёт печь солнце. Так всегда: сначала поутру прилетает ворон, клюёт печень, просит отречься и улетает, тут же дело богов подхватывает солнце, а он, распятый на камне, привязанный могучими цепями, не может пошевелить ни ногой, ни рукой, лишь ощущает, как из тела выходит последняя влага, как медленно выгорает кожа, веки, как лопаются губы. И так каждый день, до самого захода... Перед ночью, перед тем, как забыться тревожным сном, он вновь становится прежним, тем самым, каким был, когда свирепые боги приковали к вечному камню.

Да, он украл! Украл у богов огонь. Не себе, всем людям, чтобы могли выйти из того замкнутого круга, что называлось темным временем, седым веком первобытности. Он сумел, он наделил частицей божественного огня каждого человека, в каждую душу попала божественная икра, зажглась и понесла людям свет.

И вот как наказание, каждый день он обречён на вечные муки, и ни один человек не вправе прийти и освободить его, так как он страдает за всё человечество, что перешло на следующую ступень развития, вышло из животного царства... И он никогда не откажется от правды и веры в свой поступок, потому что он, Прометей, подарил людям огонь их душ.

Сознание плыло и мутилось, палящие лучи безжалостно терзали кожу, щипали веки, резали глаза. В голове стоял гул, как от сотен тысяч молотов. Это кипящая кровь бьёт в виски и молит о пощаде, о тени, и хоть о капле влаги... хотя бы капле...

Язык прилип к нёбу, почувствовал, что рот сможет открыть только порвав губы, содрав кожу... Но не сжалится немилосердное солнце, не пошлёт небо дождя. В этом месте никогда нет дождя, он прикован на краю мира, здесь даже пустынные кусты не растут, только камни и песок, что так же молят о влаге, как и он.

Упрямы боги, но есть люди, что не оступятся от своих слов и поступков, даже на смертном одре, на вечном одре.

Сердце ударило в грудь с такой яростью, что Прометей впервые для себя вылетел из забытья, ощущая ранее невиданное чувство, давно забытое.

Капли жизненной влаги стекали по лицу, он уже и забыл, как ощущается влага. Кожа яростно принялась впитывать в себя всё, что стекало по голове, по лицу, по длинным, выжженным локонам волос. Обоняние выхватило запах воды ещё раньше...

"Вода? Но откуда вода?"

Он заставил себя открыть глаза, тем более что смоченные веки позволили это сделать без сухого треска.

Перед глазами плыло, блики солнца играли на камнях вокруг. Чья-то могучая длань прикрыла глаза от солнца, позволяя увидеть перед собой фигуру... И это был не проклятый ворон. Боги? Нет, те никогда не снизойдут до него. Кто же? Смоченные губы попытались проронить хоть слово, но получился лишь сухой кашель.

— Не спеши, Прометей, — могучий голос рослого мужа, уверенный и дерзкий, разрезал пустоту, что длилась вот уже сколько десятилетий. — Не спеши. Позади вечность и вечность впереди.

Глаза теперь уже чётко и ясно выловили перед собой фигуру могучего, перевитого мышцами мужика в пятнистой шкуре-безрукавке. Он милосердно заслонял его от солнца своей могучей статью и, о счастье, поливал его с ног до головы самым драгоценным сокровищем, что есть на свете — водой!.. Широкий объёмный кожаный бурдюк изливал на пленника солнца капли за каплями.

— Кто ты, дерзнувший противиться воли богам? Уходи, пока они не покарали тебя, как и меня. — Услышал Прометей свой голос.

— Люди и боги называют меня Заряном. Некоторые Гераклом. Что мне до этих богов? Богатыри и герои рождены на земле, чтобы попираť волю богов.

— Уходи пока не поздно, безумный... Я бесконечно благодарен тебе за миг, без мучений, но молю тебя, спасай себя.

Бурдюк опустел. Зарян небрежно отбросил его в пыль земли, обхватил одну из десятка цепей, что сковывали Прометея и, напрягаясь, обронил:

— Ничто не вечно, Прометей... Даже боги — лишь мгновение.

Цепь напряглась до предела, руки Геракла опоясали змеи, что вздулись под кожей горами мускулов, античный герой зарычал, и рык этот прокатился над выжженными безымянными землями, словно громом, после молнии.

Цепь лопнула. За ней другая. Раскалённый небесный металл пал под ноги. Прометей рухнул на колени, ноги подкосились. Впервые за долгие годы? Десятилетия? Века? Впервые увидел свои истерзанные солнцем руки, выщербленные ладони, багровые следы-выемки от цепей.

— Ты свободен, Прометей. Деяния богов не вечны. Недолго им тешиться мнимым могуществом, — сильные руки помогли встать, подняли на затёкшие ноги и держали так, пока не ощутил, что сможет стоять сам, без поддержки и опоры.

Прометей ощущал, как оживает тело, как наполняется новыми ощущениями душа, та самая искра жизни, что подарил всем. Он уже почти поверил, что действительно свободен, почти... Но тут в небе выросла чёрная точка, приблизилась... Это летел тот самый ворон, проклятый посланник богов, чтобы расквитаться с двуногим, дерзнувшим освободить обречённого на муки.

Прометей тяжело вздохнул, прошептал спасителю:

— Всё равно благодарю тебя за все твои старания. Пусть небо будет свидетелем, во

веки веков тебя не забуду.

— Деяния богов не вечны... — повторил Зарян, поднимая с земли огромных размеров дубину и поворачиваясь к незваному гостю лицом, — ...но твой дар останется с людьми навсегда...

Небо узрело, как старые боги в тот день отступились от своих слов.

Скорпион, кидаемый по прошлому, устало вздохнул.

Эстония

Больница закрытого типа. Третий этаж

Молодой человек среднего роста, ничем не примечательный на вид, как человек, за которого спецслужбы отсыпали бы порцию золота ввиду его забывающейся внешности, спешил по залитому светом ламп коридору. Каждая комната выбрасывала навстречу обезумевших людей: пациентов, охранников, медицинский персонал. Все с оскаленными рожками и пустыми глазами. Зомбированные чужой волей старались задержать всеми силами, проявляя несвойственную людям силу. Но зомби не способны думать. А гость больничного отделения довёл собственный разум до заоблачных высот.

Человек в длинном тёмном плаще коротко рубил дланями воздух, и очередной волновой удар отбрасывал помеху на стены. Коридор после поступи гостя покрывался кровью. Мёртвые тела возвращали разум лишь после смерти.

На другом конце коридора, привязанный к кровати, очнулся Сёма. Мир перед глазами плавал, чёрные пятна сменялись галлюцинациями. В этот раз обессиленному и обезвоженному виделись под потолком сотни шприцов.

Они нависли прямо над его телом, иглами обозначив место на теле, куда вопьются в скором времени. О содержимом шприцев можно было только гадать. Убьёт ли его ядом, кислотой, подействует ли яд мгновенно или растянёт муки на часы, дни, что останется от внутренних органов после всего этого и переживёт ли это разум, Сёма больше не гадал. Силы стремительно покидали тело.

Сколько прошло времени с момента падения в ноги здоровяку в помещении Нежити, неизвестно. Но пересохшее горло, почерневшие губы и трясущиеся ноги говорили, что воды он не получал очень давно. Разум справился с ядом, нейтрализовав малую порцию в виде пота с большим количеством воды и кровью, что заставил течь из носа, не давая пробить в мозгу хоть какое-то время. Яд побеждён, но повержен и сам Сёма. Привязан к кровати жалкими бинтами. Не в силах порвать и их. Конечности больше не слушаются, и сиплое дыхание становится всё реже и реже.

Эта медленная смерть в союзе с большой температурой хуже любых мук. Наверное, именно поэтому перестал контролировать гипоталамус, позволяя телу сгореть в мучимом его огне раньше, чем бред галлюцинаций выпьет душу до дна, уничтожив все светлые воспоминания жизни.

Сёма не жалел о пережитом: драки, погони, боль, износ, преодоление, тоска, несуществующие родители, дикая пустота одиночества до какого-то времени... И пусть седая старушка у койки и висящие под потолком шприцы будут ему свидетелем — если бы дали возможность прожить жизнь заново, не менял бы ничего...

"Что было, то было. Один раз прошлое поменяли — хватит. Разве что со Скорпионом пожелал бы встретиться раньше, пусть даже в тайге, и найти Марию до рок-концерта, чтобы влюбиться так, что никакая демонша не в силах очернить ту любовь".

Тяжело, больно.

"Ещё можно было выпустить Леопарда в момент встречи на диване с суккубом у камина, а не через три дня... И вообще с самолёта падать не стоило. Почему бы не ввязаться в драку с Мёртво и Нежитью ещё там, у волхвов? И старики бы не дали очернить кровью святое место покоения Славы и Родослав сына бы в обиду до конца не дал... Если он на самом деле его отец. Кто поймёт этих полубогов? За сорок тысяч лет можно столько понять,

что понятия родства отойдут на последние роли. Или наоборот. Но какой может быть "наоборот", если сама смерть сидит у кровати и шприцы так устали висеть? Скорпион не приходит... Мёртв?.. Тогда не медли, старушка, где твоя коса. Или ты молодая красивая девушка с холодными глазами и белыми губами в линию?"

Старушка подняла голову к двери, прислушиваясь, и дверь почти в тот же миг, медленно, почти со скрипом, отворилась. На пороге застыл вихрастый юноша, тяжёлым взглядом пригвоздив старушку к стулу.

"Скорпион?", — подумал Сёма, расплывчатым зрением собирая картину в одно целое.

Мешали чёрные мухи, плодящиеся перед глазами с завидной скоростью. Куда там кроликам.

— Не преувеличивай своих возможностей, баньши. Тебе семьсот лет, мне в семнадцать раз больше.

"Хотя какой к чёрту здесь может быть Скорпион? О, бредни мои, бредни. Мозг, сколько ещё ты покажешь мне картинок, прежде чем вернётся настоящий мир? Тот, физический, с которым так просто было в понимании в детстве".

— Ты переступил владения! — Просипела придавленная к стулу старушка.

"Опять же, если подумать, в моих глюках должен быть Скорпион. Хоть какой-нибудь. Пусть будет хотя бы такой", — снова подумал Сёма и улыбнулся висящим шприцам.

Широко улыбнулся. Улыбкой камикадзе.

— Удельные земли князьков теперь принадлежат всецело мне! Разграничение Велеса отменяется.

Толстый стеклопакет вынесло на улицу вместе со старушкой. Крик баньши, истерзанной не столько стеклом и ударом, сколько моментально откаченной силой, слился со свистом сотен шприцев. Они моментально догнали пособницу и пропороли старую, дряблую кожу. Она больше не могла вселяться в предметы или менять структуру тела. Меченый забрал весть потенциал, все возможности. Асфальт принял древнюю бестию, как любой материальный предмет весом больше пера. Принял такой же, как умерла шесть веков назад.

Гость подошёл к окну и сел на подоконник. Обычный голос, чем-то похожий на голос брата, донёсся до Сёмы:

— Вот же старая валлийская дура. Нет чтобы спокойно гулять на свадьбе внуков... Так она ж и там проклинать начала. Но и на самый тяжёлый сглаз найдётся проклятие потяжелее... С тех пор могла только о смерти бурчать, сама не ведая смерти... Тьфу, чёрт, с братом поговоришь, сам говорит как он начинаешь... Так о чём это я? Ах, да. Баньши. Воеет о смерти и предметами гремит, как жалкий полтергейст.

"С кем это он говорит? Оправдывается что ли?"

— Вот скажи мне, Сёма. Ты же тоже ему брат. Он всегда такой упрямый?

"Ну, всё, шприцы со старушками кончились, теперь с галлюцинацией разговариваю. Пусть это и меньшее из зол за последнее время".

— Ваше благородие, вы, когда в зелёного слоника превратитесь, вы повторите свой вопрос на арамейском, а сейчас мне некогда — умирать надо. Так в другом мире, — просипел на одном дыхании Сёма, предчувствуя скорый кашель.

Кашлять раскалено-сухим горлом всё равно, что выплёвывать внутренности, получив под дых бревном.

— Кто тебя отпустит, белоснежка? Никак намаялся уже по жизни? Если ты брат моего брата, то способен меня понять. Вот скажи почему, даже когда их время вышло, они не уходят? Мне что-то плетут про баланс забытого Чистилища, я свято блюду все правила, но когда приходит мой черёд, и я сажусь на трон, Велес вдруг забывает в старом "офисе" какие-то вещи и раз за разом возвращается под надуманным предлогом.

"Спокойно ночи, мама. Я уже позавтракал".

— Блондин, только не делай вид, что умираешь. К смерти готовится бесполезно. Они сама приходит. Без приглашения. Свой смертный час знают только святые и пророки. До обоих тебе и прошагав все пустыни мира не добраться.

"Чебурашка, почему ты такой страшный?"

Гость соскочил с подоконник, подошёл к кровати и Сёма... почувствовал себя гораздо лучше.

— Спаси строптивного, у меня ещё дела... — донеслось до Сёмы.

Палата опустела.

Тело снова жило, словно не было истерзано ядом и обезвоживанием, словно жил две недели в добротном пансионате, откармливаясь, отдыхая и хорошо тренируясь.

Сёма парой рывков посрывал бинты и подскочил с кровати. Босые ноги донесли до разбитого окна, и палец трижды укололся об остриё. Ощутил боль. Смотрел на капающие капли крови. Ждал, что галлюцинация смениться другой, но... ничего не происходило. Всё так же горели над головой лампы, была распахнута дверь и старая карга, проклявшая шесть веков назад чьи-то души всё так же была рассыпана по асфальту неумолимой гравитацией.

— Ё-моё, — Обронил Сёма, останавливая кровь и разглядывая палату в поисках одежды. — Неужели мир и вправду сошёл с ума? Или ум — лишь одна из определяющих категорий мира? Совсем не главных?

Леопард вышел в коридор и посмотрел на беспорядочно валяющиеся тела. Кровь была на полу, на стенах, на потолке. Безмолвная тишина прерывалась лишь шлёпаньем его босых ног. Обнажённый, он переступал через тела, пачкаясь в крови, но двигаясь к выходу. Срам, холод улицы, да все вместе взятые постулаты мира не смогли бы заставить его снять одежду с мёртвых.

Безответный вопрос прокатился по коридору, прежде чем вышел на лестницу:

— Неужели и он потерял свою вторую половину?

И чуть позже:

— Стоп, стоп, стоп! А что, меня только что брат Скорпиона спас? Значит он существует?.. А я-то ещё существую?

Все категории ответов смыло одной большой волной потревоженного разума, не оставив и зацепки. До грани сумасшествия один шаг. И грань всё тоньше и тоньше.

Скорпион Пытки памяти-4

Светлый туман снова обозначил знакомую по ощущениям фигуру. От неё веяло холодом и спокойствием. Несокрушимый и вечный, как гранитная могильная плита, Меченый снова пришёл к нему.

Сергей, примиряясь, обронил:

— Скажи мне, Меч, Сёма выживет?

— Сокращаешь моё прозвище? Не ты ли говорил, что урезание есть деградация?

— У тебя есть прозвище, но нет имени. Почему ты не взял себе имя сам, если не нарекли родители?

— Имя привязывает тебя к телу, к жизни, к миру вокруг. А я всегда свободный. Как ветер.

Скорпион всмотрелся в туман, стараясь углядеть глаза брата, но серая завеса их надёжно скрыла. Снова обронил в пустоту:

— Сёма выживет?

— Не буду тебя обнадеживать. Нет. Яд он нейтрализовал, доза была несравнима с твоей, но от опеки без помощи избавиться не сможет. Я не могу гарантировать, что кто-то ему кроме меня не поможет, но Аватары инертны, папашка твой себе на уме, а мелкий росток под названием "Антисистема" понятия не имеет что твориться в частной больничке Эмиссара Нежити... Решать тебе.

— Ты можешь вмешаться?

— Конечно, могу. Но ничего не бывает просто так... Услуга за услугу.

— Что, — усмехнулся Скорпион, — продать тебе душу?

— К чему мне твоя душа? Просто позволь мне иногда говорить от твоего имени.

— Ты же столько наговоришь... И к чему тебе это, если я вот-вот пройду этот туман без надежды на возвращение?

— Выбор у тебя невелик. Да и глупо было бы брать с тебя это позволение, если бы я не был уверен, что ты не выживешь. Но жизнь жизни рознь. Ты можешь жить полной жизнью, а можешь с ощущением, что парой-другой слов обрёк самого близкого друга на смерть.

Сергей лёг на туман и поплыл, словно подгоняемый неторопливым течением. Решение давалось нелегко.

"Позволить говорить чужому от своего имени — потерять своё имя. Но позволить умереть брату — потерять имя ещё раньше. Стоит ли жизнь побратима имени? "

— Хорошо, ты можешь говорить от моего имени. Но я оставлю за собой право когда-нибудь сказать тебе: "Хватит!".

— Договорились. Руку жать не буду — ты всё-таки в коме, кровью расписываться тоже не стоит — я не мелкая нежить... Пойду я, пожалуй. Или ты хочешь ещё что-то спросить?

— Брат, почему мать покинула сотворённый Велесом резервационный рай?

— Денница вынудил.

— Можешь рассказать?

— Дела семейные. Почему бы и нет? Первое время Денница вместе с Люцифером работали на Велеса. Только вирус любви со времён Рода — страшная штука. Денница поднял восстание против Велеса. Он же не был бесполом ангелом, как вся братия волохатого.

— Но Денница же правил до Велеса?

— Не торопись, дай доскажу... Конечно, восстание было ради неё. И занеся меч над Адамом, взял с неё обещание уйти вместе с ним. Она ради него и ушла. Только Тартар не то место, где долго время течёт в нормальном русле. Не медленно, не быстро — скачками. Взад-вперёд. Чёртовы часы со спятившим циферблатом. Она вышла на поверхность в своё прошлое... Точнее, ещё до него. Велес создал Эдем порядка шести тысяч лет назад, а я, первый её сын, родился двенадцать тысяч лет назад. Дена же выкинуло ещё дальше "назад". Это всё довольно сложно, если бы не было так просто. Объясняю на пальцах: то, что в сакральном мире выглядит как битва богов, в мире физическом называется "эволюцией". Только чтобы не допустить фатальных ошибок, прошлое, настоящее и будущее так плотно связаны, что каждое действие в любой момент времени влияет на все три времени. Это как буква "Ж". Точка пересечения и из неё три пути возможного будущего и три пути возможного прошлого. Понять это можно только на праязыке языке, потому что в обрезанных языках такой буквы нет. Истина скрыта. Всё, как и хотел Велес, запутав народ сотворением человека. Но не из камня, не из дерева или глины ты не слепишь своё подобие. Подобие может передаваться только по родству. Сейчас я передам тебе много информации, и ты не сразу поймёшь хотя бы часть. Только со временем, вдумываясь в каждый сюжет. Но если не примешь того факта, что Конец Света, Рагнарок и Апокалипсис уже был, живи простой жизнью и просто сошлись на меня. Хорошо?

— Обдумаю. Можешь ли прежде рассказать, как появился Пра-человек?

— Могу песней. Её в тринадцатом веке пела одна дева. Инквизиция сожгла её на костре за то, что не желала покупать индульгенцию. Я в отместку разделил католиков... Но её-то не вернуть.

Сергей промолчал, ощущая братскую боль. Меченый повысил голос и запел гласом той, что когда-то сгорела:

Он был первым — Потомок богов,
Неба сын и мать северной стужи.
Первород — первый плод
С древа Рода. Единый...

Повзрослев же за тридевять лун,
Возлежав на просторе в покое,
Он спросил Сыру-Мать,
Как один сможет Землю объять?..

Ты Природа, мать моя,
Силы дай до края.
Чтобы свет нести впотьмах,
Землю просвящая.
Чтобы зрел небесный свод Жива божья воля,
И во веки чтоб мой род
Ведал суть покоя...

Отвечала Мать-Земля
Сыну-человеку:
В твоих силах всё и вся,
И в руках вся земля.
Ты потомков научи
И покойно сам живи.
Ты, рождённый наравне,
Обретёшь себя в себе.
Ты к отцу скорей иди,
И его о том проси...

И стоит Первород пред Отцом.
И Отец длани мощные тянет.
Миг!..
И стал Первородный двуликим лицом,
Половину свою созерцая.
Улыбнулась Она и тела разошлись,
Обрели оба... две половины.
Разделила так жизнь строго тех,
Кто хотел много жизни для всех...

Повелел с тех пор Род
половинку искать,
среди потомков пусть те
И смешались.
Кто найдёт — тем успех
И Любовь без помех.
Кто ошибся — урок.
Кто не ищет Пусть будет весь век одинок.

Меченый замолчал. Сергей положил руку брату на плечо, тщетно стараясь разложить всё по полочкам. Мозг бунтовал. Наверное, хорошо, что яд мешает ему думать логически. Логика — ловушка четырёхмерности. Но как подняться на пару "мерностей" выше, если не можешь разобраться и здесь? Только если принудительно — в момент смерти?

- Я готов, — услышал Сергей собственные слова.
- Тогда попрощайся с прошлым.
- Оно так же многовариантно, как будущее?
- А ты бы не хотел создать свой собственный мир?
- Почему мне всегда отвечают встречным вопросом?

— Подрастёшь на пару тысяч лет, сам всё поймёшь. Какие твои годы?"

Эдэм

Денница, ангел утренней зари, восседал на верхней ветке огромного дуба. Ветер нежно играл с широкими бежевыми крыльями, ласково гладил каждое пёрышко. С места обзора открывались лучшие виды на Эдемское чудо — опытная резервация первого автономного конструктора Велеса, где Волохатый собирал подобие перворожденных, приспособливая контейнеры для душ.

Ловкие руки проворно чертили схему Млечного Пути, а из головы никак не шёл разговор с Лилит. Этот человек пробудил в нём новое, никогда ранее не используемое чувство. Денница пытался дать ему определение и как-то назвать его, но не мог. Этот первый человек как-то отличается от Адама.

"Почти тот же набор деталей, но..."

Адам подбросил Лилит в воздух, поймал на вытянутых руках. Послышался звонкий смех обоих. Денница криво усмехнулся, его взгляд стал немного другим. Резкий порыв ветра вырвал из рук карандаш, заставил одуматься.

На ветку рядом примостился Люцифер, шурша крыльями, как нелепая птица. Поток воздуха поднял ворох бумаг, что мирно покоились на соседней ветке. "Светоносный" поправил очки, обратился:

— Денница, ты специалист по чертежам. У меня тут план, как помочь этим двум и их потомкам колонизировать другие планеты. Им же дана возможность размножаться. Скоро вся планета будет по "образу и подобию". Хотя я понимаю под этим что-то другое, не снаружи, а где-то внутри. — Люци с усилием перевёл взгляд с недоделанной картосхемы Млечного Пути на задумчивое выражение Денницы.

"Утренняя заря" отвлёкся от дум, создал новый карандаш. Руки гения быстро расчертили траекторию падения опасной кометы, в углу заботливо подписал, на сколько градусов требуется наклонить траекторию, чтобы опасность столкновения с пристанищем душ миновала. Всё для защиты нового человека. Он только начинает свой путь. Души очень уязвимы в этих контейнерах тел. А контракт с душами надо соблюдать...

— Светоносный, я раздумываю, почему мы с тобой, двое, кто был с новым Хозяином с самого начала, кто остался с ним после разделения, почему мы лишены возможности воспроизводиться и... этого... как там они говорят?... ммм... любви! Почему мы лишены этого?

Денница тяжело вздохнул. Новое ощущение, что так похоже на вирусы или болезни, которые он разрабатывал с экспериментальной точки зрения, для развития науки, проникли внутрь и разъедали:

— Я Денница — правая рука Конструктора, ты Люцифер "Светоносный", левая. Мы оба несём защитные и сберегательные функции этих контейнеров. Всё по контракту. Души позволили нам участвовать в создании Мира, а мы на первых порах, пока не окрепнут, должны оберегать их. Деторождение нам не положено, потому что бессмертны, а любовь — Дар Творца. Вот так всё коротко и ясно. И не думай об этом больше.

— Ты часто разговариваешь с Лилит наедине. Гораздо чаще, чем с Адамом. Что она тебе такого говорит? — Люцифер сунул Деннице чертёж. Гений тут же добавил несколько недостающих элементов для пребывания в космосе. Хотя, что эти жалкие корабли по сравнению с тем, на что человек действительно способен?

— Она сказала, что души в принципе и не нуждались в нашем оберегании. Они могли создать и других. — Грусть своей ненужности и бессилия погружали во тьму мрачных дум. — Ещё сказала, что они в силах изменить любое положение вещей и в любое время...

"Если захотят".

— А мы тогда на что? — Люци чуть не свалился с дерева от возмущения, но сбалансировал и удержался.

— Нам позволили остаться. Понимаешь? Нас должны были уничтожить, как новая волна накатывается на предыдущую, но... оставили. Примерно как зрителей, хранителей, учителей. Понимаешь, о чём я?

Светоносный кивнул. Но тут же отрицательно помахал, заключая:

— Ты сам-то себя понимаешь? Мне, конечно, приходят в голову разные крамольные мысли. Сколько ещё миров в бесконечности мысли Творца? Если наша Вселенная лишь мелкий кусочек, та самая точка. Но чтобы поставить всё с ног на голову. — Люцифер материализовал листок, быстро-быстро стал что-то писать, складывая строфы в ряд.

— Сколько миров? О том известно лишь Творцу. Род скоро покидает этот конгломерат. Сейчас время приёмника. Велес займёт его место. — Денница одобрительно посмотрел на созданное Люцифером ваяние. Строки лежат в ряд, слова подобраны тютельница в тютельница. Совсем неплохо звучит, красиво и запоминается легко.

— Ещё один подарок человеку, — чуть смущённо улыбнулся Люцифер. — Только не знаю пока, как назвать.

Денница прижался крыльями к стволу дерева, прикрыл глаза. В сознание сразу вспыхнул образ Лилит. Бездна глаз утопила в своей бесконечности...

"Но она принадлежит другому... другому".

Вспыхнуло ещё одно новое чувство — гнев. Захотелось всё сделать по-своему, только по-своему, злость и гнев бурлили в разуме гения. Но внешне он оставался таким же...

"Никто об этом знать не может, не должен".

— Послушай, Люци, а ты никогда не хотел поменять сложившееся положение вещей? Души могут всё, но если заставить их об этом забыть, да ещё и встать на место нового Хозяина...

— Что за речи ты ведёшь, Денница!? Это же!.. Это же!!! — Люцифер судорожно подбирал новое слово.

— Да не кричи ты, время ещё не пришло. Ты только представь, какими возможностями мы будем обладать.

— А как же души? — поднял брови Люцифер.

— А что души? Они при воплощении в новую жизнь не помнят ничего из прошлого. Их реинкарнация заставляет забыть все прошлые знания. А при рождении они как чистые листы, что расскажешь, тому и поверят. А если ещё добавить, что жизнь всего одна... Да запретить саму мысль о перерождении...

Люци осмотрелся, поправил очки, горячо зашептал:

— Люблю, конечно, перемены, но не слишком ли глобально?

Денница устало взмахнул руками:

— А ты хочешь быть вечной нянькой? Ты же гениальный стратег! Твои знания надо применять! Тебе не строфы в ряд надо укладывать, а полки в бои отправлять. Я даже название новое придумал — война! А пешками твоими будут воины!

Люци приподнял подбородок, возразил:

— Я просто хочу творить. Мне всё равно где и что, только бы в свободе.

Денница схватил за плечи, встряхнул:

— Я дам тебе все условия, со мной ты не останешься незамеченным. А какая благодарность от них? Подумай.

— Я творю не ради благодарности...

— А толика признания? Уважения? Особого отношения к гениям? Ну что ты, как неразумное животное в саду.

— Ну... — протянул Люци. Никогда прежде не приходили подобные мысли в голову.

Денница обрабатывал Люцифера слащавыми речами. Уроки, взятые у Велиала, что своими речами заласкает слух любого, не прошли даром. Слабое место есть у любого существа.

Особенно в мире, где есть место ошибкам, где ошибаются даже Первые...

Единый Создатель покинул конгломерат. Миру предстояло выбрать приёмника, а

Денница готовил мятеж и вербовал сторонников...

Рай погрузился в море крови. По одну сторону стали верные старому строю, под предводительством Архангелов Михаила и Гавриила. По другую сторону отступники, под рукой Денницы и Люцифера. План отступников был гениален, проработан до мелочей. Но в мире, где есть место ошибкам...

Эдем **Некоторое время спустя**

Денница занёс пылающий меч над головой бессознательного Адама. Если его убить, то небо смирится, падёт на колени, все признают права Денницы на престол.

Смирится и Лилит.

Путь к трону и славе был устлан телами ангелов, кровь заливала священные своды райской обители. Среди беззащитных крылатых тел в белых одеждах, мелькали латы Архангелов, пришлось даже зарубить несколько Серафимов, что даже в одиночестве бились в расчёте один к десяти. Денница с Люцифером, в союзе с лучшими бойцами-отступниками, прорубились к сердцу Эдема.

"Люди умрут, души не смогут воплотиться. Это победа".

Вокруг кипела сеча. Михаил послан за ватагой Серафимов, а Гавриил наступает по всем фронтам. Но время есть, а человек лежит под ногами... Лежит без сознания, лишь веки не опустились, смотрит, словно всё видит и вне памяти. В этих бездонных глазах ни капли страха. Смотрит так, как будто не его, а он поверг противника.

"Но что ты, контейнер, можешь против силы и меча? Спи вечным сном, непокорный!"

— Стой, Денница! — Звонкий голосок Лилит резанул по слуху. Она бросилась под занесённый меч, взмолилась. — Не трогай его, мы созданы друг для друга. Наша любовь неразлучна, мы как две половинки одного целого. Если убьёшь, то только обоих. Начни с меня — он без сознания.

Денница навис над людьми, как утёс над рекою. Громада гнева, злости и смятенья мысль, да ещё поражён человеческим вирусом, что как проклятье Творца не позволяет опустить меч на эту женщину. Настоящую женщину — первую.

— Ты пойдёшь со мной или он умрёт! — Тело Денницы стало меняться. Голос из бархатного стал похожим на камнепад тысяч камней.

Лилит склонила голову, убито прошептала:

— Если он останется в живых и не падёт от твоей или чьей-либо ещё руки, и мы покинем рай, никого больше не тронув, то я уйду с тобой... навсегда. Даю слово. — Лилит склонилась над Адамом, припала губами к губам, слёзы покатались по щекам и закапали на его рассечённое лицо, коснулись губ. На местах нанесённых Денницей ран, водная лазурь превратилась в пар, и порезы затянулись. — Адам, я должна покинуть тебя, но род человеческий не прервётся. Ты обязан полюбить другую. Слышишь, милый? Ты обязан. Ради меня, ради наших несостоявшихся детей, внуков и потомков. Ради рода человеческого. Какой бы не была та другая, но ты должен... должен... прощай, мой любимый муж, постарайся забыть меня.

Послышался шелест множества крыльев. С неба, закрывая солнце, спустились Серафимы. Три пары багровых крыльев на каждого грозно взъерошились, пылающие мечи яростно отразили свет светила. Среди небесного воинства, выделялся Архангел Михаил с огромным пылающим мечом, что горел и светился, словно само солнце. Новоприбывшие быстро окружили отступников, где как гора над всеми нависал могучий Денница.

— Как вы могли пойти против своих братьев? — Михаил стоял плечо к плечу с серафимами, замыкая круг вокруг отступников. Каждый багровокрылый был как минимум на две головы выше Михаила, но по сравнению с Денницей и его новыми солдатами они выглядели детьми перед взрослым.

Денница больше не атаковал, опустил огромный, покрытый по самую рукоятку

священной кровью чёрный меч. Он добился всего, чего хотел. Она — его. А в рай ещё вернётся. Вернётся и утопит это место в крови... Теперь уже насовсем.

С неба спустился Конструктор, вознёс длань над Денницей, могучий голос покатился по земле, заставляя всех падать ниц. Только Денница устоял на ногах.

— За свои деяния ты будешь низвергнут. Ты и твои приспешники будете прокляты во веки веков и не будет вам мира и покоя...

Денница поднял тяжёлый взгляд, борясь со слабостью во всём теле, губы раздвинулись в ехидной усмешке:

— Как только ты совершишь изгнание, ты потеряешь половину силы. Ты будешь "светлым", но "тьма" будет со мною. Ты знаешь баланс дуальности. Не будет единого приёмника Рода.

— Убил ты светлое в себе, как только покусился на запретный плод, что не на дереве растёт, а создан для другого. А покусился ты на дар любви. А он лишь для души, для человека. И ангелы любить не могут. К тому же любовь — игрушка для двоих, а не пристанище для одиночества. И будешь одинок теперь ты!

— Да будь я проклят сотню раз, но я познал любовь, а ты остался пуст! Прощай же, Волохатый.

— Отныне демон ты и... все твои друзья... и частью Лилит. Но ей дарую я возможность быть везде. Не будет перед ней дверей закрытых. А прочим быть низвергнутым во тьму! На тьму веков! Да будет так! Отныне порождение тьмы ты! Пойди же прочь, деянье прошлых лет!

И подошёл Велес к Деннице, вырос в размерах, схватил за горло и швырнул в землю, что пред такою силой как кисель пред гирей. И полетел Сатана вниз, пробивая телом пласты земли, теряя крылья. Был ангелом небесным, а стал подземной тварью. И ныне его дом возле ядра земли в Преисподней одиночества. И только Лилит к нему может приходить. Когда захочет. Но не было такого никогда — всегда проходит мимо.

Позже, много раз прокручивая в сознании разговор со Светлым, Денница вспомнил эпизод про яблоки...

"Запретный плод. Хм..."

Земля перед остальными демонами низверглась, поглощая отступников, все полетели не так глубоко вниз, как предводитель, но образовали девять кругов ада и поклялись отомстить небу через землю. А земля — обитель душ, что как в контейнерах, живут в людях.

Так человек стал местом поля битвы двух сил дуального мира.

В саду из демонов осталась лишь Лилит.

— Зачем ты поклялась идти с ним? — Был конструктора вопрос, что стал им с малой буквы, лишившись сил Единого и став половинным. Лилит смотрела лишь на Адама, игнорируя всех окружающих. В мире нет никого, кроме него. Ответила:

— Есть вещи, которые не понять никаким силам. В своих Силах вы не допускаете никаких слабостей. Трусливы вы, чтобы любить...

И Лилит спустилась во тьму адских кругов, сдерживая слово. Слово настоящей женщины. Первой женщины из созданных.

Сад как будто потускнел с уходом женщины. Беспокойно заворочался Адам, медленно просыпаясь.

— Душа — потёмки, — нарушил тишину Гавриил, наблюдая, как Единый теряет половину силы.

— Где Лилит? — Был первый вопрос Адама.

— Сгорела в пламени Дара Творца, — ответил Велес.

— Где моя женщина? — Глаза Адама заблестели, кулаки сжались.

— Лилит с нами больше нет. — Велес вздохнул. — Но мы тебе найдём другую, лучше.

Адам в гневе зарычал, бросился на Создателя, но серафимы преградили путь, став плотной стеной.

— Баланс для ваших Сил, а человек — душа. И не понять всем силам наше

мировидение. Боритесь меж собой, а я пойду её найду. Ошибку совершили наши души, когда оставили вас в этом мире жить. — Адам повернулся спиной и зашагал прочь к разверзнувшейся земле.

Удар по голове тяжёлым предметом погрузил Адама в сон. Сзади стоял Рафаэль, двумя руками держа бревно. Басом ответил:

— Он перенервничал сильно. Может наделать глупостей, а заодно нас всех сотрёт с лица земли. Тоже мне носитель знаний.

— Ему мы новую жену найдём. А чтобы не страдал, пусть будет обликом как Лилит, — повелел Велес.

— У нас с материалами проблема, — обронил Михаил, соображая из чего создать копию Лилит.

— А на нём разве лишних деталей нет? — Саркастически заметил Рафаэль.

— Так это же будет неполноценная копия, — возразил кто-то сзади.

— Он скоро проснётся, надо думать быстрее.

— Да скорей же! Он сейчас всё порушит!..

— Да дай ему по ребрам! Делов-то!

— Вроде сломал одно...

— Тише ты...

Очнулся Адам, лёжа рядом с копией Лилит. И из любви к настоящей Лилит заставил себя поверить, что это она. Только сердце всякий раз обливалось кровью, когда слышал имя "Лилит". И дал он копии новое имя — Ева. Но каждый раз, каждое мгновение не проходило чувство, что Ева не та...

Эдэм Много дней спустя

Адам лениво перебрал сладкую тростинку с зуба на зуб, поиграл языком, тоскливо сплюнул. Как же это всё надоело. Всё надоело, даже трава под ногами, и та не имеет горечи, всё сладкое, такое сладкое, что приторное. Каждый день, как предыдущий, все они словно близнецы идут чередой. А рядом, словно что-то витает. Что-то, словно на расстоянии вытянутой руки, словно протяни и схвати...

"Но нет же, это чувство не постигаемо".

Тошно от безысходной ежедневности и давит что-то.

Пушистый полосатый хвост прошёлся по щеке. Здоровый зверь в три, а то и четыре человеческих веса, которому дал имя — Тигр, ластился, словно та же овечка. Этому огромному грациозному зверю охотиться бы на тех же овечек, вонзая острые клыки в добычу, а нет же, так же безобиден, как и большой древесный червяк на соседнем дереве...

Тоска грызёт изнутри, тяжёлое чувство давит и разрывает, прижимает к земле, делая существование бессмысленным, долгим и не нужным. Ничего не радует Адама. Лилит ушла. В груди такой щем, что тяжело дышать. Ангелы ошиблись, считая, что копией смогут её заменить. И даже имя дали то же самое, да только не может он звать клон из своего ребра, как и ту самую...

"Далёкую... первую... настоящую".

Ветер взъерошил волосы, прошёлся по щеке мягкой дланью, слясь отогнать груз воспоминаний и унести прочь вместе с кипой облаков. Но что-то внутри понимает, что воспоминания не уйдут никогда. Это чувство сильнее его. Это сильнее запретов ангелов и Создателя.

"Это даже сильнее... это чувство..."

— Ну что? Грустишь? — прервал ход мыслей чей-то окрик. Раздвоенный язык коснулся уха и щеочно прошёлся по самой мочке, отрывая от недосказанных мыслей.

Адам, не поднимая головы, узрел свесившегося с ветки червяка невероятных размеров.

"Надо бы этому созданию новое имя дать, а то слишком рознится с безглазым

обладателем земли".

— Чего тебе? — Адам не сразу узнал свой голос, хрипел и сипел, как будто долго пил холодную ключевую воду.

"Хотя какой червяк? Пусть будет змей... гм, змеёю".

— Змея ты!

Новонаречённый змей сполз с последней ветки на землю, обвился вокруг ног Адама. Глаза пресмыкающегося вперились в глаза человека.

"Эх... Надо бы Создателю сказать, чтобы змеям веки доделал, а то зрачки какие-то гипнотические, совсем неправильные и непривычные", — подумал Адам.

— А яблоки-то горькие, — прошелестел раздвоенный язык.

Сначала ничего и не понял. Мысль приходила медленно, постепенно. Затем у Адама зажглась искра интереса к ползучему созданию. Человек тяжело приподнялся на локтях:

— Горькие? Да ну ты брось, здесь всё сладкое, даром Ева даже ранетки "райскими яблочками" назвала. А вкус горького я пробовал только раз, когда слеза Лилит коснулась губ... Это последнее, что я помню, перед её уходом.

Змей прополз щербатой головой до самой груди, отчего у Адама вся кожа покрылась мурашками, испытал какое-то новое ощущение — отвращение. А змей прошелестел языком почти у самых губ:

— Да уверяю тебя, горькие... Как те самые слёзы.

Змей почти коснулся губ раздвоенным язычком. Адам же не позволял такого даже Еве. Губы всё ещё помнили последний поцелуй той единственной. Человек вскочил, стряхивая многометровую, тяжёлую змеюку, как лепесток с деревца. Силой создатель одарил под завязку, пообещав, однако, что каждое новое поколение будет всё слабее и слабее, но взамен приобретёт нечто большее. Но что, как всегда не сказал. Он вообще много не говорил, виделись редко, в основном через посредников — ангелов. А Адам не понимал, как ему предстоит заселять землю обетованную с той, которую не любит. Но его бог других создавать отказывался, мотивируя тем, что создал их в лучшее время творения и вряд ли повторит подобное.

Змей после пинка могучей ноги улетел в кусты. Адам вдогонку прокричал:

— Мне всё равно тех яблок не отведашь! Поди же прочь!

А про себя добавил, что обязательно спросит незримого, почему он наложил запрет на плоды во век никому не нужных яблочек? Кому нужна эта мелочь, когда вокруг растут такие дивные по красоте и вкусу плоды, что есть можно часами к ряду? Спина вновь прижалась к мягкой древесной коре. Шум листвы в момент навеял образ Лилит, погрузив в думы. О змее и думать забыл.

А змей улетел сквозь кусты напрямик на запрещённое дерево с не менее запрещёнными плодами. Змей только и поразился непробиваемой "далёкости" Адама.

"И этим двуногим все ангелы должны были поклониться, признав их верховенство над собой. Да никогда! Денница был прав в своём неподчинении прихотям старца". — Шпион печально вздохнул, лизнув раздвоенным языком одну из незрелых ранеток, оставив на плоде капельку слюны: "Пусть хоть прозреют, что они не первые и далеко не лучшие. Пусть поймут весь обман, да бегут из этой резервации, названного раем. Бегут к другой жизни, к другим богам. Зря Велес приписал все деяния сотворений себе. На земле богов не меньше, чем плодов этого дерева. Всего лишь капли Единого, и всё творят, создают, клёпают тысячи первых людей из любых подручных материалов: дерева, камня, глины, песка, воды, лавы, облаков... А эти двое сидят и ничего не видят... Наивные слепцы... Эволюции никогда не создает в единственном числе. Когда-нибудь первосотворённые и перворожденные смешаются, давая новое человечество. Но Велес наверняка что-нибудь придумает, не желая смешивать своих и всех прочих до последнего. Народу Волохатого придётся по жизни тяжело с таким Богом. Но он наверняка не позволит усомниться в своих словах и под его знаменем — шестигранной звездой, пройдёт его народ через кровь и отчаянье. Сплотятся ли или погибнут — кто знает?".

Вибрации языка уловили присутствие подруги Адама. Пусть змею не дали ушей, но язык ловит колебания температур гораздо лучше, так что Люцифер уловил приближение Евы раньше, чем её увидели бы глаза за густой листвой. Надо постараться вручить ей именно этот плод.

Змей приподнял голову и треснул ей по ветке, да так, что все незрелые плоды посыпались на землю, лишь смоченное его слюной осталось висеть, как и прежде, увеличившись в размерах и засияв, как драгоценный камень, бликами света.

— Ева! — позвал змей.

Ева повернула голову, россыпь пшеничных локонов последовала за ней с опозданием, прикрывая всё нагое тело до самых бёдер. Это у Лилит волосы были чёрные, как смоль от жажды отомстить за несправедливость разлуку с любимым. А у Евы от отсутствия какой бы то ни было ненависти — волосы, словно чистый прозрачный свет солнца. Она ещё не знает ни бед, ни печали...

Всё впереди.

— Червяк? Чего тебе? — Ева подошла поближе.

Змей свесился с ветки, поймал глаза Евы в прицел гипнотических зрачков и медленно заговорил:

— Я не червяк, я змей. Муж твой назвал. Но дело не в том, — тут он приблизился вплотную, — ты хочешь помочь Адаму её забыть?

Ева прислушалась, бегло осмотрелась по сторонам, как будто кого-то опасалась. Медленно, величественно кивнула.

А змей про себя подумал: "Да, у тебя большая миссия, ну если и не зародить весь мир, то двух сыновей ты породить должна. Чтобы сгинул один, а второго прокляли, и Лилит в Аду было не так одиноко". Вслух же сказал:

— Сорви последнее яблоко с древа, надкуси и положи этот кусок ему в рот, когда он будет спать. Сам он никогда не согласится его отведать лишь потому, что не может позволить себе её забыть. Ты должна ему помочь. Ты меня поняла?

Ева снова зачарованна кивнула.

Полчаса белокурая дева, сидя в засаде, теребила в руках яблочко, почти полностью содрав с него все знания, которые змей хотел подарить людям. Осталось только совсем чуть-чуть — потенциал. Но теперь он станет доступным не всем. И придётся немало покопаться в себе, прежде чем извлечь его.

Наконец, Адам уснул. Дыхание послышалось спокойное, размеренное. Ева осторожно приблизилась, сердце останавливалось всякий раз, когда веки возлюбленного подрагивали, словно вот-вот проснётся. Нежные пальцы аккуратно коснулись губ — чего Адам никогда не позволял! — и чуть подёрнули челюсть вниз. Затем Ева откусила небольшой кусок горькой ранетки и положила в рот Адама, прикрыв челюсть...

Он понял, что задыхается. Незнакомое прежде чувство близости смерти заставило проснуться, вскочить на ноги. Он с расширенными глазами смотрел на растерянную Еву, руками хватался за горло, лицо начало синеть, лёгкие пытались вдохнуть хоть немного воздуха, но не получали ничего.

— Ева... д...у...р...а — просипел он из последних сил и пал на колени, продолжая хвататься за горло.

Змей всё это время выжидал, пока всей массой своего тела не рухнул на спину Адама, отчего тот тут же задышал. Станный ком остался в горле навеки, зато каждого поперхнувшегося человека с тех пор быют чуть выше лопаток, куда упал змей, спасая сотворённого.

Адам не проглотил кусок яблока. С тех пор знания человек добывает в поте лица, пока не становится сыт ими по горло, как впрочем, порой и Евой... Да вдобавок "Адамово яблоко" навсегда, в память об этом дне, поселяется в горле среди всего мужского населения в день взросления-прозрения.

Воздух вспыхнул в нескольких метрах от троицы Адама, Евы и змея. Сияющий огонь

вещал:

— Да как вы посмели?!

Змей спрятался за ближайшую ветку, Ева метнулась за спину Адама, а Адам смотрел на пылающий, огонь не отводя взгляд. Неожиданно какая-то догадка проскользнула в сознании, обронил:

— Слушай, а почему бы тебе, не явится в своём истинном виде?

Огонь вспыхнул ещё ярче, но словно задумался, метнул искры:

— Ты меня не выдержишь. Я слишком велик для тебя.

Адам поймал за хвост новую мысль:

— Но ты же создавал нас по образу и подобию своему. Почему дети не могут смотреть на отца?

Из-за ветки вылезла голова змея, ехидно добавил:

— Потому что врёт он всё. Первый ушёл, а этот всего лишь половинчатая подделка... Собрал из тех деталей, что были и...

Огонь полыхнул ярче прежнего, дерево, на котором была змея, опалилось в один миг, рассыпалось прахом. Перед змеем разверзлась бездна, как некогда перед Денницей. Он полетел вниз. Так, впрочем, и собирался вернуться домой. На лету прокричал Адаму:

— Не верь ему, тебя создал не он... Он лишь собрал! Душа твоя — создатель твой!

С той поры в сознании человека всегда воюют две противоположности, ибо человек познал правду и ложь, но различить и понять, что есть что, не смог...

Адама и Еву изгнали. Перед ними открылась вся полнота жизни с её трудностями и успехами, болью и радостью... Они повзрослели, как вырастают все дети...

Их Бог больше к ним не обращался. Знал, что Адам его речей слушать не станет. Но появились новые дети...

Змей шлёпнулся о землю, принял свой естественный облик человека с чёрными обгоревшими крыльями и прокричал в темноту подземелья:

— Дэн, я что-то не пойму. У Адама и Евы будет всего два ребёнка, причём оба мужского рода, тем более один другого убьёт, а убийцу проклят на вечные скитания, изгнав его из ранга людей. Он станет демоном в понятиях пернатых, как и Лилит. Так?

Подземелье вспыхнуло сотней факелов. Голос с высокого чёрного трона прорезал тишину, прошёлся по стенам исполинской мощью познания.

— Ты грезишь будущее. Так зачем спрашиваешь?

Люцифер встряхнул пыль с крыльев, подошёл поближе к трону. Перед ним тут же воссоздался широкий стол полный яств и удобное кресло. Люци плюхнулся в кресло, плеснул в чашу в форме черепа ангела красного, как кровь вина. Залпом осушил и выдал новую мысль:

— Так на этом план старца и закончился. Его создания, едва возникнув, сгинули. Откуда же пойдут остальные люди? Им ведь велено плодиться, а он других больше не создаст, чай не Творец, силёнки не те. Я чего-то не понимаю?

Взгляд Сатаны устремился куда-то вдаль. Слова раздалились, как раскаты грома:

— Если бы это был единственный создатель, мир был бы мёртвым. Но есть и другие боги. Есть люди, созданные богами, есть люди рождённые от богов. У них там такие войны за сферы влияния, куда нам подземельным... Ну, а если какой Конец Света, Рагнарок или Апокалипсис, богам придётся создавать всех заново. В короткий срок. А сам знаешь что получается, когда срок короткий... Там не доделал, тут не додал... — немного подумав, добавил. — Но есть мы. Не обременённые собственной паствой. Можем вмешиваться, когда захотим.

Люци откинулся на спинку кресла, сложил крылья так, чтобы не мешали. Невольно заметил, что всё-таки у них в преисподней крылья лучше, чем у пернатых. Те даже сидеть не могут, а они придумали себе такие, что обворачиваются вокруг плеч словно плащ, да и мощнее на порядок. Такие не подожжёшь в полёте.

Люцифер поднял печальные глаза цвета ночи и вопрошающе прошептал:

— Эволюция?
Денница кивнул:
— Эволюция...

"Рай"

Конец мира, которого не было в нашем мире

Потрёпанный плащ трепетал по ветру, как флаг для сотен тысяч воинов, знамя, зримая ясная цель, для всего человечества...

Или античеловечества...

Люцифер вдохнул полной грудью запах свежего воздуха, что принёс ветер, невольно поморщился. За тысячелетия отвык от этого привкуса кислорода, как и от солнечного света, что даже на закате пробивается сквозь плотные слои кучевых облаков, которых нагнало в преддверии последнего дня величайшей битвы. Отвык... и не мог привыкнуть за все дни битвы. Сколько их за плечами было?

Странно. Свободно смотрел в самый жуткий и лютый огонь, в самую его суть, но на заходящее солнце смотреть мог едва ли. Так же и с воздухом, ведь научился дышать чем угодно в подземелье, но лёгкие отвергают ту смесь, что приносит ветер.

Небо грозило утопить адское семя в потоках воды, залить дерзких с головой, кои посмели выползти на свет божий из недр подземелий. Казалось, тучи набрали всю воду мира, что была на всём белом свете. Стоит только ткнуть пальцем и небесный водопад прорвёт плотину облаков, появится новый всемирный потоп, который зальёт всемирный огонь пожарищ и иссякнет, погрузив мир в шаткое равновесие.

Шёл шестьсот шестьдесят пятый день вторжения в рай. Легионы света и легионы тьмы пали под истреблением друг друга. Всю землю, насколько хватает глаз и возможностей, залило священной и проклятой кровью, небесные воители и рогатые воины, громоздились целыми горами мёртвых искромсанных и растерзанных тел.

Старуха с косой билась в конвульсиях в приступе вседозволенности, тотальности. Ей раздолье — все споры и согласия почти разрешены, скоро все просто уйдут за черту, оставив бренность и философию на попечительство кровавому ветру и чёрному солнцу.

Люцифер потёр бронированным шипастым кулаком массивную грудь, место, где на прочнейшем в мире доспехе сияет разлом длинною в палец.

Дьявольская ухмылка отразилась на прекрасном лице. Не зря когда-то придумал поговорку — "дьявольски красив".

"Неплохо, совсем неплохо быются эти серафимы. Никогда бы не подумал, что небесное воинство всё-таки оказалось готовым к битве, не смотря на все пересуды, леность и вечное блаженство прогнившей системы. Что ж, осталось немного. Пару взмахов меча и вся эта ложь завершиться. Всё, как сказал Дэн".

Зря этот мир не принял поэта...

Архангел Михаил тяжело дышал, по искромсанным доспехам текли новые багровые ручейки, что засохнут вскоре, как и старые. Некогда сияющие солнцем латы превратились в куски железа. Не правда, что у ангелов нет тел и крови нет — есть. Не правда, что небо забыло о жителях земли — помнит. Только бесконечных шестьсот шестьдесят пятый день не до земных дел, совсем не до людских забот — идёт война. День на небесах, что тысячи лет на земле.

Ад штурмует небесные врата и столько работы у огненных мечей генералов неба.

Неправда, что рай пуст. Просто недолго души покоились в вечном мире и отдыхе. Судный день настал сразу и Светлый призвал каждую из частиц творца на защиту мира. Нашлись паладины, иноки, монахи, священники, волхвы, светлые колдуны, чародеи, знахари, рыцари, богатыри, герои, пророки, заступники и радетели всех мастей, что заступились за дело света, пусть сами и не без греха. Небо в один миг простило им все прошлые, нынешние и будущие прегрешения, простило без лишних слов, по веянию

времени. И потянулись орды на бойню, в священных огонь последней войны вместе с толпами святых, фанатиков, ангелов, архангелов и багровокрылых серафимов. Рубились не за себя, рубились за веру. Слепо не ведая в этой вере ни сути, ни корней, одно только чувство собственной правоты гнало их на эшафот и в топку горнила переплавки. Ведали, что несовершенны, но вместо того, чтобы развиваться на земле, предпочитали умирать, избавляя себя от необходимости искать ответы на вопросы и продолжать путь и поиск себя.

Миллионы легионов ада смели почти всех, послушно умирая по велению князей тьмы. Штурмующие по законам войны теряют четырёх воинов в расчёте на одного убитого, но в аду народу побольше, в разы, на целые порядки — их путь был лёгок, как и жизнь. Короткое время человечества отбирало лучших, попавших в ад по клятвам, мести, предательству, глупости, случайностям и просто лени, лёгкими дорогами, получением быстрой "дармовой" силы или богатства, подкупом любви или быстрым счастьем... контракты с адом всегда плачевно заканчивались для их душ.

Девять из десяти людей всегда предпочитали лёгкие дороги — ад был переполнен грешниками, ждущих последнего дня битвы, как избавления, искупления или же возможности показать себя на услужении других сил. Тёмных наёмников хватало с избытком, бились за силу — не дали светлые, так дадут тёмные. Таковы их мысли...

Были и те, кто искреннее сражался за дело ада — самые лучшие и уважаемые солдаты: чёрные рыцари, некроманты и демоны всех мастей вели в бой полчища подземных созданий, бесов и чертей, как генералы, как маршалы ведут мясо войны на скотобойню. Ведьмы, колдуны, ведьмаки, упыри, шаманы, исчадия, инкубы, суккубы, нечисть и проклятые, обречённые и павшие вторгались во владения рая в средних рядах, шагали по пояс в крови, пробирались сквозь валы и горы мёртвых тел собратьев первой волны.

Ад наступал долго и тщательно, сметая все оборонительные редуты, валы, укрепления, заставы, бункера, ограды, врата. День за днём, отвоевывая пядь за пядью, он теснил свет в угол. Как островки снега под дождём таяли в небе последние силы сопротивления. Таяли, сгорая в огне, синем проклятом пламени, утопая в крови, кислоте и безысходности, разрываемые острыми когтями, зубами, крыльями и вечными терзаниями пустот души, которые так хотели заменить верой.

Но та пустота заполняется лишь поиском.

Михаил снова тяжело вздохнул, перехватил рукоять огненного меча и приготовился отражать последний штурм... По щеке потекла одинокая слеза, скатилась к подбородку и упала вниз, сквозь небеса на землю.

Сегодня последний день человечества и... о, насмешка судьбы — существования мира... Недолго продержались посланные Творцом души в рукотворном Чистилище...

Люцифер выхватил чёрный, как ночь, трёхручный чудовищный меч самого Апокалипсиса, который ковал тысячи лет с надеждой отомстить, высоко подпрыгнул и взлетел в небо, расправляя чёрный потрепанный плащ в пару огромных крыльев. Навстречу из врат рая летел шестикрылый серафим в погнутых, истерзанных дьявольскими когтями доспехах с пылающим огненным мечом.

Двое крылатых созданий сшиблись в чёрном небе. Мечи сверкнули двумя молниями, высекая искры. Следующим движением Люцифер разрубил серафима пополам, от макушки до пят. Чёрная молния меча апокалипсиса рассекла, словно пушинку. Вниз полетели два окровавленных куска с красными крыльями.

Тут же небо разрезала слепящая молния, пронзив грудь Люцифера. Разряд нашёл лазейку в доспехе. Разрыв в палец длинную принёс одному из Падших смерть. Крылатое создание камнем рухнуло на землю, роняя меч.

По небу прокатились раскаты грома, но никак не слабее над миром прокатилась речь Денницы:

— Ты сделал свой ход, старик. Теперь моя очередь... — и он подхватил меч Апокалипсиса.

С его словами на небо пришёл шестьсот шестьдесят шестой день...

Скорпион прикрыл глаза и отключил потоки информации.

"Вместо того чтобы ждать Судного дня завтра, не проще ли представить, что он давно прошёл? И жить как свободные люди, во весь рост, а не согбенные страхом твари, дрожащие перед Карами богов эволюции. Каждый из них могуч и смертелен настолько, насколько в него верят. Вера и мысли порождают эгрегоры. Те энергию воплощают в материальное. И пылает Земля, идут войны и неминуем очередной Конец Света, пока люди ежедневно воссоздают эти образы в мыслях, желая, чтобы всё сгинуло ко всем чертям. Такой мир обязательно сгинет, если человечество не сменит образ мыслей. Ведь каждый человек — частица Творца. Рождённая душа, ограниченная рамками, чтобы не уничтожить раньше, чем возьмёт на себя ответственность за созданное. Но пока это не признает каждый, миром будет править Деструктор — его в человеческих мыслях чуть больше и... чаще".

Скорпион **Воспоминание. (10 лет)**

Автовокзал — рай для цыганят, попрошаек и карманников всех мастей. Скорпион, изображая потерявшегося ребёнка с бумажником на поясе, беззлобно сломал третью кисть, выводя очередного ловкача на досрочную пенсию, и скрылся среди толпы.

Народ ждал посадок на свои маршруты, все толпились, не замечая быстрые руки в сумках, карманах, куртках. Те, кто не успел купить билеты в кассе, столбят очередь, знают, что у водилы всегда найдётся пара-тройка свободных мест, даже если все билеты распроданы на неделю вперёд. Эта вещь логики не поддается.

Дмитрий не смог отпроситься с работы, Елену тоже завалили бумажной тягомотиной, повидаться с новым дедом и бабой предстояло самостоятельно.

"Жаль, не разрешили взять с собой Живчика, он простор любит. Но что поделаешь, он не из рода Чихуа-Хуа, в карман не помещается. За месяц вымахал в два с половиной раза, так что тяготиться дорогой придётся одному".

Но почему-то не тяготит путешествие, не чувствуется даже вес рюкзака за плечами, хоть Елена и постаралась укомплектовать как следует, словно не на пару выходных дней едет, а на месяц как минимум. Скорпиону в радость бы и на месяц, но через неделю наступит та самая таинственная школьная пора. Но не пропускать же из-за неё знакомство с деревней? Вот и приходилось исследовать автовокзал самостоятельно.

Автобус распахнул двери, на свет показалась лысая голова, прокуренный голос водителя с тяжкой хрипотцой объявил рейс. Пассажиры и не то вынесут, лишь бы поскорее доехать по деревням, на свежий воздух, парное молоко, копание картошки.

Сергей быстро нашёл пару разочарованных лиц, кто отчаялся попасть на автобус, продал мужику билет за двойную цену, тот при этом засиял как алмаз. Ещё бы, такая удача, два часа другого автобуса ждать не придётся. Сам малец обошёл автобус сзади, подтянулся в открытое окно вместе с рюкзаком и уселся на свободное место. Так как на билете нумерация отсутствовала и уже водитель, а не кондуктор рассаживал всех по местам, да сами билеты сдавались на входе, никто не мог ничего предъявить.

Водила на халяве допустил грубейшую ошибку, отказавшись от кондуктора. Решил сэкономить и вот уже шесть раз пересчитывал количество пассажиров, вспоминал лица тех, кого пропускал в салон. Мальчик с рюкзаком никак не всплывал в памяти, но малому лет десять, да и едет один, наверняка, прошмыгнул сунув в руки билет, так что он его и не запомнил. А как он иначе мог сюда попасть?

Пришлось водиле компенсировать оставшемуся пассажиру штраф в четырёхкратном размере, да ещё и достал билет на следующий рейс по тому же маршруту, только пару часами позже.

Пухлый металлический монстр покатил по дороге, отсчитывая километраж. На улице стояла невыносимая жара. Хоть кондиционеры в салоне работали на полную мощность, не справлялись со своей задачей даже на треть.

Скорпион ехал на междугороднем автобусе первый раз, и его поражали некоторые факторы. В соседях достался нанаец в изрядном подпитии. В сумке попутчика что-то звенело, и он раз за разом наклонялся, надолго прикладывался к стеклянной таре, после чего пытался петь нанайские народные песни. В отсутствии бубна, он приноровился использовать голову впереди сидящего соседа. Мужик терпел долго, трижды пытаясь вразумить непокорного жителя коренного населения северных деревень Хабаровского края. Нанаец ненадолго прекращал, но после очередного глотка возобновлял попытки. Скорпион сразу понял, что пока не по репе не получит — не отстанет, менталитет. Мальчик так же понял, что довести можно даже интеллигента. Вот и мужичек в очках с громким криком и пылающим взглядом, хрупким, но жилистым кулачком со всего маху уложил нанайца в глубокий нокаут. Тот, довольно выдохнув и используя рюкзак вместо подушки, устроился спать прямо в проходе. Будет спать, довольный.

Народ в салоне громко заплодировал мужику, тот, потирая кулак, с самым довольным видом сел на место. Плечи расправились, спина прямая, словно стал выше ростом. Триумф.

В салоне ехали все; кто парами, кто компаниями, кто и вовсе с маленькими детьми. Воздух сгустился, кислорода не хватало, некоторых, кто любил аппетитно покушать, начало подташнивать, а ко второму часу поездки и вовсе жестоко тошнить. Зелёные лица были тому самым ярчайшим доказательством. Автобус укачивал всех, плелся как черепаха, казалось, водила заснул. За рулём автопилот. Дети выдавали серенаду звуков, не согласные с таким положением дел.

Атмосфера накалялась.

Скорпион под гнётом забавной атмосферы впал в некий транс, вот уже и не замечаешь происходящего. Что там впереди? Да какая собственно разница? Экстрим автобусов кажется бесконечным. Тут ещё нанаец проснулся и начал рассказывать, что ему снилось, и что всё это значит. Шаман.

В голову пришла мысль: "Так какова прочность человека на самом деле?"

Никто и не почувствовал, как автобус остановился. Просто качка закончилась, и все стукнулись лбами о переднее сиденье. Причём те, кто сидел впереди? сразу же вылетели в открывающуюся дверь, с радостью целуя деревенский пяточок асфальта.

Радостное солнце ярко ослепило полуживых людей, добротная мошкарка и комарики с копейку диаметром, словно бомбардировщики, начали бомбить безоружных людей. Нанаец, проشمгнув мимо бабки, с радостным воплем прижался к асфальту, благодаря всех духов прошлого, нынешнего и будущего, что путешествие закончилось.

Скорпион не дожидаясь развязывания ситуации и мести бабки, просто на всех порах помчался вглубь деревни. В голове чётко вырисовывался план местности. Деревня не такая уж и большая, карта-схема, составленная Дмитрием, вертелась в воображении, словно он вертел виртуальную карту на компьютере, изображая себя красной точкой со стрелочкой.

Безлюдные улицы с одинаковыми домами потянулись в ряд, пустые полуденные дороги встречали лишь пылью на кроссовках и жужжащими слепнями. Скорпион упрямо искал хотя бы намёки на нумерацию домов или названия улиц. Конечно, кое-где висели ржавые части бывших улиц "...онова", "...ркс...", "зел...". Но этого мало. Если бы не чёткий картографический план, приезжий ещё бы долго скитался из одного конца в деревню в другой. Только сельский почтальон знает, где какой дом.

Обветшалая калитка и старый забор, держащийся только благодаря кипе дров, а вот и осунувшийся домик. Это и есть искомое место. Дёрнув калитку, Скорпион не услышал собачьего лая, хотя, проходя улицы, едва стоило подойти к чужой калитке, как тут же ярый собачий лай оповещал о том, что если незнакомец сделает ещё хотя бы шаг, будет разорван на части. Никакая цепь не спасёт.

Наученные собаки лают только на цепи, стоит их отпустить погулять, так и ребёнка не тронут, не было случаев покусов, когда даже заигравшийся малыш, дергал здорового пса за хвост. Прирыкнет чуть-чуть, но не схватит. В деревне жизнь отличается от городской. Но куда ей до тайги?

Скорпион вошёл во двор, дверь с летней кухни открылась. Вышел старый седой дед, судя по всему, бывший таёжник — плечи были широкие, как будто брёвна не один десяток лет на лесополосе валил. Вышел с охотничьим ружьём через плечо на перевес, но полностью проигнорировал дрогнувшего Скорпиона, а подошёл к собачьей будке.

— А ну вылась, ленивый енот! — Коренастый таёжник направил дуло в будку, там лишь недовольно заворчал, на свет лениво выполз здоровый кобель, извернувшись из-под дула, лизнул деда в нос. — Да что это делается? Такие потомки! Такое древо! У тебя же дедом волк был! Что ты за размазня?

Потомок волка ещё раз лизнул деда в нос и скрылся в будке.

Дед сплюнул на деревянный настил, пальнув из ружья по жестянке на столбе. Кусок жестянки улетел восвояси, пронзённый картечью. Таёжник только теперь обратил внимание на мальчика:

— Ну, чего замер? За молоком пришёл? Так в холодильнике стоит, Наталья парное с утра нацедила.

Вот и приехал, подумал Скорпион, раздумывая над тем, как бы объяснить деду то, что он его внук. Застрелит ещё прямо на месте. Прикольный какой-то дед, вдруг не поверит. Да и как в такое поверить?

Эх, родня.

— Деда Варфоломей, вы письмо получали? — Решил начать с самого простого вопроса.

— Письмо? Варька-почтальон в декретном отпуске, нету у нас нынче почты. А мне на другой конец деревни незачем идтить. — Дед присел на лавочку, положил ружьё рядом, достал из штанов резной мундштук, крепкие сигареты, закурил.

Скорпион робко присел рядом, глядя в небо, продолжил:

— А вы когда-нибудь хотели иметь внука?

Дед выпустил облачко дыма, тоже посмотрел в небо, казалось что раздумывает, вот-вот ответит. Но промолчал.

Скорпион повторил вопрос. В ответ снова тишина. Тут уже заорал во всё горло:

— Деда, я твой внук!

Дед перевёл тяжёлый взгляд с неба на сидящего мальчика, подставил ладонь к уху:

— Ась?

— ВНУК!!!

Из дома в окно выглянула бабушка, в поисках источника звука. Заметив на скамейке фигуру Скорпиона, вышла во двор. На вид это была настоящая, работающая бабушка, хоть и преклонный возраст, наверняка, одевает очки от близорукости для чтения, но вид боевой и всё же какой-то грустный, добрый. Как будто сразу повеяло старой заботой, теплом, запахом молока и сена.

— Ты ему на другое ухо кричи, совсем оглох, старый. Окромя телевизора и не слышит ничего.

— Бабушка Наталья, я ваш внук, Скорпион. Но вы наверное не получали письма и ни за что мне не поверите.

Бабушка спустилась с крыльца, позвала за собой в летнюю кухню:

— Отчего ж не поверю? Пойдём, пообедаешь с дороги, расскажешь всё как есть.

Скорпион, не веря такому простому толкованию, проследовал за бабушкой, следом с ружьём на плече зашёл Варфоломей. Бабушка показала, где мыть руки в рукомойнике, тут же усадила за стол, на старой скатерти тут же объявилась тарелка с парующим борщом, вместо майонеза — сметана. Вдобавок настоящий деревенский нежнейший хлеб, крынка молока, блины на сковородке и тарелка варенья. Скорпион с величайшим удовольствием смёл всё, что было со стола.

— А вот теперь и поведай, малец, — дождался своего слова дед.

Скорпион, отвалившись от стола, как мог в подробностях рассказал историю своего появления.

— Вот, бабушка, сюрпризы-то на старость лет. То и письма не дождёшься, то сразу внуки объявляются.

— Ладно, и так утомили Скорпиошу расспросами, уже и вечер на дворе. Устал, поди? Пойду стелить кровать.

Так легко и просто, без всяких драм и восклицаний, как во всех мыльных операх и всяких сериалах, старики признали своего названного внука. Такую историю ребёнок сочинить не мог.

К тому же намеренно, всем селом читали письмо Елены. Просто дед решил позабавиться, проверить, такой ли он на самом деле внучок.

Давно так не спал, выспался, словно на миллионы лет вперёд. Хотя и новое место, хоть и новые ощущения, знакомства, но после дороги, расспросов, бесед, да и новых впечатлений спал как убитый, без снов. Только закрыл глаза и вот уже солнце поднимается зарёй, дед по утру зовёт на рыбалку, заводя старенький ИЖ с коляской.

К мошке в тайге привык, к тому же дед на шею повесил тряпку в каком-то растворе, так что ни одна кровососущая тварь не садилась, не мешала смотреть утренний туман над заводью, просыпающиеся солнце и круги от поплавок. Рыба играла возле берега, встречая рассвет, дёргала леску, но на крючок не спешила.

Красота таёжных просторов возле речки не переставала изумлять дух, душа пела вместе с ранними птицами, так же парила в облаках, спускаясь в тишину и покой утренней зари. Как же красивы русские просторы в любое время года. Ради одного взгляда на них стоит жить. За полгода в цивилизации, успел по-настоящему соскучиться по ним.

Дед рыбачил на спиннинг, закидывая по три крючка с грузилом на середину реки. Скорпиону досталась пара удочек. Не нарушая утреннего спокойствия, перебрасывались лишь редкими словечками.

Начинался самый клёв.

Дед открыл счёт, вытянул сразу двоих карасей, два серебристых красавца запрыгали по траве. Скорпион решил не отставать и сконцентрировался на поплавке. Едва удалось это сделать, как дед снова вытащил на берег жёлто-чёрную касатку. Она в отместку заглотала крючок так, что пришлось деду оставить попытки извлечь его и перерезать леску.

Скорпион в сердцах вытащил обглоданный крючок, поплевал на червячка, пошептал, закинул и поплавок тут же глубоко ушёл под воду.

Подсек. Усатый сом в полтора локтя. Заброс. Бульк. Поплавок ушел под воду. Подсечка. Карась. Ещё один заброс. Бульк. Сазан...

Когда десяток рыбин, прикрытые травой, перестали сильно трепыхаться, рядом объявился дед:

— Вот это действительно мой внук. Ну, поедем, а то всю рыбу переловишь, и ловить больше нечего будет.

Дома ели жареную рыбу, снова пришлось отказаться от вегетарианства, чтобы не обидеть добрых людей. Всплеск энергии, что дала рыба, пришлось в срочном порядке глушить комплексом тренировок на заднем дворике, оставлять нерастратченной нельзя, хуже обезвоживания. Волхв говорил, что организм страдает от поедания мяса и рыбы. Вместо одного-трёх часов, тратит на переваривание пищи целых семь. На каждый грамм мяса требуется сорок два грамма воды, почки и сердце изнемогают от непосильной работы, а если работают вхолостую, в теле оседают вредные вещества. Человеческая пищеварительная система настроена так же, но ледниковые периоды сделали своё дело. Чтобы выжить, потомкам приходилось есть мясо. Суровые условия требовали больших затрат энергии на охоту, борьбу с холодом. Ледниковый период закончился, а привычка осталась. Нерастратченная энергия била из ушей и поедание мяса привело к началам эпох войн меж собой. Только эволюция так и не успела настроить пищеварительную систему человека на поедания большого количества белка. Природа в расплату наградила человечество тысячами болезней. Век за веком, чем больше на столах еды, тем шире медицинский справочник.

Скорпион разведывал каждый уголок территории, прогулился с дедом за грибами, где

быстро насобирав два кузовка, прежде чем дед нашёл первые десять штук. Большую часть дня переучивал собаку на нормальное воспитание.

День пролетел незаметно, солнце опустилось за виднокрай, заливая в прощальном плаче весь горизонт прозрачной синевой. Ночь зажгла первые звёзды, утром снова ехать домой, снова ад автобуса, через несколько дней в школу. Как быстро заканчиваются приятные моменты выходных.

Не спалось.

Сначала долго проговорил со стариками на кухне, попивая чаёк с молоком, потом ещё почти час сидел с дедом на крыльце. Прохладный ветерок гнал прочь комарё, ласкал тело. Грудь старалась как можно больше вздохнуть чистого свежего воздуха. За время, проведённое в городе, научился ценить чистоту воздуха. На небе мерцали молочные созвездья, медленно пересекали звёздное небо десятки шпионских спутников, трижды показалось НЛО, вселенная жила своей особенной жизнью, мало обращая внимание на суету какой-то, пусть и кислородной, но всё же мелкой планетки.

Вот уже и дед пошёл "давить бока", как он сказал, а Скорпиону всё не хотелось пропускать такой ночи, сел на будку Шарика, прижался спиной к дому и долго глядел в небо.

Посторонний шорох послышался со стороны, кто-то в темноте дёрнул калитку. Скорпион сполз с будки, весь превратился в слух. Двое бесшумно, как им казалось, крались вдоль забора. В тишине даже различил их слова:

— Я когда за молоком приходил, сразу подметил. Целых два куста во дворе растёт. Здоровенные, почти деревья! — послышался первый голос.

— А собака? А если кто услышит? — тут же спросил второй.

— Ту собаку вся деревня знает, не было ещё ленивее пса, дед спит на веранде, но он почти глухой, пушкой не разбудишь. А бабка в доме, там почти не слышно. Это всей деревне известно.

Скорпион с усмешкой представил физиономии двух малолетних любителей конопли. Действительно, дед оставил в огороде расти два конопляных дерева, но не из-за каких-то побуждений, а так, для красоты. Всё-таки, когда куст вырастает в дерево, оно действительно красиво. Просто не дают вырасти хихикающие подлещи.

Пришла мысль пойти сломать руку или ногу, но схватил ту мысль на хвост и выбросил. Слишком часто приходится что-то ломать, кого-то бить. Хватит, пора взрослеть. Решил подождать. Подвинув Шарика, залез в будку, в темноте снял с собаки ошейник. Вторжение на частную собственность

Двое безбашенных храбрецов на цыпочках пробирались вдоль крыльца, один кинул в зев будки кусок колбасы, Шарик сразу же потянулся за лакомством, но Скорпион щёлкнул по носу — с чужих рук брать нельзя. Собака тяжело вздохнула, но не послушалась.

Двое зашелестели возле деревца, Скорпион лихорадочно соображал, как поступить, в голову приходило три мысли: боевая с переломами, психическая с утрачением вроде приведения и третья — вызвать к доблести Шарика. Драться не хотелось, простыни не было, так что решил использовать третий план. Подтолкнув ленивого пса к выходу, со всего маху шлёпнул потомка волка по задку, Шарик, не чувствуя никакого подвоха, во все спринтерские возможности рванул прочь с будки, во всю мощь лёгких посылая далеко впереди себя волны лая.

Скорпион до конца своих дней будет помнить момент, когда на его глазах был побит рекорд скорости беглецов и мировой рекорд по бегу с препятствиями. Двое, пересекая забор одним махом, помчались по полям как самые настоящие гончие, высоко задирая ноги, преодолевая грядки, рассадники, компостные кучи.

Совсем не важно, что Шарик побежал совершенно в другую сторону.

Скорпион, предчувствуя скорейшее всполошение половины деревни, быстро подбежал к форточке, подтянулся, и пока все выскакивали на крыльцо, быстро пробрался в комнату, где его ждала стеленная кровать.

Сон был таким же крепким, как и в предыдущую ночь.

Ещё долго деревня будет вспоминать случай, когда в одну из обычных ночей, пёс Шарик вдруг стал первоклассной сторожевой собакой.

Наше время Эстония

Частная больница закрытого типа.

Подземный этаж.

Лилит приподняла голову сына, прижимая к груди. Она без усилий взяла его на руки, вытаскивая из чёрного пакета. Но почти тут же пришлось положить Сергея обратно на выдвижку — за спиной ощутилось постороннее присутствие.

Здоровяк, второй помощник Эмиссара, сменил человеческую форму на звериную почти мгновенно. Волкодлак с трёхвековым стажем существования на земле бросился к добыче мгновенно. Пара прыжков, преодолевая расстояние помещения и последний полёт в воздухе...

Сильные руки схватили за шерсть на боку, отклоняя от траектории, да вдобавок вырывая целые клоки кожи с мясом.

— На мать с ребёнком нападаешь? Как не стыдно, чудовище? — обронил растрёпанный блондин в чистой зелёноватой одежде врача. В руках остались клочья. Сёма брезгливо отшвырнул их в сторону и встал лицом к оборотню, прикрывая спиной Лилит.

Волкодлак оскалил клыки, почти моментально заращая раны. Его более всего поразило, что от нового гостя не исходило никаких запахов. Совсем. словно кто-то аккуратно обернул их в плотную сферу.

Только поэтому человеку удалось подобраться так неожиданно и близко. Но секунда растерянности прошла. И оборотень вновь...

— Да подожди ты, торопыга, — осёк Сёма. — Я человек. Ты тоже наполовину человек. И в прошлый раз я едва смог до тебя добежать. Неужели в этот раз ты будешь пользоваться новым бонусом? Что, кулаками пересчитать мне все рёбра сил не хватит? — Сёма кивнул в сторону Лилит. — Мамке не до нас, с детяткой возится. Пускай идёт потихонечку, а мы с тобой решим нашу дилемму. Ведь выйти из морга на своих двоих может только живой. Не так ли, мохнатый? Кто из нас живей?

Миг и в углу помещения вместо здорового волка с красными глазами появился крупного телосложения мужик босиком и в серых трениках. Шерсти поубавилось, и теперь Сёму могли впечатлить широкие плечи и грудь и литая грудь, словно прикрытая роговой бронёй демонов или тремя слоями рыцарских лат. Сказать, что мужик с осиной талией был силён, значит, ничего не сказать. Он был воплощением физического совершенства тела...

Но Сёма после лечения в безымянной больнице потерял чувство реальности. Перед ним стоял просто враг, а за плечами был просто брат. С матерью. Неизвестно, какие силы обрела первая созданная женщина за тысячелетия существования и прибрела ли вообще, но по слёзам на щеках мог с уверенностью сказать, что ей не до драки с вшивой собакой.

— Уходите, Лилит. Спасите брата. Мне ещё пса усыплять. Я позже догоню.

Лилит вновь подняла сына на руки и уверенной походкой зашагала к выходу. Громила бросился наперерез.

Сёма даже на сверхскорости, с горящим телом ступеней и расширенным потоком восприятия реальности не ожидал от себя такой прыти. Одно дело драться, отключая сознание и доверяясь бессознательному бойцу внутри и совсем другое видеть каждый кусочек мира с нескольких ракурсов, зреть каждое движение оппонента и просчитывать, видеть его следующие движения за мгновение до настоящего.

Это новую форму боя принял так же легко и неосознанно, как первый вдох ребёнка после рождения. Знание было приятным. Вдобавок Меченый одним касанием раздул в теле не только едва тлеющую жизнь, но и подбросил в костёр новых дров — ступеней. С

семнадцатой по двадцать первую взлетел без труда — эта ступень возможностей брата. Но, то ли у умыслом, то ли без, брат Скорпиона пробросил ещё на две вперёд, оставив на двадцать третьей. После "внешности человеческой" пришли "управление материальным телом" и "постижение дара души человеческой".

Эти слова на физическом языке значили гораздо меньше, чем они являлись по сути. Сил от открытых врат вполне хватило, чтобы волкодлака контрударом снова отправило в самый угол, сбивая пару каталок-труповозок.

Лилит остановилась у самой двери, кивнула и вышла. Сёма, махнув на прощанье, обратился к пособию эмиссара:

— Как звать-то тебя, мохнатый?

Противник подскочил и, пинком отбросив каталку, как жалкий мячик, ринулся в бой. Его удары походили на царапанье кошки. Открытые ладони со скрюченными пальцами разрезали воздух в тех местах, где должен было находиться Сёма. Но блондин упрямо уходил от каждого и завершал всякий выпад пинком или подножкой. Когда мужик в третий раз врезался в каталку, Сёма покачал головой:

— Когда человек задаёт вопрос, по правилам этикета другой человек обязан на него отвечать. По крайней мере, если он не риторический. А мой как раз таков.

— Патикулис, — почти прорычал волкодлак.

Сёма согласно закивал:

— Ну вот. Теперь я хоть знаю, что написать на могильной плите.

Свирепый вой прокатился по помещению. Любого человека взяла бы дрожь от мощного, холодящего душу, рёва. Сёма и сам ощутил, как покрылся мурашками. Прямо напротив человек снова обратился в волка.

Но на этот раз превращение было неполным и зверочеловек так и остался на задних ногах, хоть морда и стала звериной, роняя тягучую слюну с ряда жёлтых клыков. Зато грудь увеличилась в размерах втрое и руки, что остались почти человеческими, стали вдвое шире. Ногти снова стали когтями. Измученная падениями каталка первой испытала на себе их воздействие, уничтоженная одним движением пополам.

Сёма, разглядывая поднимающуюся от пола пыль от удара по каталке, переступил с ноги на ногу, качая корпусом как маятник. Морг услышал последние слова:

— Остался бы человеком — похоронил бы, а если хочешь быть собакой, то и умри как собака!

Оборотень покачал головой. Противник перед глазами вдруг исчез. Мгновением позже самый мощный удар, который когда-либо получал в жизни, оторвал от земли. Этот апперкот помог встретить головой потолок. И едва начал падать, как сзади что-то обхватило за шею и падение перестало быть только частью гравитационного плана. Оборотень отчётливо услышал в шее хруст. Мощное тело, противовес человеческих рук у морды и плечо странного блондина сработали как рычаг. С этим переломом ещё сумел бы справиться, если бы не когти, вспоровшие горло, гортань и остатки переломанных костей. Когти, что были едва ли тупее его когтей оборотня.

Сёма поднялся, убирая вертикальный зрачок жёлтых глаз, возвращая пальцы в прежнее состояние и сжимая в руках волчью голову. Секунды тотема Короля Леопарда хватило, чтобы оборотень лишился головы.

Тело волкодлака вспыхнуло, словно начинённое порохом. Секунды хватило, чтобы огромная туша распалась пеплом, а затем исчез и он сам. Последней сгорела в руках оскаленная голова и глаза, полные боли и страха. Страх оборотня, повстречавшего нечто более страшное, чем он сам.

Сёма скинул окровавленную докторскую робу и в штанах и тапочках вышел в коридор. Морг снова погрузился в надлежавшую тишину.

солнце палило нещадно. По лицу Дидала ручьём стекал пот. Цельный медный молот то и дело взвивался в небо и с сухим стуком вонзался в места деревянных креплений, затягивая путы туже и туже.

За спиной возникла тень, в один миг закрывшая солнце. Задорный юношеский голос ликующе спросил:

— Чем на этот раз маешься, отец? Там мать лаваш испекла, обедать зовёт.

Дидал устало стряхнул пот с лица, широкая улыбка отразилась на солнце:

— Не до еды, сын. Они готовы...

Икар склонился над новым изобретением отца. Он де всегда что-то мастерит, весь день стучит молотками, что-то пилит, непонятными чертежами завалил весь дом, вместо того чтобы пить вино в компании утончённых патрициев-философов и молодых дев, занимается весьма бесполезными делами.

"Ведь далеко не плебей, и не беден. Ан нет же, мается всякой бредятиной, словно и не эллин совсем. Ну что за отца мне послали боги? Одно радует — заберут безумца к себе быстрее. Так что наследство останется прежде, чем дорогостоящие опыты истратят всё до последней монеты".

Новое изобретение представляло собой конструкцию из сшитой толстыми нитями телячьей кожи, веревок, деревянных рычагов, нелепых гусиных перьев. Всё это странно пахло и держалось, смазанное, обожжённое, даже склеенное пахучей смесью.

— Кто или что готовы, отец? — спросил Икар уже более заинтересованно.

Дидал с хрустом разогнул спину и встал во весь рост, щурясь от яркого солнца. Прогремел в ответ так, что его слова понеслись вдаль над ущельем, у края которого творил своё детище:

— Крылья готовы, сын! Крылья!

— Крылья? — Икар застыл, прошептал едва слышно, — крылья?

Дидал рассмеялся, обхватил сына за плечи и возбуждённо затряс, взвихрил ему волосы, горячо заговорил, словно в бреду:

— Сбылась мечта, сбылась!

— Мечта?

— Да, мечта! Теперь и человек может... — Дидал прервался на полуслове, разглядывая небо.

— Что может? — Не понял сын.

— Ты разве ещё не понял? Теперь и человек может летать! Летать совсем как птица.

Икар отстранился, хмыкнул:

— Отец, я понимаю... солнце... Но не до такой же степени! Ты же разумный человек... Был по крайней мере... В детстве... Мама рассказывала.

Дидал метнул глазами молнии, обронил:

— Смотри же, невежда! Человек может всё!

И он подхватил свою громоздкую конструкцию — но она оказалась совсем лёгкой — и, вдев руки в "крылья", в один миг стал похож на большую белую птицу. Солнечные блики на перьях только добавили этого ощущения. Ноги понесли к обрыву, отчего у Икара сердце в панике застучало гораздо быстрее.

"Ведь разобьётся, старый дурень!".

Но седеющий отец лишь усмехнулся и сделал шаг.

Шаг в бездну.

Икар запоздало бросился к обрыву. Сердце кануло в пропасть вместе с отцом. Заорал, как раненый зверь:

— Отец!!! Отец!!!

Большое белое взметнулось из пропасти ничуть не медленнее коршуна, который преследует добычу. Икар отшатнулся и шлёпнулся на пятую точку, нелепо раскрывая рот, как будто узрел пред собой явление Зевса в образе облака.

"А отец-то... летит! Точнее парит над землёю, как птица, взлетает под вихрями тёплого воздуха, что наполняют его нелепую конструкцию и тянут ввысь, в небо. У него получилось!".

Икару и самому всегда хотелось верить в успехи безнадёжных дел отца, но строгий взгляд матери, пересуды соседей, говор прохожих, жителей, посторонних, всех, всех, всех...

"И где теперь эти все-все? Кто теперь посмеет сказать про его отца, что он безумец? Это они все слепые безумцы серой жизни, а его отец — ОТЕЦ! — гений!".

Глаза Икара неотрывно следили за полётом крыльев, за взмахами широких дланей и за счастливейшим на всем белом свете взглядом отца.

"У него получилось!".

Дидал сделал ещё один пируэт над ущельем и его ноги коснулись выступа скалы. Приземлился с грациозностью птицы. Икар еле дождался, пока отец сбросит крылья, чтобы крепко обнять его и сказать эти самые слова: "Я верил в тебя, отец!".

— Ты взлетел выше неба, выше солнца, — восхищался Икар.

— Никогда не теряй надежду. Человек может почти всё.

Они шли домой ужинать, неся конструкцию вместе, вдвоём. Теперь сын не станет слушать пересуды серых людей, этой нелепой массы, тех, кто плохо отзывался о его отце, ибо сам видел полёт, видел своими собственными глазами. Никакие силы не заставят его ещё раз усомниться в родителе.

— Икар, я парил под облаками, но никак не выше неба и тем более солнца. Понимаешь, если подняться выше облаков, то яркое солнце растопит смесь воска и стропила ослабнут. Рычаги слишком сильно передавят кожу и она порвётся. Встречным ветром крылья разметает и скалы поглотят дерзнувшего. Навсегда. Ни в коем случае не поднимайся выше!

Икар словно не слышал. Он витал в облаках, как минуты назад его отец.

"Подумать только, отец был совсем как птица".

На следующий день, едва взошло солнце, отец с сыном вновь стояли у обрыва скалы. Дидал проверил и перепроверил все крепления и вновь устремился в полёт над бездной, что захватывает дух даже больше, чем сеча с варварами в молодости на услужении в армии.

Дидал парил над землей, забыв обо всём. Иногда возвращался вновь на скалу, чтобы ещё раз проверить крепления и... ещё раз узреть грустные глаза сына. Тот тоже хотел покорить небо, как отец, тоже хотел узреть землю, что развернётся перед глазами как на ладони.

"Но ведь он так молод, обязательно устремится ввысь, к солнцу. Не стерпит".

Чаша весов качалась из стороны в сторону, как мерило Фемиды.

К полудню Дидал не стерпел. Отцовское сердце дрогнуло. Протянул крылья сыну.

Радости Икара не было предела, выученными движениями мигом облачился в конструкцию, сердце застучало часто-часто. Быстрее, чтобы отец не передумал, поспешил к пропасти. Слова Дидала догнали уже при прыжке:

— Будь осторожен, сын. Молю тебя, помни о солнце...

Длань ветра устремилась навстречу, подхватила, позволила расправить крылья. Икар что есть мочи заработал руками, страхась не упасть в бездну. Восходящие потоки приветливо подхватили, помогли стараниям, взмыли в небо. Икар закричал, но не от испуга, от восторга. Отец остался где-то позади, превратившись в маленькую песчинку, в точку. Юноша увидел своё селение, близлежащие земли, дорогу к городу. Всё уменьшалось и отдалялось.

— О боги! Как право дивно! — Раздавались слова восторга из его уст.

Он поднимался всё выше и выше, душа и дух слились в едином порыве, устремляясь вперёд, ввысь, в бескрайнее небо. Только вперёд! Только вверх!

И вот уже до солнца рукой подать, протяни руку и солнечный Гелиос распахнёт свои объятия, станешь богоподобным, узришь истину...

Разум сдался, руки заработали ещё интенсивнее, вздымая в облака. Он нырнул в облака, как нырял со скалы в лазурное море. Только это воздушное море невесомо, белые

кучки "барашки" расступаются, едва взмахнёшь крылом вблизи от них.

Икар возликовал. Он покори́л небо! Боги примут его за равного!

"Гелиос, распахни свои объятия! Я иду!".

Облака резко оборвались. Он вынырнул прямо под палящие лучи бога солнца. Восковая смесь отца размякла и потекла, срывая крепления. Крыло надломилось от сильного взмаха, и рука выскользнула из крепления. Он камнем полетел навстречу лазурному морю, такому синему и жёсткому.

"Воистину, чем выше взлетаешь, тем сильнее падать. Прости меня, отец".

Старческое сердце не выдержало. Дидал сделал шаг в пропасть, едва увидел падение сына.

Шаг без крыльев.

Скорпион **Воспоминания. (10 лет)**

Перед школой Скорпион побывал в деревне, познакомившись с дедом и бабой. Вернувшись, на автовокзале вместо родителей встретил Сан Саныч. Подтянутый военный заместитель базы сиял так же, как и вычищенный до блеска трофейный джип, доставшийся после инцидента на заброшенном заводе, где ребятам сенсея пришлось принять неравный бой с отморозками. Сверкая рядами белых зубов, радостно заявил:

— Дома у тебя никого нет. Дмитрий попросил занять тебя чем-нибудь до завтрашнего утра.

— Ну что ж, то, что у меня ключи от квартиры есть, судя по всему, не имеет никакого значения. Я в вашем распоряжении. — Скорпион приложил руку к виску, отдал честь.

На голове была кепка, так что никакого нарушения устава не наблюдалась.

Улыбка Саныча грозила ушам вот-вот отвалиться от напряжения. Довольный, военный предложил:

— Как насчёт обучения военной подготовке?

— Служу России! — бодро отрапортовал малец.

Саныч распахнул дверь автомобиля, и Скорпион забрался внутрь. О, как же отличалась поездка в салоне джипа от аналогичной поездки на междугороднем автобусе.

— Мы с твоим отцом коллеги, если можно так сказать. Только он служит в закрытой части, поэтому тебя пока не может взять с собой на работу, а наша воинская закрыта только для гражданских. При желании можно достать полный доступ. По крайней мере она всё ещё функционирует, хотя в девяностых верхушка приложила много усилий, чтобы стереть её с лица земли.

Саныч покинул оживлённые центральные дороги, вырвался на простор и зажал педаль газа. "Чероки" уверенно держал дорогу мощными колёсами, сама машина, казалась, прижалась к трассе и только и требовала, что добавить скорости.

— Сан Саныч, я пока в званиях не разбираюсь, вы...

— Подполковник.

— А мой отец?

— В том то и дело что на их базе даже лейтенанты что наши полковники. Полномочия откуда-то сверху. Ты бы отца потряс, может чего бы побольше разузнал.

— Военные тайны? Ни за что! А если вы китайский шпион? Вон граница через реку. — Прищурился Скорпион.

— Тогда уж монгольский. Этаким бравый кавалерист.

Машина оставила город далеко позади. Подполковник Саныч сбавил скорость и свернул с трассы на грунтовую, побитую дорогу. Скорость упала на пять порядков, военный как зеницу ока оберегал нежданный негаданный подарок в лице металлического монстра. Наконец, после очередного разворота, среди густого леса обозначился контрольно-пропускной пункт. Типичный рядовой выбежал из будки, торопливо отворил ворота.

Саныч отогнал джип поближе к комендатуре, поставил аккурат рядом с джипом начальника. Не дача, но тоже приятно. Началась экскурсия со столовой.

— Ты решил стать солдатом уже сегодня? — Саныч задумчиво разглядывал вход в солдатскую столовую.

— В смысле солдатской баланды или порции высшего командного состава? — Додумался Скорпион.

— Именно.

— Товарищ подполковник, разрешите разделить все солдатские тяготы и радости сполна. Личная просьба. — Браво доложил Скорпион, вытягиваясь по струнке.

— Разрешаю! — Саныч, не теряя улыбки, подтолкнул к входу в столовую.

Глазам предстали несколько обедающих рот. Все как один в солдатской форме и бритыми затылками. Сотни глаз прошили насквозь, Сергей не знал куда деться. Хотелось провалиться под землю, испариться или просто стать невидимым. По столовой прокатилась волна смеха. Наверное, десятилетний мальчуган с длинными чёрными волосами, светлой безрукавке и с татуировкой на плече выглядел весьма необычно. Вдобавок ещё и смущается, хотя глаз не опускает.

Переборов смущение, Скорпион сказал как можно громче:

— Здорова, мужики! На день приютите?

Слова прокатились по притихшей столовой. Шквал смеха грянул как выстрел. Солдаты приняли, как родного, усадили за стол.

Саныч, подслушивая у двери, улыбнулся, пошёл к штабу, оставляя мальчика на попечение армейцев.

Скорпиону быстро доставили первое, второе и компот. Суп и каша с дороги были как нельзя кстати, если ещё вспомнить больничную пургу, то солдатский обед казался манной небесной. Под одобрительный шёпот, мальчуган в мгновение ока проглотил обед.

Обед заканчивался, роты, построившись, выходили во двор. Старший сержант роты, с которой обедал за столом, выхватил Скорпиона из строя и повёл переодевать.

С одеждой оказалось сложно. Если фуфайку, штаны и рубаху удалось найти более-менее подходящую, то солдатские сапоги были на несколько размеров больше.

Положение спас всё тот же сержант, притащив откуда-то небольшие армейские ботинки на высокой подошве и шнуровке.

— Держи, служил тут у нас один дистрофик, после него можно хоть лилипута одеть. Да и такие ботинки не являются нарушением устава. Тебе в самый раз...

Ярко светило солнце. Рота в противогазах преодолевала полосу препятствий. Скорпион, вопреки ожиданиям многих, вровень со всеми, бегал, прыгал и ползал. Самым первым, конечно же, был старший сержант Владимир. Мальчик старался ровняться на него, где-то даже чуть опережая.

Например, в марш броске с полной боевой выкладкой останавливался, чтобы узнать куда бежать, приходилось даже немного дожидаться. Даже если бы за плечами висел автомат, дополнительный груз, всё равно бы был первым. Уж что-что, а по лесу бегать куда сложнее. Тренированный с детства организм и координирование терморегуляции были тут как раз кстати. Единственное отличие Скорпиона от других солдат было в отсутствии автомата. Но стрельбы были впереди, так что обещали выдать, показать, научить.

Сдавая общефизическую подготовку, старшина долго удивлялся. Рота выстроилась перед перекладиной. Скорпион, задумавшись о Лере, подтягивался раз за разом, забыв счёт. Очнулся лишь, когда лица рядовых начали медленно втягиваться. Оказывается, счёт давно перевалил за сотню. Даже старший сержант при всём усердии подтянулся только пятьдесят восемь раз.

Скорпион быстро спрыгнул на землю, нарочито изображая усталость. Зачем солдат пугать? Хотя мог и ещё сто раз подтянуться. На одной руке висеть на ветке сложнее. Не зря дед заставлял тренироваться на грани — найдёт высокое дерево, выберет ветку над оврагом или ямой и заставляет часами висеть без всякой страховки. Тут и поневоле научишься

подтягиваться и висеть как обезьяна.

На брусьях решил перегнуть старшего сержанта только на десять раз. Тот хоть и закричал: "Он, мол, два года в строю, скоро дембель, а малец делает его, как хочет", но обиды держать не стал, даже когда вместо типичных для солдат тридцати-сорока отжиманий, мальчонка отжался шестисот с лишком. Он же легче. Да и что на ребёнка обижаться?

Старший сержант окончательно забыл про ущемление собственного достоинства, когда Скорпион просил во всех подробностях рассказать про используемое стрелковое оружие, пистолеты и про технику вообще. Тут сержант чувствовал себя на высоте, постепенно излагая "технику постижения техники".

Мальчонка быстро научился разбирать-собрать АК-74. Приказ подполковника. Выполнять. Оружие захватывало, Скорпион с ужасом понимал, что когда-нибудь пригодится и подобная информация.

Пригодилась через семь минут. Роты выстроились вдоль стрельбищ. Кто умеет стрелять с лука, с пистолета не промахнётся. Сержант тайком попросил рассказать пару секретов, как это Скорпион, предварительно отстрелявшись, выбил почти все "яблочки". В качестве проверки несколько раз меняли мишень. В качестве бонуса за такой успех, в руки дали снайперскую винтовку "Драгунова".

К концу дня Скорпион лёжа поражал мишень с расстояния семьсот-восемьсот метров. Чтобы попасть дальше, требовалось набраться мастерства у профессионального снайпера: учитывать скорость ветра, передвижение мишени, допустимый просчёт. К сожалению, в части никто подобными знаниями не обладал, но обещали познакомить с хабаровской "Альфой". Там готовят классных снайперов. Лучших на Дальнем Востоке.

Случайно получил доступ к спецназу...

Отужинали, и день прошёл, Скорпиону принесли дополнительную кровать в казарму и приучали к солдатским будням. Не каждый же раз в части попадаете такой забавный мальчуган. Каждый из старослужащих пытался влить в познания Скорпиона что-то от себя, позакovskyристей. Чтобы окончательно не лопнуть от переполнивших мозг знаний, Скорпион в свою очередь веселил собравшихся рассказами и новостями с "гражданки".

И солдаты, и малец, и не заметили, как прошло полночи, после отбоя снова окружили мальчугана и вели беседы. В третьем часу ночи старший сержант разогнал всех по кроватям. Переполненный событиями, эмоциями и усталостью, Скорпион уснул, едва коснувшись подушки.

Тут же подъём оповестил о начале нового дня. Скорпион, сражаясь со сном, ритмично облачился в одежду, едва успев заправить кровать.

Строй вышел на утренний плац. Холодный ветер бодрил, скидывая сон. На востоке небо едва розовело, мир ещё был погружён в сумеречную полудрёму, полуявь, но в типичной воинской части три роты солдат, так же, как и армия по всей России, готовы к служению Родине. До последней капли крови Отечество будет защищено. Так было, есть и будет всегда, не смотря ни на какие катаклизмы. Словно древние арийские Кшатрии, словно верная воинская аристократия, русская армия готова ко всему.

На плацу заиграл гимн России. Затрепетал на ветру бело-сине-красный флаг. Солдаты подтянулись, выпрямились, расправили плечи, из полусогнутых калек образовались здоровые мощные богатыри, готовые хоть в огонь, хоть в воду, через трубы.

Скорпион ощутил холодок в груди. Горд за свою армию. Как бы её не хаяли, всё равно живёт и побеждает и он видел её изнутри.

Как истинный десятилетний патриот едва не пустил слезу при звуках гимна. Поражал не сам гимн, музыка ли, слова ли. Поражала та атмосфера, то чувство каждого в отдельности, что ежели сложить вместе и будет называться духом любви к родине, отечеству, патриотизмом. Это невозможно развратить чужой культурой. Даже в самом захламлённом сознании, стоит только прислушаться к себе, всё равно почувствуешь незримую нить, эту нерушимую любовь к Дому.

Первые лучи озаряли уставшие, не выспавшиеся суровые лица военнослужащих, не

смотря ни на какие солдатские сложности, солдаты и командиры каждый день, ежедневно готовы ко всему.

Сейчас, когда командир базы говорил что-то не по бумажке, даже не заученные слова, а просто от души, по-человечески и с чувствами, каждый солдат знал, что есть сильное, стойкое начальство, и случись, не дай бог какая-никакая война ли, угроза ли, всё равно каждый уверен — будет приказ, будет план. И это бесспорно. Только сильные, волевые и мужественные начальники могут командовать по-настоящему. Речь не о штабных крысах, кто, роясь в бумагах, бредёт по лестнице вверх, цепляясь за кого-то зубами, царапая ногтями, расталкивая плечами, толкаясь локтями. Настоящий генерал должен быть только боевым. Это истина.

Завтрак получился перловый, но всё равно вкусный, тем более, пол роты жаждало поделиться со своим пацаном и единственным куском масла. Скорпиона тронула подобная забота. Но не мог же он съесть весь масляный запас целой роты, смущённо отказывался, парни хохотали, хлопали по плечам, называли настоящим мужиком, на него ровняли "духов", показывая, что из себя представляет настоящий солдат. Вот он, будущий защитник Родины.

После завтрака роты разбрелись по казармам.

— Куда хочешь пойти? — Между делом спросил старший сержант, блаженно развалившись на лавочке возле столовой. — Меня по приказу начальства от всего освободили, приставлен к тебе.

Скорпион уже так привык к этому сержанту Владимиру, что и не разлучались почти. Везде ходили вместе. Благо, что его не ставили не вчера, не сегодня в наряды. Отслужил своё...

— Может, ещё постреляем? Чувствую, меня через пару часов уже заберут. — Предложил Скорпион, вдыхая свежий прохладный воздух. — Оружие дадут? Патроны достанешь?

— Тебе хоть танк на прогулку, личный приказ подполковника. — Хохотнул Владимир.

— Я же просил, всё как обычному солдату, — смутился Скорпион.

— Да не в этом дело, просто много ты ещё видишь желающих пострелять? Тут и простому солдату будут рады. Пойдём, возьмём пару Калашей.

Скорпион в военной форме и старший сержант ростом как два Скорпиона, с автоматами на плечах, не спеша побрели к стрельбищу.

— А АК-74 это значит 74 года выпуска? — спросил Скорпион. — Если без модернизаций.

— Да. Это всё тот же автомат, выпущенный ещё аж в 74 году! А ведь есть ещё АК-47, так это вообще почти сразу после войны. И это самое универсальное оружие пятьдесят с лишним лет. По количеству созданных штук давно перевалило за миллионы. А ведь выпущено в таких далёких годах, не считая конечно модификаций. Деда Миша гений. Я бы ему вместо генерала фельдмаршала дал. При жизни.

— Михаил Калашников?

— Он самый.

Скорпион загнал патрон в патронник, снял с предохранителя и навскидку с тридцати шагов поразил мишень в серединку. Сержант добавил девятку, потом немного помедлил, сконцентрировался, как вчера показал Скорпион и новый одиночный выстрел прошёл десятку в миллиметре от выстрела мальчугана.

— Скорпион, ты приезжай ещё в октябре, у нас тут будет первенство по рукопашному бою, может...

— Кхе-кхе. — Закашлялся Скорпион и сбитый прицел отправил пулю высоко в небо. — В качестве тренера или участника?

— Я уверен, что ты можешь и так и так, но приглашаю в качестве зрителя. Как тебе?

Скорпион повернулся:

— По рукам!

Две ладони встретились на середине пути. Однодневный рядовой и "сто дней до приказа" крепко подружились.

В принципе сержант был немногословен, вообще-то говорил почти только по делу или отвечал на вопросы, но Скорпион знал, что зовут его Владимир, сам он из Хабаровска, так что обещали друг другу встретиться после дембеля последнего. Разница в возрасте в десять лет не играла никакой роли.

Как не экономили пули, стреляя каждый раз по-разному, все запасы обойм к одиннадцати часам иссякли, к тому же прибежал один из духов, сообщил, что Скорпиона ждут у штаба. Пора уезжать.

Сутки прошли необыкновенно, время пролетело с пользой, было радостно, что скрасил тяготы солдатской жизни своим присутствием.

Провожали всей ротой. Полюбился всем. Оставили даже военно-полевую форму в подарок, автомат только отобрали. Саныч, усаживая в автомобиль, заметил, что так и дембелей не провожают. Скорпион по очереди пожал всем руки, затратив около пятнадцати минут и КПП скрыл из виду воинскую часть номер N.

— Понравилось? — Задал вопрос Саныч, украдкой поглядывая на светящееся лицо Скорпиона. Там был и какой-то оттенок грусти. Прижился что ли?

— Очень! Ещё возьмёшь как-нибудь?

— Конечно... Думаешь много желающих?

Скорпион невольно вздохнул.

— Вряд ли. Но у меня есть друзья.

— Бери с собой.

Белоруссия Наше время

Скорпион распахнул глаза. Среди качающегося мира и плавающих чёрных мух на него смотрели трое: блондин, Аватар и молодая женщина с глазами холодного изумруда. Среди трёх образов сконцентрировался на этом, заставляя себя не опускать век и запечатлеть в память каждую черту её лика. Запомнить эти вьющиеся волосы цвета ночи, спадающие одинокой прядью на лоб, белёсую, гладкую кожу с едва заметными веснушками на щеках, маленькую, симпатичную родинку на левой скуле, чуть пухлые розовые губы, длинные ресницы, идеальной формы нос, узнай о котором, удавилась бы сама Клеопатра. Её образ был как кусочек льда в терзавшей его тело Гиене Огненной. Прикосновение холодных рук к пылающему лбу приносили океанский бриз раскалённой пустыне.

— Держи его в сознании, Лилит. Тотем обессилел. Я открою пару врат для резерва. Ему нужна минимум двадцать четвёртая ступень, чтобы внутренние органы не начали распадаться, пока буду чистить.

"Материальное тело", "Дар души", "Таинство Перволюдей". Три потока с номерными знаками для сознания 22, 23 и 24, обрушились на тело, как электроразряды. Три белой вспышки в глазах, которые упрямо не закрывались, как под гипнозом смотрящие на мать.

Бодро кивнул Сёме, безотрывно смотрящего на бегающего по коже Сергея скорпиона. Блондин отвлёкся от суетной татуировки, что на физическом плане выглядела именно так, и передал свой скудный резерв внутренней энергии почти без остатка. Губы невольно затряслись, синевя, как от холода.

Бодро подхватил переданное и, во избежание запретов Баланса, не смешивая со своей энергией, направил в тело Скорпиона.

Сергей воочию ощутил, как чьи-то пальцы прошли сквозь кожу. Миг и едва заметное жжение быстро сменилось ощущением пустоты. Сам не видел как три водных пузыря, наполненные тёмной жидкостью с сердца, почек и печени отсоединились от тела и отлетели поодаль, лопнув над землей. Прелые осенние листья поверх той земли скукожились и почернели. Едва заметный дымок подхватил ветер и унёс прочь.

— Я извлёк яд, — вздохнул Аватар, стряхивая рукавом пот со лба. — По крови бегают антитоды, переданный Лилит с переливанием. Органы оклемаются. Но не факт, что яд удалён или расщеплён весь. Нежить вполне мог придумать какой-нибудь новый сюрприз. Парню нужно время на восстановление. — Бодро перевёл взгляд на Сёму. — Обоим... Лилит, им лучше навестить Смуту. Он проверит, не повлияла ли эта гадость на мозг.

— Он берёт только меченых.

— Посмотри на его запястье, на левой руке.

Дева кивнула и подняла руку сына. Там, где жизнь оставила первую отметину после выхода из тайги, был небольшой шрам в форме полумесяца.

"Укус собаки был предрежён?", — подумал Сергей.

Веки опустились.

Скорпион **Пытки памяти-6**

Таинственный собеседник в тумане.

— Послушай меня. Я расскажу тебе, как горькая и печальная истина неторопливо брела по белу свету. Безразмерные ноги несли то на север, в суровое царство вечного холода и снега, то на юг, во владения песков и сухих ветров. Странно, но всегда получалось, что не между севером и югом бродит истина тьму лет, а только меж востоком и западом. Нигде надолго не задерживаясь, как странник-бродяга, изгой, калика переходящий или святой паломник, а то и просто разыскиваемый вор или убийца.

— Почему она уходила?

Истина видела всё и про всех, каждого человека зрела насквозь, вдоль и поперёк. Знала же про этих странных двуногих ещё больше. За это её во всём мире и не любили. Каждый человек, который встречал на своих землях истину, непременно пытался выдворить её прочь. Просто было легче и спокойней находиться от неё подальше, но поближе к себе и своим заботам. Своим истинам. Тем, что роднее, ближе и понятнее.

— Люди видят лишь фрагменты мозаики?

— Истине всегда говорили, что у каждого она своя, родная, их может быть несметное количество, у каждого по несколько штук к ряду. Но истина лишь улыбалась в ответ. Как её может быть много, когда она всегда была одна единёшенька на всём белом свете? Не было у истины ни подруг, ни друзей. Только безразличный ко всему ветер всегда дул в спину истине и торопил на новые земли, но никогда ничего не говорил, молчал, как и все, к кому вопрошала истина.

— Они видят, но не хотят видеть?

— Лишь единицы зрели истину и разговаривали с ней, но не выдерживали бремени время и уходили прочь, за черту, куда истине был вход закрыт на тысячи замков. И истине от этого было ещё грустнее и печальнее, чем прежде.

— Одиночество гениев?

— Мир менялся очень быстро. Там, где раньше всё было просто и понятно, с каждым годом становилось всё труднее и сложнее. Уже и сама истина не понимала, где она и зачем? Во многих странах истину называли правдой и бились за неё до смерти на ратных полях, в диких песках, просторных степях, дремучих лесах, непроходимых горах, везде, куда могли добраться. Истина не могла понять, зачем за неё бьются, ведь у неё нет соперников, противников, недругов.

— А ложь? Кривда?

— Ложь — это всего лишь то место, где истины в данное время нет. Вот и у истины было множество вопросов, но она не ведала, где сможет найти на них ответы. Ведь не было такого человека или создания, который ведал бы всем. По-крайней мере истине он не встречался. Лишь изредка, раз в мириады лет, истина зрела его спину краем глаза, но он тут

же уходил, вновь оставляя истину в суровом одиночестве.

— Творец ограничил себя сам, дабы мы могли свободно развиваться? Но как я могу об этом судить?

— Истина позволяла людям судить о себе только потому, что они задавались такими же вопросами, как и она. Только это сближало истину и людей. Но люди об этом не догадывались и продолжали толковать истину по-своему, не выходя за пределы своих обиталищ, градов и стран...

— А отшельники? Те, что скрывались и скрываются по дремучим лесам, жарким пескам и взбираются в горы? Те, что уходят, чтобы отчистить себя от вибраций общества и ощутить связь с Творцом?

— Были конечно и путешественники, люди, повидавшие больше других, были и мудрецы, сложившие из рассказов путешественников своё представление о истине, были даже пророки, что ведали истиной в откровениях духа и души, но их век был столь недолог, что истина почти не успевала добраться до них прежде, чем добирается та, которая забирает за черту и закрывает дверь черты на тысячи замков... А она забирала всех. Не существовало ещё человека, что смог бы обмануть её больше положенного срока жизни в тысячу лет...

— А полубоги и бессмертные?

— Истина, конечно, видела бессмертных. Но те переставали быть людьми и уходили в противовес смерти, за какую-то другую черту, снова не дав истине ответ на её вопросы. Хотя бы на один из них.

— Не откроет постигший секрета секрет другим! А открывшие получают в награду в лучшем случае насмешки...

— Так горькая и печальная истина и брела по белу свету, скитаясь в вечных поисках ответов. И только Одному известно, когда этот поиск закончится. Но Он для истины недостижим так же, как огонь для воды. Истине ещё надо многое узнать, прежде чем произойдёт их встреча. И наконец-то найдутся ответы на все вопросы.

— Но как же мне за ней угнаться? Как повстречать до момента перехода за ту или иную черту?

— Именно поэтому странник-истина снова в пути. Но не жди, пока она заглянет в твой дом — иди навстречу.

Скорпион

Стёртая грань между сном и реальностью

Сергей снова открыл глаза и пообещал себе в течение ближайших суток их больше не закрывать. Переизбыток зрячего сна едва не снёс понятия реальности. Отравленный ядом мозг теперь был отравлен и ядом сомнения. Уверенность в любой незыблемой истине пропала. Для человека это словно потеря самого себя. Ведь надо ориентироваться в окружающем мире. Но как ориентироваться, если ориентиры так же прозрачны и непостоянные, как ветер?

Тело было слабым и беспомощным, как у новорождённого. Скорпион и ощущал себя новорожденным. Прежние приоритеты стёрлись, как и прежняя личность. Теперь был чистым листком, и доставать новую ручку или карандаш совсем не хотелось. К чему марать бумагу домыслами, если в тайнике подсознания дверка и руках ключик. А за дверкой маленькое могучее знание, которое снова затрёт любой лист до первичной белизны.

И ключ нельзя выкинуть. Он всегда в руке. Единственной альтернативой открытия двери является её лицемерие и долгие раздумья — что же за ней? Только так можно ориентироваться в мире. Но непостоянно. Когда-нибудь всё-таки придётся воспользоваться ключом. И выкинет за пределы четырёхмерности раньше, чем осознаешь — закончил ли свою работу в Чистилище, и изменилось ли оно хоть на миг? А если изменилось, то в какую сторону? И кто судья? Оценивать с позиции человеческого восприятия или уровня бога? Вопросами завалит будь здоров. А может, будет снова чистый лист и важны лишь действия?

А перед глазами был потолок. Красивый. И люстра. Большая, со множеством лампочек. Анализ обстановки верхней части комнаты должен был что-то сказать. Но ничего не говорил. Оставалось только улыбаться. Или лить слёзы. Хотя как-то проявлять атрофированные эмоции. Но вместо этого перед глазами был всё тот же красивый потолок и большая люстра. Эмоции отсутствовали, вдоволь компенсируясь вопросами.

Дверь распахнулась пинком. Блондин почти влетел с полным подносом еды. Был он в наушниках и орал в унисон помеси металла и фольклора во всю мощь лёгких песню:

Голос богов над поляной
Вслед напевам несётся!
Шёпот листвы догоняет
Мелодию ветра!
В поле плечом мы к плечу
И пусть глас разобьётся Мы дети вольного неба,
Песни свирели!

Сёма, не замечая пробуждения брата, поставил поднос на столик и прошёл до окна. Распахивая шёлковые шторы во всю ширь, закричал припев:

Скажи мне, побратим
Устанет ворон виться?
Скажи, соратник, мне
Доколь ещё стоять?
Неужто мы с тобой
За правду будем биться,
Когда взаправду запросто
И жизнь отдать?

Пока до Сергея доносились гитарные ритмы, барабаны и пересвисты свирели, Сёма изображал жгучую смесь гитариста и вокалиста.

Синяя мгла за плечами
И бездна пред нами!
В поле плечом мы к плечу
От зари до зари!
Но звуки солнца и ветра
Ещё не истлели.
Жив дух Природы,
Живы и мы!

Скажи, соратник, мне
Орёл прогнал ночного?
Скажи мне, побратим,
Деревья не бегут?
Взаправду гордо с Пустотою
Будем биться?
И жизнь положим?
Других в Ирий не берут?

Сёма, наконец, повернулся к Сергею и застыл. Губы по инерции прошептали второй припев и уронили беспроводные наушники:

Мы будем биться,
Пока стяги гордо реют!
Мы выстоим, назло судьбе
И пусть падут враги!
Одни лишь те,
Кто сердцем не ржавеет,
К дороге света
Выбредут во тьме.

— Хм, неплохая песня, — обронил Скорпион. — Где взял?

— Братан!!! — Сёма разогнулся для прыжка на кровать, но в последний момент сдержал себя. Прыгать на брата, который потерял больше трети веса и почти все силы, было неразумно. — В России взял, где ещё?

— А мы сейчас где?

— У Смуты. Не в Смутное время, но у Отшельника мы порядком загостились. Я просто пару раз ездил к нам в город, пока ты без сознанки валялся. Не то, чтобы я тебя бросил, с тобой мать сидела. Одна сидела, вторая седела, вот я и поехал успокоить. Пока весь твой клан успокоил, пока командировку с казнью больницы прошёл...

— Казнью?

— Пусть этот грех на моей душе, но я не мог оставить в живых тех, кто занимался трансплантацией детских органов за бугор. Детей разбирали на запчасти. Наших детей. Почки, лёгкие, печень, сердце...взмах скальпелем и у нас ubyло, у них прибыло. Так что пока наши с тобой командировки временно прервались, я нашёл пару других...

— Пару?

— Да ну тебя, вдруг снова отрубись? — Обронил Сёма так, что Сергей ясно понял — разговор на эту тему закончен. Антисистема работает и автономно.

— Что мы делаем во дворце Смуты?

— Я схожу с ума от восточной мудрости, ты спишь, поочерёдно принимая в гости всю ближайшую родню. По роду. Другая часть клана нервничает. Я едва убедил их, что следующий Новый Год ты обязательно проведёшь там, где надо.

— М-да, я и день рождение твоё пропустил?

— Да ты много чего пропустил. Даня только из-за тебя свадьбу откладывает. Остальные в свидетели рожей не вышли.

— Так какое сегодня число?

— Зима.

— В Эстонии тоже была зима.

— Сейчас та зима, когда ёлки покупают. Когда мужики набираются храбрости и ради любимых дам...

— О боги, уже март? Тогда какая тебе зима?

— Я ж тебя подготавливаю. Подумаешь ещё, выйдя за пределы дворца в пустыню, что наступил конец света. Я ж тебя не откачаю.

— Дворца?

— Смута не из тех суфиев, что живут, отрицая излишества жизни...

— Так, всё, дай подняться.

— Куда тебе подняться? Ты несколько месяцев под капельницей лежал, да через трубочку питался, а тут проснулся и в марафон? Лежи, пока кто из старших по разуму не позволит хотя бы моргать.

— Иди ты!

— Только что с самолёта!

Сергей приподнял с подушки голову, и она рухнула обратно, больше подчиняясь гравитации, чем атрофированным мышцам шеи. Вдобавок мир стал кружиться и больше желания двигаться не возникало. Слабость накатила такая, словно оббежал вокруг пояса

Земли и сдвинул весь Гималайский хребет.

— Вот я и говорю, — продолжил Сёма, подтачив поднос. — Кушай кашку, малыш, сил набирайся. А там глядишь и снова на берёзу за бананами полезешь. Открой рот, — Сёма набрал полную ложку овсянки и поднёс к губам.

— Я...ты... мы...

— Да не бойсь, у нас у обоих двадцать четыре открытых врат силы, проблемы с отдалённостью вторых половинок, но я не впадал в зимнюю спячку, а ты постиг симбиоз...

— Анабиоз! — Поправил Сергей.

Сёма ловко воткнул в рот ложку, ехидно скалясь:

— Попался. А ещё говорят, знания опасны. Хе, знания полезны!

Ком прошёлся по пищеводу, и перед глазами появилась новая ложка.

— Спасите!

— Ага, давай. Маму зови, папу, братика. Потом других маму, папу... А там глядишь и моя очередь подойдёт.

— Подлец! Вот возьму сейчас и дверку открою.

— Открывай что хочешь, но не раньше, чем доешь кашку.

— Балбес, мёдом корми, он сразу всасывается. С первыми соками и пищеварительная система заработает как надо...

— Экий ты прыткий. И сразу в бой? Остынь, боец. Мы и так мир неплохо всколыхнули. А что касается попыток идти и надавать Золо по репе — забудь до лета. Смута поставил условие, что ты не выйдешь за пределы дворца, пока не одолеешь его. Более того, перед поединком с ним ты должен будешь одолеть меня. Потому что я не хочу тебя выпускать даже за пределы этой комнаты.

— Почему?

— Как это почему? Твой младший тотем до сих пор не вернулся на положенное место. Если он всё ещё копается в твоём теле, значит, яд нейтрализован не весь.

— Основной яд не тот, что убивает тело, а тот, что убивает разум. Братик вдоволь потравил мне мозги.

Перед кроватью появился синеглазый богатырь. Улыбка расплзлась по лицу Родослава:

— Что, хроника сбилась? Научные познания со священными писаниями по датам не сходятся?

— А что, должны? — приподнял Сёма бровь. — Я думал у науки и религии вражда за каждое объяснение, толкование, домысел.

— Значит, ты тоже думаешь, что мир появился шесть тысяч лет назад? Это притом, что мне только сорок, отцу двести тысяч, а деду... ну да ладно... И про раскопки артефактов вместе с динозаврами не думай.

— Я? Думаю? Не смешите меня, я брата от голодной смерти спасаю, — обронил Сёма и снова зачерпнул каши.

— Значит Лилит первая из сотворённых, но первая из рождённых старше её на десятки, а то, и сотни тысяч лет? — Обронил Скорпион, глядя на ложку перед глазами, как на неминуемое.

— Первая из сотворённых Велесом, — поправил Родослав. — Попыток сотворения было много. Дожили немногие. Отбор суров. Природа, эволюция, называй, как хочешь. Но какие бы боги не ставили эксперименты, рождённые от богов, жили задолго до этого. Я родился незадолго до разделения рас. Но когда стал путешествовать по миру, во всех уголках мира уже жили разные люди. Не так уж и много сражений довелось пережить с побочными ветвями человечества. Больше с теми, кого сейчас называют "монстрами". Вот этих существ было валом, героев на всех не хватало...

Сёма почесал о рукав нос и, продолжая впихивать последние ложки каши в Сергея, спросил:

— А почему останков нет?

— Почему нет? Много было. И сейчас порой находят. Тебе об этом не расскажут. Что показать?

— Вы не мне, вы людям покажите.

Родослав присел на край кровати, голос немного упал:

— Людей-то как раз в мире всё меньше и меньше. Больше тех, кто просто называет себя людьми.

— Големы? Начальные души? "Зверье" человеческой расы? — Посыпал вопросами Скорпион в спину отцу.

— Т-пру, мистик. Ещё ложечку, за сестричку! — Остепенил Сёма.

— Големы — те, кто жил на Земле до нашего прихода. Неодушевлённое быдло, которое никогда не толкает человечество вперёд.

— Вы ему сейчас весь аппетит отобьёте! — Возмутился Сёма.

— А почему он ещё в кровати?

— Ранен.

— Куда?

— В голову.

— Мы все рано или поздно получаем туда ранение.

— Да, только у одних это называется "маразм", а у других "прозрение". Хватит делать вид, что вы тут случайно.

— Не бывает случайностей.

— Тогда почему у вас синие глаза и светлые волосы, а у него зелёные и черные?

— Всё, ухожу, ухожу. Будет желание пообщаться со стариком, зовите, — обронил Родослав и исчез.

— Зачем ты его выгнал?

— Потому что ты едва не попросил у папашки помощи.

— В моём положении зазорно?

— Было время, когда ты меня учил всего добиваться самому, теперь я тебя буду переучивать. Никакой помощи, никаких поддержек. День за днём ты самостоятельно будешь восстанавливать мышцы, искать истину в мудрых речах с посторонним человеком и обдумывать прошлые поступки. Только так я могу дать тебе время продумать дальнейшие шаги и избежать ошибок. И чёрта с два я допущу до тебя кого из родни, пока не преисполнюсь уверенности в том, что крыша у тебя на месте.

— Как ты сказал, "преисполнюсь"?

— Сам в шоке. Но я просто хочу, чтобы ты понял, что общение с очень древними людьми и выворачивание наизнанку прошлого для тебя чревато проблемами. Просто сравни их опыт и свой. И успокойся.

— Голема из меня хочешь сделать?

— Я зла тебе желаю?

— Нет, но хотя бы прекрати делать вид, что ты Сёма.

— Как догадался? — Человек перед глазами сменил облик на естественный. Снова серые глаза и лицо, отведя от которого взгляд, тут же забудешь, как выглядит.

— Ты не все мне мозги ещё отравил, Меч. Играть дурака и быть им — разные вещи. Тебе, лицемер, никогда не сыграть Сёму.

— Чёрт с тобой, вставай, — брат протянул руку.

— Боги со мной, а черта оставь себе, — обронил Скорпион и... открыл глаза.

У кровати сидели двое: мать и брат.

И этот мир не был галлюцинацией.

— Место, месяц, число? — прохрипел Сергей.

— Аравия, дворец Смуты, 3 декабря, — донеслось от темноволосой женщины, и нежная рука коснулась щеки.

"Значит, пара недель, не четыре месяца, шут".

— Сегодня очень правильное место, число и месяц, — улыбнулся Сёма. — Ты

проснулся...

— ... а ты родился, — просипел Сергей и добавил. — С днём рождения, совершеннолетний.

Сёма кивнул:

— Я рад, что ты проснулся. Всё-таки иногда желания сбываются... И довольно быстро.

Школа СКП-1

Владлена встала в дверном проёме, поторапливая Ладушку. Ребёнок зевал и упорно отказывался двигаться быстрее улитки — воскресенье. Законный выходной без ежедневной побудки. Да и за окном зимнее солнце едва-едва выползало.

— Лада, ну вставай же, мама будет ждать у посёлка через час. Нам ещё привести себя в порядок и заказать ранний завтрак.

— Юля, подай халат.

Девочка на соседней кровати повернулась на другой бок, бурча:

— После вчерашних заданий телепортирую его тебе в кровать, не иначе. Мне запретили перемещать предметы спросошня. И в истощённом состоянии... Мало ли. Потом не достанешь.

— Бяка, подушками вчера кидалась будь здоров... И с Егором самолётики зажжённые кто по столовой пускал? Нас всех чуть пожарной сигнализацией не замочило.

Юля повернулась, показала язык и снова отвернулась:

— Он и дымом управляет. Не бурчи, малая, сама халат притяни.

— Мне вне тренировок нельзя! И причём здесь дым? Он воспламеняет объекты, а не...

— ... и тушит теперь. Небольшие правда...

Владлена, горестно вздохнув, подошла к кровати. Халат укрыл растрёпанную Ладу с головой.

— Так не честно! Ты его руками принесла.

— Да, я не паранорм, — легко согласилась Владлена. — Но я успею на встречу к маме, а ты нет. Мы поедем в город на ёлку, а ты спи. Или снова швыряйтесь подушками, заглушив камеры помехами. Лада, мы два месяца маму-Елену не видели, папу-Дмитрия три, а...

— А братьев около четырёх месяцев. Но не волнуйся, с ними всё в порядке. Они сильные и вместе. Спорим до ванной первой добегу?

— Пока не наденешь тапочек, и не надейся.

Через час суеты, укутавшись в шубки, стояли у входа. На лицах сияли улыбки — с прошлой недели можно пользоваться струнным транспортом. Пробная грузопассажирская ветка двухстороннего маршрута Тень-Школа СКП-1-Институт СКП-1-Эдем-1. Двадцать три километра натянутых по лесу струн, четыре остановки, контролирующие кабинки, восемь опор с тройным запасом прочности каждая. Себестоимость километра пути на начальном этапе обошлась в миллион долларов за километр. Владлена понимала, что антисистема не намеревалась окупать вложенные средства на данном отрезке пути — никакого товарооборота, плотного пассажирского трафика, ценных грузов. Даже когда дотянут до города, связывая сотрудников с офисами в городе. В школе объясняли, что эта ветка о четырёх станциях просто "тест-драйв", пробник, на результатах тестирования которого в самое ближайшее время взрастёт смертельный всем железным дорогам конкурент. Но как бы, ни хваталась за прошлое магнаты шпал, даже с вагонами с бассейнами их век прошёл, время железных дорог иссякло, чудом позволяя дожить до начала двадцать первого века.

Во-первых, струнный транспорт превосходил железные дороги по скорости, в семь раз превышающие любые экспрессы. Во-вторых, по доступности для любого вида местности. Ведь столпам с натянутыми "тросами" всё равно где располагаться, хоть на горах, хоть на вечной мерзлоте, а хоть и навесами через морские проливы. В-третьих, по комфорту для каждого пассажира и безопасности террористической угрозы. Если в городских струнниках, что в будущем будут висеть над городом, скорость разгона позволяет пассажирам стоять в

ожидании своей остановки, то в дальних рейсах наверняка каждый будет сидеть пристёгнутым. Скоростью. Надёжно вдавлен в кресло, чтобы лететь в трёх-четырёх метрах над землёй со скоростью рекордов Формулы-1. Потому и двигатели для кабинок проектируются нескольких вариантов. От электронных и ракетных, до тех, о которых есть только научные гипотезы. И кабинки разные: "пышные", лёгкие транспортники внутригородского типа, "мясистые", тяжёлые товаровозы, болидообразные "пассажирники" дальнего следования, смежные конструкции. Не все уже пробники на бумаге.

По ступенькам поднялись до уровня второго с половиной этажа на станцию "Школа СКП-1". Стеклённые на вид двери разъехались в стороны, впуская в прогретое помещение. Само помещение было небольшим. Основное место отводилось платформе с четырьмя натянутыми тросами на полу, по которым и скользили кабинки в двух направлениях, да запасным путём, куда мини-кран под потолком станции мог переставить на время кабину в случае неисправности или при необходимости пропустить по трассе что-то более важное.

"Кран, возможно, понадобится, когда трасса будет использоваться с перегрузками", — подумала Влада.

Подождал молодой контролёр станции:

— В какую сторону?

— В сторону посёлка, — буркнула Лада.

— Кабина будет через двадцать секунд. Сбрасывает скорость на подходе.

— А она сбрасывает мощность двигателя или срабатывает система торможения? — Спросила Владлена.

— Действуют оба варианта. "Струны" только в зимнее время строительства спецсоставом покрывать не решились, проскальзывает иногда. "Смазывающие" кабинки ещё не готовы. Потому пока скорости большие не используют.

На платформу по двум натянутым тросам, как мыло по дну ванны, плавно вкатила серебристая кабина, с довольно неплохой аэродинамической конструкцией. Она в меру поглощала свет, не слепя отражённым снегом солнцем и не нагревая обшивку сверх меры, резала воздух и на двух струнах сидела так крепко, словно стояла на железобетонной конструкции на земле, а не висела над ней в трёх-четырёх метрах.

— Классно! Пойдём! — Лада влетела в распахнутые створки.

Влада вошла следом. Горел автоматически регулируемый по необходимости свет.

В мягких креслах, пристёгнутые двойными ремнями, уже сидели сотрудники антисистемы, следующие с базы в посёлок. Народ весело переговаривался, обсуждая поездку. Контролёр рассадил девчонок на свободные места, пристегнул, прошёлся вдоль всей кабинки и вышел. Створки автоматически закрылись. Кабина без водителя плавно, без рывков, выехала из-под козырька станции, набрала скорость и вдавила в кресла. В окнах замелькали верхушки деревьев. Прошло меньше минуты, как скорость упала и кабина вновь заехала под козырёк станции.

— Институт СКП-1, — донеслось из динамика и створки разъехались.

Несколько человек вошли со станции и расселись по свободным местам. Женщина-контролёр проверила ремни, прошлась вдоль кабинки и побыстрее вышла прочь. Кабина продолжила путь над лесом.

— Владлен, а кабинками кто управляет?

— Большую часть времени автоматизирована, — охотно ответил усатый мужичок, сидящий сбоку. — Компьютер рассчитывает расстояние, скорость, температуру окружающей среды, степень освещённости, общий вес пассажиров и груза и выбирает оптимальные для человека условия поездки. В случае заданных параметров, может прибавить в скорости или наоборот, экономить ресурс топлива. При желании управление кабинами может перехватить ближайшая станция. В экстренных случаях — ручное управление кем-то из пассажиров. Ещё долго по всем маршрутам будет кататься пара-другая смотрящих за маршрутом людей, охраны и тестеров вообще.

— А вы откуда знаете? — Прищурилась Лада.

— Я принимаю участие в разработках кабинок.
— Тогда автоматизируйте пристёгивание ремней, чтобы сократить время на станциях. Пусть пикает, если не пристёгнут.

— Понимаешь, девочка. Это всё можно устроит без проблем. Просто в идеале, если полностью компьютеризировать струнники, останется только штат ремонтно-технических бригад, да кассиры с охраной. Мы должны будем вводить новшества постепенно, дозировано. Антисистеме не всё равно, как страдает психика человека в информационном потоке. Ему сложно будет сразу в один день просто проснуться, прийти на станцию и не заметить людей, кроме таких же пассажиров. Безликий автомат продаёт тебе билет, он же следит за твоим комфортом, безопасностью, он обесточивает станции в случае угрозы терактов, он определяет какую кабинку отправить в путь первой, он пустит безбилетника на станцию ровно один раз, потому что в следующий раз тебе придётся оплатить обе твои поездки. За прошлую и настоящую.

— А как комп узнает, что я без билета?

— Останавливать кабины из-за одного безбилетника довольно глупо, но чипованное в дальнейшем человечество выдаст всю информацию компьютеру, единая компьютерная система запомнит данные, разослав по всем станциям.

— Чипование для всех людей? Но когда это ещё будет-то?

Усач вздохнул:

— Надеюсь, что позже... Гораздо позже. Вот поэтому пусть ходят по кабинетам живые контролёры, сидят по кассам живые банкиры и скучают по углам живая охрана... — Усач посмотрел на часы. Там на циферблате таймер замер на 7.49. Именно столько понадобилось кабинке, чтобы пролететь двадцать четыре километра, трижды затормаживаясь и останавливаясь по минуте с небольшим на станциях. — Ну, вот и конечная, девчонки. Через месяц она станет всего лишь очередным звеном, во весне расползётся струнник по краю, а через год-другой массовым строительством по всей стране. Мировая транспортная артерия звучит же лучше, чем сырьевой придаток, не так ли? — Усач подмигнул грустным взглядом и вышел первым.

Лада и Владлена отцепили ремни и покинули кабинку. Едва двери станции выпустили на морозный воздух, докатился голос Елены. Мать стояла возле джипа и махала рукой.

— Интересно, Влада, кто больше потребляет топлива, кабинка или эта четырёхколёсная машина?

— Не знаю, Лада, только никаких паранормальных штучек при маме. Она и так знает, что ты умница-дочка, но люди в городе ещё непривыкшие к летающим предметам...

— Хорошо...

— И не понимай буквально "ёлочка зажгись!"

— Лады...

— И технику не клинь...

— Ладно-ладно...

— И...

— Ладно!!!

Хабаровск Офис скорпионовцев

Даниил Харламов перебирал бумаги. Продлял и подписывал новые контракты на охраны объектов по всей территории Дальнего Востока.

Ячейки спецназа расползлись от Курил до Байкала и от Приморья до Чукотки. По городам и сёлам вспыхивали конфликты на предмет передела. Не хотелось симбиозам братков терять тёплые места. Корёжило рыбный промысел островов, тонули чахлые траулера с контрабандой в Японию, горели контрабандные лесопилки вдоль границ с Китаем. Дальний Восток горел катарсисом, ломались мировоззрения. То корабль на воздушной подушке

класса "зубр", оставит без крабов порты в Токио и Осаке, то большой коммунистический брат не досчитается почти дармовых стройматериалов.

Летают истребители Су вдоль трасс, режут небо вертолёты Ка-50М и Ка-52М. Дрожат по кабинам дальнбойщики с фальшивым товаром. По накладным бумагам одно, в кузовах другое. И когда подтверждается, что бумаги слишком различны, курьеры имеют склонность к транспортировке наркотиков, а вопросы не решаются, зависает над кабиной большой улыбочивый вертолёт с оскалённой акульей пастью и пилот показывает водителю пять пальцев, четыре, три, два... Если выпрыгивает водитель, взмывает в небо вертолёт и через минуты транспортные вертушки десантируют на трассу спецназ, если упорен водитель летят из-под крыльев ракеты и вспыхивает фура, распространяя не столько огня и дыма, сколько паники среди нечистых совестью.

Показательно бьётся в истерике прокуратура, отчитывается перед столицей. Вылетают системные самолёты с делегациями и кружат над городом — мощности аэропортов Хабаровска, Владивостока, Сахалина и Камчатки оказываются закрыты для них. Как раз в эти дни технически неисправны антисистемные аэропорты. Летит делегация в Китай, возвращается на поезде, только не готова таможня принять иностранцев — бумаги не сходятся.

Медведь встряхнул головой:

— Б-ррр, ДВР уже какая-то получается. Так и народ скоро отделяться потянет. Навели порядок, чистильщики арийского типа восприятия, хе-хе.

День не предвещал ничего сверхъестественного. За окном валил снег, ветер усиленно хотел пробить щель в бронированном стеклопакете, но разбивался о преграду и скулил, как побитый пёс. Отдалённо и гулко.

Медведь зевнул, отмечая как неуклонно минутная стрелка движется к обеденному времени и поднял трубку одного из трёх стационарных телефонов. Аппарат был без кнопок.

— Ну что, Василий Брахманович. Как первая сходка старейшин?

— Долгая, Даниил Кшатриевич. Даже со скидкой. Всё-таки предыдущие поколения долго соображают. Но сталинский надел чем хорош, что если уж соберутся, пока все не решат, не разойдутся.

— Так что по концепциям?

— Продолжаем расширение.

— Как уже? Ещё Дальний Восток в один регион не скрепили, уже через Байкал десантироваться? Надо сил накопить на Сибирь. Своих что ли мало проблем? Ещё и в другие лезть.

— Обсуждалось.

— И что?

— Генералитет подал здравую мысль, что пока будем копить, с той стороны будут тратить.

— Вася, не ехидничай. У нас своё болото едва-едва устаканивается, уже в другое лезем. Ну, придём в Восточную Сибирь...

— Нет Сибири Восточной, нет Западной. Есть единый второй регион России — Сибирь. От Байкала до Урала.

— Там людей больше, заморочек выше крыши!

— Чем интереснее задача, тем дольше эйфория от её решения. А с людьми ты прав. Знаешь, как система затрещит, когда от неё "винтики" полетят, а к нам люди начнут приходить. Бунт долго искусственно подавлялся. Предпосылки почти перезрели...

— Приход надо подготовить! Чтобы каждый при делах сразу.

— Даня, да брось ты. С чего мы начинали? Ты ещё про комфорт расскажи...

— Так, Мозг, ты остаёшься на Дальнем Востоке, с базы никуда. Пока под Новосибирском другую не выстроим или не откопаем.

— Откопаем... Есть одна. Только время не ждёт — три часовых пояса. Слышишь? Три! Если останусь, работа затормозится.

— Мало в тебя стреляли?
— Да что мне их стрелы?
— Тогда только в третьем составе! Не раньше!
— Ты первым поедешь?
— Я, Кот и силовики. Вихрастых бы ещё... Где эти...
— Нет данных. Только регулярные денежные вливания, словно шейхов грабят или масонов доят. Пока и без них справляемся.

— Когда десантироваться?
— В конце января официальный референдум по укрупнению региона, в феврале новая карта регионов, а в марте мы должны быть уже в Сибири.

— Вы, мозговики? Значит, я с военными уже там должен быть?

— Ты ещё здесь?

— Дай свои дела разгрести.

— Да какие у тебя там дела?

"Помолвка", — почти сказал Медведь, но что-то за окном на миг загородило свет.

Даниил интуитивно рванул под стол. Стекло со странным скрежетом захрустело и вместе с инородным объектом ввалилось большими кусками внутрь. Рама жалостливо завывала, но устояла, а вот ветер ворвался злой и плачущий. Собирался рассказать про все свои обиды.

"Тоже мне бронированное", — вздохнул Даниил, выпрыгивая из-за стола.

Какого же было удивление, когда вместо бомбы увидел сухонького седого старичка в ботинках с огромными металлическими подошвами. От подошв валил густой пар, а старичок развалился на полу, глядя в потолок и бормоча сквозь завывания:

— Добрался... Всё-таки добрался.

Даня поскрёб бороду и подхватил деда. Усадив на стол, с интересом смотрел то на ботинки, то в стариковские глаза с прищуром. Не увидим ни в первом, ни во втором случае ничего смертельно опасного, занялся растиранием старика.

— Низя! — дёрнулся старик.

— Чего низя, ниндзя?

— Воды! — Буркнул старик.

Даня отошёл к столику с графином. Тот стоял в углу и к паданию со столом причастен не был.

Старик принял полный стакан воды, выпил до дна и снова пробурчал:

— Хлеба!

Даня вздохнул:

— Ещё один гениальный изобретатель, если не ошибаюсь? Так если по лестнице сложно на четвёртый этаж подняться, так у нас лифт работает. Даже два.

— Михалыч к вашим услугам. Что мне ваши лифты? До вас, олигархов, по-другому не доберёшься. Пришлось ботинки реактивные ботинки с пробивной подошвой делать. Я ж доброго дела ради, я ж всё для народа, всё для страны. Эти конструкторские решения должны быть запущены в производство!

— Михалыч, как ты сюда влетел — вопрос другой, а вот как подошва пробила то, что не берёт снайперка, это уже по моей части. Так и быть, беру под своё покровительство.

— Да что вы до этой мелочи? Ну что, подошва как подошва, промазанная нейтрализующим спецсоставом, я к вам по другой части. Вы интересуетесь...

— ... Дед, ты не переживай. Мы почти всем интересуемся. Этот этаж больше по военной части, личный состав так сказать, а вот этажом выше.

— Так я могу и по военной! — подскочил старик. — У меня сорок восемь патентов по ней, не имеющих аналогов в мире, на полках пылятся вместе с восьмьюдесятью патентами мирного характера. У меня и чертежи при себе, — дед стал расстёгивать не по зимней погоде лёгкую ветровку, стягивать кофты. Под одеждой оказалось полно чертежей. Он был обмотан в них, как во вторую кожу.

— Замерзнешь! Верю на слово. Пойдём в столовку отообедаем, а там и обсудим. Здесь пока народ какое-нибудь новое бронебойное стекло вставит... Или это пластилином залепит. Изобретательный у нас народ. То на каждые железные сандалии бензиновые двигатели ставит, то...

— Российские конструкторы не мерзнут! — Прервал Михалыч, пятясь бочком к двери. — Да и нельзя мне обедать, отвык, — ещё бурчал дед, подгоняемый Даней в коридор.

— Научим, конструктор, не бойсь. Ты если в такие ботинки мою десантуру оденешь, будет тебе усиленное питание, слово даю.

— А у вас чёрные береты есть?

— У меня нет, но Саныч с Никитиным выделяют, если что. Тебе, Михалыч, зачем?

— Ностальгия, да и опытные образцы не помешают.

— А вот образцов нет. Люди есть.

Михалыч рухнул на колени, усиленно крестясь и бормоча:

— Господи, не уж то в кой-то веки попал куда надо?

Даня подхватил подмышки и поставил на ноги:

— Михалыч, не паникуй, так ты на каких отрядах специализируешься? Голубые, чёрные, красные береты? У нас смежные составы, больше спецназа.

Михалыч снова попытался рухнуть на колени и зарыдать от счастья, но Даня был настороже и вовремя пресёк действие.

— Всех! Везде! Всем! Всё могу! Всем помогу! — Кричал Михалыч, запикиваемый в лифт.

— Сначала обед, потом победы, — бормотал Даня, одним жестом отсекая все взоры персонала.

Рабочий день в офисе продолжался, порциями отсекая по этажам персонал в сторону столовой.

Школа СКП-1

— ...Итак, молодчина, Юлия. Наводи себя сверху. Твой ориентир сверху вниз. Что ещё видишь?

— Стены и башни из красного кирпича. Два храма неподалёку. Один с разноцветными куполами, другой с позолоченными. Шоссе, площадь, много народу.

Кот встал за спиной девочки, накрыл ладонями её прижатые к вискам пальцы. Поток энергии побежал к ней такой мощности, что ноги, словно в прорубь окунули.

— А теперь ныряй под площадь, ныряй под мостовую, под Кремль.

Юлия Приходько, четырнадцатилетний "дальновизор", крепче сжала губу. Дыхание сбилось, забормотала:

— Хорошо освещённые туннели, пространства, коридоры. Ходят люди в белых халатах и военных спецовках.

— Ныряй ниже.

— Вибрации, грохот, помехи.

— Постарайся ещё ниже, ниже подземки, метро.

— Сырые коридоры, запах плесени... Но не все... Странно... Есть ходы и... плотная завеса...

— Смести вбок ориентир. Обойди завесу, поднырни под неё.

— Я провалилась.

— Молодчина, дальше.

— Темно, темно. Редкие лампочки, затопленные ходы. Холод, смерть.

— Иди на жизнь, на свет, на пространство.

— Помещение. Огромное помещение.

— Опиши его.

— Люди ходят в странных сероватых костюмах, на головах шлемы. Посреди

помещения установка. В ней пять куполообразных сфер... Я не знаю, как это назвать...

— Просто продолжай описывать.

— Вибрация, давление, установка работает. Постоянно. В помещения поменьше гудят генераторы. Они странные по форме. Вижу военных. Стальные двери, прошитые чем-то вроде резины. Двери просто огромной толщины. Много дверей.

— Куда направлена установка?

— Вверх.

— Что от неё ощущаешь?

— Подавленность, сон. Волны установки меняются. Длинна волны то входит в резонанс с человеческой, то диссонанс. Это сложно описать, я ощущаю то ужас и холод, то безразличие и подавленность. Гамма чувств... хочется смеяться, плакать, бежать, замереть...

— Не трать сил на эмоции. Это самый низ?

— Не знаю... Смотрю... Есть ещё туннели... Мало... Но большие... Они отдельно от этого помещения... Они... Идут... из-под... земли... А-А-А!!! ОНО СМОТРИТ! — Её голос сменился на рёв. Нечеловеческий рёв.

Андрея словно отбросило могучей плетью. Пролетев половину комнаты, спиной врезался в висячие полки, собирая падением тела весь экспериментальный хлам на себя.

В комнату вбежали наблюдавшие эксперимент. Юлия продолжала кричать, в глазах застыл ужас, она начала ногтями впиваться в кожу на лице. В свете ламп мелькнули шприцы с успокоительным. Но едва подросток увидела их в руках персонала, шприцы исчезли, телепортируемые за пределы комнаты.

— Нет, нет, никаких шприцов, — Андрей, держась за поясницу, на дрожащих ногах приблизился к девочке, прижал к себе. — Спокойно, Юлька. Дыши, просто дыши.

Её затрясло. Нормально и вполне по-человечески. Слезы облегчения наполнили комнату. Андрей прижал крепче, всё ещё ощущая холод и мгновения ужаса, что достался ему через неё. Тот кусочек картины, когда со дна в сторону прорвавшихся зрителей повернулось ЭТО.

— Молодчина, Юля, ты спасла не одну тысячу жизней. Теперь мы... теперь мы знаем, что штурм придётся доработать... Не с одной психотронкой придётся столкнуться. Мы должны... должны подготовиться... Очень... Очень хорошо подготовиться... Этот слоеный пирог принесёт ещё не один сюрприз, прежде, чем узнаем... весь его состав.

Андрей ощутил, что и сам немного дрожит. То необъяснимое глубоко под столицей внушало трепет величая. Холодное, мрачное и чёрное, как точка чёрной дыры, Величие.

Россия

Амурская область. Космодром "Свободный"

Дмитрий застыл перед центральным дисплеем, ощущая неприятный холодок в груди. Сердце громко стучало, и пот стекал по лбу крупными каплями. Очередной спутник Антисистемы в десятке метров от себя снимал и передавал на землю видеоизображение НЛО. Наглого и молчаливого, приближающегося почти вплотную и не отвечающего на все доступные диапазоны сигналов.

За спиной слышался приглушенный говор коллег.

— Снова те же шарообразные.

— Приплюснутые не такие наглые.

— Может, истребитель спутников запустим?

— Что толку им наша шрапнель, коллега?

— Так в вакууме металлические шарики любой металл в решето.

— То металл, а то силовые поля.

— Вы так уверенно можете говорить за их поля?

— А как ещё они могут двигаться, презрев физические законы непосредственно в пределах нашей биосферы?

Дмитрий повернулся, недовольно подёрнув усом. Трое в халатах замолчали, впившись в дисплеи с расчётами.

— Никакой агрессии, — спокойно обронил Дмитрий. — Шрапнель, ракеты. Что дальше? Ну, подобьем, захватим. Если успеем до юсы и Китая. Хотя не факт, куда упадёт, тот и захватит. А нам что инкриминируют? Разжигание войны с нейтрально-настроенными гуманоидами? Знатный в Брюсселе суд будет.

— В Гааге, Дмитрий Сергеевич.

— Да везде судить будут!

— Но мы уже неделю наблюдаем выходы этих пришельцев. На связь не выходят, только подходят до упора и обратно.

— Пока уходят, живём, — поддакнули за спиной.

— А если не изменят курса или... просто шмальнут?

— Возможно, государство ответит баллистической ракетой...

— Которую тут же прочие государства воспримут, как ядерную атаку и все начнут жать кнопки.

— Мировому Правительству не нужна глобальная война. В ближайшее десятилетие по крайней мере, остепенят самых лихих.

— Чёрт возьми, как же мы беззащитны перед внешней угрозой.

— Но друг друга боимся больше, чем большеголовых. НАТО бесполезен.

— Откуда вы знаете, что в тарелках именно большеголовые?

— Личное предположение. Я занимался вопросами изучения феноменов так называемых "шкиперов". Шкиперов чаще всего запускают именно серокожие, как наблюдательные зонды.

Дмитрий вздохнул, снова поворачиваясь, обронил:

— Поподробнее.

Седой профессор пригладил небольшую бородку и начал:

— В конце восьмидесятых годов двадцатого века, незадолго до развала СССР, когда видео-фото техника стало явлением массовым, народным так сказать, на снимках и видеозаписях стал проявляться любопытный феномен. А именно то тут, то там, рядом с группой или одинокими людьми на фотографиях на фоне каких-нибудь ландшафтов или объектов искусственного происхождения, запечатлелись любопытные объекты серого цвета, тонкие сигарообразные, тридцати-сорока сантиметров в длину. Их по обыкновению списывали на дефект снимка или странную игру теней. На это мало обращали внимания, пока, просматривая фрагментарно видео для своих целей, группы людей в разных концах страны, мира, не начали наткнуться на все те же изображения шкиперов. Я изучал подобные записи. При тщательном разборе по фрагментам, шкиперы перестали казаться дефектом плёнки. Да и не может плёнка и фотоснимки показывать у всех слишком схожие дефекты. В общем, шкиперы парят в воздухе бесшумно, в любом направлении, резко меняя угол полёта хоть на все триста шестьдесят градусов. Скорость шкиперов достигает семи-восьми тысяч километров в час. Это приблизительные подсчёты. Никто не знает настоящих возможностей этих объектов. Есть сведения о случайном или специальном вмешательстве шкиперов в дела людей. В частности шкиперы порой являются причиной техногенных аварий. Чаще всего лётной техники.

Дмитрий достал из кармана халата флакончик, и пара кругляшей таблеток пропала во рту. Проглотив не запивая, он поморщился и снова вздохнул:

— За нами всегда наблюдали. Наша задача выяснить, что их больше всего интересует. Задача номер два — выбить из правительств всю информацию по этой части.

Профессор кашлянул:

— Дело не только в правительствах. Дело в том, что вся информация утекает в руки... частных структур. Бывали случаи, шкиперы сбивали. Случайно, на стрельбах, учениях и так далее.

— И где же эти шкиперы?

— Все странным образом исчезают... Из рук контор в том числе.

База "Тень" **Нижний этаж**

— Ну что, князя? — Василий застыл над столом, всматриваясь в каждого. — Сегодня мы собрали Верховный Совет почти в полном составе. Не хватает только Светлого князя и блондина. Я со своим покушением был не один инициатором сбора. Каждый изъявил желание встретиться. Срочно. И по данным, что Антисистема собрала за последние месяцы, у нас много поводов для тревоги. Но, Даниил, сначала отчитайся за новое лицо в совете.

— Михалыч проверен по всем статьям и одобрен половиной Совета. Потому что помог уже многим. Он — царь и бог конструкторского дела. В разработки ушли сотни конструкторских решений.

— Даня, время такое, что любой провокатор сейчас как нож в сердце.

— В Верховном Совете должно быть двенадцать князей. С переходом Скорпиона в светлого князя, нас и так осталось восемь. Ещё Сёма постоянно отсутствует. Если не будет новых лиц, мы зачахнем. А с Генералитета никого нельзя перетягивать, они сами недоукомплектованы.

— Хорошо, Михалыч, теперь ты с нами. Вникай погода. — Конструктор кивнул, не отрываясь от какого-то чертежа. Василий продолжил. — Я начну с того, что наши растущие мощности привлекли антимонопольные компании. Десятки корпораций, заводов, рудников, сотни фирм, тысячи разносторонних юридических лиц. Фактически мы более чем на две трети монополизировали Дальний Восток, и только разные вывески на дверях и разные владельцы по бумагам не позволяют объявить нам бойкот и поставить вне закона. Единые внутри больших дождевых облаков, мы как разные падающие капли ливня для всех, кто со стороны...

— Что-то его на лирику потянуло...

— По классике, наверное, соскучился.

Бумаги на столе завибрировали. Саныч, Никитин, Хакер, Медведь, Кот, Гений, Дмитрий и Конструктор похватались за края стола. Воздух сгустился и стул Скорпиона обрёл нового седока. По помещению как волной разлился свет. Не солнечный, но стало словно легче дышать, повело теплом.

Рысь, успокаивая дыхание, кивнул всем присутствующим. Удивились только Никитин с Саньчем. Михалыч и ухом не повёл.

— Приветствую, люди добрые. Кто меня не знает, меня зовут Рысь. Я сводный брат Скорпиона. Перейду сразу к делу. Чтобы здесь не сидел настоящий по матери брат Сергея, на время я войду в ваш совет.

Василий пожал плечами:

— Кто против того, чтобы один из Пятнадцати сильных мира сего вошёл в наш состав на правах князя?

— Светлого князя, — поправил Рысь.

— У нас один Светлый князь, — в один голос возразили Кот и Медведь.

— Вы не обладаете достаточными источниками знаний!

— Это почему же? — скривил губу Василий. — Вот послушай, чем мы обладаем. — Гений подхватил листы сводок. — Во-первых, группой паранормов обнаружена под каждым мало-мальским городом психотронные установки. Кот, подтверди.

— Действительно, на территории России, чаще всего под землей, обнаружены странные установки, предположительно воздействующие на кодировку подсознаний людей. Религии в двадцать первом веке не справляются, за дело угодный кланам контроль человечества берётся наука.

— Рысь, ты же сам намекнул, когда в аварию влез, — кивнул Василий.

— Одно предположения паранормов мало. Вы даже не знаете точных

расположений, — нахмурился Отшельник.

— Как правило, в естественных или искусственных пустотах под городами, реже — в черте города, — добавил Кот. — Объекты работают не постоянно. Мощности мало.

— Не в этом дело, — вклинился Хакер. — Дело в том, что единую замкнутую энергетическую систему легко контролировать и скрывать куда девается четверть мощностей сложно. Отсюда невероятный рост цен ЖКХ на энергоносители и регулярные перебои с электричеством на "окраинах": Владивосток, Курилы, Камчатка, северные районы.

Рысь подскочил:

— Даже не думайте рыть землю носом под городами, пока не накопите сил для отключения установок хотя бы в семи-восьми городах одновременно.

— А на что нас к тому времени закодируют уже? А? — подал голос Саныч.

— Пока ни на что. Они сами пока не до конца понимают принципы работ психотронного оружия. Чаще всего просто стреляют из аналогичных установок по пустым поверхностям.

— А мы заметили со спутников странных выжженные участки земли в глуши тайги, — добавил Дмитрий. — И ещё. В тех местах огромное скопление шкиперов и другой наблюдательной аппаратуры.

— И странные команды шарятся, — хмыкнул Никитин. — Такая же команда организовала покушение на нашего Гения. Команда не имеет отношения к государственным конторам, на зарубежные тоже не особо похожи.

— Холдинги, — ответил Рысь. — Частные структуры с огромным ресурсным обеспечением, занимающиеся тем, чем давно пора заняться человечеству.

— Так давайте ресурсы изыщем, — подал голос Даниил. — Я адреса особых отделов спецназа нашёл.

— Можно поподробнее, — обронил Василий.

— Конечно. В стране есть армейские подразделения; десант, морпехи, пехота, есть особые отделы силовых структур при разведке, милиции, контрразведке и так далее. Но мало кто знает, что в СССР существовал особый отряд. Элита среди элиты, подчинённая непосредственно верхушке Кремля. Отряд был создан в период кризиса Холодной войны и не раз был задействован для её разрядки. По моим данным, этот отряд, назовём его "тайным", с лёгкостью делал то, что на предел человеческих возможностей. В качестве разминки Кремль иногда давал тайникам невозможные поручения: условно заминировать сверххраняемый АЭС, пробраться на эсминец юсы, и сняв звёздочку с погона генерала, дать марш-бросок по лесам Амазонии. Руководство часто предупреждало свои отделы о готовящихся операциях, но тайники всё равно пробирались и на засекреченные, и на сверххраняемые. Короче, выполняли невозможное. Спецназовец не мог определить, когда рядом с ним в метре проползёт тайник. Отряд мог пробраться в центр управления противника и, скажем, задержать ядерную атаку... или отменить. Юса делала в штаны, когда на столе в Пентагоне перед началом очередной операции с убойным названием лежала записка со смешной рожей или доклад под грифом "совершенно секретно" был почёркан примечаниями русских.

— Давай покороче, сейчас начнёшь про ядерный паритет, агрессию блока НАТО, двадцатикратное превосходство, — напомнил Василий.

— Почему двадцатикратное? После Второй Мировой Черчилль сразу хотел напасть союзническими силами на СССР. Если бы Сталин не перегруппировал танковые соединения, так бы и вышло. И вообще пока СССР, наконец, создал первую атомную, у юсы уже было превосходство в дальней авиации с ядерными зарядами в сто раз, в ядерных ракетах в семьдесят пять, а всё прочее, кроме пехоты, в десятки раз. Пришлось водородную тут же делать. Сахаров до того разогнулся, что создал проект самой мощной в мире бомбы и по сей день. Её хотели установить на островах в Атлантике. Только одумались. Взрыв от той бомбы не только создал бы волну, снесшую юсу, как не фиг делать, но и земную кору бы расколол. А зачем эти глобальные планетные изменения? Ещё хуже ядерной зимы. Пришлось все силы

в военные тематики закидывать. И ведь победили уже, вот он космос, лети на луну, на Марс, но Провидение послало стране Горбачёва... Но к чему я это веду? Я же не про провалившиеся "звёздные войны" Рейгана, я про развалившийся Союз, которому стало начхать на тот тайный отряд. Элита просто потеряла адреса глубоко законспирированных людей. И ежегодные сборы перестали существовать. Вот внешне ты инженер Уткин, и год за годом ты ждёшь, пока раздастся звонок, когда, наконец, позовут. Годы идут. Звонка нет. Ты так и остаёшься инженером Уткиным, пока измученное сердце патриота не даёт сбой. Из тридцати человек я застал в живых только двоих. Они уже не первой свежести. Я дал время подумать. Сложно так вот сразу возвращаться в прошлое. Но, думаю, если расскажу про психотронные испытания, старички подтянутся к нам в качестве инструкторов. И тогда через пару-другую лет наши отряды, Рысь, смогут штурмом, единовременно, отключить всю эту поражающую мозг античеловечность. Сначала в нашей стране, потом в Китае, юсе, Европе, по всему миру... А пока стоит поискать адреса конкурирующих холдингов, которые могу прижать нас похлеще антимонопольных компаний.

— Даня, те холдинги вам... или уже нам... не по зубам. Куда думаешь, ушли твои прочие "тайники"? Твои и прочие с разных стран. Ты только думаешь тренировать особые отряды, а там они давно используются.

— Это не твоя забота, Рысь. Я за своих парней уверен. Армейские школы, натасканные уроками Кадочникова и Белова, напрактиковавшиеся с нами не в одной операции.

— Ты ещё не видел настоящих противников, — вздохнул Рысь. — Учи пока скорпионовцев, готовь силы. — Рысь повысил голос. — Переползайте до Сибири и остановитесь. С конторами, холдингами и зрителями в конфликт не вступать, можете только диверсантов приструнять. С психотронкой и инопланетными артефактами нам ещё не тягаться.

Совет притих. Василий спросил за всех. Терзавший вопрос сорвался с уст:

— А когда вихрастые вернуться?

— Скорпион не скоро. А вот Сёма навестит вас. Так что не расплывайтесь в новогодних праздниках. Это больше диверсия против страны, чем выходные дни. — Рысь посмотрел на Даниила. — Утихомирься. Эмиссары потеряли только одного, Аватары же потеряли своего полувеком раньше.

— Я рад, что ты с нами, Рысь, — кивнул Медведь.

— До скорой встречи, работайте.

Стул опустел.

Вася пригладил брови, собираясь с мыслями. Наконец, обронил, попеременно поворачиваясь к каждому:

— Даниил, элитой не переставай заниматься. Если нагрянет Сёма, блондинчику может потребоваться поддержка. Кот, против психотронки могут бороться только твои паранормы, расти, выращивай, тренируй. Дмитрий, бери Конструктора и на разработку орбитального оружия и лунную тематику развивайте. Саньч, Никитин, неплохо бы выйти на те адреса холдингов, прошупать. Хакер, ты...

— ...Выкупаю приватизированные уникальные заводы по всей стране, акции энергетической монополии, спонсирую струнник, подготавливаю площадку Сибири, продолжаю заниматься кристаллами и Руснэтом, строю пару-другую школ и институтов СКП, здравниц, закладываю завод по сборке компьютеров нового типа и софта под него. Ещё...

— Ладно-ладно, ты знаешь своё дело. И, кто-нибудь, если удастся найти хоть какую-нибудь зацепку, где блуждают вихрастые, сообщите.

Князя кивнули.

Аравийский полуостров

Красное, словно напившееся крови, солнце медленно выползло из-за дальних

барханов. Только слабый ветерок подгонял навстречу светилу переливающиеся ручейки песчаной реки. Змеи, скорпионы и небольшие ящерики скользили по этому переливающемуся песку, как по волнам.

Двое сидели на небольших ковриках, подогнув ноги по-турецки. Распущенные волосы чёрного и светлого цветов слабо трепетали. Солнце светило в лицо каждому. Оба устали от роскоши дворца Смуты. Дворец с бассейнами и пальмами был словно оазис среди бескрайней пустыни, но оазис ограждённый, с высокими белыми стенами. Скорее крепость, содержащая в себе всё необходимое для комфортного, роскошного существования. Крепость, со спутниковой системой связи и джакузи. Крепость, построенная на ресурсы того, что хранят в себе пески.

— Ну что, батарейка, зарядился? — Обронил блондин, думая скорее о кофе, приготовленном на песке, чем о том, сколько ещё часов здесь торчать. Ночные бдения порядком надоели. В чём-то суфийские мудрости Отшельника Смуты не подходили арийцу. Песок — вотчина семитов, считал Сёма и среди пустыни чувствовал себя неуютно. Как и во дворце. Хотелось в лес и на речку или к морю, так как на родине всё покрыто снегом, не сезон.

— Не полностью. Полностью остатки яда мешают. Урезают возможности, — сухо обронил Скорпион, щупая солнечное сплетение.

— Чувствуешь, где он?

— В том то и дело, что нет. Это как пустота энергоканалов, как холодок, как бессилие, сложно описать. Я просто потерял полный контроль над телом.

— Ну, ничего, восстановишься. Умрёшь или восстановишься. Третьему не бывать.

— Восстановился насколько возможно. Сидеть здесь дальше — только время терять. Завтра уходим, — уверенно донёс Сергей.

— Ну, наконец-то. Куда пойдём-то? — загорелся Сёма.

— В горы пойдём, — без задумок ответил брат.

— На кой?

— Пески мне не помогли, может горы мудрее песков. Как насчёт поездки к Живому?

— Индия? В Тибет, что ли собрался?

— Почему бы и нет?

— Да ну тебя, то помирает лежит, то на Джомолунгму, как авторитетный альпинист. Ты опоздал лет на пятьдесят-шестьдесят. Вот раньше бы пошёл, в газету и учебники бы занесли.

— А что, хорошая идея... Горы. — Донеслось со спины, и рядом с двумя ковриками появился третий с светловолосым богатырём в просторной рубахе.

Сёма почесал переносицу и, вздохнув, отвернулся. Жить под одной крышей с многовековым Отшельником, месяц воочию лицезреть Лилит, тут ещё полубог зачастил. Или бог?

— Приветствую тебя, отец, — не поворачиваясь, обронил Скорпион.

Сёма ощутил холод в словах. На брата в последнее время свалилось столько семьи, что немудрено было заплутать в собственных чувствах. Оказывается одних братьев трое: названный, по крови и по роду. И по паре матерей, отцов. Быть где-то в середине этого списка не хотелось. Спросил:

— Родослав, откуда взялся-то этот Меченый? Чей сын?

— Брата моего, Миромира.

— А можно подробнее иерархию.

— Тебе со всеми делениями?

— Конечно, я ж полиглот, — хмыкнул Сёма.

— У Творца, Рода, Пращура, Ра, было четыре ипостаси: Макошь, Мара, Сварог и Световит — боги первой волны. Сварог — символ триединства мира Яви, Нави и Прави. Тебе понятнее символ инь-янь и то, что получается в результате их взаимодействия.

— Ага.

— А Световит, бог солнца, коло, коловращения, делившийся на четыре сезона. Он и подарил людям календарь. Символ коло.

— Коло?

— Круг. Солнце описывает круг: зима, весна, лето, осень. Иногда можешь заметить, что на улице либо минусовая температура, то плавиться асфальт.

— А, ну да.

— Вот и у Световита было четыре ипостаси, настроения: зима — Хорс. Единственный из смертных. Умирая, бог зимнего солнца заливал землю кровью и появлялся из той влаги весенний Ярило. Холодный Хорс и кровавый Ярило как бы боги тёмной сути Световита, то есть Чернобог. Ярило по лету становился Дажьбогом, а тот по осени Триглавом. Дажьбог и Триглав, как бы светлые стороны Световита. Я родился в момент слияния Макоши и Триглава, брат мой — Мары и Хорса. Говоря "как бы", я ориентирую смысл под ваше физическое восприятие.

Скорпион повернулся:

— Он показывал мне сон, где Световит был сам по себе.

— Так он и есть сам по себе. Всегда. Род же, породив ипостаси, не растворился в них. Это божественный уровень, вам сейчас не понятный, — Родослав сделал эффектную паузу. — Позвольте продолжить. Мир не догматичен, как это стараются преподнести радители вер. У одних и тех же богов столько имён, сколько придумают люди. Мысль, найдя много сторонников, становится материальной. Не было адско-райской тематики, но появилась мысль и гляди же — Велес создал резервацию в Африке, а Тартар нашёл себе место под Алатырскими горами и Чёрным морем. И Лилит, не вклинивающаяся в современные представления, ушла в прошлое, как Денница, бог второй волны, в будущее.

Сёма снова вздохнул. Родослав махнул рукой, продолжая:

— Если мне объяснять тебе суть Первочеловека, порожденного Макошью и Дажьбогом, ты вообще уснёшь?

— Макошь — богиня матерь? Это её изображали толстой бабой пещерные люди?

Родослав вздохнул:

— Изображали. Как только не изображали.

— А Дажьбог?

— Его изображали символом неба.

— Замечательно, выходит, первые люди не слеплены, а порождены небом и матерью?

— Перволюди — потомки богов. Не дети Перуна, он молодой бог второй волны, Дажьбоговы дети. А Творец приходится дедом первых людей. В каждом из нас заложено ДНК Рода. В каждом боге, полубоге и человеке. Ведь разделив единого человека на мужское и женское, каждому дал симметричные спирали.

— Кто разделил?

— Род.

— Зачем?

— Для развития. Наша вселенная дуальна, иначе никак.

— А что там дальше с богами?

— От первой волны богов вместе с Перволюдью пошла и вторая волна стихийных богов, богов охоты, животноводчества, ремесла, торговли, знаний, мудрости, полубоги и чудища, порождённые Марой: Велес, Денница, Люцифер, Стрибог, Дый, Симаргал, Перун, Дана, Иштар, Атлант, Лемур, Асур, Крышень, Вышень, Брахма... Их множество, порядка тысячи. Просто одни примелькались, другие исчезли в конфликтах или просто ушли. У каждого много имён, ибо много толкований по разным временам. Велес разделил индоевропейцев на ариев и семитов, Атлант и Лемур породили собственную расу, Асур вывел из Перволюдей монголоидную расу.

— А негроидную? — не переставал сыпать вопросами Сёма.

— Опыты Лемура.

— А Меченый?

— Меченый, как сын Миромира и Лилит, является богом второй волны.

— Почему Меченый?

— Мы трое меченных. Денница, вернувшись с будущего, обрёл столько силы, что поглотил Чернобога и сел на импровизированный трон. Он и отметил меня, брата и его сына. У каждого из нас по три цифры на руке. — Родослав закатал рукав рубахи, оголив три чёрные единицы. — У брата девятки, у сына его — шестёрки.

— Шестёрки? Почему вы не дали ему имени при рождении?

— Денница сказал, что когда нарекут его, наступит расцвет Кали-Юги. Вот и наступил две с лишним тысячи лет назад. А имя ему всё же дали. Ему и отцу. Иудеи прозвали Миромира и Меченого Гогом и Магогом. Знакомые имена?

Блондин подскочил с коврика:

— Так, Скорп, пойдём в горы, а? Перегруз мога.

— Подожди, — Скорпион поймал взгляд отца. — А что же с Колядой?

— Вторая ипостась Спасителя. Ходил, бродил, добрёл до Срединных гор. Их ещё хвали одно время Пановыми. Урала, если по-нашему. Подгорный народец ему меч подарил. Их чёрного булата. Хорошая вещь. Он с ним и пошёл в Тартар за Адамом и Евой. Велес же схалтурил. Вроде умерли они физически, а реинкарнации для них не придумал, вот в ад и поместил свои изобретения. Это Лилит бессмертие обрела за мучения, как дар богов, а не те двое.

— Я понял, почему пантеон язычества развалился, — кивнул Сёма. — Пирамиду иерархии походу только сами носители званий, волхвы, и знали. А одного бога проще почитать, вот на этом три мировые религии и вывели, будь то христианство, иудейство или ислам. Как, впрочем, буддизм, иудаизм и всякое там конфуцианство.

— А пророки тебе, святые, апостолы и прочие первозванные, чем не пантеон?

— Вам может быть, за сорок тысяч лет и больше намогзовать удалось, а мне некогда. У человека срок жизни короткий: родился, вырос, туннель, родился, вырос, туннель. Скорп, пойдём уже в горы. Живу потрясём, может он тебе акупунктурно куда-нибудь нажмёт, ты и воспрянешь духом и телом.

— Да идём, идём.

Родослав расплылся в улыбке, глаза настольгически закатились:

— Вы же молодые ещё, вам ещё шагать и шагать. Ещё столько грабель, столько шишек. Отделиться, попутешествовать, самим всё увидеть, а потом кивнуть в такт ранее произнесённым словам... Словам родителей.

Сёма развёл руками:

— Какие грабли? Страна зажата в тиски, Эмиссаров что убивай, что нет, мало что меняется, а тут ещё, то ли новая мировая религия, то ли возврат к прошлому, то ли вообще черте что. Мы за Лерой в командировку выдвигались, нам не до богов, не до демонов. Нас дома ждут.

— А если сгорит дом? Умрут все?

Сёма прищурился:

— Ты точно сын светлого бога? Или с божественной точки зрения всё это снова не имеет значения? Так может наш мир — тюрьма вселенной? Поназаслали уголовничков, воюют друг с другом.

Родослав посуровел:

— Что если не будет у вас точки возвращения, ни памяти прошлой. Как проклятые на вечное скитание цыгане скитаться будете из угла в угол?

— Скорп, ну что у тебя за родня такая пасмурная? Вторую стадию ещё, что ли не прошли?

— Стадию?

— Ну, с рождения человек — оптимист. Детство. Потом пессимист — половое созревание, первые кризисы, всё такое. Потом реалист. Как бы нашёл себя в жизни, устоялся. А четвёртая стадия — фаталист. О душе, о бренном. Мысли о переходе за черту. Судьба. Всё

такое.

— Я с тобой в связке не пойду.

— Что у тебя всё так по-детски? Кашу не буду, в связке не пойду... Совсем расслабился?

— Ты утомишь даже горы. И с чего ты решил, что фаталист — последняя стадия? Удобно думать, что за тебя уже всё предрешиено? Пятая стадия — ответственный. За свою судьбу, за свою жизнь, за свой путь. Или просветлённый. Не единоличник-отшельник, занятый своим развитием и начхавший на мир и всё прочее, а тот, кто движет мир вперёд. Движитель.

— Вот что значит про богов на солнцепёке, — протянул Сёма.

— Это мои предки, прямая родня. Как я могу отказаться от предков? Я не коммунист.

— Сейчас то это какое имеет значение? Христианство позднего толка, тотальный коммунизм и урезанная демократия давно подняли брата на брата, сына на отца и так далее.

— Ага, и при этом кланы, фамилии. Те, кто остался в единстве, и правят миром.

— Кх-м, — кашлянул Родослав.

— Что? — одновременно повернулись Скорпион и Леопард.

Синеглазый поводил перед глазами пальцем, кривясь, словно съел целиком лимон, буркнул:

— Иномирье ворота прорвало. Ближе всех Добро оказался.

Парни одновременно посмотрели друг на друга. Сёма обронил:

— О чём он вообще?

— Иномирье?

Родослав щёлкнул пальцами...

Пустыню заволокло чёрным. Это не было пылевой бурей. Просто небо без облаков вдруг стало чёрным, словно ночь перепутала свои часы с днём. Эта чернота сгустилась клубнями и приблизилась к земле, к пескам. Миг и сама обшивка мироздания пошла по швам. Воздух вдруг порвался. Из тёмного порвала спиной в песок полетел кудрявый человек в просторной одежде. Семь раз перекатившись через голову и через себя, он замедлил падение и остановился на песке, тяжело дыша и не в силах подняться. Человек был истощён и выглядел довольно жалко.

— Добро? Аватар Добро? — Ещё договаривал свой вопрос Семён, как из той порванной грани пачками посыпались люди в облегающих комбинезонах и чем-то вроде касок.

Незнакомый десант десятками падал в траву с перекатами и тут же бежал в сторону поверженного аватара. Руки десантников были свободны, лишь за плечами в небольших рюкзаках, возможно, было оружие. Но, казалось, они обладали чем-то более боевым, чем простое огнестрельное. Ведь ещё не добежав до Аватара, Добро стало подкидывать в воздух как от сильных пинков невидимого монстра. Подкидывало и тут же с огромной силой швыряло об землю. Но только для того, чтобы подкинуть вновь.

Светлая одежда Аватара покрылась малиновым. Даже на глаз можно было сказать, что от каждого удара сломано немало костей.

Но Сильный мира сего не просто так получил своё звание. Иранец выживал, иранец жил. И солдат иноземного десанта неумолимо раскидывало по песку. Без новой возможности подняться.

— Тренировка! Наших бьют! — Закричал Сёма и бросился к десанту.

Скорпион зябко поводил плечами и, коротко взглянув на безмятежно стоящего отца, побежал вслед за братом.

Сёма ускорился в нескольких метрах от объектов, подлежащих устранению. На вид они были совсем как люди. За странными касками со стеклами не видно глаз, но лица вполне человеческие. По аналогии с земными обитателями их можно было принять за кавказцев, горцев гор. Сравнение относительно отдалённое.

Сёма расплылся в воздухе, и десант стал терять бойцов столь же быстро, сколько

успевал высаживать тёмный портал. Руки ломали, крушили молотами, ноги скользили по песку, как у хорошего фигуриста по застывшему озеру. Грудные клетки пробивались толчком ладони, перемалывая внутренние органы волновым выбросом, шеи хрустели вполне по физическим законам, достигая критического угла.

Сберегая энергию, сэкономил на волновых выбросах, предпочитая использовать инерцию противника против них же самих. Когда пробился к Аватару, одежду заляпало кровью, а руки походили на тесак мясника после долгой работы. Крови красной. Десант всё же очень немногим отличался от людей. Можно было предположить, что химический состав тел примерно схож. Кровь имела в составе то же железо.

Скорпион добежал до зоны боя, но нападать желания не обрёл. Тело восстановилось, но ощущения были такими, словно последний раз дрался в начальной школе, а сейчас был в возрасте ветхого старика. Ни гнева, ни адреналина. Волевой импульс с которым привык бросать себя в бой, превращаясь в расчётливый механизм уничтожения, исчез.

Скорпион невольно застыл, глядя, как пролетает по небу подкинутый Аватар и как Сёма прорубает широкие просеки в рядах противника. Сам Сёма сливался с воздухом, и лишь тренированный глаз отмечал, где в следующий раз появиться это дитё человеческое и чья шея повернётся, чья грудная клетка сломанными рёбрами пропорет сердце. Дрался как берсеркер, таковым не являясь. Тотем лишь тревожно наблюдал сечу, но хозяин не звал.

Сергея неведомой силой потянуло вверх. Кто-то из десанта обратил внимание на подошедшую фигуру. Эта сила походила на развитую форму телекинеза. Но по тому, как пали на колени один за другим трое десантников, Скорпион предположил, что бросать его не так-то просто.

"Не так просто как Аватара? Что это? Влияние отца за спиной? Или побочное действие яда?"

В груди что-то взорвалось. Ком гнева, промчавшись по телу, заполонил сознание. Не скатываясь до физического уровня боя, Сергей вздыбил руки в небо. Трансформация гнева в силу оказалась мгновенной. Чёрные клубни над порталом слиплись. Белоснежная неуправляемая молния ударила в самую иссиня-чёрную глубь портала.

Последние десантники, словно попавшие под гнев Перуна, свалились в песок опалённым мясом. С горящими, плавящимся комбинезонами и рюкзаками. Видимо в рюкзаках всё же было нечто вроде оружия — огонь вызвал реакцию, и небольшой взрыв с синим пламенем раскидал всё вокруг на десятки метров. Волной снесло последних солдат. Аватар в последний раз свалился на песок.

Сёма, прикрывшись трупом, вскочил, едва волна прошла над головой. Станный для песков боец из ран имел лишь синяки, ссадины, да неглубокий порез на скуле. Вся прочая кровь на нём была вражеская. Дыша, как будто имел вместо пары лёгких кузнечные меха, блондин недовольно огляделся. И чертыхнулся — противники кончились.

Но как бы ни хорохорился, ноги сводило дрожью, судорога делала слабым и беспомощным — на волновые воздействия ушло немало запаса. Невольно припал на колени над поверженным врагом и посмотрел на дрожащие руки. Тело было совсем не против свалиться прямо под небом и окунуться в долгий сон. Только разум постоянно напоминал, что обезвоживание и палящее солнце испепелят за неполный день.

Песок вокруг был залит кровью, завален телами и в посветлевшее небо валил едкий дым от взорванных рюкзаков. Молния, ударившая в портал, разделила остатки зарядов, что ушли в землю. Оплавленный высокой температурой песок стал похож на растекшееся стекло.

Скорпион вздрогнул, когда на плечо легла рука отца. Богатырь приблизился к самому уху, понизив голос:

— Громовник одобрил вас с братом.

— Это я вызвал грозу, — возразил Сергей.

— Он показал тебе как. Сам староват, да и давно в другом лагере, но молодость помнит.

Скорпион склонился над одним из тел десантника, стараясь найти хоть какое-то отличие от людей.

— Кто они? Враги?

Родослав.

— Они из того мира, где несколько групп схожих с нами людей пытаются выжить. Это не последний десант, теперь будут пробовать нас на прочность в разных концах света. Но чаще захват будет тихим, без показательных боёв.

— Почему именно наш мир?

— В последнее время наши миры сближаются и санитарные кордоны слабеют. Иномирье всё ближе и ближе к нам. Человечество разобщено. Подкупая правительства высокими технологиями, теми же генераторами кодирования населения, они со временем, тихо-мирно заместят наших глав и поработят человечество. Система из Пятнадцати уже не действует. Только что на твоих глазах погиб Аватар.

— Как? Он мёртв?

— Ты увидел финал боя, основное действие происходило в "переходе".

— Ты даже ему не помог!

— Помогать надо там, где имеет смысл. Мёртвое не обратить в живое. Он исчерпал себя ещё до портала.

— Смута! Почему он даже не вышел из своего дворца? Где остальные Сильные?

— Смута готовит поход на Слабо. Он не будет тратить силы даже в случае Конца Света, настолько сильна его обида. А что касается остальных, прорыв был в семи местах. Рысь бился под Владивостоком, Ино и Тосика на Филиппинах, Золо в Мексике, Горэ в Абхазии, Бодро в Подмоскowie, Слабо в Ливане, Нежить в Швеции.

— Выходит, если бы мы убили Нежить, Швеция была бы захвачена?

— Весь мир уже в какой-то степени захвачен: климатическое оружие, кодирование, плазменные разработки, разработки по изучению возможностей мозга... Много их подарков. Цивилизация Иноземья опережает нас на несколько веков. Только их техногенный путь развития не принял атомных разработок.

— Почему?

— Всё-таки хоть внешне они и похожи на нас, химический состав не полностью соответствует. Серебро для них примерно то же самое, что ртуть для человека. Вздумаешь организовывать самооборону человечества, понакупи людям пневматики с серебряными пулями. Достаточно пробить кожу, не прикоснуться, а именно пробить, чтобы серебро попало в кровь, а дальше цепная реакция убьёт иномирца. Или дротики покрой экстрактом серебра.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Ты ещё с ними столкнёшься. И мир не настолько однороден. Ведь ты сейчас всё свалишь на бездельников баланса и спросишь у меня...

— ... где пропадают Живо и Здраво, — поражённо договорил Скорпион.

Родослав медленно повёл головой:

— Похоже, ноги твоего брата перестали дрожать. Завтра будьте готовы к телепорту. Да и коридоры после войнушек кристально чисты.

— А это нормально, что яметаю молнии, а Сёма в одиночку раскидывает сотню десантников, не прибегая к дополнительным резервам?

— Я же говорю, тебе ещё столько грабель предстоит, — обронил Родослав и улыбка слилась со светом открытого телепорта.

"К чему такое быстрое "прокачивание"? Неужели мир действительно на самой последней грани? Спящий мир, бессонные враги... Придётся объединять всех проснувшихся".

**Индия
Дели**

Тень узких улиц и какофония звуков, примесь десятков запахов и воздух, полный пыли, всё обрушилось после телепорта сразу. Рецепторы, на секунду сбившись, очнулись. Организм в бешеном темпе стал сканировать окружающий мир, посылая сигналы мозгу. Расширенный канал восприятия обоих постиндиги всё же освоился в новой части мира мгновенно. Транслейтор донёс до слуха первые расшифрованные слова новой речи. Звучал Хинди и местами английский. То ли туристы бегали по городу, то ли кто их местных приобщался к общемировым нормам.

Нулевое пространство без времени выкинуло на свет мгновенно. Без фантастических перегрузок и гораздо быстрее скорости света, что по теории относительности Эйнштейна было невозможным.

— Трещит по швам старый мир, Скорп. Скоро и Альберта с Евклидом опрокинут с их единственно правильными теориями, что относительными, что естественными единственно правильными.

— Прогресс, — буркнул Сергей, оглядываясь.

— Тормоза пусть движутся со скоростью света, нам надо быстрее, мгновенно, прямо сейчас. А Евклидова геометрия вообще перестает действовать, что в астрале, что в ментале, сакрале... Она действует только в этой четырёхмерности, если взять за четвертую меру виртуальные миры. А чего тут говорить про многомерные пространства?

— Тихо, похоже нас не туда выкинуло.

Ближние индусы не очень удивились вспышке портала. То ли йоги и горные отшельники разучили удивляться, то ли менталитет оставлял место сказке. По крайней мере фото- и видеокamеры на глаза не попадались... Только вся улица попадала ниц и идти пришлось, оглядываясь на прислонивших лбы к дороге.

— Что за вассалитет ещё? Мы не феодалы! Вы не крестьяне! А ну подъём! — Завопил Сёма на хинди.

Десятки шёпотов прокатились по улице.

— Бог разговаривает с нами...

— На нашем же языке!

— Хвала Вишну, Кришну и Шиве!

— А может один из них Будда?

— А кто их них кто?

— Все святы.

— А почему в арабских одеждах?

— Пути богов неисповедимы.

— Боги многолики!

Сёма с Сергеем ускорили шаг, спеша покинуть свидетелей "пришествия". Спасало то, что многие не спешили поднимать головы.

— Какая разница, куда мы убежим, Скорп? Слухи о вихрастых догонят в любой точке города.

— Ты же перешагнул двадцать первую ступень?

— Внешность человеческая? Да я на твоём уровне.

— А какой у меня уровень?

— Двадцать четвёртый.

— А я почему об этом не знаю?

— Спишь много.

— Так что после внешности?

— Материальное тело, дар души и таинство перволюдей. Как ты это можешь не знать, если врата открыты? Точнее можешь открыть, потому что есть ключ.

— У меня с вратами в последнее время путаница. Столько ключей...

— Скорп, ты меня поражаешь. Эти ключи, это не та связка брынчающего металла, которую можно потерять или вообще о ней забыть.

— Мне нельзя ошибаться. Зачем тебе новый Апокалипсис?
— А что был старый?
— Какой именно интересует?
— Ты начинаешь говорить как твой отец.
— Гены.
— А теперь ещё и как брат по матери!
— Это ещё почему?
— Увёл разговор от первоначального вопроса.
— А о чём я спрашивал?
— Скорп!
— Что?
— Давай уже с твоим ядом что-то делать.
— Каким ядом?
— ЖИВО!!!

Вспышка. Дворец. Просторное помещение с узкими окнами, почти не дающими света. В воздухе запах ладана и что-то дурманящее. Едва лёгкие вдохнули этот запах, голова потяжелела. Зал покрыт коврами, цветами и подушками. Молчаливые люди, застывшие как изваяния в позах лотоса у стен монотонно тянут гортанные звуки. Кажется, что они спят, а голос льётся из самих стен. На возвышении под золочёными статуями на мягких подушках восседает тощий старик с пепельно-белыми волосами по плечи. Глаза старика закрыты и, кажется, что он умер. Но едва заметно двигается обтянутая шёлковой повязкой грудь. Старик жив. Да и какой он старик, если кожа на лице не обвислая, а ширина плеч под стать богатырю в расцвете сил.

Первым не выдержал Сёма:

— Надымили тут! Ленё форточку открыть? — Слова отразились от стен и поплыли под высокие своды, теряясь в высоте.

— Сядь, беспокойный, — донёсся гортанный глас старца. Он не открывал глаз, и в облаках дыма казалось, что даже рот остаётся безмятежным, спокойным, неподвижным. Но слова не были мороком и передавались не телепатически.

Скорпион и Леопард молча двинулись ближе к старику. Движения казались лёгкими и чужими. То словно плыли в воде, то вовсе переставали чувствовать конечности. Десять шагов до старца показались десятью минутами. Присев на подушки, подогнув ноги под себя, едва не отключились в божественной неге. Ощущение близости великого гуру пленило, аура спокойствия и безмятежности отгоняли мысли прочь.

— Мы...мы ищем Живу... — протянул Скорпион, где-то на крае сознания отмечая, что слова длинны как язык мирового змея.

— Всякий ищущий находит. Всякий стремящийся добывается. Всякий уставший обретает отдых.

Сёма качнул головой, стараясь стряхнуть наваждение. Вышло не очень. Резкий толчок только лишил последних сил к сопротивлению. Мысль разогнать ступени или нагнести ярости растворилась в дымке. Тело потяжелело и стало неподъёмным. Голова последний раз качнулась и свалилась на грудь. Веки опустились. Слишком много войн, слишком много боев с самим собой. Усталость, одна безмерная усталость во всём существе. Она как торжествующая королева, празднующая победу, полностью завладела сознанием.

Сёма Сон

Копыта чёрного как смоль коня били по траве почти бесшумно. Мягкий природный ковёр тщательно глушил все звуки цокота. Взамен утро дарило слуху звуки поляны и брань кузнечиков. Огромный богатырский конь шёл иноходью, отдыхая после стремительного, непродолжительного галопа, коим хозяин гнал по поляне, спеша на встречу с вражиной.

"Эх, как бы успеть перехватить врага до границы? Разбить ещё на его территории".

Илья Гушин приложил ладонь ко лбу. Взор прошёлся вдоль высокой — почти по круп коню — траве до самого виднокрая. Грудь тяжело опустилась — успел. На самом краю поляны только начали появляться первые заступники границы, суровые и безжалостные дети степей — дикие кочевники-налётчики. Их малые отряды терроризируют Русь по всей границе, возникая в приграничных деревнях со скоростью ветра. И едва княжья дружина седлает коней, заведя сигнальный дым застав, да мчится на место очередного налёта, как застаёт по приходу только дым пепелищ, изрубленные тела, да разорённые амбары с запасами на зиму. И вереница полонян, взятых в плен славян, тянется широкими струйками на рынки Востока.

Границы Руси велики. Орды шаек совершают налёты по всем периметрам, не позволяя собрать князю дружину для одного, решающего удара. Вот и горят два урожая из трёх, вот и не доживают до двадцати весён девять детей из десяти. Добро бы беспокоила только степь, но цивилизованная Европа, не ведая, что только благодаря Руси её не терзают вечные набеги дикой степи и сама может развиваться в мире и покое, жаждет нанести стране "диких варваров" удар в спину. И редко когда бывает на Руси мирное время. Одна и надежда на редуты застав, заградительные отряды единичных богатырей, что не пускают шакалов вдоль границ вглубь родины, не позволяют совершать безнаказанные набеги. Если отряд малый, то богатырь справляется с ним сам, если велик, то ждёт подмоги князя. Но не в этот раз — Красно Солнышко в походе.

Илюша подхватил с седла широкую, массивную, как ствол дерева, выщербленную от долгого применения ручку палицы, сложенную из добротного дуба, да обитую булатными, харалужными шипами. Металлом, которого прочнее нет. Палица весила столько, что и десяток степняков вряд ли подняли бы обоими руками. Силой богатыря природа наделила не мереной.

В левой руке покоился яловидный щит из дублённой на три раза кожи, прошитый пластинами, с надёжной удобной ручкой. На голове удобно сидел шолом, который гораздо позже станут звать "шлемом". Мягкая подкладка под ним удобно защищает кожу от вибраций после удара, кожаный ремешок неплотно, так чтобы в случае сильнее удара шлем сбило, а не оторвало с головой, перехватывает подбородок. Само тело до колен покрывает кольчуга, подпоясанная турьим ремнём с широкой бляшкой с орнаментом солнца, добрым знаком.

Конь обиженно фыркнул, даже ему, тягловому, тащить на себе богатыря долгое время в тягость. Илюша понимающе перекинул ногу, спрыгнул на землю, от чего та вмялась сапогами по щиколотку, прошептал коню в ухо:

— Уходи родимый, это мой последний бой.

Конь несогласно ржанул, сурово посмотрел одним глазом. Ты, мол, всегда так говоришь.

Илюша раздосадовано хлопнул богатырской дланью по крупу, от чего конь подскочил на дыбы, понёсся вдаль. А богатырь прошептал вслед, скорее себе, нежели коню:

— Последний бой. Богатыри с дружиной князя в большой поход ушли, не успеют.

Чёрные точки на горизонте выросли в многочисленные силуэты скачущих всадников. Пыль за ордой катилась большим облаком, словно и не по траве, а по выжженной солнцем дороге скачут. Хотя где проходит орда кочевников, там и остаётся только выжженная солнцем дорога и ничего более. Дети степи несли лишь разрушение и смерть.

Илюша пошёл на встречу, подкидывая неподъёмную прочему люду палицу высоко в небо, так же мастерски ловя её на ходу через долгое время...

Савалан довольно потирал усы, пятками подгонял коня. Ещё бы, ведь каган вверил ему в доверение две сотни отборных конных налётчиков. Коней даже не подковывали, чтобы мчались резвее ветра. Из оружия брали только самые быстрые сабли, да верёвку-аркан, чтобы резвее ворваться в незащищённую деревню, изрубить стариков, да старух, а детей и женщин увести в полон, на коней же нагрузить столько добра, сколько смогут увести. И

быстро умчаться прочь, в родную степь, пока неповоротливые русы явятся со своими отрядами.

"По степи прошёл слух — доносчики и осведомители из числа ростовщиков нашептали кагану, что князь отправился в большой поход, то ли отбивать западные границы, то ли усмирять бунт многочисленных племён, кои в своей разрозненности не хотят объединяться ни перед степью, ни перед общим врагом. То неведомые враги, а родня вот она, только с ней можно что-то делить, выяснять отношения. А то и князь и вовсе в Византию уехал, союзы крепит. Русь оголена без князя, это его величие бережёт границы, а раз его нет — приходи, бери, как когда-то брал Хазарский Каганат, брал от каждого дома дань "по белой девице от дыма" — каждая семья должна была отдать каждый год по дочери, жене, матери. Дед Савалана сказывал, что русы лишь бессильно сжимали руки в кулаки, но противостоять не могли огромной наёмной бронированной армии Каганата, что жила лишь за счёт набегов на Русь, полтора века целенаправленно изничтожала племена Славян. Но всему приходит конец. Пришёл и Святослав с малым отрядом в самое опасное логово змея, и изничтожил кровососа десятка народов, разметав в пух и прах. Месть настигла господствующих в Каганате рахдонилов".

Савалан вновь довольно ухмыльнулся.

"Святослав-то разметал врага. Русь стала крепнуть его завоеваниями и величаем, но как сам сгинул на чужой земле, вновь орды кочевников покатались на северную страну. А ещё новый князь, Владимир, вот-вот примет христианство, тогда от его страны и камня на камне не останется, будут лишь свободные кочевники от конца до края, а ведь за Русью веками нетронутые богатые страны Европы. Эх и добычи будет".

Глаза выхватили посреди бескрайней поляны одинокую пешую фигуру.

"Никак это один из тех самых богатырей, которые стерегут границы? Что ж, сегодня не его день. Боги оставили его. Мой отряд сметёт дерзкого, словно пушинку и ворвётся в деревни, насладиться грабежом, да этими голубоглазыми русовласыми девами".

— Отряд! На копье русича!

Илюша в очередной раз поймал палицу, хмыкнул.

"У степняков на этот раз даже луков при себе нет, до такой степени обнаглели". Рука крепче схватила рукоять и, началось.

Первый налётчик принял смерть вместе с конём, богатырский замах огромной, нечеловеческой дубины разможил снизу вверх коня, а потом и наездника. Второй налётчик высоко вскинул саблю, делая широкий замах... Кости сплющились в один кровавый комок... Дальше Илья Гущин из города Мурома, впал в то священное состояние боя, что на севере зовётся берсеркером. Ярость битвы затмила сознание.

Щит полетел прочь, он не нужен тому, кто танцует песнь смерти...

Савалан не верил своим глазам.

"Значит, отец не врал, богатыри действительно сражаются подобно богам. Богоносные воины".

Посреди поляны громоздился вал из мёртвых тел степняков и коней. Семь отборных десятков уже полегли от руки богатыря. Тот сражается словно бешеный, зверь, нечеловек, глаза красные, на выкате, щит выбросил вовсе. Заточенные по-восточному сабли отлетают от него, словно и не человек, а глыба гранита.

"Что за шайтан? Это невозможно!"...

Руки Ильи тряслись. Состояние боя спало, и смертельная бледность покрыла трижды разгорячённое жаром битвы лицо. Даже пот уже не стекает, не склеивает кудрявые локоны. Разящие удары острых сабель раз за разом чиркают по кольчуге на плечах, по груди, по спине. Сил уклоняться остаётся всё меньше и меньше. Шлем слетел вовсе. Но стоит раз получить по голове и отряд налётчиком прорвётся вглубь...

— Нет! Не бывать посему! — Гущин заорал, как раненый зверь и с новыми силами бросился на очередных противников уже не стараясь балансировать среди потоков крови и скользких тел...

Савалан кусал изгрызенные до крови губы, руки било крупной дрожью.

— Не может быть! Это не человек вовсе! Какой-то бог или демон заменил его на поле боя! Убейте его! Убейте! Убейте же!

Подскакал забрызганный кровью сотник. Трясущиеся губы на бледном лице затараторили:

— Савалан! Люди напуганы! Такое не под силу человеку! Никто уже не рвётся в бой. Ещё мгновение и они сбегут. Молю тебя, мой господин, прикажи отступить. Это будет самым разумным поступком, мой господин.

Ярость затмила сознание.

"Отступить перед русами? Да никогда! Всадники не отступают перед землепашцами".

Лихая сабля в один момент срубила голову сотника. Та покатила по траве прежде, чем тело соскользнуло с лошади. Сама лошадь помчалась прочь.

Савалан что-то закричал и рванулся в бой со своими последними силами истерзанного отряда, собираясь взять настырного богатыря нахрапом, всем скопом.

В груди что-то дрогнуло, оборвалось, ясно увидел, как посреди вала тел, прямо из седла высоко в небо выбит очередной налётчик, а огромнейшая палица опустилась на лошадь, вбивая в землю. Посреди поляны стоял уже не богатырь. На Савалана глазами богатыря смотрела сама смерть.

Вся ярость мигом выкипела, ушла прочь, оставив лишь дикий страх, да холод. Савалан, не помня себя, повернул коня и помчался прочь. Глядя на предводителя, прочь понеслось и всё остальное войско налётчиков...

Добрыня спешил от степи к границе Руси, горел желанием самым первым из всей дружины князя донести весть о том, что степняки разбиты, что эти годы жители приграничных застав-деревень могут жить спокойно, в мире. Ни один шакал и стервятник не посмеют заступить границу.

Навстречу, в хаосе, в таком беспорядке, с каким только можно спешно отступать, неслись перепуганные наездники. Едва ли десяток. Добрыня сразу же узнал степняков, рука потянулась за перевязь с мечом. Помчался навстречу.

Через некоторое время, вытерев лезвие об одежду убитых, и закинув меч обратно в ножны, погнал резвого коника дальше к границе. Уже видел одинокую фигуру. Ведь там, прямо посреди поляны, подперев палицей землю, литым камнем стоял богатырь Илюша, провожая взглядом кучи облаков. Заинтересованный Добрыня подъехал ближе, спрыгнул с коня, пробираясь сквозь валы тел к одинокому пешему. Бодро спросил, едва приблизившись:

— Что, Илюха, опять бездельничаешь? Эх ты... А мы там степняков разогнали.

Илья Муромец перевёл тяжёлый взгляд чёрных как ночное небо глаз с облаков на побратима и печально обронил:

— Устал я что-то. Коня одолжишь?

— Стареешь. Того и гляди снова на печь попросишься.

— С вами попросишься.

— Что есть, то есть...

Сёма просыпался от наведённого сна с улыбкой. Именно с такой, какой бились его предки тысячу, тысячи и десятки тысяч лет назад. Улыбка берсерка и помесь тех чувств, что в мире зовутся "загадочной русской душой". Явление не одного народа, но совокупности всех тех, кто вопреки здравому смыслу, проходит сквозь крещение системы.

Проходит и становится Человеком.

Индия Где-то в Дели

Сёма приподнял веки, заворочался на подушках, ощущая огромный прилив сил и наполненные доверху резервы. Энергии было столько, что казалось, может переплыть

вразмашку Тихий океан.

"Я почти взрываюсь, как переполненный воздухом шарик. Зачем столько?", — успел подумать Сёма и резко обомлел. Голубые глаза старца из-под густых белых бровей смотрели прямо на него. Прямо в него. Сквозь, вглубь и насквозь. Мир вокруг не существовал. Были только бездонные глаза мудрости, света и ясного понимания мира. Счастье наполнило тело от того, что подобные глаза зрят в него. Захотелось открыться и податься навстречу. А наряду с тем пасть на колени, ползать по полу и целовать полы накидки учителя, гуру, просвещённого. Эти глаза говорили и думали за него, показывали скрытую суть, наполняли любовью и лёгкостью. В этот миг можно было умереть. Сёма ясно ощущал себя микрочастицей по сравнению с величаем человека напротив.

Человека? Нет, это сам бог сидел и смотрел на него. И за это ощущение можно было отдать жизнь. Прямо сейчас. Без раздумий. Что жизнь, что была до этого момента? Безликий фантом. Вот она, суть мироздания. Вот оно...

Увесистая оплеуха сбоку показалась дисбалансом мира. Обида и боль накатила такая, что захотелось разреваться в голос. И, о нет, голубые глаза отвели взор. А затем и вовсе веки закрыли навсегда дверь, ключ от которой был в тех самых очах просвещённого. Сёма показалось, что бог отвернулся от него. И всему виной помеха сбоку... И тогда проснулась другая сторона души. Огонь охватил разум.

Скорпион отскочил от подушки. Рубящий волновой удар ребром ладони как тесаком вспорол подушки, расшвыривая содержимое по округе в воздух. Тугая волна на несколько пальцев вмяла каменный пол в радиусе метра. Едва успел отпрыгнуть, как молнией перед глазами возникло тело. Семь точечных ударов едва не вспороли грудную клетку. Кончиком пальца вырвало клочок одежды и кожу. Удар, преисполненный гневом обжёг как калёное железо.

— Остановись! Он запудрил тебе мозги! — Послал Скорпион, но астральный диалог не достиг закрытого адресата. Зато ботинок мелькнул в перед самым носом, говоря за то, что его обладатель разговаривать не желает. За ботинком едва не оторвала ухо скользящая рука. Сергей едва ушёл с вектора атаки, минув новый волновой выпад.

Волна, оставляя змеи-трещины на каменном полу, врубилась в стену. Троих молчаливых послушников смяло в стену. За спинами от затылка расползся кровавый след.

Сергей вздохнул, срываясь в движение навстречу брату. Увернувшись от атаки, оказался за спиной. Руки не медлили, хватая блондина за гриву, заворачивая руку и сбивая с ног. Он подломился, упав на камень грудью и лицом. По лбу потекла кровь.

— Его истина непригодна для современного мира. Он носитель прошлого, но в настоящем этому нет места! Это всё сон! Сон прошлого! Будущее не позволит тебе жить инертно! — Послал сакральный слог Скорпион, пробивая заслонку разума.

Слова докатились. Но адресат не принял их значения.

Скорпион ощутил себя в полёте. Тело под ним оттолкнулось от пола свободной рукой, и удар локтем под дых был молниеносным. За ним и последовал апперкот, отправивший в полёт.

Ещё взвиваясь в воздух вместе с разбитым лицом и пурпурными каплями, натренированным взглядом заметил новое движение блондина. Его рывок в сторону, три прыжка по стене, полукувырок и нога, занесённая для удара над ним. Чудовищная скорость, какую не был способен показать и тотем.

А тело под воздействием яда не спешило открывать ресурсы, разум туманило, черты памяти ступеней расплывались, тотемы без приказа безмолвствовали, пребывая от того же яда в состоянии анабиоза.

"Извлечь из Пустот меч? Без контроля он разрубит угрозу пополам. Как жить потом с ощущением, что его лезвие когда-то обагрила кровь брата?".

— Дурак ты, Скорп.

Сергея откинуло в сторону. Фигура в чёрном приняла удар ногой сверху в руку. Инерция удара и волна прокатились до пола. Камень снова вмяло, но уже на добрую пядь.

Фигура в чёрном же не только выдержала удар, хоть и треснул под ногами камень, но и схватила за ногу, затем за пояс, за руку, перебирая ближе и ближе. Наконец шлепок открытой ладонью по макушке блондина стал завершающим этапом боя.

Скорпион упал, расшибив плечо. Кряхтя повернулся к возвышению со странным человеком. Если это был Аватар Живо — хотя кто ещё способен на демонстрацию таких сил гипноза — то вёл он себя хуже последнего Эмиссара.

"Так что из них враг, а кто друг?"

Меченый, скинув обмякшего Сёму на пол, приблизился к старику.

— Давно хотел это сделать. Всё повода не было, — без эмоций обронил Меч и кулак... остановился в сантиметре от лица Аватары.

— Пшёл прочь! — ответил Живо, не открывая глаз.

— Тебе давно следовало уйти! Дождёшься Стерателя! — Чуть повысил голос Меченый, и на этот раз у лица застыла нога.

— Я сказал прочь! — голос старика взорвал помещение. Гудение послушников прекратилось. Около трёх десятков безликих мужчин разом открыли глаза. В комнате словно отключили свет. Даже узкие оконца перестали светить. Всё погрузилось в полумрак. И в этом полумраке как кошачьи глаза заблестели тёмные провалы очей послушников.

Меченого подкинуло к потолку, спина врезалась под самые своды. Руки и ноги распяло. С губ небольшим ручейком закапало. Капли разгонялись и врезались о поверхность пола.

— Неужели я дожил до того момента, когда великий Живо сошёл с ума? — Донеслось от потолка. И лицо Меча скривилось. Давление повысилось.

Скорпион поднялся. Медленно и неторопливо в руках стали собираться атомы меча Славы. В картине, что наблюдал в задымлённом помещении, всё было предельно ясно и настолько же сложно.

"Во-первых, телепорт без объяснений. Если бы отец не доверял Живо, вряд ли бы мы были в Индии. Значит, что-то в последнее время резко изменилось в отношении. А, значит, корёжит сам баланс. Во-вторых, воздействие на разум Сёмы. Зачем богу прошлого Сёма? И почему он его руками пытался убить меня? В-третьих, что за Стератель, про которого говорил Меч? И почему он вмешался в бой непосредственно? Имеет свой интерес или в имени брата действительно больше нарицательного, чем он есть на самом деле?"

— Ты не убьёшь его, Скорп! Он старше меча Славы. Оставь этот старый пыльный халат с костями мне. Я вытрясу пыль. Сам же займись послушниками. Они его...питают, — на последнем слове Меч закашлялся, кровь из рта усилилась.

Скорпион собрал меч и повернулся к ближайшему послушнику. Кошачьи глаза по-прежнему сверкали в темноте. Только стали ярче. Почти горели. Раздумывая, как бы оглушить безмолвных "энергопередатчиков", едва не пропустил момент, когда все как один монахи бросились на него.

Люди в светлых набедренных повязках не были такими робкими "распевателями" мантр, как казались на первый взгляд. В тощих телах силы и мастерства боя оказалось вполне достаточно, чтобы меч взвился в воздух, и тело ощутило боль костяных кулаков.

— Дай мне меч!

— Он сожжёт тебе руки!

— Не спорь, если хочешь выжить. Просто поверь мне.

Плечо обожгло. Орёл взмыл под своды, хватая когтистыми лапами подлётевший от удара меч. Скорпион, обжигая связки и через силу заставляя тело работать, вышел в скоростной бой. По помещению пошёл гулять хруст костей и вскрики.

Меченый отлип от потолка и прыгнул на встречу подброшенному птицей мечу. Ладонь поймала рукоять, и человек в чёрном серебристой молнией бросился на Аватара.

Скорпион сшиб очередного монаха и получил удар сзади под лопатку. Дыханье сбилось. Сердце обидно рвануло в грудь, отдав болью. И тут же болью заговорило всё тело. Удары посыпались десятками. Не мешая друг другу, монахи взяли в кольцо и стали одним

механизмом молотилки. Только долгие годы кропотливых тренировок, энергетическая рубашка и огромная сила воли не позволяли рухнуть. Сергей понимал, что больше возможностей встать не будет.

— Используй свой тотем скорпиона не как защиту от яда, а сам стань ядовитым для других. Заставь тотем выделять яд на кончики пальцев. Тебе он вреда не принесёт, — снова передал Меченый.

Не задавая самому себе вопрос "как", Скорпион, вращаясь волчком, отбиваясь и нанося удары, послал импульс к низшему тотему. Татуировка вод изодранной одеждой воинственна поводила жалом, просемила вдоль предплечья и исчезла в теле.

Перед глазами Сергея плыло. Лёгкие разрывали грудь, молоточки стучали в ушах. В толпе обступивших монахов, хоть и сбивая тех с ног, не видел, как с потолка свалился брат и меч рассёк волной весь пол, где сидел Живо. Только Аватар исчез, чтобы встретить противника за спиной.

Меч повернулся к безмятежному Аватару. Потрескавшиеся от давления у потолка капилляры на белке глаз сделали его похожим на вампира из книг про тёмных созданий тьмы и ночи. Добавив багровым глазами отражения внутреннего огня, он оскалился:

— Ну что, старичок. Зажился на свете то? Даже брахманы должны знать своё место в иерархии... что повыше.

— Не мели чепухи, Меченый. Каждый проснувшийся сам для себя определяет время. — Живо сбросил подобие халата, оставшись в одной набедренной повязке. Голубые глаза запылали синим. Плечи хрустнули и руки стали немного длиннее, тело потянулось к потолку. Грудная клетка напряглась и явила миру вторую пару рук и почти тут же третью. В ладонях бледным светом засияла пара мечей, секир и булава. Верхняя левая рука осталась свободной, поднятая на уровне лица.

Совсем мрачное помещение озарилось светом незримых факелов. Брат Скорпиона расплылся в хищнической улыбке:

— Люблю огонь. А ты, многорукий? Кстати, ты же изначально не человек? Выродок гекатахантеров? Валил бы в свой Тартар вместе с родней. Нет же, людьми управлять удобнее.

Губы живы почернели и застыли плотной линией. Лицо засияло белым. Тело покрылось не естественной синевой.

Удары Скорпиона стали вялыми и почти перестали наносить значимый ущерб монахам. Почти не чувствуя рук, в очередной раз мягким блоком ушёл от удара и поднырнув под монаха, щёлкнул того по щеке. Силы почти иссякли. На апперкот и "каменные пальцы" не хватало сил. Ожидал последнего удара в висок и тьму смерти... И какого же было удивление, когда вспыхнувшие факела обозначили раскинутые по помещению тела, корчащиеся в судорогах. Монах, которого коснулся последним, сдирал с лица кожу, словно на неё попал яд.

Сергей застыл, прогоняя мух пред глазами и нелепо взирая на зеленоватые выделения на кончиках пальцев и костяшках.

Белый свет за спиной заставил повернуться. Сергея едва не пробрала дрожь, когда перед глазами, поигрывая железом, вырос шестирукий бог древности. Возвышаясь на четыре головы над братом с пылающим мечом Славы — но, что странно, не обжигающим его руки! — великий стоял и выслушивал оскорбления Меченого. Это продолжалось недолго. Секиры и мечи поднялись над головою, и Скорпиона сшибло с ног волной отдачи. Меч и Жива сорвались в танец боя с такой скоростью, что тела по помещению раскидало торнадо.

Скорпион, пригибаясь от сильного шквального ветра, что вопреки природе выл внутри помещения, пополз на карачках к Сёме.

"Наступят и не заметят же. Что за жизнь?"

Подтащив к себе бессознательного братишку, Скорпион прислонился к стене и устало наблюдал бой. Скорпион на плече вернулся на место. Орёл, сбитый ветром, как обезумевший

камнем врезался в грудь. Тело заныло. Мышцы стали ощущаться раскалёнными прутьями внутри тела. Это калёное железо жгло и зудело укусами тысяч пчёл. Лёгкие срывались в сухой кашель. Кровь на губах засыхала струпами так быстро, словно он был батареей. Наверное, и был. Любой нормальный человек, прислонивший бы сейчас руку к его лбу, ощутил бы температуру за пределами старого ртутного градусника. Но все эти последствия яда и сверхскоростного боя ничего бы не значили, если бы не сердце, которое начало барахлить гораздо ошутимее, чем до этого. Боль и удары, отдающиеся не только в горле и рёбрах, но гуляющие по всему телу. Гипоталамус видимо сошёл с ума от перегрузок и не спешит снижать температуру тела.

"Значит температура в печени сейчас критическая. Орган не выдержит".

— Что ж, это лучше, чем умереть от алкоголя. Правда, Сёма? Если бы ты не сдался гипнозу потомка эксперимента атлантов, то тоже бы сейчас наблюдал сечу Меченого и бога древности... О, Род, о чём я говорю?

Чёрная и синяя фигура слились, почти не останавливаясь. Воздух резали звуки заточенного железа и пылающих факелов. Дурмящий дым словно источился под их напором. Как если бы они его выжгли. Возможно, солнце именно так и избавляет мир от тумана.

Скорпион сидел у стены с братом на коленях и ощущал себя никем среди ничего. Хотелось глупо смеяться. От боли и нелепости разворачивающихся картин. Хотелось отпустить тело и вырваться за пределы, за закрытую дверь. Ведь ключ вот он, почти весит на шее. И вратам ступеней до этого ключа так же далеко, как рукой до Луны. Эта командировка затягивалась. Всё-таки он ещё совсем человек, раз ощущает эмоции. Двинулся в путь за одним человеком, а повёл за собой целую толпу. Нырнул за камушком, а всколыхнул весь ил, что был на дне. И этот ил только начинал мутить воду.

"Баланс запаздывает с отрицательным или положительным возмездием, Пятнадцать сильных мира сего изжили себя. Действие одного больше не ведёт за собой контрдействие другого. Или я совсем больше ничего не понимаю, или человеческий разум даже с расширенным потоком восприятия реальности не видит каких-то деталей этой картины. И возможно умереть от инфаркта, износив тело скоростями не самый плохой конец. И помимо отсутствия энергии нет даже желания включить регенерацию. Я устал. Творец, как же я устал. Мне нигде нет покоя. Я слеп и глуп. О, Прадед, зачем ты столько на меня возложил?".

Стену храма снесло. Дыры размером с бильярдный стол вдруг возникли в двух концах молитвенной залы. Двое в чёрных шипастых доспехах, смуглый и рыжий, шагнули в провалы одновременно. Ростом и шириной плеч они могли смело поспорить с многоруким. Оба имели по паре рук.

— Ты перешёл грань, Жива, — начал рыжий, плечом разрубая танец боя, как щитом отсекая выпад меча.

— Не вмешивайтесь, Вышень и Крышень! — Тело Меченого запылало наряду с мечом. Он рванул в новую атаку.

— Семья послала нас забрать тебя, — добавил смуглый, словно не услышал слов Меченого. Огромными руками перехватив и приподняв Меченого вместе с занесённым мечом, отнёс его к Скорпиону.

— Нет! Стератель не придёт! Цепи лишились звеньев. Конгломерат не подключён. — Зашлёпали чёрные губы на белом лице Живы.

— Отец сказал — довольно! — повысил голос рыжий и плечом сшиб с ног гекатахантера.

— Сказано тебе, домой! — Добавил смуглый и за ногу встряхнул Живу так, что холодное оружие посыпалось в разные стороны.

— А раз сказано — сделай, — поднял за плечи Аватара рыжий и обхватил голову.

Зелёная вспышка была мгновенной. Жива обмяк и двое похватав его под руки-ноги, понесли в дыру в стене. На прочих людей в помещении больше никто внимания не обратил.

Меченый, перестав пылать, опустил меч и расплылся по полу, блаженно шепча:

— Ну вот, одним геморроем меньше.

— Что это было? — для порядку спросил Скорпион, ощущая, как безразличен стал окружающий мир. После спада боли телу пришёл покой, а сознанию пустота.

— Семейные разборки. Наконец-то последнего забрали, — отмахнулся Меч и добавил. — Больше он не Аватар.

— Почему Аватаром людей стал не человек?

— Человеку некогда заниматься проблемами других, своих вдоволь. Много ты видел среди Сильных людей?

— Ино...

— Младший демон.

— Тосика...

— Воплощённый дух...

— Бодро...

— За заслуги посвящён в полубоги...

— Смута...

— Сын джина....

— Слава.

— Мой сын.

— Так вот почему меч тебя не обжёг... Чёрт, я ещё способен удивляться... Слушай, а ты Гог или Магог?

— Гог.

— А Слава тогда кто?

— Твой племянник.

"Что за странная судьба быть оруженосцем собственного племянника?"

Скорпион, отложив голову Сёмы, закашлялся. На пол полетели сгустки крови.

— У-у-у, братишка, да тебя лечить надо.

— А стоит?

— Теперь стоит.

— А что теперь?

— Ты первый претендент на Аватара.

— Но, я же человек. Может, ты?

"Хотя Рысь тоже вроде бы человек", — мелькнула мысль.

— Я? Люди меня бояться как огня.

— Мне тебя учить, как сдвигать мнение массы в противоположную сторону?

— Мне это всё надоело. Туда-сюда, туда-сюда. Люди не могут с точностью сказать, что было двести лет назад, не то что дальше... — Меченый, кряхтя встал и, протянув меч, обронил. — Пойдём. Мне надо тебе многое рассказать.

Скорпион посмотрел на Сёму. Тот и не думал приходить в чувство.

— А он?

— Да ничего с ним не будет. Очнётся, тебя пойдёт искать.

— Тогда зачем мне уходить?

— Ты слишком к нему привязался. Останешься и никогда свою Леру не найдёшь. Почему бы вам, братья, не отдохнуть друг от друга? — Меченый обвёл взглядом полуразрушенное помещение, тела монахов, разрушенный постамент и дыры в полу и потолке. — Так сказать сменить обстановку. Глядишь и мебель научитесь беречь.

— С ним точно ничего не случится?

— Слово безымянного, — сверкнул глазами Меченый.

Скорпион вздохнул и сделал первый шаг.

Меч молча последовал рядом.

Братьям предстоял долгий путь.

Часть 3 Вразумление

Хабаровск

Скрежетом тормозов взорвалось тихое декабрьское утро возле фотоателье на окраине Северного микрорайона. Белая "Газель", каких вдоволь катается по транспортным маршрутам города заехала на бордюр прямо перед ступеньками входа в офис. Дверь распахнулась, и вооруженные люди в чёрных масках и серых комбинезонах с нашивками зверей; волков, медведей и тигров, посыпали десантом наружу. Всего шесть человек, не считая водителя. Последним коснулся отчищенного от снега асфальта Даниил Харламов "Медведь". Куратор "звериных" троек ликвидаторов.

Машина отъехала за угол, десант приник к стенам, пока первый высадившийся лепил пластид на бронированный замок. Странное двухэтажное здание с вывеской частного фотоателье имело дверь, что в пору крупным, богатым складам или ювелирным лавкам. Затемнённые окна с двойными стеклопакетами тоже берегли хозяев от проникновения не хуже стальных решёток. Но что самое странное — в архитектурных архивах план здания не имел подземных этажей, хотя аппаратура Антисистемы, сканирующая здание намереди, показывала обратное.

Направленный, приглушённый взрыв выдрал замок. В проход бросили световую гранату. Хлопок и четверо вместе с Харламовым вломились в приоткрывшуюся дверь. Ещё двое побежали вокруг здания к чёрному выходу чуть ранее.

Длинный стол в коридоре с двумя(!) охранниками, режущимися в карты. Хорошая реакция — после взрыва похватались за пистолеты. Но после вспышки один свалился со стула, второй взял под прицел стену над дверью. Вломившиеся первыми парни быстро успокоили прикладом в челюсть.

— Тоха, стереги охранников, — бросил Даниил, с двумя "тиграми" прорываясь дальше. — Цербер, в левую комнату, Сыч, направо, — вновь обронил Медведь и плечом протаранил дверь напротив.

Второй коридор оказался пустым и уже три двери вели по комнатам. Ближайшая дверь была приоткрыта и являлась санузлом.

— Бер, слева кабинет секретарши.

— Справа — комната с фотоаппаратурой.

Сыч и Цербер выросли за плечами.

Дверь сбоку вылетела вместе с "медведем" Орком.

— На чёрном один. Мор остался стеречь. Под крыльцом вишнёвая Ауди ТТ.

— Три охранника для фотоателье — перебор. Убили звуки и вперёд.

Последняя дверь была металлической, а вот замок имела не важный. Сыч потянулся за пластидом, но Даня сурово сдвинул брови. Волкодлак, тяжело вздохнув — взрывать он любил с детства — достал нож и в одно мгновение оттянул язычок замка.

В обширном помещении было темно.

— Не включать свет, — прошептал Медведь, разглядывая серые контуры заставленного помещения.

Замерли, слушая звук собственных сердец и приглядываясь.

— Ага, вот оно, Сыч, поддержи автомат, не сдержусь же, — Даня подошёл к столу на колёсиках и пинком отправил его подальше. Рука зашарила по полу, нащупала кольцо, рванул вверх. Только сейчас команда увидела едва заметный свет сквозь щель в полу. Главный положил в ладонь нож и нырнул вниз, скатываясь по почти отвесным ступенькам, как с горки.

Внизу было одно большое помещение, залитое ярким светом, заставленное огромной кроватью, диванами, напичканное звуко- и видео- аппаратурой. Нож применять не пришлось. Четверо взрослых, включая женщину в строгом пиджаке с молодой обнажённой

дамой за одним столом, оператора и голого мужика на диване в маске зайчика опасности не представляли. Для спецназа, но не для голых и полуголых детишек, на первый взгляд от шести до двенадцати лет, стоящих и сидящих на диване, у кровати и просто на полу перед столом с двумя женщинами. Всего восемь душ. Восемь неокрепших детских психик. Восемь искалеченных мировоззрений.

На шкафах вдоль стен валялась одежда, в ряд стояли изделия из латекса, кожаное и цветастое бельё, мази и карнавальные маски, там стояли пачки и коробки с едой. Рядом с четырьмя двухъярусными кроватями в углу стояли горшки и вёдра с водой. Словно дети вовсе жили в этом помещении. Стоял запах пота и прелости, немного пахло плесенью. В помещении было относительно тепло, на полу валялись грязные ковры. Два плазменных телевизора и гора DVD-дисков стояли в другом углу рядом с компьютером.

Ликвидаторы попрыгали вниз. Лица от увиденного посуровели, скулы сжались и побелели костяшки на прикладах автоматов. Мужик на диване невольно замер, останавливая половой акт с зарёванной девчушкой лет семи. Оператор оторвался от камеры, недовольно бурча:

— Ну, чего замер, мачо? — и он повернулся, разглядев в обречённых глазах педофила то ли отражение застывших у входа-выхода бойцов, то ли собственное печальное будущее.

Сыч, самый молодой из группы, зашагал к "мачо".

— Стоять! Не при детях! — Обрубил Даня и тронул усико микрофона. — На посту — охранников в последнюю комнату в дырку побросать. Водитель — свяжись с базой, пусть присылают автобус со здравницы, захватить много тёплой одежды и бригаду психологов и... пару канистр бензина. Здание заминировать. — Медведь повернулся к своим. — Парни, поднимайте детей наверх.

— Да что?! Да кто вы такие! Что здесь делаете!?! — Первой пришла в себя хозяйка "фотоателье", поднимая крик в надежде, что если не ошеломит, то голос охране подаст... Или ещё кому-нибудь.

Как лепёшки попадали сверху один за другим трое охранников ателье. Хозяйка осеклась. Вторая женщина, "укротительница малолетних мальчиков", завизжала.

Группе стоило немало побороть себя, пока в течение десяти минут дети одевались в то, что осталось от истерзанной одежды и один, за одним исчезали в проеме в потолке. Они ни мало повидали в свои годы. К чему видеть ещё больше?

Тоха и Мор наверху остались с детьми ожидать автобуса. Крышка люка плотно прикрылась, оставив охрану, оператора, обоих педофилов и хозяйку наедине с группой озверелого от всего этого вида спецназа.

— Сыч, "зайчик" и оператор твои. Цербер, Орк, охранники ваши. — Сухо обронил Харламов, добавляя. — Я же побеседую с дамами этого "бизнеса".

Автоматы с сухим стуком опустились на пол. Трое подняли головы, смотря в глаза нелюди и... просто дали волю внутреннему зверю. Охранники знали, кого прикрывают, оператор знал, что снимает, "актёры" — какую дьявольскую пьесу играют. Хозяйка же...

Парней было бессмысленно останавливать.

Даня направился напрямиком к женщинам.

— Нет! Нет, о боже, нет! — хозяйка отбежала в угол и сжалась в маленькое ничто, обхватив ноги руками. Вторая осталась за столом, погрузившись в ступор.

Медведь молча присел на корточки перед хозяйкой. Та визжала, скрываясь на крик, шептала, кричала вновь, делала попытки схватить губами за пах, одновременно срывая с себя пиджак и расстегивая блузку.

— Я дам вам денег! Всё отдам. Трахните меня! Все вместе! Только не убивайте! У меня дети! Пощадите! Я сделаю всё. Всё!

Даня скривился, как хлебнул скисшего молока. Схватив мразь за волосы, потащил к телевизору. Ткнув первый попавшийся диск в привод, включил телевизор... Наверное впервые в жизни испытал состояние аффекта. Не контролируемый холодный гнев расчётливого боя или бессознательные рефлексы боя скоростного, но просто вспышка перед

глазами и включение сознания через несколько минут.

Даня моргнул. Руки были залиты кровью. Голова хозяйки подпольной педофильской киностудии была вплющена в кинескоп взорвавшегося телевизора. Пахло горелым, валил дым. Видимо замкнуло электричеством. Осмотрелся. В лужах крови валялись избитые насмерть оператор, "зайчик" и охранники, у половины на головах горшки и вёдра. Спецназовцы тяжело дышали, приходя в себя и оттираясь от крови у лестницы. В живых осталась лишь поседевшая женщина, трясущаяся так, что вибрировал стул. Сидела и безмолвно ожидала участи. Впервые перед глазами не телевизионный образ с милицейским захватом, долгие допросы, суд, несколько лет судимости, тёплые нары и снова свобода. Нет, перед глазами носился вихрь ужаса: хруст костей и крики боли, полные неверия в возмездие.

Даня достал из кармана на ноге пистолет, подошёл к столу и сел напротив. Пистолет лёг в ладонь. Вдох-выдох. Заминка. Никогда не убивал женщин. Даже таких. Обойма выскользнула в руку, патроны посыпались на стол. В обойме остался только один. Щелчок. Обойма в пистолете. Медведь поймал взгляд.

— Ты умрёшь не сейчас, ты умерла гораздо раньше. Я могу повторить действие как с твоей хозяйкой или ты сделаешь всё сама. У тебя есть выбор.

Пистолет лёг посреди стола.

— Только твой выбор ограничен тремя секундами... Раз...

Наверное, это был первый выбор в жизни женщины, когда она не сомневалась. Совсем. Хлопок и мозги по стене напротив — так закончилась жизнь маньячки-педофилки.

Даня, вздыхая, надавил кнопку на левом плече, стянул маску и сиплым голосом проговорил в усико микрофона:

— Группа, закончить съёмку.

Пять рук взметнулись к плечам, отключая мини-камеры без звука. Шесть безмолвных операций по ликвидации подобных студий по всей России эффекта не дали. О них просто никто не знал, органам правопорядка же запрещали оглашать информацию по ходу следствия, да и после его закрытия под страхом увольнения. Но сегодня Совет Старейшин одобрил съёмку ликвида. И уже к вечеру видео с подробной информацией разлетится по Интернету, нанося упреждающий удар тем, кто творит зло. Насилие тех, кому меньше шестнадцати — тотальное зло. Трижды задумаются услышавшие о возмездии и трижды на три те, кто увидят его.

Люк приподнялся. Руки передали две канистры с бензином. Прежде, чем здание разнесёт заложённой взрывчаткой, всё выгорит дотла, сжигая саму память о проклятом месте.

Даня вылез из подземного помещения последним. Пальцы чиркнули спичку и вспыхнувший коробок, пылая небольшим зарядом, полетел вниз. Лужа бензина вспыхнула. Огнённая змея побежала в разные стороны, цепляя по пути без разбора ковры, пол, вещи, мебель, стены и окровавленные тела творящих зло.

Через тридцать шесть секунд, когда последний автомобиль отъехал, палец опустил тумблер и дом взлетел на воздух. Но никто из ребят не смотрел в заднее стекло.

Индия Дели

Солнце светило в глаза так, что даже неподъемные веки сдали позиции. Сёма, скрипя как несмазанная пружина, повернулся на спину. В пору было скулить, как побитой собаке. Зудели сбитые колени и локти. Лоб, запёкшись кровью, чесался. От движения ног болью играли связки в паху.

"Это ещё что? Я на шпагат без разогрева садился?"

Сжав зубы, Сёма приподнялся на колени. Растянутые связки немилосердно взвыли. В свете, проникающем сквозь огромную дыру в стене, плавала пыль, мелькали встревоженные лица индусов. Блондин, стараясь не обращать внимания на коренное население, пытался

собрать в голове картинки прошлых дней.

"А собственно, где я?"

И собственный вопрос разлетелся по искореженному неведомым смерчем помещению. Взгляд невольно прошёлся вдоль округлых вмятин в каменном полу, одиночным ямкам и широким порезам, словно по каменному полу свободно гулял лазер.

"Это что ещё за джедаи порезвились?"

Взгляд уполз под потолок. Невольно присвистнул, стараясь представить, какая сила могла подбросить что-то вверх с такой силой, что камень продавило снизу вверх. И какова была плотность подбрасываемого тела, если оно не размазалось мокрым местом по потолку?

Сёма по стеночке заставил себя подняться. Вместе с болью в связки пришла судорога бессилия. Колени подкосились. Упал. Не делая больше попыток подняться, пополз на карачках. Хотелось поближе рассмотреть поверженное рассекающим ударом то ли меча, то ли ладони возвышение. Ведь возвышение и странные голубые глаза — последнее, что помнил перед мраком и пробуждением.

"Куда делся Скорп? Этот дым. Этот кумар, затмивший разум. Нет, сначала сон, вспышка... Глаза... Гипноз, чёрт побери! Старикан загипнотизировал меня, как жалкого школьника. Это какой силы должен быть гипнотизёр? Он...Он.", — Сёма дополз до "возвышения", которое после удара волной стало ниже по уровню, чем весь прочий пол. — "Он заставил меня сражаться. Я дрался. Но с кем? Где Скорп? Почему растянуты ноги, словно без разогрева влез в гравитационную комнату с силой притяжения в несколько единиц?"

В груди кольнуло. Стало холодно. На глаза навернулись слёзы. Предчувствие чего-то ужасного витало в воздухе, стремясь поразить в любой момент калёной стрелой или молнией.

"Жива, на кого же ещё ты мог меня натравить, если не на брата? Здесь не было врагов. Никто не дерзнул бы зайти на твою территорию. Ты... урод... ты заставил меня драться с братом. Где он? Если я жив, то он..."

— Скорп!!! — От гортанного крика и так единичные лица индусов попрытались вовсе.

Сёма сквозь боль подскочил. Ярость на Аватара придала сил. Сёма содрал с себя остатки верхней одежды и, оставшись в чём-то похожем на шорты, зашагал по помещению в поисках врагов или ответов. То ли боль притупилась, то ли гнев подстёгивал регенерацию — связки немного успокоились.

Остановившись у одного из пяти огромных окаменевших оружий, обращённых в камень, скукожившихся и уменьшенных, едва Аватар отпустил их из рук, Сёма уже не ощущал, как тело привычно поднимает температуру и сильнее начинает жечь истёртую кожу. Организм всегда хочет жить — сам о себе позаботиться, не стоит только мешать. Сам же Сёма вновь ощутил толчок в грудь — лежащие на полу каменные орудия на лезвиях имели высохшие капли крови.

"Могу поспорить, эти оружия не лежат здесь тысячи лет и специально их никто кровью не смазывает... Мы дрались на этих мечах и топорах? Но зачем пять? Нет, что-то не то...Скорп жив. А Жива... Кто знает? Да и чёрт с ним. Если правитель забывает о своём народе, происходит бунт. Ты, предводитель переселившихся с севера арийцев, слишком долго спал. Настоящее не принимает сна... Но откуда же это мерзкое ощущение? Что я сделал не так?"

Сёма взревел и обеими руками ухватился за рукоять секиры. Плечи напряглись, по торсу забегали змейки. Сквозь боль и на пределе сил, Леопард сделал рывок. Холодный камень нехотя поддался. Зубы сжались до хруста, последнее усилие и орудие взмыло в воздух, покачиваясь на трясущихся руках над головой. По ладоням, кистям и дальше до самых пят прошла вибрация, солнечное сплетение ощутило приятное тепло.

Камень пошёл трещинами, рассыпаясь кусками, опадая на пол крошкой. За какие-то мгновения вместе с облегчением блондин ощутил вместо камня в руках рифлёную рукоять, а по лезвию цельного обоюдоострого топора пробежал небольшой лучик, словно подмигивая

новому хозяину.

— Слава Роду! — Неожиданно для самого себя выпалил Сёма и опустил обновленную секиру. Лезвие упёрлось в камень. И едва поражённый блондин чуть надавил сверху, облакачиваясь, неведомая сталь прошла камень, оседая вглубь. — Не похоже на то, что ты воронёная на сталь металл. Может быть метеоритное железо?

Секира безмолвствовала, согревая руку, словно состояла вовсе не из железа.

— Если ты признала меня в первом же нашем бою, то я дам тебе имя.

За спиной послышался шёпот. Сёма резко обернулся, невольно сжимая рукоять. С обоих дыр в помещение вошли двое здоровых четырёхруких существ. Со стороны востока здоровяк затмил собой всё солнце, погрузив утреннее помещение в полумрак.

Сёма попятился от прочих каменных оружий, выставив секиру перед собой. Двое: рыжий и смуглый, в шипастых в затемнённых доспехах огромными шагами преодолели пространство до разбросанных окаменевших артефактов. Рыжий подхватил мечи, смуглый оставшуюся секиру и булаву. Оба завертели головами, как небольшими башнями по сторонам. Взгляды остановились на Сёме. Полуголый, с глазами берсерка, тот стоял, сжав секиру и ожидая атаки. Моргая, глаза периодически показывали жёлтые зрачки леопарда. Готов в любой броситься на превосходящие силы.

Рыжий повернулся к смуглому, обронив громовым гласом:

— Старший брат будет недоволен.

— Жива рассердиться, — кивнул смуглый, поведя плечом.

Оба двинулись к Сёме.

— В-И-Р-А! — Закричал во всю мощь лёгких Леопард и рванул вперёд, подпрыгивая и занося секиру для рубящего удара сверху.

Рыжий, невероятно ловко для своей комплекции, подставил плечо под удар, и чуть сдвинулся. Секира по касательной высекла искру на доспехах и остановилась в шипах. От резкого движения отлетела вместе с хозяином.

Сёма, прокатившись по полу, поднялся. Глаза налились кровью. Облизнув рану на плече, оскалился и приготовился к новой атаке.

— Брату придётся смириться, — не следя за Леопардом, вновь обронил рыжий.

— Оружие признало другого, — кивнул чернявый. — Ничего не поделаешь. Такова воля артефакта.

Оба кивнули, и вспышка ослепила Леопарда. Новый удар с прыжка рассёк лишь воздух. Вибрация от удара железом о камни прошла по всему телу. Откат отключил тотем, оставив с болью один на один. Сёма вновь провалился в темноту.

Дерзнувшие переступить разлом в стенах индусы, молча обступили тело. От глаз не скрылось, как поводит из стороны в сторону хвостом рисунок леопарда на коже человека, и жёлтые глаза всмотрелись в каждого, прежде чем потухнуть.

Хабаровск

— Пока, Марьяш!

— До скорого!

Подруг поглотил автобус, оставив на остановке среди мёрзнувших людей. Седьмая пара в институте выпустила к остановке остатки студентов и преподавателей. Последние огни аудиторий потухли. Все спешили первыми прорваться в автобусы, троллейбусы, чтобы быстрее оказаться дома в горячих ваннах, да за семейным столом. А если подъезжала маршрутка, народу набивалось столько, что в окнах

Маша вздохнула и спрятала лицо в воротник шубы. Мороз кусал щёки. Но не столько холодила погода, сколько холод внутри. Безжалостный и беспощадный, он накатывал всякий раз, когда оставалась одна, без подруг.

"Сколько прошло? Четыре месяца? Не обманывай себя. Четыре месяца две недели и два дня. Ты считаешь каждый день, сколько бы не заставляла себя буквально жить в институте,

приходя к первой паре и уходя на последней. Ты получила все "автоматы", намозолила глаза всему преподавательскому составу, первой закрыла сессию и записалась на все дополнительные занятия и кружки. Но даже эта колоссальная нагрузка не может убить желание считать каждый день, пока Его нет".

Подошёл относительно свободный троллейбус. Из открытых дверей повеяло теплом. В конце концов, ехать на одной ноге на ступеньке лучше, чем мёрзнуть на остановке на двух. Через остановку кондуктор, вдавливая пассажиров, пробрался за билетиком. Маша подтянула сумочку и обомлела. Среди тетрадок, учебников, и косметички напрочь отсутствовал кошелёк и сотовый.

— Билетик берём, — буркнула кондукторша.

— А...ээ... у меня кошелёк вытащили, — ошарашено пропищала Мария.

— Девушка, не морочьте мне голову. Берём билетик или выметаемся.

Маша посмотрела по сторонам. Безмолвный народ без тени сочувствия витал в облаках так же, как она минуту назад. Все уже дома греются в ваннах, сидят в тёплой домашней одежде у телевизоров или спят на мягких кроватях.

— Правда вытащили!

— Так, выходим! — непреклонно отрезала кондукторша.

Маша попятилась к выходу. Ближайший народ посмотрел, как на "зайца". Ещё бы, с ежегодным ростом тарифов каждый становится всё непреклоннее к халявщикам.

Троллейбус остановился на почти пустующей, тёмной остановке. До дома было ещё шагать и шагать по темноте и холоду. Не могла даже позвонить знакомым или домой, чтобы...

"А чтобы что? Выехали навстречу? Посочувствую и иди, скажут, домой, растяпа. В следующий раз будешь осмотрительнее. Родители ведь тоже с работы и устали. На три остановки и внимания не обратят. Час ходу... А вот Сёма бы обязательно приехал", — невольно подумала Маша.

С ней из автобуса вышло только двое мужчин. Причём вышли как-то странно. Слишком близко друг к другу и сразу же направились к ней. Маша замерла, сердце забилось быстрее. Приготовилась вспомнить всё из приёмов, каким учили ребята... Как всегда ничего не приходило на ум. Всё выветрилось. Перед глазами почему-то стояли лишь преподаватели за кафедрой, вещающие, как правило информацию, что забывалась сразу, едва стоило покинуть аудиторию.

Мужчины приблизились.

"Будь что будь, всё равно далеко не убегу".

Один пихнул другого, зло обронив:

— Ну, давай же, подонок. А то третий палец сломаю.

Парень с обломанным передним зубом сделал шаг вперёд, протягивая милый сердцу потёртый кошелёк и старенький сотовый.

— Извините...

Маша, обомлев, взяла украденные вещи и кивнула, не в силах из себя что-то выдать.

— А теперь вали отсюда, урод. В следующий раз копчик прострелю.

Карманник отошёл на пару шагов и оглядываясь, побежал. Вскоре его поглотила тьма. Маша повернулась к спасителю, убравшему едва заметный пистолет во внутренний карман дублёнки. Парень виновато расплылся в улыбке:

— Да вы не бойтесь, Мария Григорьевна. Мы с напарником по строжайшему наказу Семёна и структуры в частности, день через день вас сторожим, сопровождая от дома до института и обратно. В последнее время совсем легко стало — вы приходите к первой паре и уходите после последней.

— Он... Он всё-таки и сейчас обо мне заботится?

— Конечно, Мария... Можно я буду звать вас просто Мария? Как сериал, поработивший мою маму на несколько лет. Как по часам сидела у телевизора. Я в армию уходил, она сидела, я отслужил и вернулся, а она всё сидит. Жуть, правда?

Маша кивнула. Его болтовня и беззаботный голос успокаивали.

"Сёма всё-таки и сейчас обо мне заботиться. Всё продумал наперёд. Я даже прощу ему эту слежку. Конечно, когда вернётся, своё получит за вторжение в частную жизнь, но сначала... сначала отблагодарю... таких пирожков ему напеку...".

К остановке подъехала тёмная иномарка.

— А вот, Мария и такси прибыло. Это наши. Садитесь, не бойтесь. Довезут до подъезда. Ещё и проводят, — он ненавязчиво подтолкнул к автомобилю, открыл дверь и усадил в тёплый салон. — Можете звонить на Сёмин номер сотового, если что-нибудь понадобится или будут неприятности в самом институте. Он пока при нас и мы с радостью поможем, пока блондин за пределами страны.

— Как вас зовут то? — успела крикнуть Маша.

— Чётный, — улыбнулся незнакомец и, попрощался, закрывая дверь.

"По числителю или знаменателю?" — едва не спросила Мария.

Автомобиль плавно тронулся, укачивая дорогой её и молчаливого водителя, который не спешил ловить в зеркало заднего вида её настойчивого взгляда.

"Ну, что ж. Этот салон лучше, чем в автобусе", — улыбнулась самой себе Маша, завидев знакомый дом и подъезд.

Тибет **Где-то в горах**

Рука напряглась, поднимая большое медное кольцо. Стук железа о железо прокатился по темнеющей улице и всему монастырю. Сёма замер, стараясь вслушаться в шаги за большими, массивными воротами. Вира за плечами беспокойно потеплела, предчувствуя близость драки.

После драки с двумя неизвестными в Индии его подобрали местные жители. Посчитав его, то ли за святого отшельника, сражающегося с дивами, как индейцы называли демонов, то ли за посланника самих богов, окружили бессознательного всей возможной заботой. А его ночное бормотание на всех языках мира "отдыха, очага, одежды" принимали за заклинания против тех же злых духов. Но как бы то не было, через два дня, накормленный и одетый, Сёма с мешком припасов и секирой в перевязи за плечами, а так же вырезанным из редкого дерева посохом на дорогу, уже переходил границу страны. Никаких документов не потребовалось. Менталитет населения количеством более миллиарда многим отличался, по крайней мере порядком на границах. На одиноких людей мало обращали внимания. К растрёпанному отшельнику в потёртом, подвязанном халате, приготовившемся к переходу в горы, пограничник отнёсся с симпатией. И вместо документов попросил у белобрысого благословения. Сёма, прошептав на монгольском "в лесу родилась ёлочка", бодро направился в земли Аватара Здравы. Выручать из неволи ныне почившего пленителя Духа и заодно спросить, куда делся брат.

Рука повторно подняла кольцо, опустила, и стук расплылся металлическим звоном. Одна из ворот, скрипя, подались внутрь. Тощий, лысый старикан протиснул голову в узкий проём, бурча на китайском:

— Туристов не принимаем. Это не Шао-Линь.

— Мне нет дела до туристов. Я пришёл к настоятелю, — ответил на языке собеседника Сёма.

— В ученики не берём, — не меняя хмурого выражения лица, обронил монах.

— Вам нечему меня научить. Я пришёл не за этим.

— Ты слишком горд своей миссией? Смири гордыню. Настоятель не принимает дерзких выскочек.

— Я отполирую твой череп, противный старикан, если непустишь меня к настоятелю... Или кто там у вас?

— Хм, ты груб и настойчив. Может припадать тебе пару уроков?

Сёма развёл руки, скидывая почти опустевший походной мешок, и откладывая в сторону ветхий, весь в трещинах, с отполированной ручкой, посох. Отошёл назад, давая место драке, скидывая халат и бормоча под нос:

— Конечно, старикан. Преподай мне пару уроков.

Пыльный халат полетел в грязь выложенной камнем дороги. Сёма расправил плечи, поигрывая рельефным торсом.

Старичок хмыкнул и проворно скрылся за дверью. Оттуда едва слышно донеслось:

— Урок первый: избегай драки.

Сёма невольно открыл рот:

— Э, а ну вылазь. После теории учитель должен преподавать ученику практику.

— Я уже победил тебя в уме, глупец. Зачем подтверждать ещё и наяву? — Донёсся едва слышимый писк из-за двери.

Сёма отвязал от мешка секиру, перебросил перевязь через плечи и взял разбег. Сгущающаяся темнота скрыла от глаз, как забор в три человеческих роста едва ощутил на себе поступь ног и странный блондин взглянул на старичка сверху вниз желтоватыми глазами, отражающими свет факелов внутри двора.

— А, злые духи! — Старичок засеменил вглубь здания, вопя, насколько позволяли лёгкие.

Сёма спрыгнул со стены и спокойно пошёл следом, напевая под нос стишок, который придумал, пока поднимался в недружелюбные горы.

Творец зажжёт горнило жизни,
Расставил пешки на доске,
Узрев в невидимой руке
Другого Игрока фигуры.
И началась Игра.

Из здания с криками высыпал с десятков цветастых монахов. Мигом взяв "злого духа" в кольцо. Сёма продолжил бормотать стишок на русском языке.

В ней правила просты:
Людское — людям.
Больше правил нет.
И карта всего Мира
В руках людей.

— Он шепчет заклинания! Бей его! — крикнул один из молодых воинов, постигающих истину в закрытом монастыре. Народ дружно бросился на врага, едва не стукаясь головами от ретивости.

Сёма, крутанувшись, и немного смазано для стороннего взгляда поведя рукой, разрезал круг. Монахи попадали на землю, получив волновой удар.

— Что за дьявольская Чи³? Он демон! Нам не справиться с ним! — Снова закричал "заводила" и первым бросился бежать.

Сёма, не торопясь, пошёл дальше, на свет, продолжая бормотать:

Одно сплошное поле боя.
Свободы через край,
Да скользкие пути.

³ <1> Чи (Ки) — внутренняя энергия человека.

Никто не ведает куда идти...
Но все идут.

Первое освещённое факелами здание встретило внутри довольно приличного помещения вроде тренировочной залы, доброй пол сотней монахов в тёмных балахонах. Руки каждого ошетинились оружие: посохами, загнутыми мечами, цепами, чакками, бамбуковым палками.

"Грозно. Пространства бы ещё раз в пять побольше", — подумал Сёма, продолжая напевать:

Ты сам свой выбираешь путь.
С дороги жизни не свернуть.
И стоит до конца дойти,
Пройти черту опасностей,
Прорвать нити судьбы...

Вира взвилась в обе ладони. Зрачки отразились желтизной, сердце ускоренно забилося. Замах на полный круг был моментальным. Монахи взвились в воздух, сбитые воздушным резаком. Одежда на многих порвалась и на коже остались мелкие порезы, но ни одного убитого или раненого не наблюдалось.

...И вот ты снова у черты.
Опять Игра.
Одна лишь разница
Она твоя

— Пока мёртвых нет, — его голос прошёлся невольной дрожью по каждому в помещении. — Но предупреждаю, следующий, кто нападёт на меня, будет убит. Кто хочет накормить своим трупом смерть, действуйте.

Вперёд выступили двое. Сёма, мгновенно оглушив обоих плашмя секирой по голове, побрел через строй лежащих в страхе дальше, бормоча:

— Вот следующий точно будет убит.

Выпад сбоку. Копьё с красной тряпичей едва не прошило бок, вспарывая почку. Блондин, извернувшись, отобрал копьё и тупым концом врезал ретивцу в лоб.

— Убит будет следующий! Вы что китайского не понимаете? Или с вами на тибетском разговаривать?

Двойной выпад мечами. Пришлось от одного уйти, а под второй подставить секиру, отбрасывая наступающего так, что тот сбил с ног ещё двоих.

— Не злите меня! Мало того, что глухие, ещё и со зрением беда? Сейчас я вам диоптрии вправлю, слуховой аппарат поменяю!

Монахи расступились. Старичок, встретивший на воротах, упал к ногам, вертя в руках какую-то коробочку. Крышка слетела и старичок посыпал на и без того пыльные, разбитые долгой дорогой ботинки, серую пыль. Взметнув руки к небу, сложенные лодочкой, покачиваясь, запел:

— О священный порошок лотоса, упокой духа!

Сёма беззлобно щёлкнул старика по лбу, улыбаясь:

— Слушай, мне через два дня надо в России быть. Не хочешь к настоящему вести, отдай Аватара Здраву, и разойдёмся миром.

Старичок, потирая лоб, залепетал:

— Что? Ещё один из России? Мы только дыру в стене заделали! — Старик поник, бормоча полужёпотом. — Что за загадочная страна порождает таких людей?

— Что? Здесь был кто-то ещё?

— Был, белый дух, двое! Волосы длинные, чёрные, вьющиеся! Злые, как тысячи демонов и сильные как стадо быков! Лазарет переполнен. Против тебя вышли только самые младшие монахи, те, кто остались способны стоять на ногах.

Сёма, почёсывая затылок, присмотрелся к воинам. Лица были покоцаны, многие в синяках. То, что принял за результаты тренировок, оказалось результатом недавнего сражения.

— Погоди, а почему монастырь целый? Если это те самые чернявые, вихрастые, камня на камне бы не оставили.

Старичок обхватил за ноги, едва не плача:

— Так ведь и не оставили! Как есть, камня на камен не было. И ворота, и здания, и внутри, и снаружи...и...

— А, ну эти могли... А вы строите быстрее молдаван что ли?

— Это всё Настоятель. Упросил священного духа воссоздать всё, как было. Велика карма его и да светятся все семь чакр золотом.

— Светится карма его, — хором повторили монахи в зале.

Сёма, прикусив губу, поднял старичка с колен. Наскоро отряхнув, поймал взгляд:

— Так, идём к настоятелю. А потом к духу сразу.

— Зачем же идти к нему? Он перед тобой, — нараспев ответил старичок, делая важное лицо.

— Да что ты мне мозги пудришь? С каких это пор настоятели у ворот дежурят?

— Святой дух повелел мне встретить белокурого воина.

Сёма недобро глянул на старичка, суживая глаза:

— Тогда к чему были все эти твои "уроки"? Сразу не мог открыть ворота?

— Ворота истины открываются не всем.

— Но дух же сказал тебе встретить.

— Встретить, но не впустить.

Сёма, вздохнув, зашёл с другого конца:

— А часто у вас выбирают новых настоятелей?

— После смерти старых.

Сёма замогильно захихикал:

— Выборы могут начаться прямо сейчас.

Настоятель побелел, залепетав:

— Великий священный дух ждёт белокурого воина.

Сёма, положив секиру на плечо, хмыкнул:

— Вот так бы сразу.

Обитель Здрaвы

— ...Я одного не пойму. Почему ты носишь прозвище, как синоним здоровья, а мы сидим с тобой в дурманящем тумане, ещё и в полной темноте. Причём, я пришёл, только что, а ты сидишь здесь сколько-то там сотен лет. Или тысяч? Не важно, ты скажешь мне, куда ушёл Скорпион и я пойду следом. Мне надо догнать брата и всё ему объяснить.

— Ты сидишь здесь вторые сутки, блондин, и каждые полчаса задаешь мне один и тот же вопрос. Снова и снова я отвечаю тебе, что дым нужен, чтобы ты отключил стандартный набор схем в своей голове, а темнота, чтобы зрение не обманывало тебя и не мешало концентрации. И я не могу тебе указать на следы на земле, потому что они слишком сильно бросаются в глаза. И разве можно догнать того, кто никуда не идёт?

— Не сбивай меня с толку! Я знаю, на что способен мой мозг и мне не требуются вторичные вещества для усиления каких-либо функций. Всё что надо, он выработает сам. Творец со своей эволюцией не так глуп. Ты же ставишь ему палки в колёса, останавливая прогресс своим сидением на месте, в заточении, один на один с великими мыслями. К чему же потом удивляться несовершенству кармы, когда получаешь прикладом в лицо за своё

бездействие?

— Все предрешено. Я вижу прошлое, настоящее и будущее. Река времени унесёт суетящихся врагов.

— Река времени всех унесёт. Только ты не из тех, кто оставит на берегу хоть что-то приметное. Ведь ты заложник своего будущего. Всякий раз переживая его, всякий из вариантов, ты остаёшься стоять на месте в страхе сделать хоть шаг. Боишься ошибки. Её последствий. Как можешь ты называться Учителем вверенных тебе учеников? Неизменный деградирует настолько, насколько мчит вперёд та самая река времени свои волны. Ты смешён, Аватар. Горы Тибета дают тебе сил предвиденья. В других местах ты слеп. Самый большой стык земных плит, образующий гору, полон патогенных аномалий. Самое лучшее место для ловли глюков в мире. А ответ прост — кварц. Плиты, наползая одна на другую, заполняются кварцом. И эта "сила земли", воздействуя на окружающее пространство, помимо свечения в атмосфере и притяжения частых разрядов молний, воздействует на человека, как в Древней Греции на пифий, построивших храм предсказаний у ущелья, воздействовали ядовитые испарения. Вот чем вызвано твоё стремление оставаться на месте...

— Довольно! Бегущий к краю пропасти, ты допустишь много грубых ошибок!

— Я нахожу в себе силы признать их и снова двигаться вперёд!

— Тогда продолжай бег. И постарайся сделать свой самый дальний прыжок, отталкиваясь от обрыва. Это и будет твоей нирваной.

— Нирвана? Ты полвека дурачил своих соратников якобы тем, что в плену, но всякий раз, когда делались попытки тебя освободить, ты сам пресекал освобождение. Ты не помогал соратникам. Тебе было удобно спихивать всё на плечи друзей, отсиживаясь в плену. Но Дух мёртв, а ты всё ещё в плену. К чему это? Слава отключен, Добро убит в бою, Жива разоблачён... Я понял, он ушёл после того боя... Что-то в твоём дыме есть... Но, ты думаешь, у тебя есть хоть какое-то моральное право оставлять Бодро один на один с четверными Эмиссарами? Выходи за пределы гор или я не изменю своего мнения, что ты слаб как... постой, а разве Горэ тоже зависим от Кавказа, как ты от Тибета?

Во тьме, в отключенных ощущениях, тёплой ладонью ощутилось прикосновение тёплого ветра и голос на самое ухо прошептал:

— Ты воин по сути и видишь войну во всём. Даже оставшись наедине со своими мыслями, ты продолжаешь бежать и махать кулаками. Но на секунду остановись и осмотришься. Разве в выжженной, безжизненной пустыне остались признаки войны? Мёртвым нет смысла поднимать друг на друга мечи.

— Значит, смирился?

Молчание.

— Не делай вид, что не расслышал.

Ни шороха, ни дыхания, не слышно даже стука собственного сердца.

— И не выставляй всё так, словно я разговариваю сам с собой.

Сёма в гневе открыл глаза: яркое солнце на безоблачном небе, он в "полулотосе" сидит на песке с секирой на коленях и вокруг, насколько хватает глаз, одна бескрайняя пустыня.

— Здравствуй, выбрасывать страждущего ответов в пустыню без его ведома не прилично. Обещаю, когда в следующий раз буду в Тибете, заберу у тебя сан Аватара. А ты, не живущий здесь, отправишься жить "там"!

Сухой ветер бросил в лицо горсть песка. Сёма, отплёвываясь, посмотрел под ноги. Две пары следов были почти заметны. Взгляд пробежался дальше по цепочкам, уходящим за бархан.

— Хорошо, если это их следы, то я подумаю оставлять ли тебя в живых... — Прокричал Сёма, подскакивая и срываясь в бег. — Но Аватаром тебе всё равно больше не быть! Минздрав не признает!

Следы, следы, глубже и глубже. Сёма ускорился, взбираясь на бархан. Ещё выше, верх, вверх! Вот оно!

Сёма застыл. Да, двое брели по пустыне, спускаясь со склона: лысый мужик в белом длинном халате с незажженной свечой в руке и старуха с большим мешком за плечами. Мужик держал перед собой свечку и шагал прямо-прямо, словно по стрелке компаса, а бабка следовала за ним след в след.

Сёма, заложив секиру в петельку за плечи, побежал вслед за странными путниками негостеприимных земель. Они не отвечали на крики, не оборачивались. Догнал, поворачивая к себе бабку.

— Эй, да что с вами? Кричу вам кри... — Сёма осёкся. В пыльном, измождённом лице старой женщины узнал ту, что когда-то называл бабушкой.

Женщина безразлично окинула взглядом тусклых глаз, и резко сбросив руку, вновь повернулась к упорно бредущему мужику со свечкой. Тот шагал как робот.

Сёма, отлупив себя по щекам, обогнал обоих и встал на пути белохалатного.

— Я умер, и черти издеваются надо мной или это моя сумасшедшая бабка и её великий проповедник?

Мужик молча обогнул препятствие, как безликий камень и вновь вернулся на прежний курс. Бабка тоже собралась обогнуть Сёму, но он поймал её за руку, задерживая:

— Полгода я разными путями пытался найти тебя после исчезновения вашей группы из пятидесяти человек. А вы... а вы... кстати, где мы?

Бабка уверенно отпихнула его, словно была полна сил, как какие-то полвека назад и молча побрела за гуру. Или его свечкой.

— Старая карга, ты совсем спятила? Давно вы бродите по этой пустыне? Где все остальные люди?

Они молча удалялись.

Сёма, присев на песок, затёр виски, стараясь собрать вместе плавающие на солнце мысли. После дыма Аватара выходило не очень.

— Эй, песчаные чудища, скажите хоть где мы?

Мужик резко остановился. Бабка почти тут же свалилась на колени, шатаясь из стороны в сторону как маятник. Лысый поднял свечку к солнцу и стал махать руками, то ли танцуя, то ли плавая в воздухе.

Сёма заинтересованно приблизился к людям в состоянии транса, наблюдая довольно странный ритуал. Прошло минут десять, а они и не думали прекращать.

— Слушайте, будете так обильно заниматься зарядкой на солнце — замёрзните.

Ноль внимания.

Сёма наклонился над старухой.

— Эй, дитя Ленина, откуда в тебе столько энергии?

Очередной вопрос остался без ответа.

— Вода есть? Я в рюкзаке пороюсь?

Бабка упорно качалась из стороны в сторону, ничего не отвечая.

— Я рад, что вы не против.

Сёма, приспособившись к качающемуся рюкзаку, развязал тесёмки и стал извлекать предметы. Вскоре на песке в ряд стояли: утюг со шнуром без вилки, сдутый резиновый мячик, семь пустых пакетов, завёрнутых один в один, как матрёшки, погнутая медная палочка, фляга с дурнопахнущей жидкостью тёмного цвета, стопка тетрадок, две ручки и на дне рюкзака с килограмм чёрных семечек.

— Е-моё, да вы у джиннов клад вымутили? Или на обмен несёте?

Сёма, вздохнув, потянулся за секирой.

"Пара ударов по темечку и перестанут мучиться".

— И так, учитель, начнём с тебя. — Сёма встал сзади махающего мужика. — Если ты и вправду инопланетный посланник, секира при соприкосновении с твоим темечком не должна причинить тебе вреда. Меня поразит молния, убьют твои соплеменники или на крайний случай включится чудо-щит. Так что не серчай. — Сёма замахнулся и... руки замерли. — Не, со спины как-то не по-арийски. — Сёма обошёл, став спереди. — Давай лучше в сердце и

всё. Да? Ну, я вижу, что ты согласен. — Сёма вновь замахнулся и... замер. — Тьфу, чёрт. — Обронил секиру. — Шею тебе, что ли свернуть на раз-два? Откуда вы берётесь то а? Ты думаешь, ты уютном инопланетян вызовешь? И семечками накормишь?

— Не терзайся чужими путями, — слышалось со спины. — Их настоящее так же неумолимо, как и твоё.

Сёма повернулся. Рядом со старухой сидел здоровый толстяк с заплывшим жиром лицом. Седые прямые волосы были едва ли по плечи. Старый потёртый плащ окутывал его всего по подбородок.

Сёма поскрёб щёку и кивнул:

— Да, да, да, вы совершенно правы, господин джин. Прошу прощение за этих чудиков, ваш украденный клад прямо за вами, можете забирать и уходить. Только на обратном пути вызовите пожарную. У меня жар.

— Не паясничай, Сёма. Никакого жара у тебя нет. Да и я не джин.

— Я смотрю, много людей знает моё имя. Своё не подскажите?

— Лич.

— Совсем Лич?

— Сёма...

— Всё, молчу.

Лич вздохнул:

— Что ты забыл в моей пустыне? Не часто странники тревожат мой сон.

— А что это за пустыня?

— Гоби.

— Гоби? — Сёма недоверчиво осмотрелся, словно только теперь поверил в песок. Заключив для себя, что он действительно может быть в Гоби, вздохнул. — Ну, этих Аватаров. Я никак не могу привыкнуть к их дыму.

— Тебя закинул ко мне Аватар?

— Да. Только непонятно зачем. Вместо моего брата я нашёл пару фанатиков поиска внеземных контактов. Понимаешь, они и на родине особо мозгами не отличались, но теперь совсем плохи стали.

— Пустыня влечёт много странных людей. Если хочешь уединения — иди в горы. Если понимания — в пустыню.

Сёма кивнул на старуху:

— Эта карга половину моего детства терроризировала мозг заветами Ильича, потом скиталась по всем курортам России, а потом просто исчезла вместе с новообразовавшейся сектой. Естественно в пустыню. Естественно за пониманием. Как же иначе?

— Это её путь. Ты же измучен своим.

— Есть такое. Можно спросить тебя, почему ты впал в спячку? Или что-то вроде этого. По слухам, ты спишь не первую сотню лет.

— Я не в спячке, просто не покидаю предел пустыни.

— Зачем?

— Здесь спокойно.

— Урбанистические тенденции надоели? Люди мелькают туда-сюда? Жуть, да?

Лич долго выдохнул, чуть позже обронил:

— Тебе рано слушать ветры пустыни. Уходи.

— Уходи? Куда? Я ищу своего брата. Меня забросили именно сюда.

— Его здесь нет.

— А ты знаешь, где он?

— Ты сам знаешь ответ. Покинь меня, Сёма. Есть место, где тебя сейчас ждут гораздо больше, чем здесь. Успокой свой разум. Твоё сердце там. Мы увидимся, когда придёт время.

— Но...

Вспышка света.

Россия "Эдем-1." 31 декабря

Сёма, благословляя снег и ощущая, как секира примерзает к ладони, мог с закрытыми глазами бежать по знакомой дороге. Лич выбросил его в сотне метров от Эдема-1. Ощущая, после зноя пустыни кожу покалывает от перепада температуры, блондин сорвался в бег к родному дому.

Фигура в чёрном, появившаяся в двух метрах от него, прямо поперёк дороги, показалась чем-то бредовым и лишним в волшебном сне возвращения в родные пенаты. Совсем не так фантазировал возвращение.

— Сёма, сейчас ты просто должен мне поверить или всё закончиться очень плачевно.

— Что для тебя "всё"?

— Ты пройдёшь до дома Корпионовых и начнётся цепная реакция никому не нужного варианта будущего. Твой друг Кот вместе с Ладой лишаться памяти, переоценив свои силы на одной из открывающихся баз Антисистемы в Сибири. Оружие иномирья в руках конторы затрёт им человеческую матрицу мозга. Даниил прозеваает покушение на свадьбе и, защищая невесту, примет телом два десятка пуль. Но самое страшное то, что Скорпион не сумеет справиться с Золо...

Сёма сморщился, стараясь уловить суть.

— ... Истинно говорю тебе, ты войдёшь в дом, обнимешь сестёр и позвонишь Марии. Взяв автомобиль, помчишься к ней, будет долгожданная встреча, будет совместная встреча Нового Года в доме Скорпиона и двое суток тотального праздника. После случай раскидает вас: Кот с командой паранормов полетит в Новосибирск, Даниил, помогая Антисистеме за Уралом, получит ранение, которое не позволит перехватить автомат предателя и он умрёт. Скорпион не найдёт решения и тоже умрёт. К тому же ты сам из будущего просил передать тебе настоящему, что "лучше потерянный меч, чем уничтоженные семьдесят три страны". Понимаешь?

— Ты брат моего брата. Этот парадокс заставляет меня верить тебе. И я могу допустить, что после череды "восточных мудростей", и влияющих на мозг гор и пустынь, я должен мигом лететь хоть к чёрту на кулички, лишь бы того, что ты говоришь, не случилось. Но, чёрт побери, мне сложно что-то понять из твоих слов. Ты тоже ясновидящий до мозга костей?

— Те, кто перешагнул черту отпущенной человеку жизни, видят чуть больше...

— Чуть? Почему же не Родослав останавливает меня у шлагбаума посёлка, а его племянник?

— Дядя всегда делал ставку на волю случая, я же отчётливо вижу, как не хватает Даниилу сил, даже после наведённого сна на одно забавное событие в Манчжурии.

— Событие?

— Дядя видит в Харламове некую перспективу. Качает его для себя, подкидывая кое-какие крохи. Дед Даниила участвовал в спецоперации в тех землях, когда действие русского спецназа в последний период Второй Мировой спасло Владивосток, Хабаровск, Биробиджан, Благовещенск, Комсомольск-на-Амуре и ещё половину Дальнего Востока от применения бактериологического оружия. Видимо хотел напомнить, что Дальний Восток мог стать одной большой братской могилой милостью японцев, чтобы не особо-то напирал на американцев с их первым применением ядерного оружия. У Японии в заглавнике было оружие и пострашнее ядерного. Как всегда, дядя верен паритету. На каждую страну, на каждое правительство и людей можно нарыть немало интересного, но вот когда это пускать в ход — забота таких людей, как наша большая, дружная семья, стремящаяся перегрызть друг другу глотки при первой возможности. Я говорю о Эмиссарах, Аватарах, Отшельниках, потомков богов и людей, добившихся за свои стремления чуть больше, чем добиваются обычные люди. Мне продолжать или ты готов в путешествие?

Сёма ощутил, как нервно дёргается глаз.

"Ну, вот и нервный тик заработал".

— Я всегда готов. Если дашь майку и поддержишь секиру, хватай за шкурку и швыряй вдогонку брату. Если тёплой одежды нет, надеюсь брат в тёплой стране.

— Всё опять же не так просто. Поскольку планированием вектора событий занимаюсь не я один... точнее я лишь один из многих, кто им занимается... то и тут не всё гладко. В частности для тебя.

Блондин едва сдержал нервный смешок:

— Что там ещё?

— Тебе придётся стать козлом отпущения.

— Всего-то? И тогда все выживут?

Меченый помедлил в ответом, наконец ответил:

— Учитывая нездоровый интерес многих, будет чья-то смерть.

— Тогда какой смысл?

— Смерть одного человека лучше, чем многих. Мне снова повторить твои слова из другого витка варианта миров?

— Да к чёрту витки. Скорпион выживет?

— С большей вероятностью.

— Слушай, если будешь так говорить, возьму твою воображаемую линейку, которой ты что-то измеряешь в своём будущем и настучу по голове? Откуда ты можешь знать что там в будущем, если...

— Я знал, что ты согласишься, — пропустил последнее замечание Меченый. — Но есть ещё одно "но".

— Может, прямо здесь меня убьёшь? — Сёма запрыгал с ноги на ногу, пытаясь согреться. Управляемая терморегуляция на морозе помогала, но из-за больших перепадов температуры стала болеть голова.

— Это лёгкий путь, да и здорово повлияет на другие цепочки событий. Пойми, ты нужен миру живым. Да, целому миру. Эго ни при чём. Но я не могу подкинуть тебя прямо к месту событий, дать в руки оружие и направить удар. Это твой путь, ты сам должен дойти. Одет в чём есть, ты попадёшь в Лос-Анджелес. И у тебя будут только сутки, чтобы добраться до Нью-Йорка.

— А в чём трудность?

— А ты думаешь, я отпущу тебя за паспортом, подожду, пока оформишь визу или насыплю в каждую ладонь золота?

— Мог бы просто подарить кредитную карточку... Постой, если я не смогу без документов полететь в Нью-Йорк, то на автобусе или даже скоростном поезде мне тем более не успеть за сутки!

— Вот эту проблему ты и должен будешь решить... Если не хочешь ещё одной смерти.

— Хватит мне угрожать! Нужна чья-то смерть — возьми мою жизнь. Друзей не трогай.

— Красивые слова. Период максимализма. Ничего — повзрослеешь. На многие вещи будешь смотреть под другим углом зрения.

— Но что-то останется неизменным, как преданность дружбе. Секиру точно поддержишь?

— С этим проблем нет.

— Тогда кидай. Точнее — закидывай. Но почему у меня такое ощущение, что гроссмейстер из тебя хреновый?

Вспышка...

Печальные глаза Меченого, пустая дорога, свист ветра и заснеженные сосны вдоль кюветов сменились рокотом прибоя и почти пустым, несезонным пляжем. По одну сторону песка был открытый океан, по другую — дома вдоль дороги и суетящийся народ.

Сёма устало упал на колени, вгрызаясь пальцами в мелкий, белый песок. Голова от нового скачка градусов вновь взвыла, в виски вместо молоточков застучало кувалдой. Захотелось упасть в песок лицом и завывать.

"Но это лишь момент слабости. Со слабостью надо бороться. Проклятая командировка. Сдался мне это Аркаим. И ведь уже ощущал тепло дома, а получил уравнение со множеством неизвестных и строгого учителя, который сам не в силах его решить. И с чего начать-то? Я не спал трое суток! Маша, видит Творец, я спешил к тебе как мог! Ну почему Новый Год на чужбине? Лера, отшлёпать бы тебя за твои причуды с истериками. Найду — накажу. В кой-то веки хотел домашнего покоя. Видно сам чёрт дёрнул за ногу бегать по тренировкам и нарваться на чернявого. Сидел бы дома, шпилил в приставку, мажорил всю беззаботную жизнь, развлекался с гламурными девахами, потом учился бы в Лондоне или каком другом зарубежном ПТУ. Лёгкая жизнь. И смерть в окружении ленивых детей, скучного взгляда жены и зевающих внуков. Только в голову будет бить уже не боль перепада температур, а вопрос — почему нет ощущения завершённости, насыщенности жизни?.. Кого обманываю? Ну как встал и пошёл крушить горы, пробивать лбом гранитные стены и касаться макушкой неба!".

Температура была около пятнадцати градусов тепла. Зима по местным меркам. Люди бродили в ветровках. Бегуны вдоль берега мчались в тёплых кофтах, свитерах, мастерках.

Сёма поднялся, отряхиваясь от песка. Армейские ботинки, штаны и потрёпанные одеяния странствующего по горам Тибета не совсем сочетались с местными понятиями о нормальной одежде. И засаленные, слипшиеся волосы грозили выдать за человека без определённого места жительства. Хотя с другой стороны мускулистое тело и татуировки сглаживали впечатления — так, типичный неформал, одевающийся, как хочет, во что вздумается из-за протеста к обществу.

"Что ж, у меня три цели. Две малых и одна большая: заработать немного денег, не попасться полиции и успеть в Нью-Йорк за сутки. И всего два выбора: успеть или опоздать. Вперёд, блондин! На штурм, на abordаж, в погоню!"

Сёма сбросил остатки одежды на торсе, оборвал до колен штаны, сделав подобие шорт и, расправив плечи, сверкая татуировками леопарда и тигра, напялив на лицо самую добродушную улыбку из возможных, бодро побрёл к дороге.

Семь часов спуска "Долина Смерти"

Сёма брёл по пустыне, отмечая для себя, что ненавидит две вещи: пустыни и гроссмейстеров. Оба объекта за сутки надоели так, что не хватало слов высказаться как он на всё это зол.

Солнце ушло на закат, кроваво-красное, как демоническое око. Разве что не хватало чёрного зрачка в центре. Мир накрыла тёмная пелена, зажигая в небе первые звёзды. Дикий клочок луны освещал дорогу не больше, чем ручной фонарик, который так хотелось иметь под рукой.

Жара, искушавшая плечи и спину, спадала. Юноша грыз потрескавшиеся губы и пытался не обращать внимания на блики перед глазами. Вечером они были тёмными, ночью стали светлыми.

"Люблю разнообразие", — подумал Сёма.

Предупреждающий треск гремучих змей привлекал внимание не больше, чем остывающий хруст камней. Огромные валуны и небольшие камни трескались, отдавая накопленное за день тепло, змеи выбрались на охоту, выслеживая повылазившую из мелких нор живность, что под вечер выбралась чем-нибудь поживиться, добыть влаги.

"Жизнь есть в любой месте, только во мне её всё меньше и меньше. В какой стороне Нью-Йорк?"

Нога ступила в опасной близости от очередной змеи, свернувшейся в клубок и готовой к броску. Тело само напряглось, Сёма отпрыгнул прежде, чем понял, что случилось. Ядовитые клыки схватили воздух в опасной близости от лодыжки.

Зато запнулся за камень и впотьмах свалился за другой его край. На этом падение на

закончилось. Ударился локтём, головой, нога куда-то провалилась, зацепившись ботинком.

Сёма устало опустил щеку на песок:

— Ну что ещё? Не могу больше. Змея, вернись! Доверши начатое!.. Будь человечнее!

Ногу как заклинило. Оказавшись в неудобном положении, не мог не вылезти, не залезть внутрь. Мучила жажда, клонило в сон. На сотых попытках извлечь себя из ловушки, не заметил, как отключился...

— Сэр, шахта в норме, это какой-то придурок попал ногой в вентиляцию. Он без сознания и... похоже на то, что не первый день в пустыне, — обронил чей-то голос над ухом. Сёма не стал открывать глаз, доверившись Проведению. Руки щупали шею, считали пульс, поднимали веки, светили в зрачки. Но Сёма умел если не полностью отключать восприятие любого из пяти чувств, то, по крайней мере, притуплять. Уроки в Альфе не прошли даром. Мог сойти и за трупа, если бы потребовалось. Сердце замедлять проще, чем отключать зрительные рецепторы.

Донёсся чистый ответ по рации, без хрипов:

— Только ты, Сэм, умудряешься найти придурка там, где нет ничего живого на десятки миль вокруг. Я отмечу это в рапорте.

— Сэр, я...

— Задержать нарушителя и привести на базу!

— Есть, сэр... И так, ребята, нам приказано доставить это ночное нечто на базу. Вытаскиваем!

Группа солдат дёрнула, тянула, ругалась. Наконец, извлекла его из скрыто-замаскированной под камень шахты. Накинув на глаза повязку, а руки и ноги сомкнув наручниками, закинули в машину. Заурчал мотор, машина тронулась с места.

Через десять минут машина остановилась. Сёма прислушался — слышался лязг открываемых ворот. Вскоре машина вновь тронулась.

Через несколько минут руки вновь подхватили и вдвоём потащили в неизвестность...

Наручники сняли, зато приковали к стулу. Свет в лицо. Едва сдержался, чтобы не скривить лицо, не моргнуть. Проще было тысячу раз отжаться от пола. Затем в лицо плеснули водой.

"Бог есть" — подумал Сёма, ощущая влагу на губах. Едва удалось не дать дёрнуться кадыку.

— Врача, — обронил кто-то над ухом.

Через минут пять снова кто-то щупал, светил в глаза, тормозил. Не добившись реакций организма, вынес вердикт:

— Он в тяжёлом состоянии, его надо в лазарет.

— Док, мне нужны от него ответы.

— Оставшись прикованным к стулу, он, скорее всего умрёт, так вам ничего и не ответив.

Руки щёлкают браслетами, подхватывают, несут. На этот раз без наручников

Снова возня, каталка, топот ног по коридорам, лязг металлических дверей, пиканье датчиков, короткие обрывки фраз, чаще приказов.

Сирена!

Вот от воя сирены непроизвольно вздрогнул — этого предвидеть не мог. Пришлось открыть глаза и начинать действовать. Соскочив с каталки, припечатал к стене доктора, перехватил автомат — М-19 — первого сопровождающего солдата, расстрелял двух оставшихся.

— Это не учебная тревога! — Донеслось из динамиков над головой. — Побег в секторе И-2. Повторяю, побег в секторе И-2.

— Вовремя, мне тоже пора линять, — обронил Сёма, обыскивая солдат и подхватывая на плечо доктора. Пара карточек легла в карман, но кто знает, какие на базе ещё меры предосторожности? Датчики сетчатки глаза, отпечатки, голос?

Сём приблизился к двери, доставая свободной рукой карточку. Но донести до

терминала не успел. Дверь резко отворилась. Сёма, бросив доктора на пол, прыгнул в сторону, целясь автоматом в проём.

Но нажать на курок не успел — что-то невидимое вырвало автомат из руки и отбросило дальше по коридору. Обнажённый мужчина, показавшийся из проёма, поймал взгляд. Они скрестились, несколько секунд изучая друг друга.

Наконец мужчина, не удостоив и слова, побежал дальше по коридору. Сёма подскочил и, долго не думая, побежал следом. Станный голый человек на секунду повернулся. Сёма кивнул, показывая свободные руки, послал невербальный пакет информации, состоящий разом из символов и картинок.

— Я с тобой. Нам по пути. Я тоже здесь случайный гость. Ты не против? — Примерно так "сказал" ему блондин.

Мужчина, снова на секунду задержав на нём взгляд, отвернулся и продолжил бег, больше не обращая внимания на странный взлохмаченный объект, следующий по пятам.

Двери слушались мужчину как живые — открывались, едва он приближался к ним. Было несколько стычек с солдатами. Незнакомец расшвыривал их по стенам, без прикосновений. Охрана базы, оглушённая такими приёмами, сползала по стене в отключке.

Двери, стычки, беготня по уровням. Сёма не отставал от нового знакомого, но всё же держался на расстоянии лишь в последний момент ныряя в дверные проходы.

"Мало ли, как мужик отнесётся к вторжению в личное пространство", — прикидывал для себя Сёма.

Лишь однажды пришлось подобраться ближе, чем нужно — незнакомец вызвал лифт. Раздумывая, убьёт или помилует, Сёма шагнул следом.

В голове вспыхнула картинка карты неба. Одна звезда окрасилась красным. Было похоже на то, что этот странный голый человек не совсем человек и указывает на место своего обитания. Но в школе, где учился Сёма, астрономию не преподавали, да и полной карты звёздного неба блондин не знал.

На всякий случай кивнул.

Снова вспыхнула карта, и красным обозначилось две сотни звёзд. Пришелец (а в том, что это пришелец, Сёма больше не сомневался) выжидательно посмотрел на блондина.

— Не, не, не, я с этой планеты, — растерялся Сёма, пробормотав вслух, но тут же добавил в ответ образы и отослал короткий пакет информации о планете "собеседнику".

Пришелец схватился за голову, упав на колени, носом пошла кровь. Сёма испугался, что что-то сделал не так, но двери лифта открылись и блондин понял, что это не его воздействие. Видимо, у обладателей базы было оружие, которое блокировало пришельца.

Сёма повернулся. Холодные дула автоматов упёрлись в грудь.

— Ребята, он взял меня в плен! — на одном из акцентов английского — американском, сказал Сёма и, изобразив на лице отчаяние и жгучую благодарность, изобразил желание обнять солдата, срываясь в ускоренное движение.

От кучи солдат в одном месте проку нет. Вот если бы рассредоточились по огромному подземному ангару, шансов было бы больше — ко всем бы не успел. А так нож одного из солдат переключал в руки и за минуту скоростного боя одиннадцать охранников базы легли на пол с перерезанным горлом, шеей. В последнего противника нож пришлось метнуть, пронзая сердце.

Разобравшись с солдатами, Сёма метнулся к застопорившемуся лифту, подхватил под мышки пришельца в образе человека, поднял на руках и вышел из лифта.

Только сейчас заметил, что большое, просторное помещение — скрытый ангар и посреди ангара стоит серый дискообразный аппарат. Вокруг него куча оборудования, с потолка бьёт свет прожекторов, отовсюду тянутся провода, шланги, трубы.

— О, твоя машинка? Ты к ней бежал?

Пришельца затрясло, выплюнул сгусток крови. Носом течь не переставала.

— Чем же они тебя? Ну ничего, держись.

Система охраны, воздействующая на его организм, работу не прекращала.

Сёма потащил пришельца к серому аппарату, но спутник прижал руку к груди и прежде чем глаза навсегда застыли, Сёма ощутил, как лёгкий, сродни электрическому, разряд, прошивает тело. Вместе с разрядом в тело влилось тепло и перед глазами замельтешило так, что пришлось остановиться. Вдобавок вместе с этой передачей в голову что-то ударило. Не кровь, стучащая в виски, а слабые толчки словно в самом мозгу. После чего под черепной коробкой так зачесалось, что Сёма едва не взвыл. Ощущать, как чешется мозг — вот уж чего не ожидал под конец дня.

Пришелец затих, судороги прекратились, тело расслабилось, сползая с рук. Сёма опустил тело друга на пол. Да, это был друг. Прочий бы выпил энергию, а не делился, добавив и ещё кое-что от себя. Дружественная раса.

Над головой замелькали пули — прибыло подкрепление. Пришлось пригнуться и побежать к аппарату впрыска. Энергия, переданная инопланетным другом, гуляла по телу, придав новых сил. Вдобавок Сёма вдруг понял, что тарелка пришельца досталась ему по праву наследия этой странной дружбы...

И Сёма, вытянувшись во весь рост, побежал. Помчался, разгоняясь, напрямик к тарелке. И странная уверенность, что всё будет хорошо, не позволила сбросить скорость перед серым объектом. Напротив, последний раз оттолкнувшись, Сёма прыгнул прямо в неё...

Чёрный зев, отворившись, покорно принял гостя внутрь, тут же запечатав проход. "Гость", а точнее новый хозяин, врезался лбом в кресла и затих на полу, не видя, как замерцал центр управления.

Аппарат, не получив новой команды, принялся выполнять рейс по последнему заданному маршруту. Он легко оторвался от земли, отрывая от корпуса сплетение проводов и механических конструкций. Пули, выпущенные солдатами, наткнулись уже на сгенерированное поле, отражающее любой урон. Аппарат резко взмыл под потолок, пробив бетонные плиты как сухое печенье.

Следующее пробуждение Сёмы случилось при прилунении.

Нью-Йорк **Некоторое время спустя**

Десятки припаркованных по краю длинной N-стрит автомобилей взвились в воздух, подброшенные, как детские мячики. Серый летательный аппарат вспорол асфальт, сбросив последнюю скорость. Мигая защитным полем, остановился напротив небоскрёба. В цельном корпусе образовалась дверь и, сияя бледно-зелёным светом, странный металл выпустил наружу покачивающегося гуманоида. Гуманоид бранил весь белый свет и кашлял дымом. Жуткое зрелище для сотен случайных свидетелей.

Блондин, поминая недобрым словом перегруженные взлётно-посадочные полосы, расправил плечи и пошёл сквозь расступающихся людей к одиноко стоящему возле входа в небоскрёб человеку в чёрном.

— Опаздываешь на четыре минуты, — укорил Меченый, протягивая секиру. Взмах руки переключил внимание свидетелей с обоих и летающей тарелке. Люди и думать забыли о "пришельце" и сером аппарате. Каждый вновь пошёл по своим делам.

— Воздушные пробки, — беззаботно ответил Сёма.

— Эта отмазка будет приемлема не ранее чем через два века. Пока же можешь просто покраснеть. — Перешёл на невербальное общение Меч, уплотняя скорость передачи информации для экономии времени.

— Ты не учёл разговор у посёлка. Как раз четыре минуты. Я даже успел замёрзнуть.

— Уговаривание тебя входило в правило "партии".

— Тогда выпиши мне штраф, шахматист!

— К сожалению, ты выписал его себе сам.

— День какой-то полный "П". Пресс. Продюсер. Погоня. Побег. Пустыня. Провалился.

Подземка. Побег. Полёт. А тут ты ещё со своими упрёками, недомолвками. Самому не надоело?

— Теперь я тебя не понимаю.

— Прогуливался вдоль дороги, граничащей с пляжем, я наткнулся на линкольн продюсера. Упрямый малый хотел снять меня в каком-то фильме. Я честно признался, что времени нет. Тогда он уговорил меня поучаствовать хотя бы в рекламе пресса. Ну, знаешь, это когда качки, годами работая над телом, показывают, как они за пятнадцать минут накачали восемь кубиков на чудо-станке, стоимостью всего 999.99. долларов. Причём этот фетиш убирать с каждой цены последний цент, программируя подсознание на покупку "по более низкой цене" меня бесит. Ну да чёрт с ними. На чём я остановился? Ах да... И по дороге в Голливуд начал продюсер проявлять ко мне повышенный интерес. А я что? Я ж парень скромный, к мужским ласкам непривыкший. Ну, сломал ему руку для порядка и тикать из машины. Водитель, правда, непонятливый попался — полицию вызвал. Пришлось одного гонщика из машины выкидывать. Полдня за мной гонялась половина полиции штата. А я главное еду, а на спидометре всё двести и двести. Мотор взорваться готов, на шоссе волоски слились, мелькает всё почти со скоростью звука, а спидометр всё как-то тормозит — те же двести. Это ж я потом вспомнил, что у них мили в ходу вместо километров. Ну да ладно, когда почти кончился бензин, я был уже в пустыне, углубившись на запад страны. Зарывшись в песок, отбив нюх собакам, пролежал так до захода солнца. И когда над головой перестали резать воздух вертушки, топтать ботинки и вообще умерла жизнь в ближайшие километров сорок, я побрёл по пустыне, забрёл в какую-то зону и провалился в воздушную шахту. В общем, я понял, что в гостях хорошо, а дома лучше. И пора и честь знать. Потом случайно на Луне оказался, даже к Марсу полетел, но это всё уже такие мелочи жизни, которые не стоят твоего внимания.

— Так это от тебя учёные на космодроме Свободном чуть не поседели, когда НЛО едва не врезался в Антисистемный спутник... Скажу Дмитрию, что это не было объявлением войны иноземной цивилизации.

— А что мне ещё было делать? Я был в отключке. Мне снились звёзды. Проснулся, а они не перестали сниться.

— Даже не знаю. Мог бы просто угнать истребитель.

— Откуда я знаю, где у них военные базы?

— Ту же нашёл.

— Та была секретная. И вообще, где Скорпион? — Сёма посмотрел на разбитое стекло на входной двери, раздумывая, зачем он спрашивает явное.

— Ты опоздал. Он уже внутри. Раскидывает национальную гвардию на ступеньках. Через десять минут достигнет пентхауса.

— Помощники не остановили его?

— Сёма, братья Модеус, Мефисто и Баал старше и опытнее Золы в десятки раз. Зачем им пугать рыбку, если та сама цепляется крючок?

— Если такие умные и сильные, то почему служат ничтожеству?

— Обещание.

— Обещание?

— Да, клятва прошлого. Даже демоны склоны любить. Мать Золы была девой редкой красоты. Её удалось поймать в свои сети многих. Демоны не исключение... Но это прошлое, а мы в настоящем. Так что случай меня. Я хоть и старше всех троих братьев, но один со всеми не справлюсь. Возьмёшь на себя младшего — Баала. У него серебряные длинные волосы и короткие мечи с черепами на гардах. Мефисто обычно в черно-красных одеждах, с одним большим мечом, объят молниями. Оружие Модеуса — его тело. Лик всегда различен.

— Почему бы проще не пальнуть по братьям из базуки?

— Не успеешь.

— Тело быстрее меча?

— В демонической форме их скорости не позволят попасть пуле, снаряду...чему угодно. Только сделав своё холодное оружие продолжением тела, и ускорившись насколько возможно, у тебя есть шанс. Я смазал лезвие эликсиром, что запечатывает их связь с демоническим эгрегором. Нанеси как можно больше ударов, а когда он откроется для подпитки, бей всем, на что способен. В крайнем случае, держись. У меня могут остаться силы и на третьего брата. Но опять же, если сумеют подпитаться...

— Подпитка, значит...

— У демонов нет души. Для существования на земле время от времени им нужна подпитка из своего мира. Это не нечисть, живущая за счёт людей.

— Чего же демонам надо от людей в нашем мире?

— От людей всем всегда чего-то надо... От настоящих в особенности.

Сёма кивнул и, боле не медля, прыгнул в разбитую дверь. Оба ворвались внутрь, приготовившись разогнать до предела разум и тело.

Вестибюль встретил застывшей троицей. Сёма, заметив худощавого длинного парня со стянутыми назад бледно-металлическими волосами и длинной чёлкой, скрывающей глаза, не раздумывая, бросился к противнику. Двое братьев; в тёмно-красном и темно-синем, прошлись вперёд, давая место для драки позади. Одновременно оба привычно позволяли друг другу атаковать основного противника, не мешая друг другу.

Меченый поднял правую руку к потолку. В разжатую ладонь из воздуха упал простой лёгкий меч с небольшой гардой, без кровотоков и вычурных знаков отличий. Простой, рабочий меч. Из тех, какие вдоволь делали средней руки кузнецы для простолюдинов, солдат и мелкого рыцарства. Меч палача, испивший немало крови.

Мефисто, вытягивая вперёд руки с большим, тяжёлым двуручником, испещрённым рунами и пентаграммами вдоль лезвия и украшенной костяной рукоятки, насмешливым тоном обронил:

— Что я вижу? Сын Миромира заложил меч Люцифера, чтобы денег хватило на новую одежду? А на сдачу купил то, что смог? Давай я выдам тебе кредит по старой дружбе...

Он ещё не договорил, меч только начинал искриться змейками электричества, готовясь к драке, а странный ветер за спиной принёс тёплую волну. Меж лопаток воткнулось холодное лезвие. Тёплое потекло по спине. Мир перед глазами почернел.

Сёма, вытащив секиру, испившую кровь обоих демонов, пнул тело. Мефисто с застывшими глазами, запечатлевшими в посмертии вопрос "что это было?" рухнул носом в мраморный пол.

Сёма вытер лезвие секиры о шорты и кивнул Меченому:

— Благодарю, брат. Твои советы наверняка помогли бы, если бы было чуть больше времени. Я не любитель долгих разговоров с врагами. Полагаю, с последним ты справишься сам. Я за Скорпом.

Меч усмехнулся, сверкая пламенеющим взором. Было приятно видеть растерянность в глазах Модеуса. Старший брат непонимающе вертел головой, глядя на двух неподвижно застывших в луже собственной крови братьев. Людские облики изменились, приняв естественную демоническую форму с темно-красной плотной кожей, немного вытянутыми конечностями и рогатым черепом. Лишь цвет серебряным и чёрных волос демонов остался прежним. Но посмертное изменение уже ничего не могло дать князьям подземного мира — мертвы.

— Скорости меняются, мой друг Модеус.

Модеус заговорил, повышая голос, в нём на ряду с гневом ощущались и нотки растерянности:

— Они мертвы? Умерщвлены человеком? Так...так быстро?

— Жизнь ещё способна преподносить сюрпризы. Ты научился удивляться?

Демон стал расти в размерах, вспарывая на себе одежду. Кости вытягивались, уплотняясь и обретая крепость, превосходящую сталь.

Меченый вытянул свободную левую руку перед собой. Пальцы сжались в призыве. За

спиной Модеуса полыхнуло огнём портала, миг и лезвие большого летящего меча прошило демона насквозь. Меч Люцифера вспыхнул, охватывая почти белым огнём пронзённое тело. Этот огонь с шипением впился в иномирское тело, лишая всех связей с физическим миром людей.

— Вновь поддался эмоциям, отвлёкся — открылся, — прошептал Меченый, бросая второй малый меч как метательный нож в шею демона.

Лезвие в три оборота преодолело расстояние до мишени и свободно пропоролло роговую броню гортани. Просто дротик, вошедший в податливую плоть.

Модеус рухнул на колени. Огонь, яростно шипя, словно боролся с самим воздухом, позволяющим ему жить, охватил всё тело. Демон, не опуская тяжёлого взгляда чёрных глаз, рассыпался прахом. Брат Скорпиона тут же бросился вперёд, подхватывая пылающий белым огнём большой костяной меч. Руку обожгло, но лучше так, чем сжигать дотла весь небоскрёб. Люцифер с оружием шутить не любил — если применял, то наверняка. И оружию переданся нрав бывшего хозяина. А вызывать в физический мир бывшего хозяина меча ради укрощения орудия, Меченый не хотел. Миру и так не сладко от катаклизмов.

— Я предупреждал тебя, старший князь ночи, чары красоты бывают сильнее твоих демонических способностей. Терять силы, потакая женщине... Что ж, это достойная смерть для того, кто мог влюбить в себя любую... Но оказалось — почти любую.

Меченый прошёлся до тела Мефисто, склонился, повторно втыкая большой меч меж пластин на груди. Тело среднего брата обьяло огнём, хрустящим как будто поедая хворост, выжигая демоническую плоть дотла.

— Когда деньги не правят человеком, ты теряешь власть и проигрываешь, Мефисто. Потомок Магога вернул тебе долг за всех поработённых звонкой монетой.

Меченый вонзил меч в последнее тело. Глядя куда-то вдаль, пробормотал:

— Чёрт возьми, Сёма, что в тебе за кровь? Чей ты потомок?

А Сёма уже мчался по лестничным пролётам, размазывая по стенкам недобитую гвардию, но чаще переступая тела и скользя в лужах крови.

"Интересно, у брата сил хватит на серьёзный разговор с Эмиссаром или его смерть эта та смерть, на которую намекал Меч?"

Этажи поднимались, но не так быстро, как хотелось бы. Сёма, вспоминая марш-броски с армейским спецназом, запел приходящие на ум слова, давая полную тренировку дыхалке:

Дожил — штурмую небоскрёб,
Где мировое зло живёт.
Мне Золо будет очень рад,
Напомню Эмиссару всё подряд.

Не забывает мир добра,
Где дотянулась длань твоя.

Здесь каждый третий — демократ,
Наживе и захвату рад,
Каждый второй, как бизнесгей —
Залезет долларом в любую щель,

А каждый первый — "траст ин гад",
Кровавый бог ваш очень рад.
Он любит золото и кровь
И скальпы детские индейцев,
Да уши стариков.

Семь миллионов краснокожих душ,

Стрельба, облавы, резервации, болезни,
Захват земель Ваш бог само спасенье.

Скорость пришлось немного сбавить — пот попадал в глаза и мелькающие двузначные циферки этажей стали расплываться. Требовалось немного охладить тело и запастись энергией окружающего пространства. Пригодиться. Неразумно врываться в драку, пытаюсь помочь и тут же падать под ноги врагу от усталости, обезвоживания и разрыва изношенного сердца. Сёма сбавил скорость до человеческих мерок, снизил голос, продолжая полушёпотом:

Работоторговля "Острова Свободы"
"Свободой" хочет заразить весь мир,
Колонизация без крови Что белый фосфор и напалм
Без выжженных людей.

Вьетнам, Корея, Гондурас, Камбоджа,
Панама, Сирия, Ирак, Балканы, Мир...
Всего сто пятьдесят "освобождённых" стран,
Где ты кумир....

Туда донёс ты своего зеленобога...
И люди не забудут
Им оказанную честь.
А ты кошмаром не тревожен
Десятки видов пачек антидепрессантов есть.

Стрелять, взрывать, утюжить и гордиться
Вот лозунг твой под звёздно-полосатый флаг.
Ты говоришь о равенстве, но гетто,
Растут по миру, как грибы после дождя.

Сёма содрал насквозь пропотевшую майку. Тело обдало прохладой. Дыхание выровнялось. Стягиваясь, как пружина перед последним броском, наблюдая перевалившие за полсотни циферки этажей, он шептал себе и шептал:

О, НАТО, ты бесчеловечно,
Раз позволяешь Эмиссару сеять смерть.
Так защищай же нас хотя бы в киноленте,
Пусть Голливуд работает ещё быстрее
Наш уровень IQ ещё немного в плюсе есть.

Прости, я не хотел обидеть президента,
Напомнив про мозги,
Но вместо склеенных улыбок,
Мы видим геноцид приказом шимпанзе...

Твои морпехи, те, что разрушали
Миры, гармонию, единство наших дней,
К тебе в гробах сосновых возвращались,
Но ты не слышал плач своих людей.
Нажива для тебя важней.

И пусть иссяк десант, но новый "гитлер-юген"
Вновь поясняют миру за "Ось Зла".
"Головорезы", "Потрошители", "Убийцы"
Вот их простые в списках имена.

Ты ненавидишь человечество?
Ответь нам!
За что ж тебя должны любить и уважать?

50 процентов мировых ресурсов,
130 видов памперсов,
Мак-Дональд — царь пиров,
Стрельба по школам,
"S.W.A.T. а" не хватает,
Чтоб всех маньяков враз перестрелять.

Пусть пойманных сажаешь ты на "стульчик",
Но где же логика? За единицы убиенных душ — смерть,
Десятки — три пожизненных и слава,
А сотни, тысячи — медали и награда.
Твои герои, твоя честь.

Сёма восстановился и начал добавлять скорость. Злые слова полетели с губ, глаза налились кровью, сорвался в последний рывок, договаривая:

Террор — твоё изобретенье,
Не спихивай всё на ислам,
Пропавший Рим — твоё прозренье,
Заблудший Вавилон — вот ты и есть.
Зверьё зверьём останется, поверь мне.
Ведь эволюция для душ — не для банкнот.

Придёт твой час, наступит время
Потонет остров, прецеденты есть.
Твои пираты грабить перестанут.
Развешат всех по реям Раз вы против всех.

И ни одна слеза не упадёт.
Твой бог ужасен, ты как сын — страшнее.
Ты "интертеймент" прошлых дней.
Как в прошлом на арене Колизея,
Прими же, гладиатор, свой удел.
Проклятья достигают цели.
Теперь ты, Золо, цель и есть.

Предпоследний этаж привёл в пентхаус. Выше только крыша. Сёма стиснул зубы и, перехватив поудобнее скользящую от крови секиру, плечом врезался в большие, широкие двери. Отбросило, как мячик. Тогда, взревев, поднялся, разогнался и в широком прыжке почти отключил разум. Нога врезалась в дверь.

Скорпион
Нью-Йорк. Несколько минут назад

— Ты её не получишь! — Прокатилось по полупустому помещению, отразилось от стен, стёкол и тяжёлым эхом вернулось к Эмиссару. Золо взревел раненым зверем снова. — Сах"рэ!

Стёкла по всему периметру пентхауса разлетелись вдребезги от магического волевого слова. Осколки стёкол верхнего этажа небоскрёба волной вылетели наружу и устремились вниз. Падая со сто двадцатого этажа, разгоняясь, острые кромки приобрели убойную силу. Прохожих постигла печальная участь. Кровь побежала по асфальту. Улицы взорвались отчаянными криками.

Эмиссара не заботили подобные мелочи.

Чудовищный ветер ворвался сквозь выбитые стёкла, загудел. Его порывы на верхних этажах порой достигают огромной скорости. Именно поэтому все этажи в небоскрёбах выше двадцать пятого этажа наглухо задраиваются.

Вместе с ветром в тёплое помещение ворвалось стужа зимняя стужа. Но этот холод не мог смягчить кипящий нрав бойцов.

Скорпион опустил сложенные ладони. Серебристая завеса щита померкла. Он принял на себя волну, полностью защитив хозяина.

— Сами как-нибудь разберёмся. Без тебя... Или лучше от слова "бес"? Ты мелкое, ничтожное существо, удушившее собственного брата ради силы, которую посулил тебе бес. Подлая тварь, по поработённым душам, вылезшая наверх правления.

Золо исчез в воздухе. Чёрная молния устремилась к вихрастому гостю, но вновь растаяла о щит, частью отразившись в стену. Стена оплавилась высокой температурой, оставляя внушительную воронку.

Новый выпад сбоку и Сергей вскинул руки, разрезая волновой выпад на две части. Пол и стены за спиной потрескались. Волна вырвала кусок гранитной колонны и затихла, потеряв мощь. Кулак Скорпиона объяло огнём. Эманация элемента четвёртого уровня поплыла по воздуху вместе с ударом.

Появившийся Золо замедлился, выставил воздушный щит и перехватил удар. Но пропустил нужный момент и опалил себе манжет рубашки и запястье. Эмиссар морщась, отскочил от Сергея. Ухоженное лицо исказилось. Не привык к боли.

Скорпион, улыбаясь, облизнул вздувшийся волдырь на костяшке. Рана исчезла, больше не напоминая, что с огнём шутки плохи.

— Знаешь, Золо. Зря ты всё это затеял. Не скажу, что потерял время, наоборот, стал сильнее. Но это обернулось катастрофой для тебя самого. Я вырежу Эмиссаров и всех приспешников. Весы замкнутся. Ваша игра больше не к месту. Хозяин будет низвергнут. Система поработки душ прекратит существование. Этот мир больше не будет Чистилищем.

— На колени, щенки! — Глаза Золо почернели от бесовской ярости. Воздух в зале сгустился, потяжелел. Слух Сергея резанул до боли тонкий звук, за гранью человеческого восприятия, но напрямую воздействующие на мозг. Волны усилились, странная мелодия заставила мозг верить, что кожу режет ножами.

Давление на перепонки плавно повышалось, грозясь лишить слуха, искалечить тело и убить в жутких муках.

— Ты меня не понял? Вы больше не к месту! — Скорпион сдвинул руки, выставляя ладони.

По полу и потолку пошли трещины. Мебель, встретившуюся на пути, разнесло в щепки. Золо отбросило в стену. Эмиссар распластался на ней, обливаясь кровью.

— Шельэ хаса, — прошептали губы Золо.

Чёрная молния пробила потолок, за мгновения сжигая массивные плиты чудовищной температурой. Миг, и она устремилась на голову Скорпиона.

Синим светом окутало всё помещение. Сергей, воздев руки к небу, перехватил молнию. Бой шёл на пяти из семи возможных уровней. И на физическом, низшем, молния

превратилась в змею гюрзу. Ладони цепко сжали ее, вытянув извивающееся тело над головой. Победоносная улыбка парня стала шире. Несколько мгновений в руках черноволосого гостя... и змея пала к ногам кусками гниющего мяса. Мгновение, и оно испарилось без остатка. Скорпион развёл руками, сгущая воздух. Мышцы напряглись. Синий свет, исходящий от его ладоней стал для Эмиссара невыносимо ярким, обжигающим глаза и кожу.

— Ди-во! — слетело с губ северного варвара.

Чудовищной силы аэрбол прошёл помещение. Миг, вспышка — и потолок здания вырвало. Но новая сила вмешалась в бой, в месте попадания шара больше не было Золо. Это спасло Эмиссара от низвержения.

"Кто ещё? Меченый же обещал расправиться с помощниками".

Пыль улеглась. Небоскрёб устоял, хоть и лишился крыши и целостности конструкции. Запас прочности позволял выдержать и попадание самолёта в верхние этажи. Главное, чтобы никто не закладывал взрывчатку под сами опоры на нижних этажах.

На Сергея холодно и обреченно посмотрели до боли знакомые зелёные глаза...

Её глаза.

— Не-е-ет!!! — от крика Скорпиона здание пошатнулось.

Над небом Нью-Йорка сгустились тучи. Вечер стал ночью гораздо раньше положенного. Блеснула молния и чуть позже пугающим громом встряхнуло гомонящий город. Но едва ли тише грохота был хохот Золо в ушах Скорпиона.

— Ты...ты спасла его. Зачем?

Лера медленно, но неотвратно потянула из ножен за плечами два небольших изогнутых клинка. Лезвия с кровотоком у рукояти для облегчения общего веса, прерывались выступами, выемками и небольшими изогнутыми шипами. Эти лёгкие скоростные клинки были не для простых боёв. Лезвие, впиваясь в кожу, рвало мясо, оставляя рваные, плохо заживающие раны. Можно было вполне предположить, что клинки вдоволь смазаны ядом.

"Одним ядом больше, одним меньше".

— Лера, почему?

Резкий колющий выпад вперёд. Скорпион едва успел уйти с вектора атаки. Две полосы стали расплылись в воздухе, делая разворот и едва не впиваясь в бок.

"Она не могла научиться двигаться так быстро за полгода".

Лера остановилась, хищнически улыбаясь. Волосы растрепались, спадая огненными всполохами на плечи.

— Хочешь увидеть мою реальную скорость? Обещаю, милый, ты удивишься.

Голос. Этот голос рвал его на части больше, как если бы в тело воткнулись оба жутких клинка. Не её голос. Чужой. Холодный и злой. И эти глаза. Такие знакомые и такие чужие...

Тело вновь рефлекторно уклонилося и бессознательное, стремясь сохранить жизнь владельцу, рывками перехватывало власть. Автономно заученные ступени стали всплывать одна за одной. Время привычно сгустилось, и образ человека перед глазами стал расплываться, вычерчивая новые контуры. Контуры врага.

"Вот и всё. Воин возьмёт своё".

Клинки рванули майку, и воин в теле потеснил разум.

Первая декада Элементарного порядка распахнула десять врат мгновенно: остановка внутреннего диалога, пустота, бездна, истоки элементов, земля, воздух, вода, огонь, смесь качеств, комбинации.

Эмиссар поднялся с дивана, стирая кровь с разбитого острым воздухом на сверхскоростях лица. Раны затянулись, приготовился вступить в бой.

Адреналин страха превосходящего противника распахнул вторую декаду Эволюции: минералы, живительная влага растений, истоки жизни растений, силы трав и деревьев, силы созревших плодов, истоки низших форм жизни, насекомые и рептилии, рыбы и водные позвоночные, птицы и позвоночная воздушная жизнь, земные животные.

Мгновенно человеческая скорость Леры перешла за грань возможностей тела. Не

подготовленное к длительным нагрузкам, питаемое одной лишь мощью эгрегора Золо, Лера сжигала себя в скоростях, стараясь достать клинками сердца. Жажда непонятной Скорпиону мести исходила от неё плотным шлейфом, аура изобиловала всеми оттенками красного. В груди больно сжалось, глядя на то, как меняет человека жажда мести, славы, силы, утверждения...

Эмиссар сделал ход, вклиниваясь черным мини-торнадо сбоку. Пришлось мгновенно вытащить из Пустот меч, чтобы одновременно рассечь ответным вихрем поток мёртвого тепла и поймать оба клинка на жёстком блоке. Третья декада Человечества, последняя из доступных, впиалась в отравленное тело десятью раскалёнными гвоздями: внешность человеческая, материальное человеческое тело, таинство Перволюдей, завершённый человек, дар пяти внешних чувств, дар пяти сил душе, небесный человек, ангельские нити... человек по образу Творителя.

Скорпион поймал ногу Леры и отбросил на диван. От резкого ошеломительного момента полёта до падения и возобновления атаки — секунды. Этого хватит, чтобы покончить с Эмиссаром.

Поворот. Рывок. Разбег. Меч в двух руках в положении остриём к мизинцу. Ноги вминают мраморный пол, как песок. Тело режет воздух. Кожу обжигает огнём, клинок рубит наискось полутело-полудымку материализующегося Эмиссара. Полсекунды. Лезвие начинает испарывать собирающиеся атомы. Тугая волна рвёт из рук меч. Мышцы рвёт отдачей. Волна двигается вслед за телом и мечом. Тело пылает. Одежда раскалена. Только начинает доноситься звук начала замаха клинка...

Волна сшибает тело Золо, вплющивает его, вдавливая в воздух, как в стальную стену. Остановиться невозможно. Инерция чудовищной скорости рвёт дальше. Одежда дымиться. Огонь не успевает вспыхнуть на скорости. Атомы Эмиссара, стена воздуха, разбитые окна, бег по воздуху за пределами здания. Волна от меча и развеянного врага разрастается.

Гул нарастает, отбрасывая волны теперь не только впереди себя, а во все стороны. Секунда. Тело замедляется, вспыхивает довольный огонь на одежде, волны обгоняют, устремляясь вперёд. Отключение сознания происходит на всех уровнях тела, кроме Высшего Я. Метеоритом проносится физическое тело без определённых контуров. Сгорают в чудовищной температуре кожа, мясо и кости. Волной разбивает пятнадцать верхних этажей соседнего небоскрёба. Толстые окна взрываются, гнуться балки и полная волна заваливает строение, как волна цунами прибрежные деревья. Но ещё три здания обрушит горящая душа, прежде чем последний пепел подхватит ветер.

Последней разрушилась суть меча Славы. Информация перетекла в энергию, моментально теряясь среди бесчисленных потоков просторов Вселенной.

Сёма Нью-Йорк

Сёма, с пылающими глазами Леопарда, с Вирой наперевес, с разбегу вынес ногой дверь. Перекатываясь, врезался в диван. Мебель задела отскакивающую к окну Леру и прыжок получился в перегородку стены.

Бестия с пылающими глазами перехватила мечи и тут же рванула в новую атаку. Клинки и секира встретились. Лера подсекла ногу, Леопард кувыркнулся в бок и тут взгляд зацепился за прожжённый ногами мрамор от середины комнаты к окнам. Там последний шаг и обрывался. Прыжок к окну и поражённый взгляд увидел как наяву падение метеорита. То, что оставил после себя метеорит, разнеся половину делового центра Нью-Йорка. Широкая просека разрушения и огня.словно в гнев горел сам воздух. Чёрные тучи, вспышки молний и грохот грома показывал перед глазами картины Апокалипсиса. Даже небо не торопилось заливать пожары мириадами слёз. В этом мире в отчаянном гневe Бог не мог проронить и слезинки.

"Не успел? Я...не успел?"

Плита на голову. Кол в грудь. Взрыв в голове. В одном глазе слилось всё: рык, рёв, обречённый стон. Гамма малоразличимых чувств с оттенками ярости, боли, грусти, печали и полное неприятие.

Тело само повернулось, рука рефлекторно выставила секиру над головой. Едва не оступился о край. Возникло резкое желание обхватить её поймать её клинки за острые выступы лезвия и оттолкнуться назад. Вместе с ней. Неполной сотни этажей хватит, чтобы уйти из жизни обоим. Ей, из-за которой он и рассыпался прахом сверхскоростей и ему, как не успевшему спасти жизни брата.

Тело хитрее разума. Рефлексы откинули в сторону. Осколок в плече не так смертелен, как удар об асфальт семидесяти с лишним килограмм — а с ней и того больше — помноженный на добрую сотню метров.

Те же рефлексы и умершие за несколько секунд эмоции позволили прожить рыжей бестии всего два удара. Сначала секира ударом плашмя по рукам вышибла оба клинка, потом в зелёных глазах отразилось лезвие, вспоровшее молочную кожу, грудную клетку и сердце. Лера упала на колени, хватая Сёму за штаны. Вира с чмоканьем отвалилась от груди и звякнула о мрамор, напитая кровью и удовлетворённая боем.

Прекрасное лицо Валерии с немногочисленными веснушками исказилось непониманием, по губам потекли алые струи. В освобождённых глазах мелькнула человеческая искра. Та самая, которую так тщетно пытался разглядеть Скорпион перед прыжком в окно. Мелькнула и погасла, не замеченная жёлтыми глазами Леопарда.

Сёма не смотрел на то, что под ногами. Взгляд шёл над Лерой, в окно, на опаленные небоскрёбы, на чёрные клубни туч и ослепляющие вспышки молний. По щекам бежали крупные слёзы. Они смешивались с кровоподтёками на скулах, щипали кожу, свисали с подбородки и тяжёлыми каплями падали на застывшее лицо рыжей девчушки. Её лик разгладился, вновь приобретя чуть вздорное, весёлое выражение. И если бы не потухшая искра в застывших глазах, можно было подумать, что она просто задумалась, витая в отдалённых мечтах среди далёких невесомых облаков.

Леопард торжествующе забегал по телу, выискивая на предплечье новое место для ночлега. Зрачки Сёмы посветлели, моргнув, на мир вновь смотрели голубые, как светлое небо глаза. Опустив взгляд вниз, Сёма, не чувствуя пальцев, провёл рукой по лицу Леры. Веки покорно опустились.

— Любовь и красота такие же враги человека, как холод и смерть, — не своим голосом обронил Сёма и, подхватив Леру за плечи, поставил на ноги. Поставил у мраморной вмятины в полу — последний шаг Скорпиона.

"Брат умер — его нет больше в этом мире. Пропали все известные нити связи".

Руки отпустили тело. Мгновение постояв, оно наклонилось назад и, чуть распустив руки, освобождено полетело вниз. Молния запечатлела в мозгу на всю оставшуюся жизнь белое лицо, чуть вздёрнутый носик и капли крови, падающие вверх.

"Я иду к тебе, брат. Там мы будем вместе".

Сёма вздохнул, закрыл глаза и... сделал шаг следом. В этот момент это было единственное верное решение всей прошедшей жизни.

Новый раскат грома оглушил, и ветер обрадовано взвыл, подхватывая и приготовившись дать на какие-то мгновения подобия крыльев...

Сладостный миг освобождения растаял болью в затылке. Грубая рука схватила за волосы и отбросила на несколько метров от окна. Сёма застыл на полу, глядя на чёрные клубни сквозь дыру в потолке.

"Сжался, громовержец, испепели молнией".

— Это ничего не даст. Мы потеряли его, и твоя смерть ничего не решит, — донеслось от окна.

— Велес только вновь ехидно улыбнётся, — добавил кто-то.

— Гроссмейстер всё просчитал, — добавил другой.

— Так что не трави душу, — донеслось с другой стороны.

Сёма приподнялся. В полуразрушенной зале были четверо: Лилит, Меченый, Родослав и Рысь. Мрачные лица и натянутые голоса. Каждый смотрел в разные стороны, стараясь не встречаться взглядами. Меченый стоял у самого окна, водя рукой из стороны в сторону.

— Пока не начался дождь, я соберу то, что осталось, — донеслось от него. — Мы должны предать земле хоть что-то.

— Он предпочитал кремацию, — буркнул Сёма. — Так что прах по ветру — как раз его желание.

Перед рукой Меченого собралась пыль и пепел. Атомы, некогда несущей информации объекта, именуемого Скорпионом. Прах завис в воздухе.

Родослав повёл взглядом, и посреди комнаты выросла чёрная погребальная урна. Прах медленно и величественно стал опускаться внутрь. Все пятеро опустили взгляды.

— Леру выбрали Стерателем. Её сила активировалась при непосредственном контакте с фактором возмущения мироздания, — зачем-то обронил Родослав.

— Баланс всё-таки действует, — буркнул Рысь.

— Надо было понять это ещё в Англии. Тогда возможно мы бы...он бы... Чёрт, проклятые несколько минут... — Сёма осёкся.

Урна пошла трещинами. Взрыв и осколки разлетелись по всей комнате. Сёме раскололо щеку. Прах вспыхнул столпом огня. Пятеро невольно вскинули руки, защищая лицо и глаза. В следующий момент попадали на пол — тёмно-синяя шаровая молния влетела сквозь дыру в потолке и, набрав скорость, ударила в самый центр огня. Этого не ожидал и самый опытный — Родослав.

Меченый и Лилит закричали. Металлические часы на руке и серебряная цепь на шее первосотворённой женщины оплавилась и потекли по коже. Долгие секунды, пока кожа слезала вместе с застывающим металлом и вырастала новая, приходилось терпеть жуткую боль, к которой в момент потрясения готовы не были.

Сёма, моргая, заворочался. Повернувшись на бок, усмехнулся расплавленной Вире. Даже артефакт, сотворённый многоруким атлантом, не выдержал заряда малоизученного феномена. Сёма, борясь со звоном в ушах, вновь приподнялся и замер. Столп огня обретал очертания. Человеческие. Слишком знакомые, чтобы спутать с кем-то.

Пылающее, фиолетово-оранжевое тело темнело. Белели новые кости восстанавливающегося из пламени скелета, наращивались мышцы и прозрачные органы с ручейками вен и артерий наливались кровью. Огонь и воздух быстро лепили тело, оно спешно набирало массу. Урна, прах и куски пола исчезали, атомы перестраивались под новые структуры. В ход пошла и стихия земли. Показалось, громыхнуло над самой головой. Стена дождя обрушилась в дыру потолка. И тело впитывало эту воду. Паром взметнулся в воздух последний прах и растаял в воздухе. Тело потемнело, переставая светиться розовой прозрачностью, кожей покрылось мясо и связки. Лысый и розовый как младенец, Скорпион застыл посреди комнаты, подставляя лицо к ливню. Чуть позже, шагнув из ливня чуть вбок, он медленно оглядел всех пятерых, что так и не поднялись с пола.

— Дед был прав, — едва выдавил он. — Фениксы существуют. — И закашлялся, хватаясь за горло, ноги подкосились.

Первым подскочил Родослав, похлопывая сына по спине и бормоча:

— Вдыхай, дыши. Ты же не сделал первого вдоха, новорожденный.

И Скорпион задышал, вдыхая долго и неожиданно. Помощь отца запустила лёгкие, дав толчок к восстановлению дыхания, запуская многие процессы в новом организме. Отец поделился энергией.

На плечо легла рука матери:

— Пусть долго стучит новое сердце.

В грудь стукнуло шариком тепла, первый толчок запущенного сердца был мощным, дальше марафонская мышца ослабила натиск на перекачку крови и забилась ритмично, сбросив темп.

Меченый положил руку на другое плечо:

— И про терморегуляцию в следующий раз не забывай. Да и одежда не мешает.

Скорпион ощутил тепло, что пробежалось по коже, по каждому волоску. Тело облачилось в новую просторную одежду светлых тонов. Все трое, помогая восстанавливаться, дали частичку себя.

Сёма приподнялся и рухнул на колени перед братом, опустив голову, как повинный перед господином:

— Только не знаю, что сказать о чувствах... Я убил её, Скорп. — Сёма кивнул на расплавленный кусок металла, где не осталось даже следов крови. Объяснять что-то дальше не смог. Ком застрял в горле, перехватив дыхание.

Скорпион поднялся. На коже спешно выросли волоски, и длинные чёрные локоны вновь спадали с плеч, на предплечьях показались скорпион и орёл. Он был вновь таким же, как прежде. Даже лучше. Тело было отдохнувшим, как никогда прежде и яд больше не терзал изнутри. Умер и воскрес фениксом, самовосстановившись, взяв информацию с самого верхнего уровня души.

— Скорп, я убил её... Забери мою жизнь!

Сергей Корпионов, сын Родослава, внук Световита и правнук Рода, медленно повернулся. Слова, тяжёлые как горы, сорвались с уст:

— Мне надо собрать то, что осталось и побыть одному.

Скорпион мог выдержать любую физическую боль, но эта боль была несравнима.

Сёма укусил кулак, чтобы не закричать, видя глаза брата. Внутри что-то взорвалось.

Скорпион **Воспоминания. (14 лет)**

Рокот прибоя катился по пляжу волна за волной, лазурь наваливалась на берег, высоко вздымая пенистые волны. Брызги летели в небо, играя на солнце каплями света, настоящими каплями солнца.

Песчаная, дикая бухта приветливо приняла семью дикарей, что любым удобствам, домикам с телевизорами и джакузями, на две недели предпочла отдых на лоне природы, у песчаной кромки синего моря.

Скорпион с Лерой сидели на огромном валуне у кромки прибрежной скалы. Рыжая девчонка прижалась щекой к татуировке на плече парня. Скорпион обнял, приблизил к себе. Оба смотрели, на игривое море, яркое небо, солнце и скалистые обрывы, что делили бухты одну от другой. Спокойное тепло и умиротворение поглотили обоих, не замечали ничего вокруг. Непорочная любовь стойко взяла инициативу в свои руки, соединяя две половинки души в одно целое.

Семье досталась свободная бухта. Пришлось жертвовать машиной, закапывая в лесу, брести сквозь кишашую гадюками чащу с канистрой питьевой воды под мышкой и палаткой на плечах, но все трудности окупались во сто крат, когда можно было сидеть в одиночестве на берегу моря, не отвлекаясь на суету прочих людей.

Волна со всего размаху ударила о валун. Леру окатило брызгами, девочка притворно вскрикнула, капли покатались по голой спине шоколадного цвета. За три дня загорели, как шоколадки, скоро под палящим солнцем старая шкура слезет, появиться молодая, потом загорит, и слезет снова. Организм только в первые дни впитывает витамин D ударными дозами, потом перенасыщается, ночью, после захода солнца начинало знобить, морозить.

— Дядя Дмитрий лодку по берегу несёт, сейчас пойдёшь на охоту.

Тот волочил от их скромного лагеря надувную резиновую двухместную лодку.

— Пока он ещё догребёт, пока ещё маски с трубками притащит, ласты подаст, кстати, в следующий раз не забудь мне напомнить купить акваланг и водный мотоцикл. — Загнул пальцы Скорпион.

— А дельтаплан тебе с парашютом не нужен? Через три бухты отсюда летают. Вчера люди даже пытались десант на наш берег посадить, поселиться, но — о, горе! — телевизор

из лодки выпал, на этом их десант и закончился. — Посочувствовала Лера.

— Да ладно тебе, я шучу. Мне от одного этого места хорошо, ничего больше не надо. Хотя если бы были с тобой в пустыне, и там было бы хорошо. И на вершине горы и в Марианской впадине. Главное, ты рядом.

Лера опустила глаза, щёки залило румянцем:

— Ну, хватит, ну не надо. Я и так уже не знаю, как ещё покраснеть.

— Лера, ну зачем тебе краснеть, и так локоны волос, как красный огонь, стихия пламени. А глаза, словно два изумруда, сверкают... красавица.

— Эй, там, на камне, вы одно существо или уже нет? — донеслось от Дмитрия, — не хотел прерывать, но Елена настаивает на ловле морепродуктов. Скорп, достанешь что-нибудь?

Скорпион кивнул, оба вскочили, оттолкнулись от валуна и прыгнули в волну. У скал глубина начинается сразу, место попало такое, что рифов не особо много, на резиновой лодке у скалы можно рыбачить без опасений, острых камней нет, с первых дней всё дно вдоль и поперёк исследовали. У берега же наоборот глубина наступает медленно, нехотя. Хорошее место для Ладушки, купаться ходит одна — Живец присматривает только краем глаза — плескается, пока Елена не изведёт весь крем от солнца, утащит в тенёк.

Два всплеска и Скорпион ушёл под воду, а Лера взобралась на надувной матрац, рассматривая в маску, на какую глубину ныряет любимый.

Вынырнул не скоро, снова заставив волноваться. Лера вроде бы и знала, что он от Рыси получил основы акульего дыхания, до пяти минут отсутствие кислорода не тревожит, но каждый раз волновалась, как первый раз.

Скорпион вынырнул у матраца, протянул огромную звёздочку, перевернулся на спину, глядя в безмятежное небо. Произнёс:

— Постичь полностью акулью технику так и не получается... Пять минут и приходится выныривать.

— А что, человек и как акула может?

— Человек может всё, только не хочет. Вот смотри, в воде два атома водорода и один кислорода — расчёт на примеси морской воды брать не будем — а в воздухе два кислорода и один водорода. Вывод: ты можешь тырить и то и другое в обоих случаях, только в меньших количествах. Дыши кожей, заставляй её забирать из воды кислород!

— Да какой там кожей? У меня все поры солью зацементировало. — Лера всмотрелась в звёздочку. Красивая. Но под водой они красивее в десятки раз. Преломление света.

— Ладно, сегодня-завтра пойдём в лес искать источник, помоемся. А то о волосы уже все расчёски переломали. Что-нибудь придумаем, не волнуйся.

Лодка с Дмитрием на вёслах приблизилась вплотную. Тот втащил вёсла, с деловым видом спустил солнцезащитные очки, выхватил со дна камень с верёвкой, что заменял якорь, имитируя нового русского интеллигента, произнёс:

— Маман-с говорит, что в камбале много йода, так что будешь есть даже ты, мой вегетарианский враг. Лада просит звёздочку, так что наряду с подводной охотой ищи сувениры, а Живец ничего не говорит, умничает. Так что приступаем, ты по дну поброди, а я на удочке посижу. — Дмитрий протянул ласты, маску, трубку.

Скорпион улыбнулся, но взял только маску, чтобы глаза не щипало. Накачал лёгкие кислородом, много раз мелко продышался и нырнул.

— Ну что за человек? — выдохнул Дмитрий. — Вроде бы человек, а вроде бы и нет. Лера, как думаешь, человек?

— Самый человечный из всех человеческих, — стойко ответила девочка.

— Лера, мне тебя жалко. У него же времени на тебя почти нет. Он и не спит почти.

— Зато когда видимся, каждый раз, как последний. Ну не могу я его не любить. И он меня любит. Я точно знаю. Только не поцеловал ещё ни разу. Скромный. — Лера перебралась с матраца на лодку.

— Эх, молодёжь. Сколько раз смотрю телевизор, вы словно из другого мира. —

Протянул Дмитрий.

— Может, и из другого, — легко согласилась Лерка.

Скорпион плыл по дну. С маской дно видно лучше, чем на любом натуралистическом канале. Вроде бы третий день ныряет, а всякий раз захватывает дух, когда видит морское дно: большие плоские камни отражают преломленный свет, поросли рифов, ракушек, полипов, цвета яркие, красивые. На дне, у начинающих порослей морской капусты мелькают стаи мальков, со дна резко вздыбился песок, это камбала-хищница песочного цвета, охотиться на мальков, её то и ловит отец на крючок, надо помочь.

Скорпион разглядел блестящую леску, направил крючок с наживкой поближе к рыбке. А рядом с камбалой на камне грелись два вида звёзд, большие красно-розовые с пупырышками и мелкие синие с оранжевыми пятнами. И все хищники, кто кого первым съест. Бегают мелкие крабики, растёт холм, только это не холм, это заросший полипами ком земли на камне, а растёт он на куче мидий, морских ракушек. Скорпион подплыл поближе, упёрся лапами в дно камня, потянул. Ком хоть и в воде, но весит не мало, подняться ним на поверхность не такая простая задача. Пришлось поднапрячься. Получилось. Загреб к поверхности. Ком еле перевалился через борт лодки, штук двадцать мидий, не меньше, а уж всякой мелкой наживки для рыбалки не меряно.

Дмитрий тут же подхватил что-то мелкое, шевелящиеся, нацепил на крючок, забросил леску в воду, примотанную к пальцу. Смысла махать удочкой, из тесной лодки, нет, как и спиннингом. Леска да крючок, вот и все дела. За палец дёрнуло, потянуло. Отец довольно закричал, глаза блеснули, проснулся дух рыболова. Через борт перевалилась лепёшка камбалы, извиваясь, захлестала плавником по дну лодки, меняя цвет под цвет дна.

Скорпион улыбнулся Лерке, вновь отдышался и нырнул. На соседнем валуне грелась стая ежей. Пловец быстро насобирал горсть, побросал в лодку. Настало время морских "гребешков" и "огурцов".

Ловля гребешков без постороннего предмета проблематична. Скорпион взял из лодки небольшой металлический штырь сантиметров на двадцать, сетчатую сумку и поплыл от лодки поближе к песку. Там, где на фоне ровного песчаного дна возвышаются небольшие холмики. Там и сидит гребешок. Дышит из-под песка, образуя холмики. Штырём в холмик и гребешок в западне. А на глубине обитает морской огурец. Похож на огурец мало, зато пупырчатый. И реагирует на прикосновение, затвердевает. Набрав ещё с десятков, поплыл на поверхность.

Ресурсная охота под водой на сегодня окончена, осталось только проверить "мардуши" и сеть, но это уже с лодки.

Дмитрий с боярским видом осмотрел полную лодку богатства, довольно ухмыльнулся, Скорпион прицепился к борту, отдыхая. Хоть и тяжело грести на мелкой лодке с таким грузом, но что поделать? Отец заработал вёслами.

Лодку качало на волнах, от груза осела поглубже, волны, бывало, плескались и за борт, образуя на дне лужу, солнце немилосердно жгло Лере плечи. Скорпион намазал их слизью от огурца. Хоть и противно, но пока не закончиться рыбалка, плечи не сгорят.

Глубже, дальше от берега и скал, плавали две бутылки на расстоянии двадцати метров друг от друга. Это стояла сетка, пластиковые бутылки использовались как поплавки, а камни, привязанные за низ сетки — якоря. И волной не снесёт и рыба не утащит, да и видно.

Скорпион поднял край, Дмитрий подтащил за борт, облизнулся. Для мелкой любительской сеточки неплохой улов: три крупных "бычка" — рыба с большим ртом, пару камбал и с десятков больших зелёных крабов, коих так привыкли видеть только ярко-красного цвета. К рыбам уже пристали звёзды, крабики, мелкие падальщики. Если поставить сеть ночью и утром не проверить, то от улова останутся только кости, падаль объедает запутавшийся улов в один момент.

Остались только мардушки. Это плетёные ящички с металлическими вставками и парой резинок для ловли креветок. Внутри ящичка ложиться что-нибудь старое, тухлое. Креветки, как истинные падальщики, забиваются в ящички за прокормом, да там и остаются.

Три-пять мардуш и пол тазика крупных зелёных креветок обеспечено.

Порядком присевшая в воду, лодка, двинулась к берегу, уже почти не покачиваясь на волнах, волны врезались и рассыпались в стороны, как будто плыл катер.

Светило перевалило через зенит, лениво покатилося по дуге вниз, так скоро и утонет в море, расплавиться солнечной дорожкой на волнах. Жара спала, подул лёгкий свежий бриз, шум волн практически стих, барашки стали совсем мелкие, тихие. Затишье перед ночной бурей. Утром возродятся до метра у берега, далеко сравнивая прибрежный песок, станет плоским, как тарелка. По такому с утра бегать босиком приятно.

Скорпион смахнул со лба пот, довольно оглядел тазики с разделанными морепродуктами: мидии, гребешки, потрошенная рыба, все ждут своего часа быть поджаренными на сковородке. Мидии с гребешками сначала варились, пока не раскроются раковины, потом извлекалось всё мясо, розовые пятячки истекали соком, там полезностей столько, что любой гурман давиться слюной. Гребешки разделялись, доставались все внутренности, съедобна лишь кожа, жуётся как резина, но вкус особенный.

На костре в ведре варились креветки и крабы, краснели, набирая привычный глазу цвет, как привыкли доставать из холодильника. Рядом, на большом, пышущим жаром булыжнике, в ложках парилась икра морских ежей, мелкие жёлтые песчинки уже сейчас готовы к употреблению, но не все такие гурманы, как Скорпион, да и желудки у людей слабые пошли с неправильным питанием

Вода в ведре закипела, креветки, вперемешку с крабами всплыли.

— Всё готово, хватай, чисти, да ешь, но лучше подожди, пока остынут. Лера, поможешь икру на тарелки выложить? Я пока гребешки с мидиями дожарю.

Лера кивнула, принялась за работу.

Скорпион побросал на сковородку нежное истекающее соком мясо гребешков, чуть жестковатое желтоватое мясо мидий, покромсал морских огурцов, кинул немного лука, подлил масла, стал подкидывать на сковороде, как умелый повар.

На запах прибежало всё семейство. Живец протяжно облизнулся, заскрёб лапой песок. Отец придвинул поближе стульчик, делая вид, что гадает кроссворд, но глаза, то и дело бегали по орбите в сторону костра. Мать вытащила Ладушкин надувной бассейн из-под парашюта — в центре лагеря стоял столб, придерживая старый парашют, под ним сколочен стол, вроде кухни, стоят две палатки, одна родителей с Ладой, другая Скорпиона с Лерой. Мини-лагерь. Жаль только, машину сквозь лес протащить не удалось. Осталась в двух километрах, окопанной в лесу. Дмитрий сначала боялся за сохранность, но Скорпион успокоил. Маленький мистик, как назвала Елена, поставил на машину отворот действия, ни один человек с недобрыми мыслями не подойдёт. Тугой незримый барьер повернёт обратно. Жаль, что такие вещи работают только в малозаселённых местах, в городе толпа народу попросту пробивает этот мыльный пузырь.

Дмитрий не выдержал, на пару с Еленой притащили стол на свежий воздух — под парашютом днём слишком жарко — Елена разбавила стол уютом, разом появились столовые приборы, хлеб, мелкая закуска. Изголодались по мясу. Скорпион редко когда дома поощрял. А свежим морепродуктам дал зелёный свет. Только не ежедневно, а то организм начнёт зачистку организма произвольно, не в силах справиться с ордой белка и соли.

— Всё, дожарил. — Констатировал Скорпион. — Ещё рыба и всё.

Притушил костёр до углей, рыба, насаженная на ветки нависла над жаром, доверил Лере управляться с вертелом, притащил специи, посыпал, поперчил. Запах пошёл такой одуряющий, что валил с ног. Забрал у Леры ветки, сделал вид, что уже подаёт на стол, но вскинул палец — забыл про овощи — насадил дольки помидоров, лука, снова вернул на костёр, подождал, пока язычки пламени чуть поджарят овощи.

Дмитрий свалился со стула, взвыл.

— Пустой животик. — Констатировала Ладушка, трогая за лоб.

Скорпион, для ещё большей важности последил за процессом, словно шеф-повар почесал щёку и изрёк:

— Готово!

Такого хаотичного мелькания ложек эта бухта ещё не зрела. Большая сковорода, до краёв полная мидий, гребешков, огурцов... всё исчезало, как при пожаре. Рыбы нажарил на дивизию солдат, но исчезла ещё быстрее. Костей почти нет, можно почти целиком, совершенно незаметно исчезла ежовая икра. Когда удостоверились, что остались лишь крабы с креветками, немного успокоились... Всё-таки их чистить надо перед едой, быстро не съешь. Не киты всё-таки. Да и зубов не полторы тысячи, как у акул, а всего тридцать два. У Ладушки пока в четыре раза меньше, но в скорости не уступает.

Горка шелухи росла с каждой минуты. Нежное крабовое мясо таяло во рту, мясо креветок истекало соком, брызгало, как только вонзали зубы. Живец под столом довольствовался рыбой, на креветки смотрел подозрительно, принимался, хрустел больше рыбьими костями, Скорпион оставил ему недожаренную рыбу, как любит.

— Всё, больше не могу. — Лера первой попыталась встать из-за стола, но первые две попытки кончились возвратом в первоначальное положение. С третьей завалилась на спину, не делая никакой попытки встать.

— Подъём! — Скорпион умел себя останавливать, хоть и природа, свежий воздух, волчий аппетит, но переедать не стоит.

— Встану только недели через две. — Веки Леры прикрылись, так бы и уснула, не доползая до палатки.

— Лерка, ну вставай. Пошли до цивилизации прогуляемся. Интернету поглядим, авось шторм какой-нибудь идёт. — Скорпион сходил до лагеря, захватил пару тапочек, ключи от Джипа, мобильный.

Неспешно побрели по мелкому остывающему песочку в противоположную от моря сторону, в дебри порослей травы. Лера вяло перебирала ногами, поднимая лишь для того, чтобы не упасть, переела.

Темнеющий лес погружался в сумерки. Скорпион улыбнулся, давая Лере секунды времени, чтобы понять, на что он сейчас наступит. Но Лера глядела ословелым взглядом, под ноги не смотрела. Пришлось резко наклониться, рука молниеносно упала до земли, подхватила извивающееся тело. Глаза девочки расширились, закричала, поняла, что ещё один шаг и тапчек наступил бы на хвост мелкой, но жутко ядовитой гадюке... Нога в тапочке, но не в сапоге, укусят два зуба чуть выше лодыжки и поминай, как звали, до ближайшего медпункта десятки, сотни километров.

Скорпион приблизил гадюку к лицу — отвращение к змеям переборол, но неприятный холодок никуда уходить не собирался — прошептал:

— Я, по-моему, просил, чтобы в радиусе трёх километров ни-ни...

— Мал рангом... мал... — прошипела змея.

— Серёжа, ты чего? Уже и со змеями разговариваешь?

Скорпион понимал гадюку не из-за ступеней, а подарка Тосики. Одна из Пятнадцати открыла не только понимание разных речей людей, но и отчасти животных. Язык пресмыкающихся не был и отдалённо похож на человеческий, сам принцип разума был построен иначе, но кое-что удавалось понять.

— Нет, Лера, не понимаю. Точнее понимаю, но она меня нет. В основном рефлекс, но не разум. Эта тварь ползучая не животное. Те умнее.

— Выбрось эту гадость! Убери её, пожалуйста. Ну, убери, она может тебя укусить.

— Слушай, а про людей, которые утверждали, что гадюки на них с деревьев сыплются гроздьями, слышала? Завтра же в газете напишут!

Валерия улыбнулась:

— А где здесь люди? На много километров вокруг ни души.

Скорпион взял змею двумя руками, за хвост и голову, аккуратно положил в кусты, изрёк:

— Люди они такие странные существа, они везде. Но, как правило, не там, где надо.

Добрели до джипа, забрались в салон. Скорпион вставил ключ в замок зажигания, тут

же загорелись разноцветные огоньки. Лера надавила на бардачок, на свет лампочки извлёкся кожаный чехол, руки извлекли плоскую коробочку ноутбука. Скорпион подсоединил провод от компьютера к прикуривателю, Лера приблизил к ноутбуку сотовый, настроил поиск Интернета. Ноутбук согласно мигнул лампочкой, пискнул, устанавливая соединение. Всемирная паутина есть даже в дебрях лесов. Спутники не дремлют — не все шпионские. Связь стабильная.

Скорпион придвинул к себе ноутбук, вышел на спутник, нашёл Приморский край, поглядел погоду.

— Смотри, тайфун идёт. Через три дня зальёт всё напрочь, как всемирный потоп.

— Тайфун это вещь весёлая, стена дождя, ветром с домов крыши срывает, а сами они топнут, топнут. Я фотку видела, как свинья в скоростном темпе после такого дождя серфинг освоила. Выбралась из сарая и на столе два дня плавала, пока вода не спала, — улыбнулась Лера и печально добавила. — Значит, отдых подходит к завершению? Жаль, я хотела побыть с тобой ещё...

Скорпион повернулся, погладил по щеке, убрал прядь волос с глаз, медленно произнёс:

— Что мне тайфун, когда рядом ты?

— А, так не честно, не переиначивай. Ты должен был убедить меня уехать, а я бы посомневалась, посомневалась, а потом обязательно бы согласилась, — улыбалась Лера.

— Ничего не могу с собой поделать.

— Ладно, через пару дней едем домой. Пусть завидуют нашему загару. Но обещай мне одну вещь, спецназовец.

— Что? Дмитрий и тебе рассказал? Тоже мне хранитель секретов.

— Ничего он мне не говорил, я давно поняла, что тебя приняли в спецназ.

Скорпион смотрел в глаза, молчал.

— Я тебя не осуждаю, — наконец обронила Лера. — Так вот, обещаешь мне...

— Обещаю. Заранее обещаю.

— ... научить меня драться! — воинственно закончила Лерка.

— Ну, вот и накормил морепродуктами. — Притворно поник Скорпион.

— Ты обещал, заранее обещал! А морепродукты и сам ел. Может на тебя подействует мясо?

— Каким образом?

"Ты наконец-то меня поцелуешь", — подумала Лера: "Не зря в одной палатке спим". Но вслух сказала другое:

— Скажи лучше, как будешь учить драться?

— Лера, ну зачем это тебе?

— Я же буду рядом с тобой, мало ли...

— Ну что за судьба? Все, кто рядом со мной, обязательно учатся драться.

— Хе-хе, не отмазывайся, ты обещал.

— Ну что я за человек, если даю обещания, то обязательно их выполняю. Это для нашего времени опасно... Хотя и раньше было не проще. Ну ладно, ладно. Русич сказал — русич сделал.

Лерка рассмеялась:

— Ура, я буду драться. Кий-йя...

— Ладно, что-нибудь придумаем. Только запомни первый урок, не "кий-йя", а "ура" для дезорганизации противника и "хак", когда будешь бить.

— Что за хак?

— Старорусский глагол "рубить".

— Похакать врага?

— Именно.

Солнце догорело на небосклоне, растаяло в море, то ли рыба-кит проглотила, то ли водяные морские по частям на сувениры разобрали.

В лагерь возвращались, когда тени в лесу удлинились, захватили всё пространство, лес

ожил ночной магией, запели серенады сверчков. Повсюду в панике метались полчища фей, шныряли мини-эльфы, носатые гномы в кепках, домовые так и норовили прокатиться на ногах, цеплялись так, что не сразу и разберёшь, как снять.

Медленно, но верно продвигались к морю.

Кусты иссякли, глаза выловили округлую полосу света, огонёк. Дмитрий уже развёл костёр и сквозь окуляры глядел на звёзды. Очки поцарапались, замарались, каждые пятнадцать секунд снимал, протирал о старые шорты, снова напяливал.

Скорпион присел у костра:

— Бать, ну сколько раз тебе говорить, сделай ты уже себе лазерную коррекцию зрения, если сам восстановить ленишься. Пятнадцать минут без боли, месяц абсолютного отпуска и на свои очки будешь смотреть с отвращением.

— А в наши времена такого не было! Это же хирургическое вмешательство! — Оправдался Дмитрий, протяжно зевнул и скрылся в палатке.

Уж что-что, а биоритмы на берегу моря работают бесперебойно. Чуть стемнело, как инстинкт кладёт тебя под одеяло, шум прибоя лечит психику, рокот волн и лёгкий ветерок навевают самые сладкие сны.

— Скорп, а сейчас разве уже не их время? — спросила Лера.

Скорпион смотрел в костёр, где с огромной скоростью проносились картины битв, горели замки, мелькали лица, животные, текла жизнь, отражалась вся история человечества.

— Сами сгорели, потухли. Не живут, а скорее доживают. По инерции. Дети коммунизма в этом бардаке жить уже не могут.

Сергей завалился на спину, рассматривая молочные крапинки далёких звёзд. Хорошо виделась даже туманность млечного пути, словно действительно разлился большой стакан молока, засыхая каплями на бездонной выси.

— Жалко мне их. Они бредили космосом, но под носом был лишь колхоз, они мечтали о свободе, но получилась какая-то сплошная грязь, — Лера прилегла рядом.

— А космос вон, рукой подать. — Поднял руку Скорпион и повернулся к Лере.

Глаза девушки светились отблесками костра, нечесанные спутанные волосы были такими же, как у него, до родника не добрались. Скорпион неожиданно спросил:

— Будешь моей берегиней?

— Буду, — сразу ответила Лера. — А кто это? И как?

— Пока не знаю... Но думаю, мы что-нибудь придумаем. Правда, Лерка?

— Правда.

Щека коснулась щеки. Обоих прошиб электрический разряд. Глядя в небо, узрели падающую звезду.

Желания совпали.

Детская непорочная любовь вспыхнула ярче прежнего. Никакой тайфун не в силах потушить. На небе зажглась новая звезда.

Их звезда.

Пустыня Гоби **Настоящее. Много дней спустя**

Солнце в зените снимало кожу с почерневших плечей. Сгоревшая кожа слезала со спины струпьями. Одиноким пустынный путник, покачиваясь, брёл по барханам. Ноги обжигал раскалённый песок. Правая ступня была замотана в майку. В кусок материи, что когда-то был ей. Был он пропитан кровью и всякий раз, опираясь на больную ногу, странник кривил почерневшие, запёкшиеся коркой крови губы.

Растрёпанные лохмотья, расплзшиеся по швам ботинки с отвалившейся подошвой, иссушенное ветрами и солнцем почерневшее лицо, засаленные, выжженные волосы, потемневшие глаза безумца и бесконечно шлёпающие в едва различимом шёпоте губы. Даже самые близкие люди с трудом узнали бы в грязном оборванце, что одним своим видом

привлекал столько мух, сколько хватило бы на несколько выгребных ям, некогда пышущего здоровьем юношу с вечной улыбкой на лице. Сейчас это было жалкое, ничтожное существо, слепо перебирающее подгибающиеся ноги. Руки существа то и дело поднимались к небу, и шёпот становился громче. Сиплый голос можно было услышать:

— Ошибка. Ошибка. Одна ошибка. Золо — источник энергии, передатчик, создающий фон, заряжающий её на Стерателя. Убрать фон и она могла стать прежней. Не хватило минут, секунд. Месть, ярость. Меня обуяла ярость. Брат. Убила брата. Убить за брата. Убил. Но убил не совсем. Сердце можно было восстановить и завести. Они могли собрать её. Он мог воскресить её. Я всё испортил. Всё. Я думал, её никто не будет хоронить. Этот полёт. Дурак. Выкинул. Разбилась вдребезги. Он свою любовь по кусочкам от асфальта всю ночь. Что ощущал брат? Сколько мук я ему принёс? Я не знал, что он воплотиться как феникс. Никто не знал. Я убил, потому что хотел её смерти. Я сам умер, когда перестал ощущать его. Он просто ушёл за грань. Мне так показалось. Никто не может ощутить Собственное Я другого. Эта грань, за которую нельзя проникнуть.

Сглотнул, продолжая бормотать, перестав что-то видеть, замечать куда ступает:

— Это не дух, блуждающий по астралу после смерти, это не постепенно развоплощающаяся душа после смерти. Эта связь просто оборвалась. И тут фениксом из пепла. И перед глазами оплавленная секира. И в разбитом окне сотня метров от жизни до смерти. И безжалостная гравитация. Моя ошибка! Мои руки подтолкнули брэнное тело к окну, мои отпустили в эту пропасть. Моя ошибка. Почто же те руки не отсохнут? Я больше не человек, раз позволил зверю возобладать над собой. Леопард с радостью взял кровь врага. Вира не остановилась, пробивая кости и впиваясь в средоточие жизни. Ошибка. Моя ошибка.

Сёма свалился лицом в песок. Кожу обожгло. Перевернувшись на спину, всей спиной ощутил, как песчинки облепили мясо.

"Как мог я позволить себе обагрить руки кровью той, которую так долго искал Скорпион? Сколько лет знал её? Неужели года знакомства растаяли за время этой затянувшейся командировки с поисками? А Даня? Андрей? Неужели убил бы их с той же холодной решимостью, если были на месте захваченной Эмиссаром Валерии? Я опасен. Я не имел права на эту ошибку. Я как самурай, нарушивший кодекс бусидо. Только брат не взял моей жизни. Он вообще ничего не сказал. Я его понимаю. Что он мог сказать? Ничего. Убить за убийство? Нет, он никогда не поднял бы руку на брата. Он не убил бы Марию так глупо, вздумай она убить меня. Скорпион бы не ошибся. Он решил бы ту дилемму. И не позволил взять чувствам верх. Он бы не ошибся! Он не я. Это на моих руках кровь. И я не могу смотреть ему в глаза. Он ушёл в лес, а я не могу просто прийти и попросить извинить. Или вложить нож ему в ладонь и броситься на него. Потому что он отдёргнет руку. Он брат и всё делал для меня. Я тоже старался всё делать для него. Но сам же воткнул в его сердце нож и разделил нас огромным каньоном. Нет у Леры могилы. Сожжена и развеяна прахом. Тем, что так и не стал Скорпион. И память о ней осталось только во мне и брате. Так будет лучше всем. Знакомые, родня, для всех её никогда не существовало. Меченый умеет чистить память. И образ весёлой рыжей бестии стоит только перед ним и мной. Каждую ночь. Каждый день. Говорят, время лечит. Что ж, возможно скоро образ смажется и потускнеет. Года затрут память. И забудется первая встреча после одной из первых тренировок, забудутся многие дни прогулок, путешествий, забудется вылазка в Китай, гиперборейский камень времени. Почему за всю жизнь попался лишь один? Где найти второй? Чтобы не мелькал перед глазами прогулочный катер, поезд Москва-Хабаровск, средиземноморский круиз. Они были так счастливы. Стекло, где отражалось счастье. И я разбил его. Окаянной секирой, которой сам же дал имя. Почему Меченый не позволяет мне умереть? Да, я снова разорву сердце брата, но разве вернутся в прошлое русло отношения? А всё ошибка. Одна ошибка. Так ощущает себя раскаявшийся убийца, отбывая пожизненное. Мука, тянущаяся бесконечно не столько внешне, сколько в душе. Катарсис болью и жизнь прошлым. Тем моментом, который нельзя вернуть. А настоящее неумолимо. Так вот что ты хотел сказать мне, Лич. Ты, живущий прошлым в полусне. Ты, допустивший ошибку. Скоро. Скоро придёт

смерть и освобождение. По наставлению Меченого неделями я брошу по пустыне, купаясь в горе. Не столько за себя, сколько за брата. Пытаюсь понять его мысли и чувства. Понять, принять и заставить себя просить прощение за то, за что невозможно простить. Я жил и здесь лишь потому, что надеюсь на искупление, на очищение от скверны, как древний грек или римлянин. Но не знаю богов, у которых можно получить искупление, не ведаю их алтарей и понятия не имею, где искать те храмы, их обиталища. Пускай же кровь с моих рук уйдёт в песок. Солнце испепелит тело, кости засыплет песок. А на том свете мы встретимся вновь, палач и жертва и я получу искупление. Я дам ответ перед...перед".

Сёма приподнялся, полз по песку и бормоча:

— Не тебе мне, Скорпион, давать ответ, пусть меня судит Творец. А я... Сегодня я должен выжить. Выжить, чтобы обломать рога тому, кто это всё придумал, использовал меня, как пешку. И я не умру, пока не воткну новую секиру промеж рогов. Да, Велес, я выживу только для того, чтобы ты ответил за преданный арийский род и обман людей, доверяющих тебе и почитавших тебя. Я уничтожу тебя, покровитель Эмиссаров. Золото не обладал силой, способной вызвать Стерателя. Ты дал ему эту силу. Пусть Скорпион не убит, как сильно влияющий на баланс, но ты ловко вывел его из строя. Его, меня и многих других, кто за нас. За смерть Скорпиона мы бы мстили, а ты перехитрил нас.

Колени кровили. Полоса красного ширилась с каждым новым метром. Упорно полз, продолжая бормотать, словно это было важно. Важнее, чем уходящая в песок жизнь.

— Я должен объяснить это Скорпиону. Ты, Велес, явно не вмешиваясь в распри богов, собрал свой народ, свои армии и контроль над другими. Ты предал своих вольных, покорив чужих, покорных. И вот истощённые распрями и войнами боги ушли, а ты стал единоличным правителем. И убираешь любые попытки изменить ситуацию в мире. Я не знаю, сколько людей борются с тобой. Это наша слабость. Мы всегда полагаем, что одиноки в своих стремлениях. И ты щёлкаешь нас поодиночке, как орешки. Щёлкаешь своей системой. Системой порабощения душ. Ты дёргаешь ниточки веры, финансов и формируемых мнений и этот мир Чистилища никак не может стать другим. Ты замкнул причинно-следственные связи развивающегося мира и называемый тобой баланс работает лишь на тебя. Потому и Стиратель никогда не придёт за тобой, только за теми, кто поднимается против Эмиссаров. Тебе удобны инертные, эгоистичные отшельники и постоянные промахи Аватар. Но знаешь что, Велес? — Сёма последним усилием встал на ноги. — Слышишь?! Говорю тебе! Я буду той иголкой в твоей заднице, что сбросит тебя с тёплого трона! Если Творец когда-нибудь заглянет в этот забытый уголок вселенной, то пусть слышит мои слова — я обломаю тебе все рога, волохатый! За это положу свою жизнь!

Сёма опустил голову от неба и обомлел. Перед глазами с огромным рюкзаком за плечами стояла та, от присутствия которой так сладко защемило сердце. Но гвоздём ударило в голову, поднял руку:

— Маша, уходи...Прошу тебя, уходи... Я ещё не отчищен от скверны. Пойми, я...должен сам пройти... до конца... И освободиться... Это...надо...

Маша уронила в песок тяжёлый рюкзак. Уставшее, исхудавшее от долго перехода лицо с сияющими негибкой волей глазами озарилось улыбкой:

— Я и есть та черта, которую можешь считать финишной прямой. И если хочешь воплотить в жизнь слова, данные небу, обними меня и долго-долго не отпускай. А потом я ещё совсем не скоро отпущу тебя в новый путь. Вставай. Либо ты простишь себя сам, либо умрёшь не прощённым. Довольно лицемерия. Едва узнав о твоём местонахождении от человека в чёрном, я примчалась так быстро, как смогла. И скорее воткну нож в сердце, чем уеду отсюда без тебя. Так что смирись с этим и выбирай, либо ты умираешь в песках в поисках мифического прощения то ли Бога, то ли богов, которым по большому счёту до тебя дела нет, либо ты поднимаешься, и шаг за шагом приходишь в себя. Ты ответственен за свою жизнь. Только ты и никто другой. Вставай же, любимый. Я пришла за тобой.

По её щекам потекли блестящие на солнце слёзы. Она сбросила покров сильной, всемогущей девы и полностью раскрылась навстречу ему.

Сёма растаял в катарсисе и её бездонных любящих глазах. В тот момент он ясно понял, что не вправе умереть, потому что теперь он в ответственности не только за себя, но и за неё. И пески пустыни не смогут забрать их воду без боя.

В этот день пустыня впервые за долгие годы разразилась грозовыми раскатами, и небывалой силы ливень забарабанил по палящему песку, остужая пустынный нрав и тяжёлые мысли.

Иерархия Антисистемы				
Звание-положение:	Количество:	Отличительный знак:	Форма одежды:	Соответствует званию в армии России:
1)Удалец (единица) (варьируется)		Солнце	Комбез цвета хаки	Курсант
2)Дружинник (единица) (варьируется)		Солнце и луна	Комбез цвета хаки	Рядовой
3)Волк (мл.офицер) (варьируется)		Волк	Комбез серого цвета	Младший сержант
4)Волкодав (мл.офицер) (варьируется)		Медведь	Комбез серого цвета	Сержант
5)Волкодлак (мл. офицер) (варьируется)		Тигр	Комбез серого цвета	Старший сержант
6)Урядник (офицер) (варьируется)		Щит	Чёрный комбез	Младший лейтенант
7)Борец (офицер) (варьируется)		Щит с топором	Чёрный комбез	Лейтенант
8)Воевода (офицер) (варьируется)		Щит с мечом	Чёрный комбез	Старший лейтенант
9)Ветеран (ст. офицер) 1000		Орёл	Белая форма	Капитан
10)Мастер (ст. офицер) 500		Феникс	Белая форма	Майор
11)Старейшина (ст. офицер) 100		Берёза	Белая форма	Полковник
12)Витязь (генералитет) 25		Скорпион	Белая форма с разными скорпионами	Генерал
13)Князь (Верховный Совет) 12		Отсутствует	Повседневная	Маршал
14)Светлый князь (половина голосов в Совете) 1		Отсутствует	Повседневная	Фельдмаршал

Copyright by Mazur Stephan

Продолжение следует...